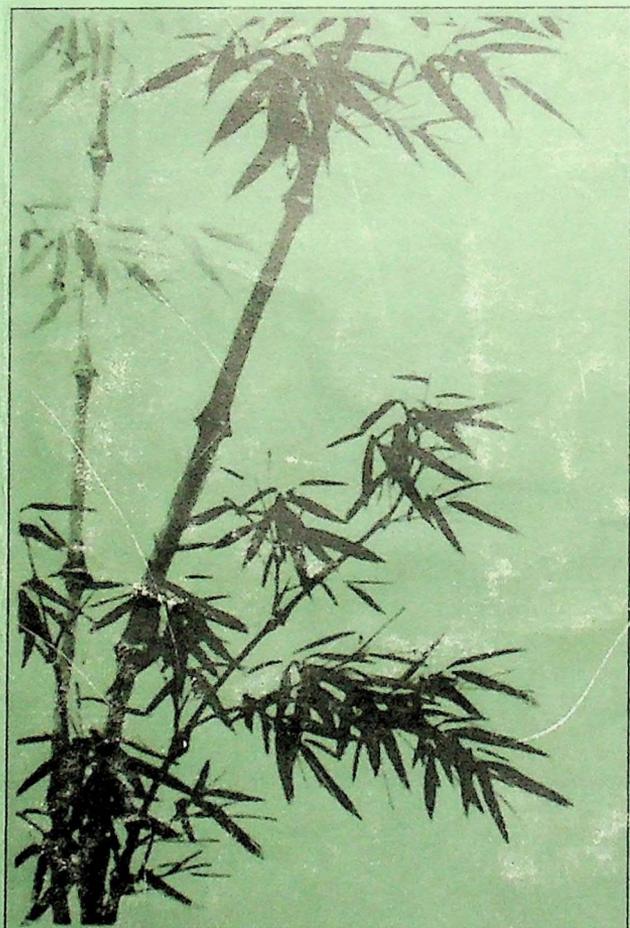

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2 / 2015

ISSN 0131-2812

Советское китаеведение в годы
Великой Отечественной войны

Экономическая дипломатия Китая

Реагирование власти в Китае
на нужды населения

Транспортные проекты
Экономического пояса
Шелкового пути

Молодежное российское
японоведение

1-й этаж

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/2015

Март — Апрель

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

Я.М. Бергер, д.и.н., (зам. главного редактора), А.В. Болятко, д.воен.н., проф., О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н., К.В. Внуков, к.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, С.А. Горбунова, д.и.н., А.С. Давыдов, к.и.н. (зам. главного редактора), А.И. Денисов, к.э.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, А.З. Жебин, к.полит.н., В.О. Кистанов, д.и.н., А.В. Ломанов, д.и.н., С.Г. Лузянин, д.и.н., проф., А.Е. Лукьянов, д.филос.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н., А.В. Макаров, д.ю.н., проф., Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик РАН, А.В. Островский, д.э.н., проф., Л.С. Переломов, д.и.н., В.Ф. Сорокин, д.филол.н., проф., М.Л. Титаренко, академик РАН, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь).

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований (Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция), У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин, КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов
зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлындов
зав. отделом Японии
Г.Д. Штефан мл. редактор

Содержание

Документы

Совместное коммюнике 13-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народной Республики	4
--	---

ПОЛИТИКА

<i>В. Шабалин.</i> Упущенный шанс	11
<i>Я. Лексютина.</i> Экономическая дипломатия Китая в XXI веке	24

ЭКОНОМИКА

<i>М. Романов.</i> Владивосток, Ляньюньган и евразийские трансконтинентальные экономические оси	38
<i>С. Сазонов, Е. Кудрявцев, У Цзы.</i> Транспортная составляющая проектов сопряжения Европейского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути»	47
<i>Т. Горчакова.</i> Инновационная деятельность КНР (по оценкам западных и китайских экспертов за 2014 г.)	59
<i>Д. Щербаков.</i> Энергетический сектор Китая: структура и проблематика	65

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

<i>Н. Прохорова.</i> О стратегии освоения китайских рек	77
---	----

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>А. Королев.</i> Реагирование политического режима КНР на базовые нужды населения	90
---	----

ИСТОРИЯ

<i>В. Дацзышен.</i> Великая Отечественная война и советское китаеведение	108
<i>О. Дьякова.</i> К истории формирования корпуса письменных источников о государстве Бохай	118

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

<i>А.А. Крушинский.</i> К проблеме древнекитайской логики: исторический перелом и ретроспектива	123
---	-----

РЕЛИГИЯ

<i>С.- Горбунова.</i> Настоящее и будущее религий Китая в научных трудах последних лет на английском языке	134
--	-----

КУЛЬТУРА

<i>Е. Иконникова. Советский Сахалин в русской литературе конца 1920-х – 1930-х годов</i>	144
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>И. Тимонина. Японоведение в России: исследования молодых ученых (обзор диссертаций за 20 лет)</i>	151
Содержание журнала «Форум Северо-Восточной Азии» (КНР) за второе полугодие 2014 г.	161

РЕЦЕНЗИИ

<i>А. Лукьянов, В. Майоров. Возрождение святыни. Успенский храм на территории российского посольства в Пекине</i>	164
<i>А. Панцов. Юркевич А.Г. Москва — Кантон, 1920-е: помощь СССР Гоминьдану и две стратегии объединения Китая</i>	171
<i>Я. Лексютина. Сложности внутреннего и внешнего развития Китая сквозь призму европейского восприятия</i>	173
<i>А. Волошина. Восточноазиатское стратегическое обозрение 2014</i>	176

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Юбилей Галины Вениаминовны Куликовой.....	180
Николаю Сергеевичу Тихонову 80 лет.....	182
Павлу Борисовичу Каменову – 80 лет.....	183
Contents.....	184
Summary.....	185

Документы

Совместное коммюнике 13-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народной Республики

04.02.2015

1. Министры иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народной Республики провели свою 13-ю встречу в Пекине, Китай, 2 февраля 2015 года.

2. Министры согласились в том, что России, Индии и Китаю (РИК) как странам, обладающим значительным влиянием на международном и региональном уровнях, и странам с формирующейся рыночной экономикой необходимо и впредь укреплять координацию в решении глобальных вопросов и практическое сотрудничество в духе открытости, солидарности, взаимопонимания и доверия. Они подчеркнули, что сотрудничество между их странами благоприятствует поддержанию международного и регионального мира и стабильности и содействует глобальному экономическому росту и процветанию.

3. Министры проанализировали прогресс, достигнутый в области практического сотрудничества со времени встречи, состоявшейся в Нью-Дели 10 ноября 2013 года. Они выразили общее мнение, что России, Индии и Китаю следует укреплять свое сотрудничество в научно-исследовательской работе, в сфере бизнеса, сельского хозяйства, смягчения и ликвидации последствий стихийных бедствий, медицинского обслуживания и здравоохранения. Министры изучили потенциал сотрудничества в области добычи и транспортировки нефти и природного газа, а также в других областях энергетики, высоких технологий, охраны окружающей среды и использования средств связи. Они договорились содействовать обменам между парламентариями, представителями средств массовой информации, а также культурным и молодежным обменам, включая поездки молодых дипломатов. Они выразили удовлетворение итогами 13-й трехсторонней научной конференции, прошедшей в Москве в июле 2014 года, и приветствовали проведение 14-й трехсторонней научной конференции, которая пройдет в Китае в мае 2015 года.

4. Министры отметили происходящие в мире значительные и стремительные изменения и подчеркнули, что международное сообщество должно сохранять свою приверженность демократизации международных отношений и многополярности. Они подчеркнули важность формирования нового типа международных отношений, опирающихся на взаимовыгодное сотрудничество. Россия, Индия и Китай преисполнены решимости строить более справедливый, честный и стабильный международный политический и экономический порядок в соответствии с целями и принципами Устава ООН, пятью принципами мирного сосуществования и другими базовыми нормами международного права. Министры подчеркнули необходимость уважения разнообразия цивилизаций и

независимого выбора пути развития и общественной системы народами всех стран, поддержки мирного урегулирования споров политическими и дипломатическими средствами. Они поддержали идею принятия Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств. Они выступили против смены режима насильственным путем извне в любой стране или навязывания санкций на основе внутренних законов.

5. Министры подчеркнули, что в 2015 году исполняется 70 лет со дня создания Организации Объединенных Наций и победы во Второй мировой войне и воздали должное всем тем, кто боролся с фашизмом и за свободу. Россия, Индия и Китай подтвердили необходимость торжественно отметить эти исторические события огромной важности в истории человечества и свою приверженность сохранению справедливого и равноправного международного порядка на основе целей и принципов Устава ООН, недопущению войн и конфликтов и содействию прогрессу и развитию человечества. Министры приветствовали включение в повестку дня шестьдесят девятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН пункта, озаглавленного "Семидесятая годовщина окончания Второй мировой войны", и призвали Организацию Объединенных Наций и государства-члены инициировать и организовать памятные мероприятия.

6. Министры подчеркнули свою глубокую приверженность Организации Объединенных Наций как универсальной многосторонней организации, призванной помогать мировому сообществу в поддержании международного мира и безопасности, содействии общему развитию и укреплении и защите прав человека. Организация Объединенных Наций является универсальной по своему членскому составу и играет центральную роль в глобальном управлении и обеспечении многосторонности. Министры напомнили об Итоговом документе Всемирного саммита 2005 года. Они вновь подтвердили необходимость всеобъемлющей реформы Организации Объединенных Наций, включая ее Совет Безопасности, с целью сделать его более представительным и действенным, чтобы он мог более эффективно реагировать на глобальные вызовы. Министры иностранных дел Китая и России вновь подтвердили значение, которое они придают статусу Индии в международных делах, и поддержали ее стремление играть более весомую роль в Организации Объединенных Наций.

7. Министры подчеркнули свою приверженность укреплению координации и сотрудничества в совместных усилиях по поддержанию прочного мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, приветствовали четвертый саммит Сопредседательства по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и принятую на саммите Шанхайскую декларацию. Министры обязались вести совместную работу по обеспечению общей, всеобъемлющей, основанной на сотрудничестве и устойчивой безопасности. Они призвали к разработке системы открытой, инклюзивной, неделимой и транспарентной безопасности и сотрудничества в регионе на основе общепризнанных принципов международного права. В этой связи они приветствовали продолжающееся в рамках Восточноазиатского саммита обсуждение вопросов формирования архитектуры региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

8. Министры подчеркнули необходимость дальнейшего укрепления координации и сотрудничества в рамках различных региональных форумов и организаций, таких как Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Сопредседательство министров обороны стран АСЕАН с диалоговыми партнерами ("СМОА плюс"), форум "Азия — Европа" (АСЕМ) и Диалог по сотрудничеству в Азии (ДСА), в целях содействия поддержанию регионального мира и стабильности и поощрения развития и процветания региона. В этой связи министры договорились учредить трехсторонний механизм консультаций Россия-Индия-Китай по делам Азиатско-Тихоокеанского региона, первое совещание в рамках которого состоится в ближайшее возможное время.

9. Россия, Индия и Китай придают особое значение своему сотрудничеству в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), рассматривая ее в качестве одного из ключевых инструментов продвижения многостороннего взаимодействия в регионе в вопросах политики, безопасности, экономики и в гуманитарной сфере. Китай и Индия поддерживают планы российского председательства в ШОС в 2014–2015 годах, будут оказывать содействие и всесторонне участвовать в подготовке саммита ШОС в Уфе в июле 2015 года. Китай и Россия приветствовали заявку Индии на полноправное членство в ШОС и поддержали ее намерение присоединиться к ШОС после завершения всех необходимых переговоров и правовых процедур.

10. Министры подтвердили, что терроризм во всех его формах и проявлениях, независимо от того, кем, где и в каких целях совершаются его акты, является угрозой международному миру и безопасности, вопиющим нарушением прав человека и преступлением против человечности. Министры подтвердили необходимость объединить усилия всех стран в борьбе с терроризмом под эгидой Организации Объединенных Наций в соответствии с Уставом ООН и принципами и нормами международного права и в целях решительного осуществления соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН и Глобальной контртеррористической стратегии ООН. Они призвали к скорейшему завершению переговоров по Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме. Министры вновь заявили о том, что акты международного терроризма не могут иметь никаких идеологических, религиозных, политических, расовых, этнических или любых иных оснований. Они подчеркнули необходимость предания суду лиц, исполняющих, организуемых, финансирующих и поощряющих теракты. Министры выразили серьезную тревогу в связи с новыми тенденциями в действиях международного терроризма и отметили необходимость активизации работы по сбору и распространению информации, предотвращению использования Интернета и других информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для вербовки и подстрекательства к совершению террористических актов, а также для финансирования, планирования и подготовки их деятельности, блокирования каналов террористических движений и финансирования терроризма, а также по противодействию радикализации при условии соблюдения норм международного права.

11. Министры выразили мнение, что международное сообщество через международные обмены и сотрудничество, основанные на уважении, равенстве и взаимной выгоде, должно предпринимать совместные усилия по противодействию угрозе использования информационно-коммуникационных технологий для военных, политических, преступных и террористических целей, создавая мирное, безопасное, открытое и основанное на сотрудничестве информационное пространство. Они подчеркнули, что необходимо уважать суверенитет государств в Интернете и осуществление государствами связанных с ИКТ видов деятельности. Министры высказались в поддержку разработки общепринятых международных правил ответственного поведения государств в информационном пространстве в рамках ООН и продвижения реформы международного механизма управления сетью Интернет, как предусмотрено в Тунисской повестке дня. В этой связи министры вновь заявили об общности позиций и подходов, изложенных в Форталезской декларации 6-го саммита БРИКС (15 июля 2014 года).

12. Министры подчеркнули, что предотвращение гонки вооружений в космосе служит интересам поддержания международного мира и безопасности, поощрения и расширения международного сотрудничества, а также исследования и использования космического пространства в мирных целях, отметив в качестве одного из основных элементов этой деятельности меры по предотвращению размещения какого бы то ни было оружия в космосе. Министры также отметили важность налаживания и развития более предметного диалога и более тесного сотрудничества между представителями России, Индии и Китая, с тем чтобы способствовать работе Научно-технического подкомитета Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях (COPUOS).

13. Министры поддержали политические преобразования в Афганистане, произошедшие по итогам президентских выборов, и передачу ответственности по обеспечению безопасности от Международных сил содействия безопасности (МССБ) к Афганским национальным силам безопасности (АНСБ). Передача ответственности по обеспечению безопасности должна сопровождаться адекватными мерами по наращиванию возможностей АНСБ, чтобы АНСБ могли обеспечить безопасность на всей территории страны и для всего населения Афганистана. Министры вновь заявили о своей поддержке широкого и инклюзивного процесса установления мира и примирения в Афганистане, осуществляемого под руководством афганцев и самими афганцами, а также выразили готовность оказать поддержку интеграции Афганистана в регион благодаря наличию у него расширенных торгово-транспортных сетей и региональной взаимосвязанности. Министры подчеркнули, что для международного сообщества важно оставаться вовлеченным в Афганистане и выполнять свои долгосрочные обязательства по оказанию содействия гражданскому населению и силам безопасности. Они поддержали ключевую координирующую роль Организации Объединенных Наций в содействии миру и стабильности в Афганистане. Министры высоко оценили положительные результаты Четвертой министерской конференции «Стамбульского процесса», состоявшейся в Пекине, которая способствовала укреплению регионального сотрудничества и содействовала мирному урегулированию, реабилитации и восстановлению экономики в Афганистане. Россия, Индия и Китай подчеркнули свою приверженность осуществлению Пекинской декларации в целях обеспечения безопасности и процветания в Афганистане и регионе в целом.

14. Министры вновь заявили о поддержке усилий по поиску всеобъемлющего и долгосрочного решения иранской ядерной проблемы политическими и дипломатическими средствами. Они приветствовали продление переговоров между "шестеркой" международных посредников и Ираном и выразили надежду, что обе стороны приложат больше дипломатических усилий для достижения всеобъемлющего соглашения в кратчайшие сроки. Министры призвали Иран и МАГАТЭ усилить сотрудничество с целью урегулирования всех нерешенных вопросов. Министры подчеркнули, что после того, как МАГАТЭ признает исключительно мирный характер иранской ядерной программы путем введения строгого контроля и решения всех прошлых и текущих спорных вопросов, Иран будет в полной мере обладать всеми правами на использование ядерной энергии в мирных целях, включая обогащение урана, при соблюдении строгих гарантий перед МАГАТЭ и выполнении своих международных обязательств.

15. Министры обсудили развитие палестино-израильского конфликта. Они подчеркнули, что дальнейшее ухудшение обстановки может негативно сказаться и на перспективах мирного процесса, и на ситуации на Ближнем Востоке в целом. Они настоятельно призвали Израиль и Палестину проявлять сдержанность и предпринимать эффективные меры во избежание дальнейшей эскалации напряженности. Министры поддержали урегулирование палестино-израильского конфликта на основании соответствующих резолюций Организации Объединенных Наций, принципа "земля в обмен на мир" и арабской мирной инициативы с целью создания суверенного, независимого, жизнеспособного и объединенного Государства Палестины со столицей в Восточном Иерусалиме, существующего в пределах защищенных и признанных границ, по соседству и в мире с Израилем. Они призвали международное сообщество, в частности, "квартет" международных посредников по Ближнему Востоку, продолжать предпринимать усилия по достижению данной цели. Министры выразили поддержку Совету Безопасности ООН, играющему должную роль в урегулировании палестино-израильского конфликта. Министры призвали международное сообщество непрерывно предоставлять помощь и поддержку с целью смягчения гуманитарной обстановки в Палестине.

16. Министры обсудили недавние события в Сирии. Они вновь заявили о том, что не существует военного решения кризиса в Сирии и настоятельно призвали все сто-

роны отказаться от насилия и возобновить мирные переговоры на основании Женевского коммюнике (июнь 2012 года). Министры призвали сирийское правительство и оппозиционные группы в ближайшее время возобновить женеvский процесс, придерживаться принципов политического урегулирования и использовать полезный опыт других, чтобы найти "золотую середину", которая будет соответствовать национальной специфике Сирии и будет отвечать интересам всех сторон, и в кратчайшие сроки начать процесс национального примирения. Министры поддержали посреднические усилия Генерального Секретаря ООН и его специального представителя, направленные на защиту "локальных зон замораживания конфликта" и на предоставление гуманитарной помощи мирным жителям. Они высоко оценили усилия России по проведению первой встречи в рамках межсирийских консультаций между представителями сирийского правительства и оппозиционных групп в январе 2015 года. Министры приветствовали важный процесс в ликвидации химического оружия Сирии и выразили благодарность Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) за усилия по ликвидации и уничтожению химического оружия Сирии. Они заявили о поддержке усилий сирийского правительства по борьбе с терроризмом. Они призвали все стороны в Сирии к выполнению соответствующих резолюций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций и полномасштабному сотрудничеству с Организацией Объединенных Наций и соответствующими международными организациями в их гуманитарных миссиях. Они призвали международное сообщество следовать руководящим принципам Организации Объединенных Наций, касающихся гуманитарной помощи.

17. Министры выразили чрезвычайную обеспокоенность в связи с волнениями в Ираке и их последствиями, уделив особое внимание уважению независимости, суверенитета и территориальной целостности Ирака, и отметили, что поддерживают усилия иракского правительства по поддержанию стабильности в стране и борьбе с терроризмом. Они выразили надежду на то, что все стороны в Ираке будут способствовать укреплению единства и примирению в целях скорейшего восстановления национальной стабильности и общественного порядка. Министры призвали все заинтересованные стороны воздержаться от вмешательства, которое может еще больше осложнить ситуацию. Они призвали все стороны поддержать правительство и народ Ирака в их усилиях по строительству стабильного, инклюзивного и единого государства с учетом интересов всех слоев иракского общества. Министры призвали международное сообщество продолжать оказывать помощь, в том числе гуманитарную, иракским беженцам и внутренне перемещенным лицам.

18. Министры выразили чрезвычайную обеспокоенность в связи с кризисом на Украине и призвали все стороны внутреннего украинского конфликта к сдержанности, полностью выполнению положений Минского протокола и участию во всеобъемлющем диалоге в целях мирного разрешения кризиса путем политических переговоров. Министры отметили необходимость проведения независимого, объективного, честного и транспарентного международного расследования крушения рейса MH17 авиакомпании Malaysia Airlines и сотрудничества заинтересованных сторон в соответствии с резолюцией 2166 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

19. Министры поддержали улучшение глобального экономического управления в целях обеспечения ощутимого и стабильного роста мировой экономики. Они призвали к немедленному реформированию глобальной финансовой системы в целях увеличения представленности формирующихся рынков и развивающихся стран в соответствии с реформой квот и системы управления МВФ 2010 года до конца текущего года. Они отметили необходимость увеличения помощи в целях развития, предоставляемой международными финансовыми институтами. Министры подтвердили свою готовность расширять сотрудничество в рамках "Группы двадцати" и призвали всех ее участников к координации макроэкономической политики, отказу от протекционизма, а также любых односторонних мер экономического давления, принятых без соответствующего решения Совета

Безопасности Организации Объединенных Наций, защите системы многосторонней торговли, центральной роль в которой отводится ВТО, созданию открытой мировой экономики и активному участию в глобальном экономическом управлении. Россия и Индия приветствовали усилия Китая по организации саммита "Группы двадцати" в 2016 году. Министры подтвердили готовность внести свой вклад в его успешное проведение.

20. Министры подтвердили центральную роль Всемирной торговой организации (ВТО) как основного международного форума по торговле, деятельность которого включает проведение переговоров, применение на практике правил торговли, урегулирование торговых споров и поддержку развития посредством интеграции развивающихся стран в глобальную торговую систему. В этой связи они вновь выразили готовность следовать Дохийской повестке дня в области развития и участвовать в основной деятельности ВТО. Министры поддержали проведение Десятой министерской конференции ВТО в Найроби, Кения, в декабре 2015 года. Они подчеркнули важность достижения ощутимого прогресса в ходе Конференции в целях успешного завершения Дохийского раунда переговоров.

21. Министры отметили, что новые страны с рыночной экономикой являются важной движущей силой роста мировой экономики и сыграли значительную роль в восстановлении мировой экономики. Министры в полной мере признали значение Саммита ООН для принятия Повестки дня в области развития на период после 2015 года, который пройдет в сентябре 2015 года. Они призвали международное сообщество к приложению больших усилий, направленных на достижение ЦРТ и к определению Повестки дня в области развития на период после 2015 года в соответствии с принципами равенства, демократии, прозрачности, целеустремленности государств-участников и консенсуса. Повестка дня в области развития на период после 2015 года, нацеленная на ликвидацию нищеты и продвижение совместного развития, должна придавать большое значение борьбе с неравенством и дисбалансом между севером и югом и способствовать созданию обновленного партнерства глобального развития, основанного на взаимовыгодном сотрудничестве. Министры обязались усилить координацию и сотрудничество в ходе межправительственного переговорного процесса.

22. Министры призвали международное сообщество к активному выполнению последующей процедуры Конференции ООН по устойчивому развитию 2012 года в соответствии с принципом "общей, но дифференцированной ответственности". Они приветствовали принятие Генеральной Ассамблеей ООН предложения Открытой рабочей группы по целям устойчивого развития как основание для включения ЦРТ в Повестку дня в области развития на период после 2015 года. Они придерживались мнения, что при продвижении устойчивого развития международное сообщество должно в полной мере соблюдать условия и пути развития разных стран и сосредоточиться на оказании помощи развивающимся странам в решении проблем финансирования, наращивания технологий и мощностей и достижения общего развития.

23. Министры вновь подчеркнули значение, придаваемое тремя странами вопросам изменения климата, и выразили готовность к совместной работе для дальнейшего укрепления международного сотрудничества в области борьбы с изменением климата и его негативными последствиями. Министры приветствовали принятие 20-й Конференцией Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК) "Лимский призыв к действиям в области климата". Они выразили уверенность в том, что на 21-й сессии РКИК, которая пройдет в 2015 году, будет возможность принять протокол, другой правовой инструмент или согласованный результат, имеющий юридическую силу, в рамках Конвенции, применимый ко всем сторонам в соответствии с принципами равенства, общей, но дифференцированной ответственности и соответствующими возможностями.

24. Министры отметили, что экономики БРИКС совместно укрепили свои позиции как основные источники поддержания мировой экономики, восстанавливающейся

после недавнего глобального экономического и финансового кризиса. Новые страны с рыночной экономикой и развивающиеся страны продолжают вносить значительный вклад в глобальный рост и будут это делать в ближайшие годы.

25. Министры приветствовали успешное завершение шестого саммита БРИКС и особенно подписание Соглашения о создании Нового банка развития (НБР) и Договора о создании Пула условных валютных резервов БРИКС. Они договорились об установлении более тесного экономического партнерства в соответствии с духом открытости БРИКС, инклюзивности и взаимовыгодного сотрудничества для упрощения создания связей между рынками, финансовой интеграции, взаимосвязей в области инфраструктуры, а также контактов между людьми, обменов между странами БРИКС в области культуры и образования. Министры приветствовали принятое на саммите в Форталезе решение о начале переговоров по "Проекту стратегии многостороннего экономического сотрудничества" и "Общим принципам углубления экономического партнерства стран БРИКС". Индия и Китай выразили полную поддержку России в проведении успешного седьмого саммита лидеров стран БРИКС в июле 2015 года.

26. Министры дали высокую оценку успешным итогам 22-й встречи лидеров экономик АТЭС, в том числе началу процесса создания зоны свободной торговли в АТР, содействию развитию в области инноваций, экономическим реформам и экономическому росту и укреплению взаимосвязей в АТР. Они высоко оценили роль Китая в успешном проведении встречи и отметили, что она имеет огромное значение в достижении долгосрочного развития и общего процветания в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Признавая важную роль Индии в стимулировании глобального экономического роста и поддерживая принцип открытости АТЭС, Китай и Россия были бы рады приветствовать ее участие в АТЭС.

27. Министры подчеркнули важность региональных взаимосвязанностей, которые дадут мощный толчок усилению взаимного доверия в политической сфере и экономическом сотрудничестве, а также продвижению культурных и международных обменов. В этой связи они обсудили различные инициативы, в том числе предложенные Китаем инициативы об "Экономическом поясе Шелкового пути" и "Морском Шелковом пути XXI века". Они приветствовали совместную деятельность по разработке различных инициатив для улучшения региональной взаимосвязанности в Азии. Они подчеркнули необходимость изучения всех вариантов взаимосвязанности для углубления экономической интеграции в общем для их стран регионе и сделали акцент на том, что три страны будут тесно сотрудничать и работать вместе для обеспечения эффективности различных инициатив и их пользы для всех стран и народов в регионе.

28. Министры выразили глубокую озабоченность распространением вируса Эбола в некоторых странах Африки и ущербом, который он нанес здоровью и безопасности местных жителей. Они приняли решение о продолжении совместной работы по содействию странам Африки в области сдерживания и предотвращения распространения Эболы. Они выразили поддержку ведущей и координирующей роли ООН и Всемирной организации здравоохранения в борьбе с этой болезнью. Министры призвали международное сообщество оказывать помощь странам Африки по укреплению их системы здравоохранения и потенциала в долгосрочной перспективе.

29. Министры иностранных дел Российской Федерации и Республики Индия выразили искреннюю признательность и благодарность Министру иностранных дел Китайской Народной Республики за проведение и прекрасную организацию их встречи в Пекине.

30. Министры приняли решение о проведении следующей трехсторонней встречи в России во второй половине 2015 года.

Политика

Упущенный шанс

© 2015

В. Шабалин

В статье рассказывается о некоторых малоизвестных ранее событиях, направленных на поиск урегулирования советско-китайских связей в сложных условиях обострения отношений между СССР и КНР. Работа выполнена на основе материалов личного архива автора.

Ключевые слова: советско-китайские отношения; поездка делегации советских ученых; международный отдел ЦК КПСС.

В 1978 г. меня назначили заведующим сектором Китая отдела ЦК КПСС. До этого я в течение ряда лет занимался проблемами экономических отношений социалистических государств с развивающимися, отошел от оперативных дел по Китаю, поэтому попросил направить меня в Пекин, чтобы своими глазами увидеть страну и почувствовать характер происходящих там событий. Это была первая поездка в КНР сотрудника отдела ЦК КПСС за время и после «культурной революции». Межпартийные контакты были прерваны, и я поехал как старший советник МИД СССР в качестве гостя посла.

В КНР к тому моменту завершилась целая историческая полоса. Главное — завершилась «культурная революция»...

Весной 1976 г. в окрестностях Пекина разразилось крупнейшее землетрясение. Погибли 650 тыс. человек. По китайским поверьям, такие землетрясения являются предвестниками смены династий.

В сентябре 1976 г. умер Мао Цзэдун. В пекинской верхушке резко обострилась борьба за власть. Через месяц после смерти Мао арестовали «банду четырех», в руках которой была сосредоточена вся полнота государственной и партийной власти: Ван Хунвэнь — заместитель председателя ЦК КПК, Чжан Чуньцяо — заместитель премьера Госсовета КНР, Цзян Цин — жена Мао и Яо Вэньюань — все четверо были членами политбюро ЦК КПК. Всех поместили в тюрьму, переложив на них переложили ответственность за наиболее однозлые эксцессы «культурной революции». На XI съезде КПК (1977 г.) было объявлено, что «культурная революция», продолжавшаяся 10 лет, закончилась разгромом «группы четырех».

Я оказался в необычной политической атмосфере, увидел взбудораженную страну, мятущийся народ, замешательство элиты, стремящейся найти свое место в идейно-политической неразберихе. Смутное время...

Смерть Мао, арест «банды четырех» углубили кризис прежней политики и идеологии Пекина, порождали разброд, «кризис веры». Китайские политики и печать бросались из крайности в крайность, но преобладал резко критический настрой. Встречи и беседы с китайскими представителями, материалы печати показывали, что широкое недовольство различных слоев населения своим положением выражалось чаще всего стихийно, сумбурно, использовалось различными политическими силами. В противоречивом потоке критики и отстаивания идей Мао Цзэдуна, отрицания и оправдания «культурной революции» отражались разнородные политические тенденции. Наиболее отчетливо проявлялось стремление переоценить, модернизировать идейно-политическое наследие Мао, отбросить его «левые» ошибки, осуществить перестройку общественной структуры страны, определить новый, более эффективный путь создания мощного Китая. Вместе с тем прилагались усилия сохранить базисные положения маоизма и, используя политическую силу государства, ускорить темпы строительства Великого Китая.

Что касается критики с позиций буржуазного демократизма, призывов следовать примеру Запада и смыкаться с ним, а также критики с позиций «реального социализма», призывов идти по советскому пути и дружить с СССР, то эти точки зрения оказались в тот период на периферии идейно-политической борьбы. Вопросы внешней политики как бы отошли на задний план.

Основное впечатление от поездки состояло в том, что китайское общество после смерти Мао оказалось в глубоком социальном, идейно-политическом кризисе, из которого неоднородное по составу руководство страны активно искало выход путем широкого маневрирования во всех сферах жизни. Сложность ситуации не могла быть определена однозначно, одним заклинанием или лозунгом. Китай — то толчками, то тормозя — пока еще двигался в основном по прежней орбите, но уже появились признаки, что КНР может сойти с нее, переместиться в другое пространство. Так я и докладывал руководству отдела ЦК КПСС.

В декабре 1978 г. состоялся 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва. Он обозначил начало крутого перелома в жизни страны. Пленум дал довольно реалистическую оценку положения в экономике, осудил левацкие ошибки. Совершив поклоны идеям Мао Цзэдуна, отодвинул на задний план установку на классовую борьбу и принял стратегическое решение о переносе центра тяжести всей работы на экономику, прежде всего на подъем сельского хозяйства; призвал провести «серьезную реформу» хозяйственного механизма. Руководство партии укрепились за счет сторонников Дэн Сяопина. Решения пленума носили характер общих политических установок, но они давали почувствовать, что обозначился переход к активному поиску новой стратегии и модели развития народного хозяйства. Они намечали контуры принципиально нового социально-экономического строя: восстановление многоукладности, активизацию мелкособственнической и частично-предпринимательской инициативы, сужение сферы государственной собственности и планирования, внедрение рыночных регуляторов, привлечение иностранного капитала. Возник образ другого, не советского социализма, «социализма с китайской спецификой». Точнее говоря, — это был еще смутный образ смешанной экономики, на базе которой неизбежно должны были формироваться и новые общественные структуры.

Постепенное укоренение новых принципов и методов развития экономики сопровождалось существенными изменениями в государственном строительстве и в социальной политике. В 1978 г. утверждается новая Конституция КНР, которая восстановила прежнюю систему государственной власти. Были упразднены классовые квалификации в отношении помещиков и кулаков, они стали равноправными членами кооперативов; осуществлена «реабилитация» национальных капиталистов, получивших статус трудящихся; проведена широкая амнистия бывших гоминьдановских чиновников, функционеров и военных. Были приняты законы, легализующие деятельность иностранного капитала, западным вкладчикам предоставлены налоговые льготы. Постепенно преодолевался кризис и

разброд в партии и государстве. Мое сообщение не произвело впечатления на партийное руководство: в нем не было однозначных оценок, однозначных осуждений Пекина.

Заметным шагом на новом пути явился 6-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (июнь 1981 г.), который сурово осудил «культурную революцию», подчеркнул, что она «подорвала устои социализма, но основы его не ликвидировала». Главная ответственность за «культурную революцию» была возложена на Мао Цзэдуна: он «совершил множество промахов» и «очень серьезных ошибок». При этом лидеры КПК прибегли к сложным маневрам. Оценивая Мао Цзэдуна, они прошли по острию ножа. Отвергая однозвучные и неприемлемые в новых условиях постулаты Мао, резко осуждая его ошибки, стремились при этом сохранить авторитет вождя и то из его наследия, что помогало строительству китайского социализма. Они критиковали пороки Мао Цзэдуна не для того, чтобы плясать на трупе, а для освобождения от скверны во имя, в конечном счете, более успешного строительства мощного Китая. Они считали необходимым обелить главное в идеях Мао Цзэдуна, квинтэссенцией которых является стремление к Великому Китаю, и сохранить Мао в качестве символа единства государства, нации, партии, учитывая, что он олицетворял героизм гражданской войны, победу народной власти, успехи индустриализации, отстаивал независимость Китая. Был сделан известный вывод: Мао — грешник, но он велик; закреплялась формула: 70% в его деятельности — позитив, 30% — негатив.

Москва, непосредственно по следам событий, оценила решения пленумов ЦК КПК, неоднозначные процессы, происходившие в КНР, упрощенно — как реанимацию маоизма. Однако *это была реанимация, сопровождавшаяся ампутацией и операциями по изъятию омертвевших и вживлению новых органов. Изучение и оценка тенденций развития ситуации внутри Китая, наряду с анализом сферы непосредственно советско-китайских отношений, приобретали решающее значение для выработки стратегии и тактики Москвы.*

В связи с этим в июне 1982 г. по решению политбюро ЦК КПСС я вновь посетил Китай в качестве гостя посла СССР. Советско-китайские отношения все еще не наладились, официальные приглашения стороны друг другу не направляли.

Страна предстала в движении. Почти на каждом шагу пробивались свежие ростки. Экономика восстанавливалась. Продукция промышленности и сельского хозяйства росла, хотя и несбалансированно, темпами выше 7% в год. По-новому зажила деревня, две трети крестьянских дворов вели, по сути, частное хозяйство, в том числе с привлечением наемного труда; более 1 млн тракторов перешли в собственность крестьян. Впервые за последние 25 лет деревня начала строиться. Мне с гордостью демонстрировали новые, хотя и убогие по европейским меркам, 2–3-этажные кирпичные крестьянские дома. «Кулаки? — Нет, зажиточные крестьяне, теперь каждый может стать богатым». На рынках суета, гомон. Люди ожили. В городах возобновили деятельность мелкие частные магазины, закусочные, мастерские. Оборот частной торговли увеличился на 80%, государственной — на 4%. Как из-под земли выросли пока еще редкие высотные гостиницы, они забиты зарубежными китайцами, а также японцами, американцами. В Пекине на месте снесенных мощных древних городских стен проложены современные магистрали. Исчезли политические лозунги, не видно цитат из работ Мао Цзэдуна. У свежезакрашенных «стен демократии», когда-то густо залепленных дацзыбао, толпятся стайки молодых безработных.

Китайская пропаганда (газеты, журналы, телевидение), путаясь порою в сложных перипетиях идеологических противоречий и клановой борьбы в руководстве КНР, тем не менее довольно последовательно озвучивала три темы: «усовершенствование идей Мао Цзэдуна», обоснование внешнеполитического поворота на Запад и антисоветизм. В огромном музее революции главный экспонат — два захваченных советских танка (один — у Даманского, другой — во Вьетнаме). В этой последней теме стало меньше политических заклинаний, появились крупными объективной информации. Обратило вни-

мание обилие новой литературы по вопросам экономики, число газет и журналов в стране после «культурной революции» выросло к этому времени в 3–4 раза. Прежде всего это были работы по изучению зарубежного опыта управления экономикой, в том числе развитых стран (США, Япония), некоторых европейских государств (Югославия, Венгрия) и Советского Союза; китайские авторы призывали «прорвать советский шаблон», учесть концепции проповедников «рыночного социализма» (В. Брус, О. Шик, Э. Кардель), видных ученых Запада. Преобладали работы китайских ученых и политиков, нацеленные на критический анализ развития народного хозяйства КНР и всестороннее обоснование идеи о превалирующем значении *специфики страны и множественности моделей хозяйствования*. Эти проблемы стояли в центре дискуссий. В Китае шел явный поиск «своей» модели экономики. Широта научного обсуждения заметно превосходила «творчество» советских ученых по вопросам преобразований в Китае, да и по вопросам возможных реформ в нашей стране.

Я обратился в китайский «Интурист» с просьбой организовать встречу с китайскими друзьями, с которыми в 1957–1959 гг. учился в Пекине. Уверенности, что это возможно, не было, но через два дня такая встреча состоялась в Народном университете. Все собеседники прошли через мясорубку «культурной революции» и были полностью реабилитированы. Как будто и не пролетели 20 лет, доброжелательно вспоминали прошлое.

Лю Юцинь — преподаватель университета, с которым я в свое время объездил половину Китая, стал заместителем заведующего кафедрой. Он уже не занимался экономикой СССР, а занимался США. «Советский Союз потерял китайский рынок и не сможет конкурировать с Западом. Китай, — подчеркнул Лю, — никогда не пойдет на союз с Вашингтоном, нам нужны технология, капиталы, рынок сбыта. Москва же экспортирует только слова. После того, как Хрущев отозвал советских специалистов, Советскому Союзу трудно верить. В России есть понятие «тройка лошадей». У нас коренная лошадь — государственная экономика. К ней мы пристегиваем двух коней. Слева — частная инициатива и национальные капиталисты, справа — иностранный капитал. Наша «тройка» ускоряет движение к социализму с китайской спецификой».

Су Хун, которая училась в МГУ, а затем мы стажировались в Народном университете Китая (она была близка к семье Лю Шаоци, говорили, что она его приемная дочь), превратилась в главного редактора ведущего театрального журнала, сетовала на то, что Москва не разобралась с «культурной революцией», не сумела по-умному поддержать Лю Шаоци и Дэн Сяопина. «Китайцы совсем не понимают, почему новую жизнь называют «маоизмом». Советская пропаганда перестает восприниматься».

Мне передали список готовящихся к публикации книг русских и советских авторов — около 20 названий, сообщили, что в Китае создано более двух десятков научно-исследовательских центров по Советскому Союзу.

В Пекине состоялись беседы с послами социалистических стран. Послы говорили, что в Китае происходит демаоизация, страна движется в поисках своего пути, пора «вылезать из окопов и заполнять вакуум». Неоднозначные мнения существовали и в нашем посольстве. Сотрудники шутили: при решении сложных проблем «у посла все чаще усы принимают форму вопросительного знака».

Вернувшись в Москву, я докладывал о впечатлениях комиссии политбюро ЦК КПСС по китайскому вопросу. Такие комиссии создавались по важнейшим проблемам жизни государства и обычно состояли из членов политбюро и секретарей ЦК КПСС. К сожалению, об их работе мало что известно.

На этот раз в совещании принимали участие члены политбюро Ю.В. Андропов (секретарь ЦК КПСС), А.А. Громыко (министр иностранных дел), Д.Ф. Устинов (министр обороны), А.П. Кириленко (секретарь ЦК КПСС); секретари ЦК КПСС М.В. Зимин и К.В. Русаков, председатель КГБ СССР В.В. Федорчук, а также директор Института

Дальнего Востока АН СССР М.И. Сладковский, заведующий Дальневосточным отделом МИД СССР М.С. Капица.

Перед «портретами» я выступал впервые (передо мной сидели люди, портреты которых носили на демонстрациях). В основном линия доклада была ясна. На XXIII съезде КПСС (1981 г.) Л.И. Брежнев сказал: «Во внутренней политике Китая происходят сейчас изменения. Истинный смысл их еще покажет время». Изменения происходят, с этим вряд ли будут спорить. Каков их характер? Куда они ведут? Здесь мнения расходились. Немало дискуссий было и внутри отдела ЦК КПСС. Я построил выступление по принципу — живая картинка и несколько слов оценки.

...В течение 25 лет в КНР была запрещена свободная торговля зерновыми. А ныне сидит на рынке прокаленный солнцем крестьянин, продает мешок зерна. Во все сферы экономики внедряются рыночные элементы... Зашел в дом бывшей помещицы, она получила гражданские права, арендует гектар фруктового сада, социальная обстановка меняется... Раньше на каждом велосипеде висела красная планка с цитатой из работ Мао Цзэдуна, теперь на огромных бетонных стендах реклама западной техники... В Китае издано полное собрание сочинений В. И. Ленина. Сказал о росте экономики, о «трех конях», оживлении культурной жизни, о настроениях послов социалистических стран, о беседах с китайцами, о танках в музее.

Напрашивались выводы: Пекин начинает строить свой Китай — не советский, не американский, не маоистский. Главное — экономика. Все это оправдано. Внутренние изменения не ведут к обострению советско-китайских отношений, напротив, могут вызвать позитивную корректировку внешней политики. Появились крупицы позитива. Все новое следует учитывать...

Мое сообщение продолжалось более 20 минут. Для совещания такого уровня — очень большой срок. Однажды я докладывал на секретариате ЦК КПСС об итогах поездки во Вьетнам. Начинаясь «перестройка», в многотысячных наших рабочих коллективах в СРВ обстановка была сложная. Вел секретариат Е.К. Лигачев. «Справка хорошая, предложения ясные. Вам хватит 2–3 минут?». Я успел сказать несколько фраз.

До моей поездки в Пекине также в качестве гостя советского посла побывал заведующий Дальневосточным отделом МИД М.С. Капица. Он отметил: «Подул ободряющий зефир». Наши впечатления в основном совпадали.

Читаю его воспоминания как раз о периоде 1982 г., опубликованные после того, как не стало ни ЦК, ни КПСС. Капица пишет, что все были согласны с ним, только «крупный работник отдела ЦК КПСС» высказался против. По его словам, МИД выступал за нормализацию отношений с КНР, а отдел ЦК — против. Однако на комиссии, о которой рассказываю, сложилась иная картина. Работник отдела ЦК КПСС, не такой уж крупный, стремился показать новые тенденции в Китае, возможности позитивных изменений в политике КНР, а «главный мидовец» выступил с резкой критикой Пекина. Громыко взял слово сразу после моего выступления. «Видимо, внутри Китая происходят разные изменения. Во внешней политике изменений нет, она остается враждебной, анти-советской. Пока рассчитывать не на что». (Цитирую по своей записи, сделанной сразу же после заседания). Далее Андрей Андреевич своим глуховато-громким голосом спокойно и деловито прочитал круглыми четкими фразами грамотную, небольшую лекцию, предостерегал от иллюзий и спешки, призывал к стойкости в борьбе против китайских предварительных требований «устранить пять препятствий». Прошелестел не освежающий зефир, промчался грозовой ветер. Что же теперь, когда А.А. Громыко уже нет, упрекать министра в том, что он не уловил изменений в общественной жизни Китая? Что аппарат МИД не довел до него знания о реальном положении дел в КНР? Вовсе нет. Дело в сложности ситуации и в ответственности министра, опасавшегося, что в спешке можно нанести ущерб интересам СССР.

Мне неизвестно, какое конкретно решение приняла комиссия. Можно только предположить, что оно стало одной из мер в направлении смягчения противоречий между СССР и КНР, так как вскоре последовал ряд соответствующих заявлений высшего руководства нашей страны. В речи в Баку в августе и в выступлении в Кремле в октябре Брежнев подчеркнул наше «искреннее желание нормализации отношений с Китаем». Андропов в ноябре на пленуме ЦК КПСС высказался в том же духе.

Крупные перемены, порою кардинальные изменения во внутренней жизни Китая, действительно не привели к адекватному изменению внешнеполитического курса КНР. После смерти Мао Цзэдуна Москва выступила с рядом инициатив, направленных на нормализацию отношений с Пекином, предложила провести переговоры на высоком уровне; советская печать кратковременно прекратила публикацию критических материалов по Китаю. Все эти предложения Пекин отверг, телеграмму соболезнования по случаю смерти Мао даже не принял. Дэн Сяопин назвал Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР от 1950 г. «клочком бумаги», предлагал США заключить «союз против белого медведя».

Антисоветизм являлся разменной монетой в переориентации внешнеполитического курса КНР на Запад, в формировании возможной базы китайско-американского сотрудничества. После установления дипломатических отношений между КНР и США Дэн Сяопин отправился в Америку, призвал «остановить, подорвать, парализовать» деятельность Советского Союза на международной арене, а затем объявил нашу страну — по американской формуле — «средоточием зла». Вслед за этим подписывается ряд соглашений, в том числе в сфере военных контактов. Китай начал войну с Вьетнамом. СССР и КНР оказались по разные стороны баррикад.

На переговорах КНР и СССР на уровне заместителей министров иностранных дел наша делегация передала китайцам проект Декларации о принципах взаимоотношений между двумя странами. По существу, это было заявление о доброй воле Москвы к нормализации межгосударственных отношений. Делегация Китая ультимативно потребовала выполнить предварительные условия: 1) в одностороннем порядке сократить вооруженные силы вдоль границы; 2) вывести войска из Монголии; 3) прекратить поддержку Вьетнама; 4) принять китайскую концепцию «спорных районов» вдоль границы, то есть признать законными территориальные притязания к Советскому Союзу. Кроме политической перебранки, переговоры почти ничего не дали, а в связи с введением войск Советского Союза в Афганистан появилось новое пятое условие — об их выводе.

И все же в 1982 г. стали появляться проблески нормализации двусторонних связей. Курс Пекина на обострение отношений с Советским Союзом, борьбу с «социал-империализмом» приходил в противоречие с новыми стратегическими установками китайского руководства. Задачи модернизации и реформ, подъема экономики, открытость внешнему миру требовали мирной внешнеполитической обстановки. Конфронтация с СССР, нагнетание международной напряженности грозили военными конфликтами, втягивали Китай в гонку вооружений. Очень важно, что потерпела крах идея создать с США фронт противостояния Советскому Союзу. Вашингтон и Пекин, подталкивая в то время друг друга к борьбе с Москвой, убедились, что база их сотрудничества узкая, они остаются соперниками. Возрождение буржуазии, развитие капиталистических тенденций, превращение классовой партии в партию народа, в чем Пекин ранее обвинял СССР и КПСС, стали реалиями общественной жизни КНР. Враждебность к Советскому Союзу как плата за развитие политических отношений с Западом теряла свою ценность, так как на первый план выходили проблемы налаживания экономических связей.

Новые подходы Пекина нашли отражение на XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.). Съезд победно затвердил курс Дэн Сяопина — собственный путь, строительство «социализма с китайской спецификой», модернизация, превращение Китая в мощную державу с использованием любых методов во имя этой цели и при условии укрепления власти

КПК, обеспечения стабильности в стране. Съезд определил обновленные принципы внешнеполитического курса КНР: независимость, самостоятельность, сохранение мира, полное подчинение задачам модернизации и развитию экономики. Советский Союз осуждался за «гегемонистскую политику», но яркий «социал-империализм» исчез из принятого на съезде нового Устава КПК и из новой Конституции КНР 1982 г. На съезде глухо прозвучали заявления о готовности китайского руководства к нормализации отношений с СССР. Через две недели после XII съезда Брежнев заявил, что нормализация отношений между СССР и КНР будет «хорошим вкладом в укрепление мира и стабильности».

В ноябре 1982 г. начались политические консультации специальных представителей правительств на уровне заместителей министров иностранных дел. Они продолжались много лет, не давали серьезных результатов, но это топтание на месте стало полезным каналом обмена мнениями. С 1983 г. возобновились ежегодные консультации заместителей министров иностранных дел по международным вопросам, в 1984 г. в Нью-Йорке, в ходе сессий Генеральной ассамблеи ООН, впервые за многие годы состоялась встреча министров иностранных дел двух стран; стороны обменялись визитами заместителей глав правительств. В 1982 г. начался рост взаимной торговли. И к 1985 г. товарооборот увеличился более, чем в 9 раз. Межгосударственные контакты на различных уровнях несколько оживились, пока нередко формально и с малой результативностью — полезные консультации, переговоры, но общий фон враждебности сохранялся. Более регулярной стала деятельность в рутинной сфере межгосударственных связей: обмен нотами по текущим международным вопросам, служебные консультации ведомств, обмен рабочими группами технических специалистов и т.д.

Стали посещать Китай и делегации представителей общественности. Одной из первых была делегация советских писателей: С. Михалков, Е. Евтушенко, Ю. Семенов и специалист в области китайской литературы Л. Эйдлин. Мне поручили рассказать писателям о положении в КНР. Корифеи равнодушно слушали. Какие вопросы? Никаких вопросов о китайских интеллектуалах, литературе. С. Михалков хотел бы издать в КНР том своих произведений и спросил, сколько ему заплатят. «Я самый читаемый поэт в мире, — скромно заметил Е. Евтушенко. — Для Китая будет престижно, если я о нем напишу. Прошу во время поездки устроить мои публичные выступления на стадионах с показом по телевидению, перевести на китайский мой роман и сборник стихов. Сколько они заплатят? Прошу также обеспечить мою встречу с Дэн Сяопином». Застенчивый Эйдлин краснел, Ю. Семенов усмехался. Я сказал, что КНР еще не подписала соответствующих международных соглашений и ничего за переводы не платит.

Между тем на пути нормализации советско-китайских отношений Москва обнаружила новое стратегическое препятствие — «Китай повернул вправо». Процессы в КНР были квалифицированы как буржуазное перерождение, опасное и враждебное социализму, интересам нормализации отношений двух стран. Возникла дилемма: признать китайские реформы здоровыми, более того, учесть их опыт или толкать отношения между нашими государствами снова в тупик?

Уже после нормализации отношений между СССР и КНР «задним числом» было изобретено еще одно препятствие, якобы стоявшее на пути нормализации связей двух стран, — отдел ЦК КПСС. В потугах выставить себя единственными радателями за нормализацию, писали об этом, как правило, отставники. Естественно, писали уже после того, как не стало ни Советского Союза, ни КПСС: «Высший ареопаг думал как я, а отдел ЦК — иначе», «Советское руководство проявляло политическую мудрость, а отдел ЦК мешал ее реализовать» — подобные коридорные байки не могут не вызвать улыбку.

Хорошо известно, что проекты всех важнейших заявлений руководства Советского Союза прорабатывались совместно аппаратами ЦК КПСС, МИД СССР, КГБ СССР, Министерства обороны и других ведомств и утверждались политбюро ЦК КПСС. Практическая сторона реализации установок ЦК КПСС чаще всего возлагалась, естест-

венно, на МИД СССР — партийные контакты отсутствовали. Вспоминаю совместные с сотрудниками МИД обсуждения проектов директив нашим делегациям, в том числе у первого заместителя министра иностранных дел В.В. Кузнецова, одного из авторитетных дипломатов СССР. Он внимательно относился к замечаниям участников совещаний.

Следует иметь в виду и то, что неоднократные официальные заявления советского правительства, лидеров КПСС о стремлении Москвы к нормализации отношений с Пекином готовились, за очень редким исключением, с участием отдела, часто по инициативе отдела. Отдел ЦК не мог вести какую-то отличную от линии политбюро ЦК КПСС политику, особенно в тех условиях.

Ныне нередко осуждается «догмат и синдром партийности внешней политики». Рухнувшего гиганта может пинать любой пигмей, тем более, что у гиганта были и ошибки, и пороки. В то время не могло быть иной, «непартийной» политики, ибо это и была государственная политика. Могло ли быть иначе в условиях авторитарной системы, где Конституция закрепляла руководящую и направляющую роль КПСС в советском государстве? Понятно, что «партийность» приносила элементы идеологической окраски во внешнюю политику. Но понятно ли, что идеологические формулы лишь прикрывали государственные интересы Советского Союза, что «партийность» означала обеспечение единой государственной внешней политики, чтобы не было какой-то отраслевой, «мидовской» политики, или внешней политики Министерства обороны, или КГБ, чтобы ледь, рак и шука везли телегу в одном направлении?

И все же, должен отметить, что отдел ЦК КПСС в целом придерживался более осторожной, если можно так сказать, консервативной, «охранительной» позиции по вопросу нормализации отношений с Китаем. Вероятно, сказывалась инерция идеологического противостояния. Однако после инцидентов у Даманского и смерти Мао Цзэдуна оно отошло далеко на задний план. Существовали более основательные причины.

Прежде всего, не было достаточной ясности, до какой степени дойдет сближение КНР и США (в 1982 г. товарооборот КНР с США в 17 раз превышал торговлю с СССР), особенно в военно-политической сфере. Заявления китайского руководства, конечно, учитывались: в течение одного года китайские руководители — члены политбюро и секретариата ЦК КПК, заместители премьера — более 100 раз выступили с антисоветскими материалами, а «Жэньминь жибао» опубликовала 2,5 тыс. таких статей. Учитывались и китайские оценки отношений между СССР и КНР, но основную озабоченность и главную трудность вызывали предварительные условия Пекина для нормализации отношений — то пять, то три, в зависимости от тактики.

Собственно говоря, эти требования и условия и определяли круг реального маневрирования в советско-китайских отношениях. Очевидно, что без пересмотра нашей политики, без крупных уступок Пекину добиться серьезных реальных сдвигов в советско-китайских отношениях было трудно. «Если Советский Союз не сделает ни одного шага вперед по преодолению препятствий, — заявил Дэн Сяопин в 1984 г., — то решительная перемена в отношениях между двумя странами будет невозможной».

Решительная перемена была невозможна и без существенных изменений в китайской политике. Надо было добиваться взаимных уступок, требовалось время, вряд ли могла помочь «шоковая терапия». Поэтому стала применяться тактика «малых шагов»: предложения о развитии торговли, зондирующие выступления в печати, возобновление переговоров по границе и иных консультаций, контакты в области спорта, культуры, другие дозированные мероприятия.

Еще одним фактором, который «давил» на отделы ЦК КПСС, были процессы в международном коммунистическом движении и социалистическом лагере. Идеологическое и политическое брожение, поиски «своих моделей», трещины в отношениях с КПСС требовали — и это было мнение политбюро — осторожных мер и в отношениях с КНР.

Наконец — и это, на мой взгляд, весьма существенно — советское руководство оказалось не готовым ни осуществлять «свои» реформы, ни принять китайские. Ни отдел ЦК, ни МИД, ни КГБ не смогли, видимо, показать руководителям государства обоснованность выбора Китаем своего особенного пути, своей модели социализма. Информация, поступающая в ЦК КПСС, свидетельствовала о явном отходе Пекина от социализма советского образца и рождала опасения, что влияние китайских реформ может подорвать основы «развитого социализма» в СССР, вызвать потрясения в стране. На защиту этой консервативной позиции и был выдвинут отдел ЦК КПСС. Отдел ударил в колокола: «Против правого уклона в КНР!», мобилизовал на борьбу ученых и СМИ. Особенно это проявилось на второй Всесоюзной конференции китаеведов (январь 1982 г.) и на учредительной конференции Всесоюзной ассоциации китаеведов (июнь 1983 г.).

Многие официальные представители и политические деятели социалистических стран, международного коммунистического движения одобрительно относились к переменам в КНР, Запад аплодировал. Стали задумываться и в Москве. Чтобы совершить поворот, необходимо было капитально подготовить обоснования и найти повод.

Повод нашелся.

В октябре 1984 г. пленум ЦК КПСР рассмотрел и принял постановление «О реформе хозяйственной системы». Формально речь шла о переходе к активному преобразованию экономики городов, промышленности, по существу же — о новом этапе реформ. Постановление закрепляло долговременную стратегию социально-экономического развития КНР, переход к собственной модели строительства «социализма с китайской спецификой» на основе обеспечения стабильности, с помощью рычагов реформы и открытости внешнему миру.

В целях всесторонней оценки решений пленума отдел ЦК КПСС поручил всем основным научно-исследовательским институтам страны проанализировать ситуацию в Китае, сделать предложения о нашей реакции, возможных шагах Советского Союза, в том числе в сфере советско-китайских отношений. Были привлечены НИИ Академии наук: Экономики, Экономики мировой социалистической системы, Мировой экономики и международных отношений, Дальнего Востока, Международного рабочего движения, Философии, Научной информации по общественным наукам, а также Институт марксизма-ленинизма, Академия общественных наук при ЦК КПСС и др. Отдел получил два десятка докладов.

Мне приходилось часто общаться с учеными, я в то время был членом Ученого совета ИДВ, редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока» и ежегодника «Китайская Народная Республика», входил в Бюро научного совета АН СССР, участвовал в работе конференций Европейской ассоциации китаеведов в Италии, Швейцарии, Англии, Германии и т.п. В беседах ученые нередко высказывали заслуживающие внимания точки зрения, позитивно оценивали китайские реформы. Надо было использовать этот потенциал. Но в «официальных» докладах ничего оригинального не было. Пришлось убедить еще раз, насколько велика была объяснимая для тех времен боязнь отклониться от «партийной линии», сила самоцензуры и политического консерватизма: ни один институт не вышел за рамки установок и курса ЦК КПСС, не выступил с радикальными оценками и предложениями.

Ученые писали о том, что реформы КНР не согласуются с общими закономерностями социалистического строительства, противостоят опыту СССР, льют воду на мельницу правобуржуазного ревизионизма. Но все же глухо говорили, что положение в Китае противоречиво, необходимо изучать ситуацию, самые смелые отмечали, что вряд ли целесообразно давать процессам окончательные оценки. И только заведующий кафедрой управления АОН при ЦК КПСС Р. Белоусов подчеркнул: главный вывод — нужна не словесная критика, необходимо совершенствование хозяйственного механизма в СССР с учетом опыта КНР.

Следовало использовать все возможные пути доведения до руководства страны особого значения для советско-китайских отношений, для оценки опыта КНР с точки зрения его применения в СССР происходивших в КНР процессов и намеченных Пекином крупных преобразований, чтобы бросить взгляд на нашу экономику через призму китайской реформы. Отдел предложил направить в Китай, а я подобрал, группу ученых-экономистов: В. Костакова — доктора экономических наук, заместителя директора Научно-исследовательского экономического института при Госплане СССР (с ним мы работали еще в комсомоле в МГУ, позднее он стал директором научно-исследовательского института); Ю. Яременко — доктора экономических наук, заместителя директора Центрального экономико-математического института АН СССР, (впоследствии академик РАН, мы вместе учились в Китае); В. Ремыгу — китаиста, научного сотрудника ИДВ РАН (я был оппонентом при защите его докторской диссертации); В. Королева — он выступал как сотрудник Научно-исследовательского конъюнктурного института МВТ СССР (с ним работали в советском посольстве в Пекине).

В ноябре-декабре 1984 г. делегация проделала в Китае большую работу. Это была уникальная акция. Ученые посетили экономические организации в пяти провинциях: Хэбэй, Хубэй, Шэньси, Сычуань, Гуандун и шести крупнейших городах КНР: Пекин, Сиань, Чэнду, Чунцин, Ухань, Гуанчжоу. Все это были очаги углубляющихся реформ. Ученые провели обстоятельные беседы в основных научно-исследовательских институтах АОН Китая и государственных учреждений (Госплана КНР, Минвнешторга, Минфина), встречались с руководством Госкомитета по реформе хозяйственной системы, Управления материально-технического снабжения, Центра по ценообразованию. Обследовали ряд промышленных, финансовых и сельскохозяйственных предприятий. Всего ознакомились с работой 50 ведомств и предприятий, в беседах с китайской стороны приняли участие более 280 человек. Китайские собеседники в деловом тоне рассказывали о сложных процессах внедрения элементов рыночного механизма в основных звеньях народного хозяйства.

Профессионализм, обилие полученного «из первых рук» материала, беспристрастный взгляд на китайскую действительность позволили членам делегации дать в целом объективную картину противоречивых явлений проводимых в КНР реформ.

По итогам поездки делегация сделала обстоятельный доклад, положительно оценив китайские реформы, подчеркнула, что переход Китая к стабильности «является благоприятным для СССР». Был проделан глубокий социально-экономический и производственно-экономический анализ хозяйственной системы КНР. В своих обобщениях, избегая идеологических штампов, делегация отметила, что «Китай вступил в полосу чрезвычайно быстрого экономического роста», что причины успехов Китая заключаются в «новой экономической стратегии», в «принципиальном изменении качественных ориентиров развития», в «факторах, заключенных в хозяйственной реформе», а также объясняются прочным руководством со стороны правительства и КПК.

Делегация рекомендовала не копировать буквально китайский опыт, но принять в СССР аналогичные меры с учетом специфики, уровня и состояния экономики нашей страны; активно использовать складывающиеся условия для развития советско-китайских экономических связей; «не увлекаться схоластическими изысканиями» при оценке положения в КНР, принимать прагматические решения. Ученые призвали отказаться от ситуации, когда «наших наблюдателей не столько занимает существо протекающих в Китае процессов, сколько их идеологическая интерпретация».

Уже в то время члены делегации отмечали, что возникает опасная для СССР тенденция отставания от темпов развития Китая и «скатывания в задние ряды мировой экономики».

Наиболее характерным моментом общественно-политической ситуации в КНР, говорили советские экономисты, было широкое обсуждение в соответствии с установкой съезда КПК вопроса о «строительстве социализма с китайской спецификой». Наряду с пружинными темами (множественность моделей экономики, ущербность советского опыта,

роль товарно-денежных отношений и др.) на первый план выдвигались проблемы реформы, перехода к рыночной экономике и открытой внешнеэкономической политике с ориентацией на Запад. Китайские политики и ученые сделали принципиальный шаг вперед: от обсуждения моделей хозяйственного механизма к попыткам сформулировать общую, комплексную теорию, концепцию специфического китайского социализма, охватывающую характер общественной системы в КНР в целом. Речь шла об особом типе общественного устройства в Китае, об особом типе смешанной экономики, основное содержание которой уже обозначилось, включая отношения собственности, многоукладность, социальную структуру, место государства, идейно-политическую систему и т.д.

Эта концепция базировалась прежде всего на учете особенностей страны с сильным националистическим и прагматическим «привкусом» и нацеливалась на создание в будущем могучего государства. Во многом речь шла о конвергенции, «интеграции» элементов капитализма и социализма. Об этом говорили Дэн Сяопин и Ху Яобан. Формирование «теории социализма с китайской спецификой» сопровождалось острыми дискуссиями, в которых проявлялись противоречия между различными группировками в пекинском руководстве, но преобладала наступательная, динамичная позиция китайских национал-прагматиков.

Отмечая трудности и негативные явления ситуации в Китае, делегация сделала вывод, что хозяйственные реформы, в целом, эффективны. Среднегодовой темп роста промышленного производства в 1979–1983 гг. составил 8,4%, сбор зерновых увеличился почти на 100 млн т и достиг рекордного уровня, удвоилась внешняя торговля, в два раза выросли доходы сельского населения, сократились диспропорции, возросла производительность труда.

Весьма важным был вывод: нельзя упрощенно относить сдвиги в экономике Китая только на счет «рыночных реформ». Взгляд, согласно которому переход к рынку стал причиной китайского чуда, является «чрезмерно идеализированным», не менее важным был переход от стратегии догоняющего развития к стратегии сравнительных преимуществ. Ученые обращали внимание на значение осуществленного в Китае «структурного маневра», в том числе в пользу резкого увеличения производства товаров народного потребления, регулирования движения рабочей силы, «финансово-стоимостных пропорций», развития инфраструктуры. Существенную роль сыграла политика инвестиций с учетом задач структурной перестройки, повышение закупочных цен на основные виды аграрной продукции, дотации сельскому хозяйству, освобождение от налогов беднейших бригад, рост фонда зарплаты и т.п. Для нас это была не менее важная сторона опыта КНР...

Складывалось общее впечатление, что понять и принять китайские реформы Москве мешали застарелая неприязнь к теории и практике плюралистической смешанной экономики, моделям «рыночного социализма», «конвергенции социализма и капитализма». Между тем именно усиление этих тенденций в хозяйственных механизмах многих государств разных политических и экономических систем являлось характерной чертой мировых экономических процессов.

Главный вывод из китайского опыта реформ, на мой взгляд, вовсе не «рыночный социализм», а вызов застою — нельзя стоять на застывшей платформе, нельзя бояться преобразований. Наша страна увязала в глубокой колее консерватизма, догматизма. У нас мог бы быть свой путь реформ: структурная перестройка экономики за счет, прежде всего, инвестиционных, а также административных и рыночных факторов, переключение части военно-промышленного комплекса на изготовление высокотехнологичной гражданской продукции, реорганизация финансирования, в первую очередь, с целью стимулирования развития колхозов. Наше положение в свое время было выгоднее китайского, сравнительные преимущества Советского Союза предпочтительнее: ВПК, научный потенциал, сырье.

Заметную роль в создании более благоприятной атмосферы в советско-китайских отношениях (в том числе — вокруг китайских реформ) сыграл визит в декабре

1984 г. в Китай первого заместителя председателя Совета министров СССР И.В. Архипова. В ходе визита был подписан ряд важных соглашений. Однако принципиального вывода руководством СССР об отношении к реформам сделано не было.

Тогда по инициативе отдела ЦК КПСС был предпринят еще один шаг — создается огромная и, казалось, авторитетная комиссия для подготовки специального доклада ЦК партии о китайских реформах. В ее состав входили: руководитель группы консультантов отдела ЦК КПСС Ладыгин Б.Н., консультанты нескольких отделов — Кулик Б.Т., Литвяков П.П., Ожерельев О.И., Титаренко М.Л., Шабалин А.Я., зав. отделом ИМЛ при ЦК КПСС Минаев Л.М., зав. кафедрой АОН при ЦК КПСС Белоусов Р.А., зам. директора ИДВ АН СССР Кривцов В.А., зам. директора ИЭ АН СССР Куликов В.В., референт Разов С.С., зав. сектором Шабалин В.И.

В работе комиссии также участвовали заместитель министра внешней торговли СССР Гришин И.Т., директор ИЭМСС АН СССР академик Богомолов О.Т., директор МИЭП СЭВ член-корреспондент АН СССР Ширяев Ю.С., зав. отделом ИДВ АН СССР профессор Коновалов Е.А., зам. зав. отделом Госплана СССР д.э.н. Сенчагов В.К., зав. кафедрой Московского института управления, член-корреспондент АН СССР Бунич П.Г., зам. директора НИЭИ при Госплане СССР д.э.н. Костаков В.Г.

Такие команды создавались обычно для подготовки материалов к пленумам ЦК КПСС. Были использованы официальные материалы, более 40 докладов и справок ведомств и научно-исследовательских институтов, в том числе ИМЛ и АОН при ЦК КПСС, Госплана СССР, ГКНТ, МВТ СССР, Госкомцен СССР, ИДВ, ИЭМСС, ИЭ АН СССР, посольства СССР в Пекине, отчеты советских делегаций, посетивших КНР. В начале 1985 г. доклад «Об основных направлениях и возможных последствиях реформы хозяйственной системы в КНР» после острых дискуссий был подготовлен.

В нем было все. И осуждение «отхода от проверенных опытом СССР закономерностей строительства социализма», и утверждение, что реформы в КНР соответствуют условиям страны, «плюсы перевешивают минусы», и критика буржуазных теорий, и прогнозы насчет того, что реформы, с одной стороны, могут ухудшить советско-китайские отношения, а с другой — могут улучшить... Содержался вывод: реформы не стоит клеймить. Это был шаг вперед. Не было главного. Во-первых, четкого признания, что реформы для Китая — благо; во-вторых, что Советскому Союзу пора активно реформировать свою экономику. Гора родила мышь.

Наиболее «мудрые» и «дальновидные» члены комиссии понимали, что руководство партии и государства не готово открыть фронт реформ в СССР, поэтому не готово признать опыт КНР заслуживающим глубокого изучения. КПСС, советское руководство оказались неспособными понять необходимость перехода к смешанной экономике, от экстенсивного к интенсивному типу развития и перешагнуть этот порог, что потребовало бы колоссальных изменений в стране, в способе производства, системе управления, в политических и идеологических доктринах.

К тому же обстановка в руководстве КПСС становилась все нестабильнее. А.Н. Косыгина уже не было. Н.А. Тихонов готовился уходить на пенсию. В январе 1982 г. умер М.А. Сулов, осенью — Л.И. Брежнев, в 1983 г. — А.Я. Пельше, в 1984 г. — Д.Ф. Устинов и Ю.В. Андропов, вскоре скончался К.У. Черненко. Геронтократия рушилась, увлекающая страну в пропасть. Высшее чиновничество государственных и партийных органов суеилось, не понимая, куда идет страна. Заявление Андропова: «Мы не знаем общества, в котором живем» прозвучало как удар хлыста по теориям «развитого социализма».

Никто не брал на себя ответственность за принципиальные кардинальные решения, в том числе по китайскому вопросу. Пар ушел в свисток, не дошедший до уха руководства ЦК КПСС. Доклад на политбюро не обсуждался. Если бы на рубеже 1984–1985 гг. были приняты решения, которые стучались в политбюро ЦК КПСС со всех сторон, нор-

мализация советско-китайских отношений совершилась скорее, реформы в Советском Союзе начались упорядоченнее и не понадобилась бы «шоковая терапия». Если бы...

В марте 1985 г. к власти пришел М.С. Горбачев. Можно, видимо, констатировать, что с его приходом курс на нормализацию отношений с Китаем стал определеннее, последовательнее. Горбачев, как и лидеры КНР, протянул руку Западу, как китайцы, отверг классовую линию внешней политики, встал на позиции ее «деидеологизации». Прораставшие в ходе «перестройки» установки в области внутренней политики нередко совпадали с китайскими. Все это сближало. Правда, китайские лидеры цепко держались за власть, укрепляли руководящую роль КПК, единство государства, обеспечивали стабильность общества, поднимали знамя социализма во имя могущества страны, а наши «перестройщики» шли по пути отказа от социализма, развала государства, подрыва единства общества, разгрома КПСС и прежних завоеваний страны.

Однако важнейшим фактором нормализации, на мой взгляд, явились не гастрольные поездки в Китай, не идеологические игры, а, по существу, — признание Москвой требований и предварительных условий Пекина. Советский Союз прекратил полемику и уступил по основным вопросам выдвинутых китайцами «пяти препятствий», кроме, пожалуй, концепции «спорных районов» на границе. Китай свернул «бумажную войну». И мириться поехал не Дэн Сяопин в Москву, хотя в свое время он отправился с такой миссией в Вашингтон, а президент СССР М.С. Горбачев в 1989 г. направился «в Каноссу», где во время встречи с Дэн Сяопином последний произнес в ходе своей назидательной речи знаменитую фразу: «Закроем прошлое, откроем будущее». Этот лозунг и повторяется ныне. Впервые же такое предложение, отвергнутое китайской стороной, сделал в 1969 г. на встрече с Чжоу Эньлаем А.Н. Косыгин: «Свяжем прошлое в один узел и выбросим, тогда легче и проще найти подход к будущему». И об этом тоже не стоит забывать.

Экономическая дипломатия Китая в XXI веке

© 2015

Я. Лексютина

В статье анализируется одно из важнейших направлений внешнеполитической деятельности Китая в XXI в. — экономическая дипломатия, включающая в себя меры экономического поощрения и принуждения. Характеризуются усилия, предпринимаемые Пекином в целях создания сильной экономической зависимости стран мира от Китая. Раскрывается роль предоставления помощи Китаем в достижении его внешнеполитических целей.

Ключевые слова: Китай, экономическая дипломатия, иностранная помощь, экономическая зависимость, экономические санкции, внешняя политика Китая, «коренные интересы».

В XXI в. экономическая дипломатия, под которой понимается использование экономических инструментов и экономических возможностей государства в целях реализации его национальных интересов и достижения внешнеполитических целей, приобретает возрастающую роль в международной деятельности Китая. Найдя свое применение во внешнеполитической практике Пекина времен Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, с начала нового тысячелетия она вышла на принципиально иной уровень. Аккумулированная Китаем на рубеже XX—XXI вв. впечатляющая финансово-экономическая мощь существенно расширила рамки и масштабы использования рычагов экономической дипломатии.

Экономическая мощь Китая как в абсолютных величинах, так и относительно других субъектов мировой экономики велика, равно как и степень его вовлеченности в мирохозяйственные связи. Китай является крупнейшим в мире держателем золотовалютных резервов, насчитывавших в 2013 г. 3,8 трлн долл. С 2010 г. он занимает вторую позицию в мире по показателю общего ВВП. Согласно целому ряду экспертных оценок, у Китая есть весомые шансы в ближайшие 10–15 лет превзойти США, выйдя на уровень крупнейшей экономики мира.

По объему внешнеторгового оборота Китай обошел США еще в 2012 г., когда общий объем его торговли составил 3,87 трлн долл. против показателя США в 3,82 трлн¹. Сейчас Китай является ведущим торговым партнером более чем сотни стран мира, среди которых такие крупные государства, как Россия, Бразилия, Австралия, Индия и Казахстан. В наиболее динамично развивающемся регионе — Восточной Азии Китай по результатам 2013 г. занял место крупнейшего торгового партнера Японии, Южной Кореи, Вьетнама, Малайзии, Индонезии, Мьянмы, Сингапура, Таиланда и Монголии².

На фоне бурного развития торговли достижения Китая в сфере инвестиционной деятельности не столь впечатляющи: по объему накопленных прямых иностранных инвестиций он занимает ныне лишь 15-е место в мире³. Однако прослеживается устойчивая тенденция к быстрому увеличению китайских инвестиций за рубежом. Темпы наращивания Пекином зарубежных капиталовложений существенно интенсифицировались с

2004—2005 гг., когда он в полной мере развернул государственную стратегию «выхода вовне»⁴. Стремительно расширяются масштабы помощи, которую Китай предоставляет развивающимся странам: по некоторым оценкам, в 2013 г. он занял шестую строчку в рейтинге крупнейших мировых доноров.

Все это свидетельствует об огромном, неуклонно увеличивающемся экономическом потенциале КНР, который стал все активнее использоваться ее руководством для реализации национальных интересов. Таким образом, экономическая дипломатия, наряду с публичной дипломатией, становится наиболее предпочтительным инструментом достижения Пекином его внешнеполитических целей.

Меры поощрения и усиление экономической зависимости стран мира от Китая

Экономическую дипломатию принято рассматривать под углом двух различающихся по характеру применения экономической мощи векторов: экономического поощрения или вознаграждения («пряник») и принуждения или наказания («кнул»), чаще всего принимающего форму экономических санкций. При использовании экономической мощи как инструмента оказания влияния на страны мира Пекин полагается, в первую очередь, на методы поощрения, предпочитая их наказанию. Поощрение может осуществляться в форме широкого спектра разнообразных мер, направленных на стимулирование развития торговли со странами мира (например, создание специальных преференциальных режимов в торговле с зарубежными странами, крупные государственные закупки за рубежом), в виде расширения зарубежных капиталовложений и оказания иностранной помощи, включая содействие зарубежным странам в реализации крупных инфраструктурных проектов. Реализация Китаем подобного рода мер способствует не только укреплению торгово-экономических связей с соответствующим государством, но и налаживанию с ним политических отношений, а также улучшению международного имиджа Китая. В то время как экономические санкции носят реактивный, спорадический и, как правило, временный характер (санкции продолжаются до тех пор, пока не будет достигнут соответствующий эффект на страну-объект санкций или пока целесообразность их использования не исчерпает себя), методы поощрения носят устойчивый, долгосрочный характер. Конечной целью экономического поощрения является создание такой сильной экономической зависимости стран мира от Китая, которая усилит потенцию политического влияния Китая на них и тем самым облегчит Пекину реализацию его национальных интересов.

В стимулировании развития торговли со странами мира особая роль китайским руководством отводится заключению с ними соглашений о свободной торговле, созданию обширных субрегиональных и региональных зон свободной торговли, введению специальных программ торговых преференций. С 2003 г., когда Китай впервые обратился к преференциальным соглашениям как инструменту торговой политики, он заключил на сегодняшний день двусторонние преференциальные торговые соглашения с одиннадцатью странами и территориями: Гонконгом, Макао, Чили, Пакистаном, Новой Зеландией, Сингапуром, Перу, Коста-Рикой, Тайванем, Швейцарией и Исландией. Сейчас ведутся переговоры о заключении соглашений о свободной торговле с Южной Кореей, Австралией, Норвегией, Шри-Ланкой, а в многостороннем формате — с Японией и Южной Кореей, а также с Советом по сотрудничеству стран Персидского залива.

Заключение соглашений о свободной торговле, предусматривающих либерализацию торгового режима, способствует укреплению торгово-экономических отношений между Китаем и соответствующей страной (или странами), усилению между ними экономической взаимозависимости. При этом в случае, если масштаб экономики страны, с которой Пекин заключает соглашение, невелик, а доля КНР в товарообороте данной

страны становится существенной, то в конечном итоге устанавливается скорее не взаимозависимость, а сильная экономическая зависимость данного государства от Китая, что потенциально может давать ему рычаги воздействия на это государство.

При заключении преференциальных торговых соглашений Пекин в первую очередь руководствуется долгосрочными политико-стратегическими интересами, а не получением сиюминутных экономических выгод. Как правило, при заключении соглашений о свободной торговле Китай идет на большие уступки в вопросе либерализации торгового режима, чем его партнеры по соглашению.

Весьма ярким примером того, как используются Пекином преференциальные торговые соглашения с целью достижения важнейших политических задач, является подписанное в июне и вступившее в силу в сентябре 2010 г. Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между Китаем и Тайванем. В рамках этого соглашения с 1 января 2011 г. в действие вступила рассчитанная на трехлетний период программа «Ранний урожай», предусматривавшая обязательства Китая по снижению таможенных тарифов вплоть до их полной отмены на 539 наименований тайваньской продукции и услуг, а также встречные обязательства Тайбэя, распространявшиеся на 268 видов китайских товаров. Это соглашение продолжило перечень мер, предпринимаемых Пекином с 2008 г. в целях расширения и углубления торгово-экономических отношений с Тайванем и создания сильной зависимости тайваньской экономики от КНР. Став еще в 2003 г. крупнейшим торговым партнером Тайваня, Китай продолжает постепенно наращивать товарооборот с островом: согласно китайской статистике, с 2010 по 2013 гг. он увеличился со 145 до 197 млрд долл.⁵ Расширяются и объемы китайских инвестиций на Тайване.

Протекающее с 2008 г. экономическое сближение двух сторон Тайваньского пролива уже принесло Пекину определенные политические дивиденды: стали проявляться некоторые изменения в линии поведения Тайбэя в вопросах, затрагивающих «коренные интересы» Китая. Так, в сентябре 2009 г., учитывая особую позицию китайских властей, Тайбэй отказал в выдаче визы уйгурской правозащитнице Р. Кадир, объявив ее персоной нон грата. В том же году президент Тайваня Ма Инцзю отказал в личной встрече далай-ламе в ходе посещения острова тибетским духовным лидером. В 2011 г. ведущая тайваньская телекоммуникационная компания «Zhonghua Telecom» продемонстрировала свои колебания в вопросе продления контракта с контролировавшимся запрещенной в Китае сектой «Фалуньгун» телевизионным каналом «New Tang Dynasty Asia Pacific», осуществлявшим трансляцию на материковую часть Китая и остров⁶.

Хотя эти легкие реверансы Тайбэя в сторону Китая воспринимаются китайским руководством положительно, за экономическим поощрением Китая стоит гораздо более важная задача — воссоединение двух берегов Тайваньского пролива, — над решением которой бьется уже пятое поколение китайских руководителей. С учетом значительного экономического усиления Китая привязка тайваньской экономики к китайской, создание устойчивой, всепроникающей экономической зависимости острова от материка стали основой стратегии осуществления важнейшей задачи возвращения Тайваня в лоно КНР. Именно на экономические, а не силовые рычаги современное китайское руководство делает ставку в решении тайваньской проблемы.

Если ключевым методом сближения с развитыми и развивающимися экономиками относительно высокого уровня Китай избрал заключение соглашений о свободной торговле, то наименее развитым странам Пекин в одностороннем порядке предоставляет преференциальные торговые режимы для поощрения их экспорта в Китай.

Так, в целях стимулирования африканского экспорта Пекин с 2005 г. приступил к внедрению беспрошльного режима в отношении 190 категорий товаров из 25 наименее развитых африканских стран. К июлю 2010 г. нулевые таможенные пошлины были введены на более чем 4700 наименований африканских товаров. С 2005 по июль 2010 гг. в Китай поступила необлагаемая таможенными пошлинами африканская продукция на

сумму в 1,32 млрд долл.⁷ Китайские власти обязались постепенно довести долю освобожденной от таможенных пошлин африканской продукции до 95%⁸.

В ноябре 2011 г. в ходе саммита G20 председатель КНР Ху Цзиньтао обнародовал планы введения беспошлинного режима в отношении 97% облагаемых сборами товаров, импортируемых Китаем из наименее развитых стран, с которыми установлены официальные дипломатические отношения⁹.

В целях интенсификации двусторонних контактов и налаживания более тесных хозяйственных связей с островными странами Тихого океана Пекин в конце ноября 2014 г. объявил о намерении ввести для наименее развитых тихоокеанских государств нулевые таможенные пошлины на 97% ввозимых в Китай облагаемых налогами наименований товаров¹⁰.

Благодаря введению преференциальных торговых режимов, начиная с 2008 г. Китай прочно занял место крупнейшего экспортного рынка для наименее развитых стран мира: 23% всех экспортируемых этими странами товаров идет в Китай¹¹. Ввиду того, что расширение экспорта в Китай способствует укреплению экономик наименее развитых стран, осуществляемые Пекином меры получают высокую оценку в этих государствах, имидж Китая становится для них еще более привлекательным. Пекин же, предоставляя торговые преференции, не несет особых экономических потерь, а китайская продукция не испытывает серьезной конкуренции со стороны товаров, импортируемых из наименее развитых стран, в связи с их небольшими по сравнению с товарооборотом Китая объемами. Таким образом, ценой небольших усилий Китай расширяет масштабы своей международной поддержки среди наименее развитых стран.

В контексте расширения торгово-экономических связей и повышения своего регионального влияния Пекин придает огромное значение созданию субрегиональных и региональных зон свободной торговли. Первым таким опытом стала зона свободной торговли КНР — АСЕАН (КАФТА), охватившая 11 государств с населением около 1,9 млрд человек. В ноябре 2002 г. между Китаем и АСЕАН было подписано Рамочное соглашение по всеобъемлющему экономическому сотрудничеству, предусматривавшее создание зоны свободной торговли в 10-летний срок. В 2004 г. было заключено Соглашение по торговле товарами, а в 2007 г. — Соглашение по торговле услугами. Вступившее в силу 1 января 2010 г. соглашение о зоне свободной торговли КАФТА способствовало укреплению торгово-экономических отношений между Китаем и странами Ассоциации, усилению между ними взаимозависимости. Благодаря целенаправленной политике китайского руководства, масштаб торговли Китая со странами АСЕАН существенно увеличился, как по показателям валового товарооборота, так и доли Китая во всей внешней торговле АСЕАН. С 2003 по 2013 гг. товарооборот Китая и АСЕАН увеличился в шесть раз — с 59,6 до 350,5 млрд долл., а его удельный вес в торговле АСЕАН со странами мира возрос с 7,2% до 14%¹². С 2009 г. Китай неизменно остается крупнейшим торговым партнером АСЕАН. Китай также является ведущим экспортным рынком АСЕАН и источником импорта. Важным геополитическим результатом образования зоны свободной торговли КАФТА стало увеличение влияния Китая как в ЮВА, так и в Азии в целом¹³.

Опираясь на опыт, накопленный в ходе формирования КАФТА, и руководствуясь задачей создания китаецентричной модели экономической интеграции Восточной Азии (или даже всего АТР), Китай в последние годы интенсифицировал усилия по созданию обширной региональной зоны свободной торговли. Идея воссоздания азиатского аналога общих рынков ЕС или НАФТА получила развитие в Пекине в виде двух вариантов — учреждения Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (АСЕАН+6) и Зоны свободной торговли в АТР. Реализация этих идей позволит Китаю стать «архитектором» новых институтов и региональной системы правил в сфере торговли и инвестиционной деятельности, на которых будет базироваться будущая региональная экономическая система.

И, наконец, экономическая дипломатия современного Китая имеет глобальное измерение. После мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг., в результате перераспределения сил в глобальной экономической системе, превратившего Китай в ее ключевого игрока, Пекин усилил свое международное влияние путем расширения роли в системе международных финансов. В сотрудничестве с ведущими развивающимися странами-членами БРИКС Китай стремится увеличить свои квоты и право голоса в ключевых международных финансовых институтах (МВФ и Всемирном банке), усилить роль китайской национальной валюты в международных расчетах, создавать новые валютно-финансовые механизмы (пул валютных резервов и Банк развития БРИКС), которые позволили бы КНР в полной мере реализовывать свои интересы¹⁴.

Предоставление помощи как метод экономического поощрения

Предоставление помощи странам мира представляет собой один из важнейших инструментов внешней политики государства, позволяющий расширять его политическое и экономическое влияние в соответствующих странах и регионах мира. Оно призвано содействовать налаживанию экономических и политических отношений между государством-донором и государством-реципиентом, укреплению контактов между правящими элитами этих государств, формированию позитивного имиджа государства-донора в общественном сознании граждан государства-получателя помощи, а также повышению авторитета государства-донора в международном сообществе.

Благоприятные условия для масштабного использования Пекином помощи зарубежным странам в целях реализации внешнеполитических задач сложились к концу 1990-х гг., когда Китай стал демонстрировать впечатляющий экономический рост, позволивший его руководству расширить объемы и географию этой помощи. Резкое увеличение ее размеров стало наблюдаться с 2004 г., когда Китаем были накоплены значительные финансовые ресурсы, доступные для этих целей. Среднегодовые темпы прироста помощи в 2004—2009 гг. достигали порядка 29,4%¹⁵. Китай уверенно встал в ряды крупнейших мировых доноров. По оценкам исследовательского института Японского агентства по международному сотрудничеству (JICA Research Institute), за период с 2001 по 2013 гг. Китай поднялся с шестнадцатой на шестую позицию в рейтинге крупнейших доноров в мире, уступив лишь США, Великобритании, Германии, Японии и Франции¹⁶. Объем помощи, предоставленной Пекином, только за 2013 г., составил около 7,1 млрд долл.¹⁷

К 2010 г. в Пекине был завершен процесс переоценки роли помощи, которая была однозначно отнесена к важному инструменту экономической дипломатии и одному из наиболее приоритетных направлений внешнеполитической деятельности. Доказательством этого стало проведение китайским правительством в августе 2010 г. первой в истории КНР Национальной конференции по вопросам предоставления помощи, в ходе которой была дана оценка опыту Китая в этой сфере и определены пути усиления эффективности помощи. В 2011 г. была выпущена первая в истории Китая специализированная Белая книга по иностранной помощи, в которой прослеживалась история становления системы оказания помощи КНР с 1949 г. и подробно характеризовалась ситуация с ее предоставлением в 2004—2009 гг. Спустя три года, в 2014 г., была издана вторая Белая книга, резюмирующая достижения Китая в вопросе предоставления помощи странам мира в 2010—2012 гг.

Обнародование данных о масштабах китайской помощи зарубежным странам, имевших ранее исключительно закрытый характер и вызывавших множество спекуляций в экспертных кругах и СМИ Запада, подтверждало намерение китайского руководства способствовать международной легитимизации и институционализации оказываемой Пекином помощи, а также более глубокой интеграции Китая в современную международную систему. Предоставление помощи стало позиционироваться китайской стороной

как проявление ее ответственности в качестве великой державы, готовой оказывать содействие развивающимся и наименее развитым государствам. Находящийся в последнее десятилетие в фокусе критики западных государств за якобы «безответственное», неподобающее статусу великой державы международное поведение, Китай нашел возможность демонстрации повышения своей международной ответственности. Он усилил оказание помощи развивающимся странам в русле взаимодействия по линии Юг-Юг. За трехлетний период с 2010 по 2012 гг. Пекин предоставил помощь в объеме 14,41 млрд долл. 121 стране мира: 51 государству в Африке, 30 — в Азии, 19 — в Латинской Америке, 12 — в Европе и 9 — в Океании¹⁸. Ее крупнейшими получателями стали Африка и Азия, на которые в 2010—2012 гг. приходилось 51,8% и 30,5% соответственно. При этом предоставление помощи Африке и Азии используется Пекином в целях расширения своего влияния и реализации национальных интересов в этих регионах.

Помощь предоставляется Китаем, главным образом, на двусторонней основе в трех основных формах: гранты, беспроцентные и низкопроцентные кредиты (льготное кредитование). Наиболее распространенная форма — льготное кредитование (в 2010—2012 гг. на него пришлось 55,7% всей помощи), предполагающее предоставление китайским Экспортно-импортным банком кредитов на максимально благоприятных для заемщика условиях — под 2—3% годовых на срок от 15 до 20 лет. Такие кредиты, как правило, предоставляются для реализации крупных и средних по масштабу промышленных и инфраструктурных проектов, а также на закупку машинного и электронного оборудования и материалов. Например, на развитие транспортной инфраструктуры (железных дорог, автомагистралей, портов, метро, аэропортов, каналов, мостов и пр.), систем телекоммуникаций, на улучшение энергоснабжения (строительство ГЭС, термальных электростанций и пр.), на строительство нефтеочистительных заводов, прокладку нефтепроводов и т.п. Нередко низкопроцентные кредиты предоставляются странам, которые в связи со сложными отношениями с Западом лишены возможности или просто не желают обращаться за помощью к Всемирному банку или МВФ.

Гранты, в 2010—2012 гг. составившие 36,2% всей китайской помощи, предназначены на реализацию мелких и средних по своему масштабу социально ориентированных проектов, на финансирование сотрудничества в области развития человеческих ресурсов, технического сотрудничества, материальной и гуманитарной помощи. Грантовая помощь может предоставляться в виде списания долгов.

Наименьшую долю в структуре китайской помощи (в 2010—2012 гг. — только 8,1%) занимают беспроцентные кредиты, выделяемые преимущественно развивающимся странам с неплохой экономической ситуацией на строительство общественных учреждений и реализацию проектов, направленных на улучшение качества жизни людей. Такие кредиты выделяются на 20-летний срок, первые пять лет из которых отведены на использование, вторая пятилетка рассматривается в качестве льготного периода отсрочки платежей, а второе десятилетие рассчитано на возврат кредита.

Центральное место в китайской системе предоставления помощи зарубежным странам занимает реализация инфраструктурных проектов. Так, по сферам предназначения китайская помощь в 2010—2012 гг. была распределена следующим образом: содействие развитию экономической инфраструктуры — 44,8%, социальной и общественной инфраструктуры — 27,6%, предоставление товаров и материалов — 15%, сотрудничество по развитию человеческих ресурсов — 5,8%, содействие развитию промышленности и сельского хозяйства — 3,6% и 2% соответственно, гуманитарная помощь — 0,4%¹⁹.

Упор Пекина на реализацию инфраструктурных проектов объясняется целым рядом обстоятельств. Во-первых, наличие развитой инфраструктуры, — что не характерно для большинства развивающихся стран — объективно облегчает экономическое проникновение Китая в эти регионы мира. Создание транспортно-логистической сети способствует, в частности, развитию торговли между Китаем и соответствующими государствами.

ми, а совершенствование горнодобывающей инфраструктуры облегчает разработку природных ресурсов, идущих впоследствии на экспорт в Китай.

Во-вторых, осуществление инфраструктурных проектов помогает формировать благоприятный имидж Китая среди населения соответствующих стран и регионов. Так, Китай реализует критически важные для улучшения жизненных условий местного населения проекты по обеспечению водоснабжением, электроэнергией, дешевым жильем, а также меры в области повышения уровня здравоохранения, образования и досуга. Не может оно не оценить и крупные культурные и спортивные объекты, которые возводятся при определяющем содействии китайцев.

В-третьих, инфраструктурные проекты пользуются благосклонностью местных правящих элит и мотивируют их отдавать предпочтение Пекину перед конкурентами, например, в сфере разработки и добычи сырьевых ресурсов. Немаловажным фактором в развитии контактов с политическими элитами может служить строительство административных зданий (резиденций высокопоставленных должностных лиц, зданий министерств, национальных парламентов, конгрессов и т.п.).

В-четвертых, реализация инфраструктурных проектов позволяет решать и некоторые важные социально-экономические задачи самого Китая. Предоставление Китаем низкопроцентных кредитов сопряжено с выполнением трех важнейших условий: осуществляющим их подрядчиком должна выступать исключительно китайская компания, в ходе реализации проектов подавляющее число рабочих должно быть гражданами КНР и, по меньшей мере, половина материалов и оборудования должна приобретаться в Китае. Таким образом, Китай обеспечивает занятость своего населения, позволяет китайским компаниям приобрести ценный опыт реализации масштабных инфраструктурных проектов за рубежом, облегчает проникновение китайских предприятий на международные рынки и стимулирует китайский экспорт в соответствующие страны.

В качестве ключевых принципов предоставления помощи Пекин декларирует отсутствие ее обусловленности выполнением странами-реципиентами каких-либо политических условий, а также невмешательство Китая во внутренние дела стран-реципиентов, уважение их прав на самостоятельный выбор путей и моделей развития²⁰. Однако пытаясь противопоставить себя странам Запада в вопросе предоставления помощи, не ожидая от стран-реципиентов демократических преобразований и становления системы надлежащего государственного управления, являющихся стандартными требованиями со стороны Запада, Пекин обуславливает предоставление помощи другими требованиями политического характера. Решения о ее предоставлении принимаются Китаем с учетом политики и действий стран-реципиентов в отношении таких «болезненных» для него проблем, как тайваньская, тибетская и уйгурская. Так, например, в 2006 г. в ответ на желание Вьетнама уступить просьбам Китая и исключить Тайвань из списка участников саммита АТЭС в Ханое, китайские власти временно приостановили помощь Вьетнаму²¹. И, напротив, после того, как в декабре 2009 г. камбоджийские власти депортировали обратно в Китай двадцать уйгуров, бежавших в Камбоджу после июльских столкновений на этнической почве в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, Пекин объявил о намерении инвестировать 1,2 млрд долл. в инфраструктуру Камбоджи²². К 2012 г. Пекин увеличил свои обязательства по предоставлению помощи Камбодже в виде грантов и льготного кредитования до 2,7 млрд долл., что, скорее всего, стало бонусом за принятие Пномпенем на правах председателя АСЕАН решения о блокировании на июльском саммите АСЕАН в 2012 г. совместного заявления, осуждающего действия китайской стороны в территориальных спорах в Южно-Китайском море²³.

Предоставление помощи и демонстрация экономических выгод, которые сулит развитие связей с КНР, оказались действенными методами по ограничению Пекином международного признания Тайваня, который рассматривается Китаем в качестве одной из своих провинций. С конца 1990-х гг. по 2008 г. целый ряд стран под воздействием китай-

ской «долларовой дипломатии» переключил свое дипломатическое признание с Тайваня на КНР²⁴: Багамы (1997), Науру (2002), Либерия (2003), Доминика (2004), Вануату (2004), Гренада (2005), Сенегал (2005), Чад (2006), Коста-Рика (2007) и Малави (2008). За разрыв дипломатических связей с Тайванем эти страны получили от Китая значительную помощь, а некоторые еще и специальные «поощрения» в виде строительства у них китайцами ряда спортивных объектов. И, напротив, переключение тихоокеанским государством Кирибати признания с КНР на Тайвань в 2003 г. привело к прекращению китайской помощи, демонтажу построенной там китайцами станции слежения за спутниками и прекращению строительства китайской стороной стадиона.

Таким образом, с начала XXI в. предоставление помощи прочно заняло важное место в китайском внешнеполитическом инструментарии. Пекин, как и ведущие западные страны, стал активно использовать ее в целях реализации национальных интересов и оказания влияния на страны-реципиенты по ключевым для Китая вопросам. При оказании Пекином помощи прослеживается четкая связь с выполнением странами-реципиентами определенного набора негласных правил: помощь становится поощрением, а ее отсутствие — наказанием.

Экономическое наказание и принуждение

В то время как основным инструментом экономической дипломатии современного Китая выступает поощрение, в дополнение к нему применяются и разнообразные по форме и содержанию методы наказания и принуждения, используемые преимущественно в тех случаях, когда ущерб наносится так называемым «коренным интересам» КНР. Под ними подразумеваются государственный суверенитет, национальная безопасность, территориальная целостность, единство страны, закрепленный в Конституции Китая политический строй, общественная стабильность и устойчивое социально-экономическое развитие²⁵. К этой группе интересов можно с уверенностью отнести тайваньскую, уйгурскую, тибетскую проблемы и весь комплекс территориальных противоречий Китая с его соседями (в особенности, с Японией в Восточно-Китайском море, некоторыми странами Юго-Восточной Азии в Южно-Китайском море, а также с Индией). Пренебрежение этими интересами со стороны других государств рассматривается как непосредственная угроза Китаю и вызывает ответную реакцию с использованием всех доступных Пекину методов устрашения и давления на них. С приходом Си Цзиньпина на высший государственный пост в китайском официальном лексиконе прочно закрепилось выражение «красная линия», означающее недопустимость поправок «коренных интересов» КНР. Действия, которые квалифицируются Пекином как вызов «коренным интересам» могут вызвать введение экономических санкций в отношении соответствующего государства.

Санкции вводятся Китаем исключительно в одностороннем порядке, без привлечения других членов мирового сообщества, путем применения административных мер по распоряжению высокопоставленных государственных лиц. Например, весной 2012 г. после того, как председатель Народного правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района Нур Бекри обнародовал наличие тесных контактов между уйгурскими террористами и Пакистаном, было отозвано китайское предложение о финансировании газопровода Иран-Пакистан²⁶.

Таким образом, критика, содержащаяся в заявлениях высокопоставленных китайских чиновников, призвана служить косвенным, но вполне читаемым между строк предупреждением о возможности применения Китаем «карательных» мер. Открыто о намерении ввести санкции Пекин предпочитает не объявлять. Прямое указание в официальных заявлениях на возможность принятия мер наказания является скорее исключением, нежели правилом. Это дает китайскому руководству большую гибкость в вопросе

оказания экономического принуждения, возможность без «потери лица» отменять уже введенные санкции даже в случаях, когда меры принуждения не возымели должного эффекта. Весьма показателен в этой связи эпизод начала 2010 г., когда в ответ на планы США продать Тайваню крупную партию вооружений Пекин открыто пригрозил пойти на беспрецедентный шаг, наложив санкции на американские компании, принимающие участие в поставках вооружений на Тайвань. Несмотря на то, что США проигнорировали угрозы Пекина, санкции в отношении американского ВПК так и не были введены, что, безусловно, выставило китайское руководство не в лучшем свете.

Применение Пекином экономического принуждения мотивировано целым рядом обстоятельств. Во-первых, желанием сигнализировать свое недовольство по конкретному вопросу с целью побудить определенное государство изменить его позицию или не совершать подобных действий впредь. Во-вторых, принуждение призвано являть назидательный пример для других стран, демонстрируя потенциальные негативные последствия от тех или иных действий, которые затрагивают «коренные интересы» Китая. В-третьих, принуждение имеет и внутривнутриполитический контекст как продиктованное необходимостью продемонстрировать готовность китайского руководства к решительным действиям в вопросах отстаивания национальных интересов в условиях нынешнего подъема национализма в Китае²⁷.

По форме китайские санкции могут включать заморозку запланированных или уже ведущихся китайскими компаниями крупномасштабных проектов в соответствующих государствах, временное прекращение оказания помощи, снижение инвестиционной активности, введение ограничений на импорт в Китай или экспорта из Китая отдельных видов продукции, приостановку торговых переговоров и обменов торговыми делегациями, приостановку или отказ от крупных государственных закупок в определенных странах и пр.

В экспертной литературе нередко фигурирует тезис о неэффективности санкций как метода давления на государства. Такая точка зрения представляется не совсем верной. В случаях, когда санкции имеют ограниченный, умеренный по времени и по секторальному охвату характер и не приводят к антагонизму конфликтующих сторон, они могут оказаться весьма действенными. Более того, они имеют назидательный характер, демонстрируя другим странам потенциальные неблагоприятные последствия совершения тех или иных действий. И в этой связи их результативность трудно отрицать.

Эффективность применения Пекином санкций может быть продемонстрирована на примере Норвегии, которая была подвергнута опале со стороны Китая после эпизода с награждением в 2010 г. Нобелевской премией мира китайского правозащитника Лю Сяобо, осужденного годом ранее судебными органами Китая к тюремному заключению за призывы к свержению государственной власти. Пекин, в частности, приостановил переговоры о создании зоны свободной торговли, заинтересованность в успешном завершении которых в Осло была весьма высока. Под предлогом ужесточения ветеринарных мер Китаем были введены ограничения на ввоз норвежского лосося, что нанесло ощутимый урон интересам норвежских экспортеров, рассчитывавших на расширение своего присутствия на быстро растущем китайском рынке лососевых. Объемы импорта норвежского лосося сократились в 2011 г. на 60%, а к 2013 г. Норвегия, на которую в 2010 г. приходилось 92% импортируемых Китаем лососевых, утратила свои монопольные позиции, разделив рынок с Великобританией и Фарерскими островами.

К 2013 г. усилиями норвежской стороны спад в отношениях с Китаем в целом был преодолен. В качестве жеста доброй воли Норвегия в 2013 г. поддержала предоставление Китаю статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете. Усвоив урок из ситуации вокруг Нобелевской премии, норвежское правительство весной 2014 г. ответило отказом на запрос далай-ламы о личной встрече с премьер-министром Норвегии, поскольку уже осознавало вероятную реакцию Пекина. Например, в 2008 г. намерение пре-

зидента Франции Н. Саркози (2007—2012 гг.) встретиться с далай-ламой стоило французской стороне срыва переговоров о приобретении Китаем 150 самолетов производства концерна «Airbus». А встреча премьер-министра Великобритании Д. Камерона с тибетским духовным лидером в мае 2012 г. стала причиной 14-месячной «заморозки» политических контактов с Пекином.

В последние пять лет Пекин стал весьма активно применять экономическое принуждение в отношении стран, с которыми у Китая есть серьезные территориальные противоречия. Так, в 2009 г. он попытался заблокировать займ, который Азиатский банк развития намеревался выделить Индии. По утверждению Китая, часть этого займа (60 млн из 2,9 млрд долл.) предназначалась на осуществление ирригационных проектов в индийском штате Аруначал-Прадеш, принадлежность части территории которого оспаривает Пекин. Однако Китаю удалось добиться только отсрочки решения о выделении займа, но не его блокирования, поскольку в поддержку Индии проголосовали США, Япония и Южная Корея.

Экономическое давление со стороны Пекина в полной мере испытывает на себе Япония, территориальные споры с которой в Восточно-Китайском море вспыхнули с возросшей силой в 2010 г. После произошедшего 7 сентября 2010 г. столкновения японского и китайского судов близ спорных островов Дяоюйдао (Сэнкаку) Пекин прекратил экспорт редкоземельных элементов в Японию. Через месяц ограничения на экспорт таких элементов были введены и в отношении близких партнеров Японии — США и Европы. Поскольку на Китай приходится до 36% мировых запасов редкоземельных элементов и 97% их мирового экспорта²⁸, он мог рассчитывать на использование своей монополии в данной сфере в качестве серьезного рычага давления.

Старт новому витку санкций в отношении Японии был дан в сентябре 2012 г., когда Токио заявил о принятом решении выкупить у японских частных владельцев три из пяти спорных островов Сэнкаку, что привело к серьезнейшему затяжному кризису в китайско-японских отношениях. С первых дней развития кризиса активную роль в оказании экономического давления на японскую сторону играло китайское население, приступившее к погромам офисов японских компаний и ресторанов в Китае, бойкоту японских товаров. Как следствие, в КНР резко сократились продажи японских автомобилей (от 35 до 63%), комплектующих к ним, электроники и др.²⁹. Некоторые японские предприятия, такие как «Toyota», «Sony», «Canon» и «Panasonic», вынуждены были временно приостановить свое производство в Китае. Японские авиакомпании и в целом туриндустрия Японии несли значительные потери ввиду драматического сокращения потока китайских туристов, общая численность которых в докризисный период составляла порядка 20% от всех иностранных туристов в Японии. Китайским туристическим компаниям было рекомендовано отменить все туры в Японию в период с 1 по 7 октября, на который приходится ежегодный пик китайского выездного туризма. На государственном уровне были ужесточены таможенные проверки импортируемых из Японии товаров, предпринимались задержки в одобрении рабочих виз японцам и пр. Общий кумулятивный эффект на японскую экономику в результате санкций был существенным, хотя меры принуждения применялись ограниченное время.

В целом, эффект от применения Пекином экономических санкций в определяющей степени зависит от размера экономики страны-объекта санкций и степени ее экономической зависимости от Китая. Страны, чей экономический потенциал значительно уступает китайскому и чья зависимость от китайской помощи, капиталовложений, развития торговли с Китаем велика, будут в большей степени подвержены экономическому давлению и соответственно политическому влиянию Пекина. В этой связи на современном этапе Пекин прилагает комплексные усилия по расширению своего экономического присутствия в странах и регионах мира, по усилению их экономической зависимости от Китая.

Экономическая дипломатия Китая в контексте территориальных споров в Южно-Китайском море

Экономической дипломатии отводится значительное место в планах Пекина по реализации территориальных притязаний в Южно-Китайском море, где Китай оспаривает принадлежность островов Спратли (китайское название островов — Наньша) и Парасельских (китайское название — Сиша), а также практически 80% всей акватории. Наряду с Китаем сторонами длящихся уже не одно десятилетие споров о принадлежности Парасельских островов выступают Вьетнам и Тайвань, а островов Спратли — Вьетнам, Тайвань, Филиппины, Малайзия и Бруней³⁰.

Серьезные изменения в поведении Пекина в вопросах территориальных споров в Южно-Китайском море стали проявляться с 2007–2008 гг., когда Китай, осознав свои существенно укрепившиеся возможности по проецированию силы и влияния, стал проявлять возросшую напористость. Продолжавшаяся на протяжении предшествующего десятилетия (1997–2007 гг.) китайская политика добрососедства, опоры на «мягкие» методы наращивания влияния в Юго-Восточной Азии, сдержанности в утверждении своих прав на спорные территории, в 2007–2008 гг. сменилась напористым внешнеполитическим курсом, характеризующимся интенсификацией усилий по реализации территориальных притязаний в Южно-Китайском море. При этом мероприятия Пекина не ограничивались демонстративными демаршами и принятием особых административных мер, наподобие обнародования планов развития туризма на спорных Парасельских островах, создания новой административной единицы — уездного города Саньша с территориальной юрисдикцией над тремя архипелагами (Парасельским, Спратли и отмель МакКлесфилд) или выпуска новых китайских паспортов с изображением карты, на которой спорные острова обозначены как территория Китая, но и включали расширение масштаба китайского военного присутствия в Южно-Китайском море.

В целях оказания давления на страны, оспаривающие спорные острова, Китай, чье экономическое присутствие в Юго-Восточной Азии уже достигло значительных масштабов, стал прибегать и к методам экономического принуждения или наказания. Наиболее примечательным в этой связи можно считать эпизод, произошедший весной 2012 г., когда препятствование со стороны филиппинских военных кораблей навигации китайских рыболовецких судов близ острова Хуаньянь привело к месячному противостоянию военных судов Китая и Филиппин в данной акватории. Пекин, выдвинувший требование вывода филиппинских военных кораблей из спорной акватории, в целях оказания давления на Манилу ужесточил контроль над импортом фруктов из Филиппин, а также призвал китайских туристов воздержаться от поездок на Филиппины³¹. Поскольку существенная часть доходов Филиппин поступает от продажи фруктов и туристической индустрии, а крупным потребителем этих сфер является Китай, данные меры могли принести серьезный экономический урон Филиппинам.

Аналогичный алгоритм действий наблюдался летом 2014 г., когда на фоне китайско-вьетнамского противостояния с мая по середину июля, вызванного размещением Китаем нефтяной платформы в спорных территориях Южно-Китайского моря, Пекином были введены ограничения на ввоз некоторых вьетнамских фруктов (например, бананов и питахайи). Эти меры означали значительные потери для вьетнамского сельскохозяйственного сектора, так как доля Китая в экспорте фруктов и овощей Вьетнама составляла около 35%. По оценкам Вьетнамского центра изучения экономической политики, ограничение масштабов китайско-вьетнамской торговли вследствие обострения территориальных противоречий было способно привести к снижению годовых темпов экономического роста Вьетнама в 2014 г. до 4,15–4,88% (в 2013 г. они составляли 5,42%)³².

Применение экономического принуждения, тем не менее, пока используется Пекином в ограниченном масштабе. Центральную роль в укреплении своих позиций в террито-

риальных спорах на современном этапе он отводит созданию сильной экономической зависимости стран Юго-Восточной Азии от Китая и мерам экономического поощрения.

На фоне углублявшихся противоречий в территориальных спорах новое китайское руководство Си Цзиньпина с 2013 г. предприняло серию мер, направленных на возобновление добрососедских отношений, расширение своего влияния и восстановление имиджа в Юго-Восточной Азии. В течение 2013 г. Пекин, руководствуясь целью гармонизации отношений с соседями, интенсифицировал свою дипломатическую активность, усилил экономическую дипломатию и предложил странам региона ряд крупных привлекательных проектов.

В октябре 2013 г. в ходе встреч с лидерами АТЭС и Восточноазиатского саммита китайская сторона выдвинула ряд важных инициатив в области торговли и инфраструктурного развития региона. Си Цзиньпин предложил создать Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, а также обозначил намерение увеличить товарооборот с АСЕАН с тогдашнего уровня в 400 млрд долл. до 1 трлн долл. к 2020 г.³³ Беспрецедентными стали выступления Си Цзиньпина перед парламентами Таиланда и Индонезии, в ходе которых Пекин презентовал стратегическую концепцию «Сообщества общей судьбы Китай-АСЕАН» и проект создания «Морского шелкового пути XXI в.», предусматривающий строительство портов и развитие морского сообщения Китая со странами Юго-Восточной Азии и Индийского океана. В мае 2014 г. Пекин предложил создать экономический коридор Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма посредством строительства объектов транспортной инфраструктуры, расширения инвестиций, товарооборота и гуманитарного сотрудничества.

Таким образом, с 2013 г. Пекин предпринимает комплексные целенаправленные усилия по расширению своего дипломатического и экономического присутствия в Юго-Восточной Азии: увеличилась частота визитов китайских высокопоставленных представителей в страны региона, в ходе которых Пекин обещал увеличение масштабов торговли и инвестиций, предлагал заключение новых контрактов и реализацию крупномасштабных проектов при определяющей роли китайского финансирования. В Пекине разрабатываются и совершенствуются схемы усиления связей между Китаем и АСЕАН и углубления зависимости стран Юго-Восточной Азии от Китая.

Важно при этом отметить то, что Китай не снижает свою напористость в реализации территориальных притязаний в Южно-Китайском море. Отличительной чертой современной внешней политики Китая в Юго-Восточной Азии стало совмещение двух подходов к развитию отношений с соседними странами: вовлечение их в широкомасштабное экономическое сотрудничество при одновременном усилении давления на них в территориальных спорах. Конечной целью такого двойственного подхода Пекина является создание сильной, устойчивой и всепроникающей зависимости стран Юго-Восточной Азии от Китая, при которой им будет крайне невыгодно занимать конфронтационную линию поведения в территориальных спорах с Пекином.

* * *

Таким образом, экономическая дипломатия находит широкое применение во внешнеполитической деятельности Китая в XXI в. Являясь более предпочтительной по сравнению с применением военной силы, она позволяет реализовывать национальные интересы КНР в относительно неконфронтационной манере, что особенно важно ввиду получивших широкое распространение в мире представлений о «китайской угрозе». Этим же объясняется упор в экономической дипломатии на методы поощрения или вознаграждения. К экономическому принуждению Китай прибегает сравнительно редко, поскольку такая линия поведения приводит зачастую к ухудшению его международного имиджа, а также к желанию стран-объектов принуждения снизить экономическую и иную зависимость от КНР. В этой связи, можно предположить, что до тех пор, пока Пе-

кин не аккумулирует комплексную национальную мощь, значительно превосходящую другие страны мира, и не сплотит вокруг себя группу государств, на всестороннюю поддержку которых мог бы рассчитывать, практика экономического принуждения не будет иметь широкого применения. Длительное время она будет применяться ограниченно, исключительно в случаях, когда ущерб наносится «коренным интересам» Китая. Пока же Пекин будет продолжать наращивать свою финансово-экономическую мощь, расширять свое экономическое присутствие в различных странах и регионах мира, углублять свою роль в международной финансово-экономической системе, а также путем предоставления щедрой помощи, вложения инвестиций, осуществления крупных инфраструктурных проектов и посредством иных форм поощрения вовлекать страны мира в сети экономической зависимости от Китая.

1. China Statistical Yearbook 2013. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2013/indexeh.htm>; TradeStats Express. URL: <http://tse.export.gov/TSE/ChartDisplay.aspx>.
2. European Commission Trade. URL: <http://ec.europa.eu/trade/>
3. CIA World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2199rank.html>.
4. Стратегия «выход вовне» (цзоу чуцзюй) была сформулирована еще во второй половине 1990-х гг. и официально закреплена в 2001 г. в 10-м пятилетнем плане. Она предполагала комплекс мер, направленных на стимулирование включения Китая в международное экономическое сотрудничество. В частности, эти меры включали государственную поддержку китайских компаний в вопросах инвестирования за рубежом, стимулирование инвестиций в приоритетные для Пекина отрасли, разработку соответствующей законодательной базы. Первые годы реализации этой стратегии не привели к значительному увеличению китайских инвестиций за рубежом. Однако взяв «низкий старт», ее эффективность стала проявляться с 2004–2005 гг., когда Народный банк Китая аккумулировал значительные резервы, и китайские государственные корпорации получили возможность осуществлять крупные инвестиционные проекты за рубежом.
5. 2010 нянь 1–12 юэ далу юй тайвань маои, тоуцзы цинкуан [Торговля и инвестиции материка и Тайваня в январе-декабре 2010 г.]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/aarticle/tongjiziliao/fuwzn/diaoca/201101/20110107368030.html>; 2013 нянь 1–12 юэ далу юй тайвань маои, тоуцзы цинкуан [Торговля и инвестиции материка и Тайваня в январе-декабре 2013 г.]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/tongjiziliao/fuwzn/diaoca/201402/20140200481419.shtml>.
6. Chunghwa Telecom Opens Satellite to Falun Gong // The China Post. 21.06. 2011. URL: <https://www.chinapost.com.tw/taiwan/national/national-news/2011/06/21/307009/Chunghwa-Telecom.htm>.
7. «Чжунго юй фэйчжоу дэ цзинмао хэцзо» байпишу [Белая книга «Китайско-африканское торгово-экономическое сотрудничество»]. 2010. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/wjbps/2010/201101/t847812.htm>.
8. Там же.
9. China's efforts to lower tariffs since WTO accession // Beijing Review. 5.12.2011. URL: http://www.bjreview.com.cn/Cover_Stories_Series_2011/2011-12/05/content_409942.htm.
10. Начата новая эра в сотрудничестве Китая и островных государств Тихого океана — эксперты // Жэньминь жибао. 24.11.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1124/c95181-8813226.html>.
11. White paper «China's Foreign Aid (2014)». July 2014. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-07/10/c_133474011_5.htm.
12. ASEAN trade by selected partner country/region, 2013. URL: http://www.asean.org/images/resources/Statistics/2014/ExternalTradeStatistics/Aug/table19_asof24Jul14.pdf; ASEAN Stats. URL: <http://aseanstats.asean.org/>
13. *Портяков В.Я.* К вопросу о комплексной мощи Китая: подходы к оценке, структура, динамика, перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность / Под ред. *Е.И. Сафроновой.* М., 2014. С. 11.

14. *Лексютина Я.В.* Китай в БРИКС: мотивация участия // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 4. С. 83–86.
15. White paper «China's Foreign Aid». April 2011. URL: <http://www.scio.gov.cn/zxbd/wz/201104/t896900.htm>.
16. *Naohiro Kitano, Yukinori Harada*. Estimating China's Foreign Aid 2001–2013. Japan, 2014. P. 17.
17. *Ibid.*, p. 16.
18. White paper «China's Foreign Aid (2014)». Op. cit.
19. *Ibid.*
20. *Ibid.*
21. *Lum Th*. Comparing global influence: China's and U.S. diplomacy, foreign aid, trade, and investment in the developing world, 15.08.2008. P. 86. URL: www.fas.org/sgp/crs/row/RL34620.pdf.
22. Beijing's moneyed advance on Southeast Asia // *CBCNews*. 8.03.2010. URL: <http://www.cbc.ca/news/world/story/2010/03/05/f-china-economic-muscle.html>.
23. *Reilly J.* China's economic statecraft: turning wealth into power. Sidney, 2013. P. 2.
24. Следует отметить, что с момента налаживания контактов Пекина с Тайбэем и достижения между ними в 2008 г. негласной договоренности о «дипломатическом перемирии», состоящем в отказе от «долларовой дипломатии» и соперничества за дипломатическое признание, Китай снизил свою активность в обретении новых дипломатических партнеров. По некоторым данным, в 2008 г. Пекин даже отклонил инициативы установления официальных связей, выдвинутые Панамой, Парагваем и Гватемалой (*Wang T.Y., Lee Wei-Chin, Yu Ching-Hsin*. Taiwan's Expansion of International Space: Opportunities and Challenges // *Journal of Contemporary China*. 2011. Vol. 20, Is. 69. P. 259.). Это, однако, не привело к существенному снижению объемов предоставляемой Пекином помощи странам, не являющимся его дипломатическими партнерами.
25. «Чжунго дэ хэпин фачжань» байпишу [Белая книга «Мирное развитие Китая»]. 2011. URL: <http://www.scio.gov.cn/zxbd/wz/201109/t999798.htm>.
26. *Reilly J.* Op. cit., p. 8.
27. *Бергер Я.* Национализм и внешняя политика КНР // РСМД. 29.12.2014. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5020#top.
28. Китайские редкоземельные ресурсы «накормят западные желудки»? // *Жэньминь жибао*. 02.08.2011. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7457561.html>.
29. *Гордеева И.* Территориальный спор из-за островов Сэнкаку (Дяоюйдао) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2013. № 1. С. 45.
30. *Лексютина Я.В.* Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА. КНР и США // *Проблемы Дальнего Востока*. 2011. № 5. С. 30–31.
31. Все китайские тургруппы, находящиеся на Филиппинах, покинут данную страну к 16 мая // *Жэньминь жибао*. 14.05.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7815567.html>.
32. China restricts dragon fruit imports. 12.06.2014. URL: <http://www.fruitnet.com/asiafruit/article/161785/china-restricts-dragon-fruit-imports>.
33. *Phuong Nguyen*. China's Charm Offensive Signals a New Strategic Era in Southeast Asia. 17.10.2013. URL: <http://csis.org/publication/chinas-charm-offensive-signals-new-strategic-era-southeast-asia>.

Экономика

Владивосток, Ляньюньган и евразийские трансконтинентальные экономические оси

© 2015

М. Романов

В статье рассматриваются вопросы формирования евразийских скоростных трансконтинентальных транспортных коридоров между пространствами Китая, России и Европейского Союза и последующего образования вдоль них экономических зон опережающего развития. В условиях глобализации, всеобщей конкуренции и усиления геополитической напряженности в мире они составят реальный механизм стратегического объединения евразийского континентального пространства для создания условий устойчивого развития его экономики.

Ключевые слова: территории опережающего развития, экономические оси, Евразийское экономическое пространство, Транссиб, Новый шелковый путь.

Великое будущее Владивостоку и Владивостокской агломерации прочили многие известные люди, и не только россияне. Так, Фритъоф Нансен отмечал, что «важнейшим городом на Дальнем Востоке, бесспорно, является город, именуемый Владивостоком... В недалёком будущем он станет фокусом важнейших мировых событий». По выражению А.И. Герцена, «Тихий океан — это Средиземное море будущего».

Действительно, сегодня мировые и демографический, и экономический потенциалы все активнее перемещаются в Азиатско-Тихоокеанский макрорегион, в бассейн Тихого океана¹. С учетом общемировых тенденций, как и значительной геополитической напряженности в современном мире, Россия не вправе запаздывать с активизацией развития стратегически важных территорий своего тихоокеанского побережья — от этого во многом будет зависеть ее положение в мировом сообществе, ее процветание и безопасность. Поэтому предстоящие 30–40 лет могут и должны стать периодом их активного преобразования, годами опережающего развития.

Речь, прежде всего, идет о Владивостокской агломерации, как стратегически важным и наиболее крупном экономическом центре России на тихоокеанском побережье.

При решении вопросов развития Владивостока нельзя забывать, что речь идет не о рядовом городе, каких в России сотни, а о *глобальной, геополитической, по-сути, проблеме*. Глобальность определяется той его ролью, какую Владивосток должен будет выполнять в ближайшей перспективе, в условиях все более активного смещения мирового демографического, экономического, военных потенциалов в бассейн Тихого океана при весьма динамичном развитии соседних стран.

Романов Матвей Тихонович, доктор географических наук, главный научный сотрудник Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения РАН.
Тел.: 8(423) 237–59–28. E-mail: romanov@tig.dvo.ru.

Учитывая уникальное экономико-географическое положение Владивостока и в целом Владивостокской агломерации и вытекающие во многом из этого функции (общенациональные, макрорегиональные, региональные, локальные), идея его развития на данном этапе как крупного центра международного сотрудничества представляется абсолютно правильной.

Изначально (в 1860-е гг.) Владивосток создавался для выполнения общенациональных функций, что отражено даже в его названии. России было важно в XIX веке, в период его основания на берегах Тихого океана, важно и сейчас, чтобы Владивосток достойно представлял ее в Азиатско-Тихоокеанском регионе мира — в производственно-экономической, в военно-политической, научно-технической, культурной и др. сферах. Сегодня одной из важнейших национальных функций Владивостока, как отмечается в ряде публикаций и программ развития² — это превращение его в реальный полномасштабный центр международного сотрудничества. Такая общенациональная функция Владивостока полностью коррелируется и с дальневосточными, и с краевыми интересами.

В ближайшем будущем его общенациональные функции, как нам представляется, будут становиться значительно масштабнее и ответственнее — это функции восточной опорной базы первого евразийского трансконтинентального транспортного коридора и одновременно, — восточного основания экономической и геополитической оси, что, естественно, включает в себя и функции центра международного сотрудничества России в АТР. Такая функция, естественно, возникла не сегодня, но в условиях глобализации и усиления всеобщей конкуренции, обострения геополитических отношений, она многократно усиливается, возрастает.

Новый этап активизации политической и экономической жизни во Владивостоке и на Дальнем Востоке в целом хронологически не может не увязываться с подготовкой и проведением здесь Саммита АТЭС в 2012 г., с активизацией участия России в деятельности этого авторитетного международного органа, с началом реализации Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г., включая крупномасштабные нефтегазовые проекты, строительство или модернизацию судостроительных и авиастроительных предприятий, реализацию новых стратегий развития Приморского края и Владивостока. К этому фактически относится и поручение Правительства РФ Минвостокразвитию определить зоны опережающего социально-экономического развития на Дальнем Востоке³

Все вместе это означает, что Россия начинает предпринимать усилия по включению своих восточных регионов в общемировой процесс смещения экономического, демографического потенциалов к берегам Тихого океана. Важным механизмом активизации развития стратегически важных территорий российского тихоокеанского побережья в нынешних условиях может стать формирование здесь территорий опережающего развития, и приоритетной из них, несомненно, должна стать Владивостокская агломерация.

В связи с этим задача развития Владивостока на долгосрочную перспективу может быть сформулирована как концепция его преобразования в крупнейший производственно-экономический, научно-технический и образовательный, культурный центр России на Тихоокеанском побережье и, одновременно — в важный интеграционный узел в АТР с высокими качествами среды жизнедеятельности населения. Правильным представляется формирование здесь узловых элементов различных интеграционных структур: транспортно-логистических, прежде всего портово-железнодорожных, информационных технологий, международных банковских структур и пр.

Глобальность и многогранность проблемы развития Владивостокской агломерации в ближайшей перспективе становятся понятнее при ее сопоставлении с китайским функциональным аналогом — городским округом Ляньюньган. В последний период он часто упоминается как «восточный плацдарм» или «восточный форт» формирующегося

евразийского трансконтинентального «Экономического пояса» вдоль «Нового шелкового пути» между динамично развивающимися Китаем и Европой.

«Новый шелковый путь» рассматривается как второй (после Транссиба), евразийский сухопутный мост. По оценкам китайских специалистов, он может стать самым потенциально значимым на Земле.

Он пролегает от китайского «узлового» порта Ляньюньган в восточном Китае через центральный и северо-западный Китай до Казахстана и далее через Россию веерообразно выходит на Европейский союз (рис. 1). Протяженность пути от Ляньюньгана до голландского Роттердама составляет 10900 км и, по оценкам Китая, он сформирует экономическую зону, реализующую до 23 процентов мирового экспорта, охватывающую более 30 стран Евразии с масштабным рынком, огромным потенциалом и с населением около 3 млрд человек⁴.

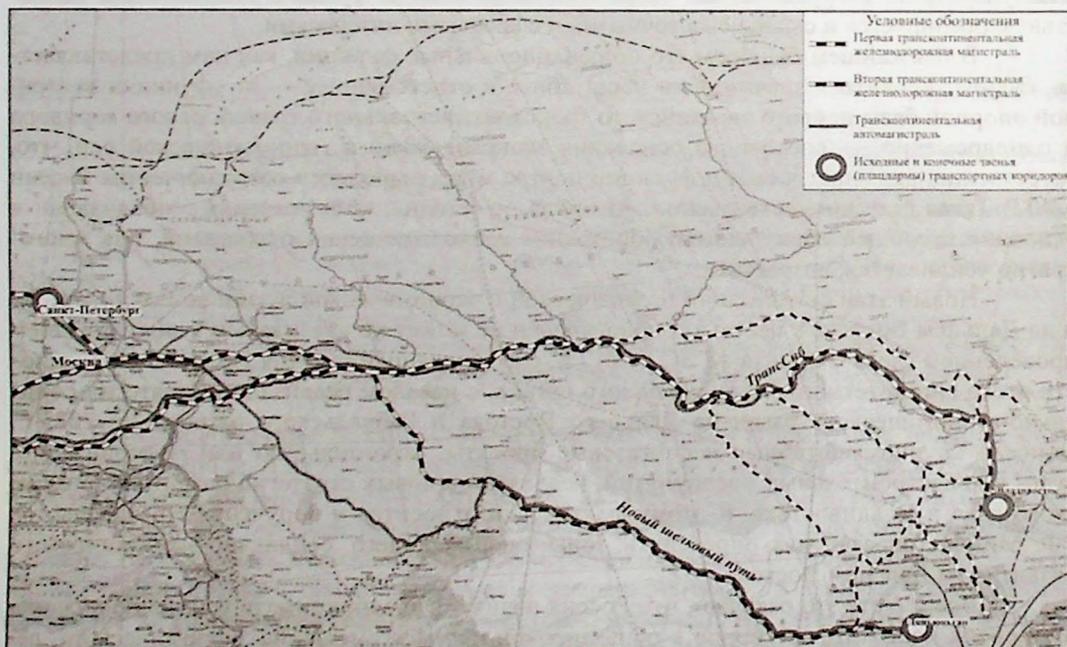

Рис. 1. Евразийские трансконтинентальные транспортные коридоры

Параллельно скоростной железнодорожной магистрали пройдет автодорожная, протяженностью около 8,5 тыс. км — от Ляньюньгана до Санкт-Петербурга (в т.ч. по России — 2233 км, Казахстану — 2787, Китаю — 3425 км)⁵. По территории России автомагистраль пройдет через Московскую, Нижегородскую области, Татарстан и Оренбургскую область. Завершить строительства планируется в 2018 году. Китайская часть автотранспортного коридора уже построена, активно ведутся строительные работы и в Казахстане.

Динамично развивающемуся Китаю с его огромными товарными потоками в Европу (товарооборот в 2013 г. — 430 млрд \$) давно уже нужен был наиболее короткий и скоростной трансконтинентальный транспортный коридор. Одновременно — это наиболее эффективный вариант включения центральных и северо-западных провинций Китая в зону опережающего развития. По китайскому Новому шелковому пути поставки товаров станут быстрее и проще. Одновременно — это наиболее эффективный вариант включения центральных и северо-западных провинций Китая в зону опережающего развития. В целом — это реальный глобальный проект (а не демонстрация намерений) по созданию зоны свободной торговли на евразийском пространстве в рамках ШОС.

Как отмечает ЖаоХуашен, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Фуданьского университета (Шанхай), «...новый проект не замыкается на Центральную Азию, а реализуется на более масштабном уровне с охватом Южной и Восточной Азии и Евразии. В плане региональной кооперации он выходит за рамки Шанхайской организации сотрудничества, хотя для Китая ШОС остается базовой платформой для сотрудничества в регионе»⁶.

Китай сегодня активно форсирует реализацию концепции экономического пояса Шелкового пути. В КНР идея нового экономического коридора вдоль Шелкового пути трактуется в качестве новой концепции нового китайского руководства. Однако, фактически Китай в этом направлении работает уже давно и масштабно. Активно подключился к реализации этого проекта и Казахстан, на который приходится почти 1/3 его протяженности.

В условиях глобализации появляется новое восприятие времени и пространства, поэтому можно ожидать, что создание экономического пояса «Новый шелковый путь» обеспечит выигрыш всем участвующим в этом проекте сторонам, в т.ч. и России. Завершение его строительства будет продвигать стабильное и здоровое развитие экономики на евразийском пространстве, приведет к значительной реконфигурации евразийской и мировой геоэкономических карт. Однако, большего выигрыша от этого глобального проекта следует ожидать в оздоровлении геополитической ситуации на евразийском пространстве, что особенно важно в нынешних напряженных геополитических условиях в мире.

Евразийский континент, или «хартленд» (по Х.Д. Маккиндеру⁷), где проживает большинство мирового населения и который всегда был и будет центральной ареной геополитики, в результате реализации концепции экономического пояса «Новый шелковый путь» будет связан воедино сетью скоростных и высокоскоростных железных и автомобильных дорог, трубопроводов. Такой инфраструктурный каркас географического пространства «хартленда» способен коренным образом изменить геополитический расклад в мире, формируя принципиально важные геополитические оси.

Пришедшие сегодня на железнодорожный транспорт высокие технологии, обеспечивающие массовость перевозимых грузов и, одновременно, кардинальное сокращение времени их доставки в пределах Евразии, делают его в условиях глобализации значительно более конкурентоспособным и безопасным в сравнении с морским.

У Транссибирского транспортного коридора весь предыдущий период была значительная возможность успешно выполнять подобные функции в связях российского и зарубежного (Япония, Республика Корея, КНДР, северо-восточные провинции Китая) Дальнего Востока с Европой, в опережающем развитии экономической оси вдоль него, однако по многим причинам — объективным и субъективным, он пока не может обеспечить это. Более того, сегодня можно даже отметить некоторое ослабление функций и восточного плацдарма, и транспортного коридора, и экономической оси.

В то же время необходимость устойчивого и масштабного функционирования первого трансконтинентального транспортного коридора — Транссибирского, — не исчезает, она сегодня лишь усиливается — уже в силу собственных потребностей России в опережающем развитии стратегически важных территорий Дальнего Востока и Сибири. Кроме того, весь товаропоток зарубежных грузообразующих стран и регионов не может быть направлен по одному транспортному коридору, в данном случае, — Новому шелковому пути, из-за различного их географического положения, сохраняющихся геополитических проблем и перманентно меняющихся геополитических отношений между ними.

Поэтому необходима ускоренная модернизация Транссибирской железнодорожной магистрали, преобразование ее в скоростную, как это и предусматривается Транспортной программой РФ, и опережающее развитие экономической оси вдоль нее, первоначально — как совокупности локальных зон опережающего развития. Царское правительство, при его весьма скромных технических, финансовых и людских ресурсах и

крайне слабой освоенности территорий и пр., смогло построить первую трансконтинентальную железнодорожную магистраль, реальным будет и ее преобразование сегодня, при современных технических возможностях, в скоростную и электрифицированную.

Формирование скоростных транспортных коридоров и геополитических, экономических осей вдоль Транссиба и Нового шелкового пути, по сути, — есть стратегическое объединение евразийского континентального пространства, как реального механизма противостояния мэхэновской стратегии «Петля анаконды»⁸. Китай в этом случае занимает господствующее положение в южном осевом регионе евразийского континента — хартленда, — в соответствии с реальной геополитической ситуацией в мире сегодня, Россия — в северном.

Наряду с успешным решением геополитических задач на евразийском континенте, реализация глобального проекта «Новый шелковый путь» позволит участвующим в нем странам столь же успешно и масштабно решать и задачи экономические. Более того, это позволит им на многие годы (как минимум, на период его реализации) забыть о глобальных экономических кризисах. Подтверждением тому может явиться, например, опыт ускоренного развития Германии и Японии в 1930-е, предвоенные годы, когда экономика этих стран преимущественно работала на внутренний рынок и обеспечивала 12–14-процентные темпы роста. Еще более высокие темпы развития обеспечивал СССР в период Индустриализации (1928–1940 гг.), когда за 12 лет было построено более 9 тыс. крупных промышленных предприятий, а основные производственные фонды в промышленности были увеличены в 7 раз⁹.

В рамках решения глобальной геополитической задачи — формирования трансконтинентальной экономической оси «Новый шелковый путь» — в Китае, в городском округе Ляньюньган, успешно ведется развитие ее исходного звена, или — «восточного плацдарма». Здесь активно и масштабно, как теперь это обычно делается в Китае, ведется строительство узлового глубоководного порта Сюйвэй. Планируется, что порт Сюйвэй будет принимать суда водоизмещением 300 тыс. тонн, и его грузооборот уже в течение семи лет достигнет 200 млн тонн¹⁰.

Строящийся вокруг порта мощный транспортно-логистический комплекс займет площадь 75 км². Здесь предполагается создать парк современной портовой логистики и специальных логистических станций, в т.ч. для центральноазиатских республик, центр интермодального транспорта и центр многофункционального складирования (ж/д линий, контейнерных и стандартных складов). Здесь же появятся производственные зоны (совместные базы производства оборудования и обработки цветных металлов, центры тестирования цветных металлов). Будут созданы сортировочные станции, комплексный бизнес-район, зоны свободной торговли, выставочный центр продукции стран и пр.

В порту Сюйвэй к настоящему времени уже готовы четыре причала. В самом городе также ведется бурная стройка, практически завершена инфраструктура города, проложены дороги, построены административные, офисные здания, бизнес-центры, отели, возводятся жилые районы. Всего на строительство нового портового района заложено около 8 млрд юаней¹¹.

Россия имеет свой огромный опыт (и неоспоримый приоритет!) в создании (и, особенно, — научном обосновании) огромной протяженности транспортных коммуникаций, линейно-узловых хозяйственных структур, экономических поясов или зон (например, зоны Транссиба, зоны БАМа и др.). В то же время нам пока не удастся обеспечить таким масштабным структурам высокий экономический эффект, соответствующие экономические масштабы, как это делает Китай в последнее время. Не достигнуты здесь пока и необходимые масштабы в организации исходного звена Транссибирского экономического пояса, или российского «восточного плацдарма» — Владивостока и Владивостокской агломерации.

Владивосток с трех сторон окружен морем, но полноценно пользоваться «морским» фактором развития он пока не может — Владивостокский порт, например, все еще остается маломощным. А в соседнем Китае насчитывается много портов-«100-миллионников», причем функциональный аналог Владивостока, Ляньюньган (т.е., строящийся порт Сюйвэй) планирует достичь в течение семи лет 200-миллионного (за год!) грузооборота.

На наш взгляд, в развитии Владивостока и Владивостокской агломерации целесообразно учесть опыт ускоренно развиваемого городского округа Ляньюньган, часто упоминаемого в последний период как «восточный плацдарм» экономического пояса Новый шелковый путь. Необходимо прежде всего учесть опыт в развитии портово-железнодорожного комплекса, в организации транспортно-логистических систем, транспортных потоков. Целесообразность учета китайского опыта в формировании «восточного плацдарма» с крупным портово-железнодорожным комплексом и, в «связке с ним», скоростного Транссибирского транспортного коридора и экономического пояса, на наш взгляд, несомненна.

В создание реального центра международного сотрудничества во Владивостоке, как ключевом звене Транссибирского экономического пояса, необходимо вкладывать такие же усилия и средства, какие вкладывает сегодня КНР в строительство Ляньюньгана.

В целях успешной реализации проекта восточного плацдарма во Владивостоке необходимо, прежде всего, определить его формирование как одно из немногочисленных прорывных направлений в социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Байкальского региона, наряду, например, с созданием и обслуживанием космодрома в Свободном. В свете новых подходов руководства страны к развитию экономики Сибири и Дальнего Востока (имея в виду Послание Президента В.В. Путина Федеральному Собранию в 2013 г.) таким «прорывным направлением» здесь, в пределах всей Владивостокской агломерации, может стать создание зоны опережающего экономического развития со статусом многофункционального Центра международного сотрудничества и развития.

Идея развития Владивостока как центра международного сотрудничества, транспорта и логистики, развития информационных технологий, коммуникаций и связи, заслуживает всяческой поддержки. Однако, одно дело — объявить о намерениях преобразовать город в Центр международного сотрудничества, другое — реально этого достичь.

Мировая практика свидетельствует, что реальными центрами международного сотрудничества становятся:

- крупные многофункциональные экономические центры с уникально выгодным экономико-географическим положением и широкими транспортными (прежде всего портово-железнодорожными) возможностями;

- крупные экономические центры, осуществляющие масштабные внешнеэкономические связи (и эта их функция является основной) и достигшие в их осуществлении международного признания;

- крупные, полифункциональные, как правило, транспортные узлы (морские, железнодорожные, авиационные, автомобильные) с крупными глубоководными портами и развитыми логистическими структурами;

- центры со значительным культурно-историческим наследием, социально-инфраструктурным, туристско-рекреационным потенциалами и благоприятными природно-климатическими условиями.

Учитывая международный опыт (прежде всего опыт Китая), во Владивостоке усилия и средства необходимо направить, прежде всего, на строительство крупного — узлового — порта, сопоставимого с портом Сюйвэй, с тем, чтобы он мог стать реальным исходным звеном, или «восточным плацдармом» Транссибирского экономического пояса. В этих целях необходимо создать адекватные портовые мощности, в т.ч. в Амурском и Уссурийском заливах путем проведения дноуглубительных работ в их кутовых частях, как это было сделано в бухте Козьмино вблизи Находки, в Усть-Луге под Санкт-Петербургом, в Тяньцзиньском порту или как это делается сейчас в порту Сюйвэй. Мощности

Владивостокского узлового порта должны быть такими, чтобы он мог перерабатывать возрастающий объем контейнерных, в т.ч. и международных товарных потоков (с Японией, Республикой Корея, КНДР и, возможно, с Северо-Восточными провинциями Китая), транспортируемых по Транссибу в обоих направлениях.

В дальнейшем формировании и развитии хозяйственной структуры Владивостокской агломерации, как территории опережающего развития, значительную роль должна играть промышленность. В хозяйственной основе любого крупного города, претендующего на лидерские позиции в регионе, должно лежать серьезное промышленное производство, крупномасштабные виды производственной деятельности. Это подтверждается опытом передовых, экономически и технологически развитых стран, это подтверждается и опытом функционального аналога Владивостока — китайского городского округа Ляньюньган. Здесь, несмотря на активное развитие транспортно-логистического комплекса, в качестве основного вида деятельности остается промышленность, а выпуск продукции на основе новейших высоких технологий возрастает ежегодно примерно на 20%. В настоящий момент в городе Ляньюньган имеются 63 крупных и средних промышленных предприятия, среди которых особо выделяются 6 гигантов. Они относятся к различным отраслям национальной экономики: химической, пищевой, текстильной промышленности, машиностроению, изготовлению строительных материалов, производству медикаментов и т.д.

Во Владивостоке и агломерации развитие промышленности также должно получить значительное развитие — на основе модернизации и широкого использования инновационных технологий и производства товаров с высокой добавленной стоимостью. Это и традиционные здесь виды экономической деятельности (судостроение и судоремонт, рыбодобыча и рыбопереработка, приборостроение), и новые — автомобилестроение, переработка нефтегазового сырья, производства подводной робототехники, фармакологии и др.

Исходя из такого подхода к долгосрочному развитию Владивостока и масштабыности стоящих перед ним задач, принципиально важными особенностями новой концепции развития Владивостока и Владивостокской агломерации должны стать:

— Кардинальное решение территориальных проблем Владивостока для дальнейшего его развития — за счет включения в его состав г. Артема и левобережья Надеждинского района. Такое принципиальное решение территориальных проблем Владивостока позволит устранить основной лимитирующий фактор, обеспечить быстрый его переход на новый качественно-количественный уровень и формировать в дальнейшем в новых границах «город-миллионник».

— Создание во Владивостоке крупного глубоководного порта как важнейшего условия его преобразования в реальный центр международного сотрудничества, в «высочайший плацдарм» первой евразийской трансконтинентальной экономической оси.

— Учитывая особенности территории и рельефа, историю хозяйственного освоения, Владивосток в перспективе необходимо формировать двузвенным: старая часть города (или южное звено) постепенно, планомерно должно быть преобразовано в современный деловой центр с развитыми портово-транспортными, административно-управленческими, торговыми, банковско-кредитными, представительскими функциями и т.п.; северное звено необходимо изначально формировать как «новый город» высоких технологий с технопарком, в т.ч. современным автозаводом, и крупным транспортным узлом (железнодорожным, авиационным, автодорожным, а также морским).

— В качестве приоритетных в хозяйственной структуре города должны быть определены наиболее эффективные в рыночных условиях виды деятельности, обеспечивающие его широкое участие в жизни АТР — портово-железнодорожные и логистические. Учитывая географическое положение города и уровень эффективности, в числе приоритетных отраслей здесь должен быть и въездной, как и внутренний туризм.

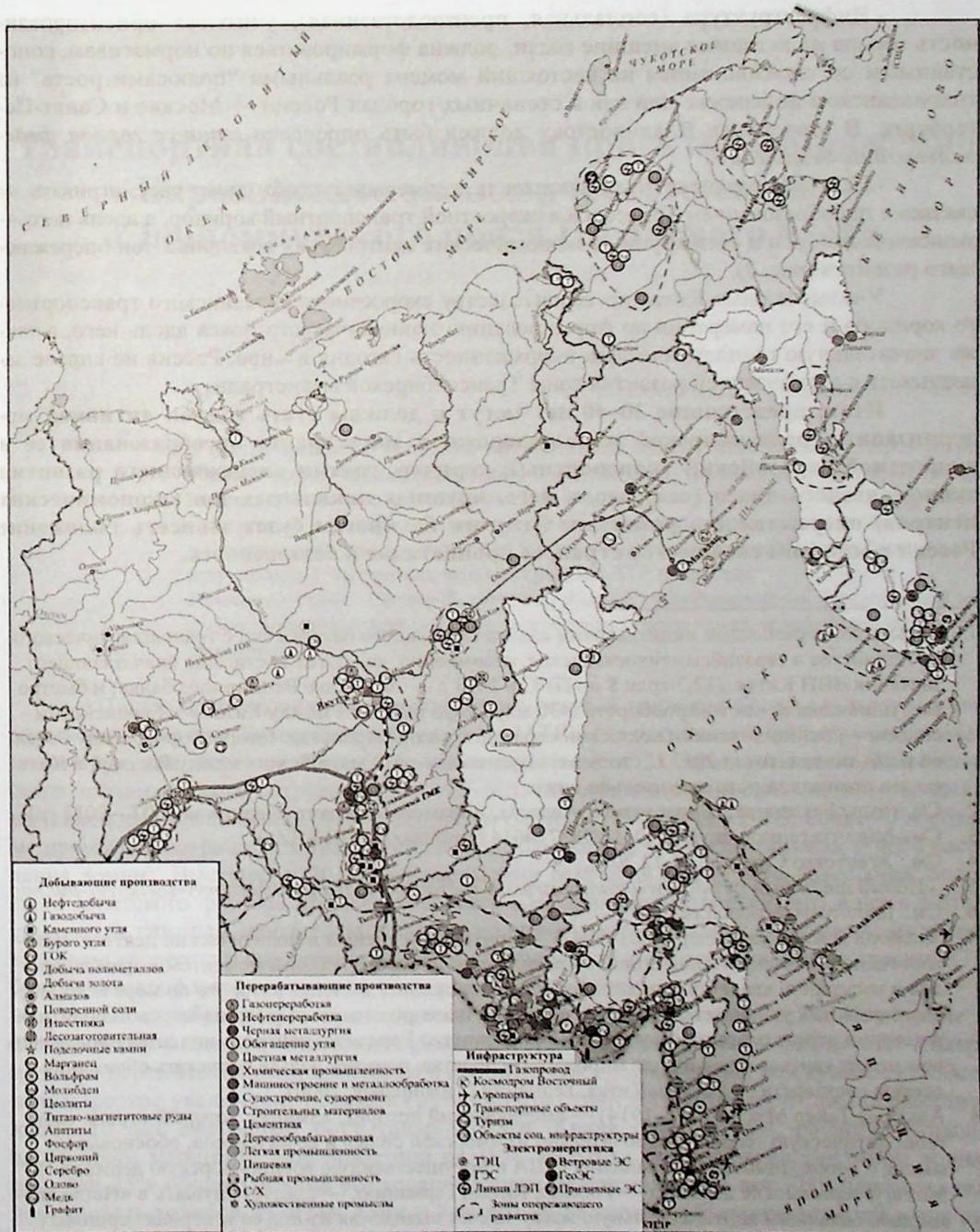

Рис. 2. Основные инвестиционные проекты ДФР

- Дальнейшее активное развитие и модернизация различных морехозяйственных структур (портового хозяйства, судостроения и судоремонта, строительства морских платформ, переработки морских биоресурсов и др.) должно осуществляться в других населенных пунктах Владивостокской агломерации (в Большом Камне, Зарубино, Посьете).

- Инфраструктура (социальная, производственная), учитывая ориентированность города на активные внешние связи, должна формироваться по нормативам, сопоставимым со сложившимися на настоящий момент реальными «полюсами роста» на тихоокеанском побережье или как в столичных городах России — Москве и Санкт-Петербурге. В этих целях Владивостоку должен быть определен *статус города федерального подчинения*¹².

- Наконец, развитие Владивостока и агломерации необходимо рассматривать «в связке» с преобразованием Транссиба в скоростной транспортный коридор, а вдоль него — экономической оси и сети крупных экономических центров, как локальных зон опережающего развития (рис. 2).

Учитывая опыт Китая по строительству скоростного евразийского транспортно-коридора и его намерения по формированию экономического пояса вдоль него, а также значительную геополитическую напряженность сегодня в мире, Россия не вправе запылять с активизацией развития зоны Транссибирской магистрали.

Итак, предстоящие 30–40 лет могут и должны стать годами активной модернизации Транссибирской железнодорожной магистрали, преобразования ее в скоростной евразийский транспортный коридор, годами опережающего развития экономического пояса (оси) вдоль него, крупных локальных зон (экономических центров) опережающего развития. От этого во многом будет зависеть положение России в мировом сообществе стран, ее процветание и безопасность.

1. Весьма показательными индикаторами сдвига глобального баланса сил с трансатлантического пространства в евразийско-тихоокеанское, несомненно, являются достижения впечатляющего значения ВВП Китая. (12,3 трлн \$ по ППС в 2013 г. — по оценке Всемирного банка) и быстро растущие показатели товарооборота (430 млрд евро в 2013 г.) между Китаем и Европейским союзом — экономическими полюсами евразийского пространства; товарооборот между Россией и ЕС, по данным за 2013 г., столь же значителен — 410 млрд \$, хотя между Россией и Китаем эти показатели пока значительно ниже.
2. См. труды Бакланова, Шинковского, Авдеева, Абрамова, Терского, Ларина за 2007—2013 гг.)
3. См.: <http://gia.ru/economy/20140112/988774614.html#ixzz2wHBFShZx>.
4. См.: Агентство Синьхуа. 26 12 2013.
5. «Новый шелковый путь»; www.transportrussia.ru/transportnaya-politika/novyy-shelkovyy-put.
6. См.: <http://russiancouncil.ru>.
7. Хэлфорд Джон Маккиндер (1861–1947) — британский ученый и политический деятель. Изложил геополитическую концепцию, согласно которой определяющим моментом в судьбе народов и государств является их географическое положение, значение которого по мере исторического развития усиливается. Суть его основной идеи: роль осевого региона мировой политики и истории играет огромное внутреннее пространство Евразии и контроль над этим пространством может явиться основой для мирового господства, поэтому нельзя допускать сближения осевых государств — России, Китая, Германии (Тихонравов, 2000).
8. Альфред Тайер Мэхэн (1840–1914) — американский историк, адмирал, который строил свою геополитическую теорию исключительно из «морской силы» и ее интересов, обосновывал мысль о необходимости превращения США в могущественную военно-морскую державу. По Мэхэну, евразийские державы — Россию, Китай, Германию, — следует удушать в «Петле анаконды», сдавливая континентальную массу за счет выведения из-под ее контроля береговых зон и перекрывая по возможности их выходы к морским пространствам.
9. См.: Народное хозяйство, 1987, с. 33.
10. См.: Новый шелковый путь, новая идея, новое процветание. // Агентство Синьхуа. 26 12 2013
11. Там же.
12. Список городов федерального подчинения в России — Москва как столица РФ, Санкт-Петербург — форпост и полюс экономического развития на Балтике, Севастополь — на Черном море, в нынешних геополитических условиях следовало бы дополнить Владивостоком — форпостом и полюсом экономического развития на Тихом океане.

Транспортная составляющая проектов сопряжения Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути»

© 2015

С. Сазонов, Е. Кудрявцев, У Цзы

В статье выявлены основные преимущества сухопутного транзита через территорию России, проанализированы внешние и внутренние факторы, препятствующие встраиванию российской транспортной сети в систему международных транзитных коридоров. Рассмотрены возможные способы и пути интеграции РФ в международную транспортную систему с целью повышения доли России в международных перевозках между странами АТР и Европы.

Ключевые слова: Северо-Восточный Китай, международный транзитный коридор, логистическая цепочка, транзитный потенциал, транспортная инфраструктура.

Полюс опережающего экономического роста в мире все более сдвигается в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), где постепенно формируется новый доминирующий мировой экономический центр. На долю 21 страны Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), занимающего ведущее место в иерархии региональных организаций АТР, приходится около 57% мирового ВВП, более 43% объема прямых иностранных инвестиций, около 50% объема мировой торговли и 40% населения Земли¹. Выступая в 2014 г. на церемонии открытия ежегодного совещания Боаоского азиатского форума, премьер Госсовета КНР Ли Кэцян отметил, что Азия и Китай становятся главным двигателем восстановления и роста мировой экономики. Ведущие западные эксперты и аналитики сходятся во мнении, что в ближайшие годы страны АТР будут в немалой мере определять вектор мирового развития.

В сентябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выступил в Казахстане с инициативой создания «Экономического пояса Шелкового пути» — т.е., за счет модернизации континентальных азиатских и европейских транспортных коммуникаций обеспечить резкое увеличение объемов грузооборота стран АТР с Европой². За предшествующие 10 лет ежегодный рост товарооборота Китая со странами, расположенными вдоль этого маршрута, рос примерно на 19%. В 2013 г. он превысил триллион долларов, или 25% общего объема его товарооборота. В ближайшие 5 лет КНР намерена импортировать товаров из стран Азии и Европы на \$8 трлн, а объем инвестиций в эти регионы превысит \$450 млрд³.

Международные аналитики признают, что в ближайшее десятилетие строительство азиатской инфраструктуры будет переживать бум — ежегодные темпы роста рынка

Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. Тел.: 8(499) 129-04-01; E-mail: jsazonova2010@mail.ru. *Кудрявцев Евгений Сергеевич*, аспирант ИДВ РАН. Тел.: 8-985-8878731; sinology@inbox.ru;

У Цзы, аспирантка ИДВ РАН. E-mail: wendywu828@yandex.ru.

инфраструктурного строительства составят 7–8%⁴. В 2025 г. его объем достигнет \$5.3 трлн, или 60% мирового рынка инфраструктурного строительства. Причем половина капиталовложений в развитие этого рынка будет инвестирован Китаем⁵. Согласно рекомендациям специалистов Азиатского банка развития (АБР), азиатским странам в 2010–2030 гг. следует инвестировать более \$8 трлн в развитие своей инфраструктуры. По мнению аналитиков Всемирного банка (ВБ), высказанному в 2014 г., для ликвидации инфраструктурных ограничений страны Южной Азии в течение ближайших десяти лет должны ежегодно вкладывать \$250 млрд в развитие своих транспортных сетей, а страны Восточной Азии — \$600 млрд⁶. Однако ни ВБ, ни АБР не могут оказать странам этих регионов соответствующую финансовую помощь, концентрируя свои усилия на менее масштабных инвестициях в страны с низким уровнем доходов.

По ходу 21-ой неформальной встречи лидеров АТЭС (2014 г.) Си Цзиньпин отметил, что Китай готов активно включиться в процесс становления инвестиционного партнерства между правительствами, частным сектором и международными организациями для развития региональной инфраструктуры. Он выступил с предложением создать Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ)⁷. По мнению руководства КНР, подобный финансовый институт придаст новый импульс региональному инфраструктурному строительству, сократит отток капиталов из Азии, активизирует экономический рост не только в странах АТР, но и во всем мире⁸. На Боаоском форуме 2014 г. Ли Кэцян сообщил, что АБИИ с начальным уставным капиталом в \$100 млрд будет сугубо коммерческим институтом, открытым и для стран, не входящих в регион. При этом он будет отличаться от АБР и ВБ, поскольку те являются «политизированными институтами, выступающими в качестве государственных агентов»⁹. По словам министра финансов КНР Лоу Цзивэя, размер взноса Китая в уставной фонд АБИИ составит \$50 млрд.

В октябре 2014 г. представители 21 азиатской страны (Лаоса, Кампучии, Мьянмы, Таиланда, Вьетнама, Малайзии, Сингапура, Брунея, Филиппин, Индонезии, Казахстана, Узбекистана, Кувейта, Непала, Омана, Южной Кореи, Монголии, Индии, Пакистана, Шри Ланки, Бангладеш) подписали в Пекине меморандум о создании АБИИ. Ожидается, что в 2015— начале 2016 гг., после ратификации соглашения всеми участниками этот новый банк (со штаб-квартирой в Пекине) начнет свою деятельность.

На встрече министров финансов стран АТЭС, состоявшейся в октябре 2014 г. в Пекине, основной темой обсуждения стала программа финансирования инфраструктурных проектов, призванных подстегнуть спрос и ускорить экономический рост. В ноябре 2014 г. Китай принял решение предоставить ряду стран АТЭС льготный кредит в размере \$20 млрд на развитие транспортной инфраструктуры, из которых \$10 млрд будут выделены правительством КНР, а \$10 млрд — Китайским банком развития (China Development Bank).

Императивы формирования российского транспортного коридора Европа—АТР

Согласно большинству оценок, в начале XXI в. наиболее интенсивное развитие торговли наблюдается между рынками стран АТР и Европы. Поскольку трассы российских транзитных коммуникаций соответствуют кратчайшим географическим расстояниям, РФ в перспективе могла бы открыть прямой путь между зонами зарождения и поглощения грузопотока этих макроэкономических полюсов. Российская транспортная транзитная система сегодня теоретически обладает рядом преимуществ. Здесь налицо действующая система транзитных коридоров (хотя и с недостаточным пока что запасом пропускной способности). Сухопутный транзит через территорию России имеет ряд преимуществ по сравнению с морским транспортом. Согласно данным ЮНКТАД, в 2013 г. около 80% мировой торговли осуществлялась через 30 крупнейших портов мира, вслед-

ствие чего они работают с максимальной нагрузкой¹⁰. Вследствие повышения рисков из-за пиратских нападений увеличиваются страховые платежи перевозчиков, что ведет к удорожанию контейнерного транзита морем. При альтернативном использовании морского маршрута через мыс Доброй Надежды возрастают сроки доставки и, соответственно, серьезно удорожают перевозки. Т.е., основным конкурентным преимуществом перевозок через территорию РФ становится фактор времени, поскольку по ряду наименований грузов сроки транспортировки определяют качество и конечную цену товара.

Факторы, препятствующие полноценному встраиванию России в Евразийский рынок транзитных грузоперевозок

Распад СССР и последующие кризисные явления в экономике России, процессы дезинтеграции на постсоветском пространстве привели к тому, что российская транспортная инфраструктура в последние десятилетия практически не развивалась и сегодня в плохом состоянии, которое все более ухудшается из-за нехватки капиталовложений в ее развитие, содержание и ремонт. Состояние железнодорожной инфраструктуры Транссиба и БАМа не отвечает потребностям роста рынка грузовых перевозок — коэффициенты использования мощности на большинстве участков превышают предельно допустимые значения. В последние 10 лет на Восточном полигоне нагрузка на сеть Транссиба увеличилась с 340 млрд до 570 млрд т/км в год и продолжает расти, несмотря на общее падение перевозок в 2013–2014 гг.¹¹. В 2013 г. протяженность участков с лимитированной провозной способностью на восточном полигоне Транссиба составляла 3,2 тыс. км. В случае недостаточных объемов финансирования для их реконструкции к 2018 г. общая протяженность этих участков достигнет 8,1 тыс. км, или 75% протяженности всей сети восточного полигона магистрали¹². Железнодорожная инфраструктура крайне изношена. В 2013 г. уровень износа основных фондов достиг 86%, Недофинансирование ремонта путей грозит еще большим снижением скорости движения на сети и ростом числа аварий.

При этом капиталовложения в развитие транспортного комплекса КНР с начала XXI в. стали превышать 8% ВВП Китая (в России — менее 2% ВВП), а в рамках проведения политики «выхода вовне» Китай приступил к форсированному развитию мощностей транзитной инфраструктуры. За этот период капиталовложения в развитие континентальной железнодорожной сети превысили там 6 трлн юаней (около \$1 трлн), из которых более половины было ассигновано на высокоскоростные трассы. Строительство скоростных магистралей позволило удвоить скорость движения и пропускную способность обычных грузовых магистралей, включая костяк евразийских транзитных путей. Китайские железные дороги составляют реальную конкуренцию Транссибу, в первую очередь, за счет сравнительно низкого тарифа на грузоперевозки. Как признал председатель ОАО «РЖД» В. Якунин, «на сегодняшний день подвижной состав в Китае в два с лишним раза дешевле российского и подготовлен для работы в скоростном режиме вплоть до 160 км/ч»¹³.

Не менее значимая причина недостаточной загруженности Транссиба — неподходящая и завышенная стоимость железнодорожных тарифов ОАО «РЖД» и неразвита система отношений в сфере страхования грузов. Экспорт товаров в КНР и другие страны АТР из Европы через дальневосточные порты с доставкой внешнеторговых грузов к ним по Транссибу (от \$4 тыс.) по-прежнему вдвое дороже экспорта морским путем. В результате существенная часть импорта из стран АТР доставляется в нашу страну не коротким маршрутом через российские дальневосточные порты и по Транссибирской магистрали, а извилистым морским путем через Суэцкий канал и порты Европы¹⁴. Транссиб, БАМ, Севморпуть (СМП), по-прежнему *служат сугубо внутривосточными транспортными артериями.*

В 2013 г. более 70% мирового объема обработки контейнерных грузов произошло на АТР, в регионе находятся 9 из 10 крупнейших по обороту контейнеров портов мира, 6 из которых — китайские¹⁵. В 2013 г. грузооборот морских портов КНР превысил 190 млн ДФЭ (эквивалент 20-футового контейнера), а доля КНР в мировом контейнерном грузообороте превысила 30%. Хотя в ближайшие несколько лет на мировом рынке контейнерных перевозок появятся дополнительные транспортные средства, прежде всего в виде новых сверхкрупных контейнеровозов, спрос на нем, по-прежнему, будет расти быстрее, чем предложение. Согласно прогнозам экспертов ВБ, среднегодовой прирост мирового объема обработки контейнерных грузов в портах в 2014–2015 гг. составит 7–8%¹⁶.

В настоящее время основной трассой, обеспечивающей внешнеэкономические связи между странами АТР и Европы, является морская маршрут через построенный в 1869 г. Суэцкий канал (95% международных перевозок). В 2015 г. Египет введет в эксплуатацию новый канал протяженностью 35 км. (параллельный старому), что значительно повысит его пропускную способность. Немалую роль играет и Панамский канал, обеспечивая 4% международных евразийских перевозок и, в основном, двустороннюю торговлю между его главными пользователями — Китаем и США. В 2007 г. начались работы по реконструкции канала (стоимость составила около 5,3 млн долл.),¹⁷ что позволит пропускать суда, вмещающие 12 тыс. контейнеров и удвоить пропускную способность Панамского канала в 2016 г. За последнее время грузоместимость магистральных контейнеровозов, используемых на данных маршрутах, значительно увеличилась, что повлекло существенное снижению себестоимости перевозок.

Инвестиции в расширение инфраструктуры морских портов Китая и умножение парка морских судов за последние 15 лет превысили 5 трлн юаней. В 2013 г. общий объем грузов, прошедший через все морские порты КНР, составлял уже 10,7 млрд т, на долю китайского торгового флота приходилось 40% мирового объема транспортировки навалочных грузов¹⁸. Из 20 крупнейших по грузообороту мировых портов 17 были расположены в Азии, а в первую десятку крупнейших портов мира вошли 7 китайских портов¹⁹. Годовой грузооборот 20-ти китайских портов превышает 100 млн т. *По объему грузооборота морских портов КНР опережает дальневосточные порты РФ почти в 100 раз*²⁰. На Дальнем Востоке обрабатывается около 20% российских внешнеторговых грузов, проходящих через порты РФ, при этом около 80% всех морских перевозок дальневосточного бассейна осуществляются через порты южного Приморья (Восточный, Находка и Владивосток)²¹. Их совокупные мощности по грузообороту составляют около 50 млн т, а по обороту контейнеров — около 300–350 тыс. ДФЭ. По оценкам специалистов, для становления России полноценной участницей евразийского транзитного коридора, минимальный объем обработки контейнеров в этих портах должен достигать 10 млн ДФЭ²².

Оформление импортных грузов в портах ДФО таможенными службами может затягиваться до несколько недель, тогда как в мире в среднем оно занимает 1 день. Время разгрузки одного стандартного контейнера в портах Шанхай и Нинбо—Чжоушань занимает всего 15 минут (мировой рекорд), а стоимость разгрузки — около \$50 (в порте Восточный — \$140)²³. Совокупность этих негативных факторов привела к тому, что сегодня объем перевозок транзитных грузов между Европой и странами АТР через российскую территорию очень мал. В 2013 г. объем евразийского транзита через российскую территорию составлял, по официальным данным, лишь 0,2% существующего объема товарооборота между странами Европы и Азии и не превышал 50 тыс. контейнеров в год, т.е. используется не более 1% транзитного потенциала Транссиба²⁴. Причем, китайская сторона неоднократно заявляла, что готова повысить объем транзитного грузооборота через территорию Казахстана и России до 300–400 тыс. контейнеров в год и увеличить долю континентальной транспортировки в общем объеме транзита из КНР в Европу с нынешнего 1% до 7% в 2020 г.²⁵

Ежегодно между странами ЕС и АТР перемещается около 40 млн контейнеров (более 1 млрд т грузов на общую сумму \$800 млрд)²⁶, и около 95% этого потока перевозится иностранным морским флотом через зарубежные порты, минуя территорию России. Пользуясь нашей затянувшейся выжидательной позицией по вопросу развития дальневосточной транспортной инфраструктуры, Китай и другие морские державы АТР уже практически выдавили Россию из рынка евразийского грузового транзита. В стратегическом плане фактор доминирования Китая на рынке морского евразийского транзита может иметь негативные последствия для планов российского руководства о превращении транспортной системы РФ в значимое звено транзитных перевозок между Европой и АТР. Ожидать, что страны АТР одновременно захотят воспользоваться российским маршрутом для перевозки своих товаров, а Китай «добровольно поделится» значительной частью грузопотока своего транзитного коридора, — маниловщина.

Развитие транспортной инфраструктуры РФ и ДФО в системе региональных и евроазиатских транспортных коридоров

Россия становится все менее значимым партнером для АТР, тогда как значение региона для нашей страны по мере смещения сюда центра мировой экономической активности (и в условиях антироссийских экономических санкций со стороны Запада) возрастает. В связи с этим российскому руководству пора отказаться от упования на геополитические, ресурсные, транспортные и иные преимущества, якобы автоматически гарантирующие ей роль державы, влиятельной в данных регионах. Многие из этих преимуществ уже утрачены, либо потеряли свое определяющее значение. Поэтому перспективы полноценного включения РФ в интеграционные процессы АТР сегодня в первую очередь обуславливаются созданием национальной высокотехнологичной транзитно-транспортной системы и использования того минимума возможностей, которые не утрачены окончательно. Промедление с развитием Транссиба, БАМа, дальневосточных портов РФ сулит потенциальные вызовы для России на фоне стремительно развития транспортной сети КНР.

Главная причина того, что мы не зарабатываем на транзите столько, сколько могли бы — в том, что Транссиб сегодня не функционирует как международный евроазиатский транспортный коридор, каковым всегда являлся. Сегодня мы не можем предложить готовый транспортный продукт национального уровня, продаваемый на мировом рынке. Трансконтинентальный коридор на основе Транссиба безусловно нужен, однако, учитывая высокую стоимость проекта даже простой его реконструкции, акцент на международные транзитные перевозки в направлении Европа — Азия представляется второстепенной задачей, ибо потенциальные объемы транзита не окажутся столь существенными, чтобы возможные будущие доходы от него (примерно \$2 млрд.) существенно отразились на бюджете РФ.

Следует также учитывать, что транзитный вариант капитализации российской территории в качестве трансмодального транспортного коридора чреват стратегическими и экономическими рисками. В целях стимулирования экономического роста КНР и другие страны АСЕАН делают сегодня ставку на стимулирование внутреннего спроса, что отметил премьер Госсовета КНР Ли Кэцян на Боаоском форуме в 2014 г. Выступая в сентябре 2014 г. на международной выставке China—ASEAN Expo в Наньнине заместитель премьера Госсовета Чжан Гаоли заявил, что «в течение ближайших пяти лет китайские прямые инвестиции в страны АСЕАН превысят \$500 млрд, а КНР импортирует из региона товаров на \$10 трлн»²⁷. Если в течение 5–10 лет страны АСЕАН смогут добиться, чтобы регион стал не только центром промышленного производства, но и потребления, то объем транзитного потока евроазиатских перевозок может сократиться: соответственно, российские инвестиции в развитие транзитной инфраструктуры не окупятся.

Сегодня пространственная геополитика Китая стала многовариантной. Пекин при формировании «экономического пояса Шелкового пути» и «Морского шелкового пути 21 в.» планирует создание параллельных и взаимодополняющих выходов в Европу не только через РФ, но и через Центральную Азию, страны ЮВА и Ближний Восток, что снижает его возможные инфраструктурные риски.

Судьба Дальнего Востока РФ более тесно связана с Китаем и СВА, чем с европейской частью России, в основном, в силу его географическому положению. ДФО и СВА составляют «естественный географический и экономический пояс». Для Дальнего Востока РФ тесные экономические связи с Китаем (в первую очередь) и странами ЮВА, Японии, Южной Кореи могут стать столь же полезными, как и с регионами европейской части РФ. А существующие трудности (международные и национальные барьеры), осложняющие взаимовыгодное сотрудничество, могут быть преодолены путем создания эффективной *региональной интеграции российско-китайских транспортных систем*. Адресная и адекватная государственная поддержка развития транспорта ДФО позволила бы органично встроить дальневосточную инфраструктурную сеть в китайские и международные транспортные коридоры и их императивное объединение с транспортной системой РФ. Россия и Китай могли бы стать ведущими региональными интеграционными магнитами, способными, при определенных условиях, обеспечить превращение приграничной инфраструктурной интеграции в многополярную региональную структуру. В случае присоединения к ней и использования ее мультипликативного эффекта реальную выгоду смогли бы получить все страны АТР.

Сегодня железнодорожная сеть центрального и западного Китая в значительной степени перегружена, испытывает трудности в доставке экспортных грузов в порты восточного побережья страны для вывоза их в Европу. Следует ускорить создание транспортного коридора Пекин—Москва (завершить к 2018 г. строительство 1-го участка — 770-км ВСЖД Москва—Казань). Это позволит увеличить пропускную способность западного полигона Транссиба, нарастить железнодорожные транзитные грузопотоки, формируемые в центральных и западных провинциях КНР и направляемые через Казахстан по территории РФ в Западную Европу.

В свою очередь транспортная инфраструктура северо-восточных провинций КНР в направлении российской границы и участок Транссиба от основных на азиатских границах РФ железнодорожных КПП Забайкальск—Маньчжоули и Гродеково—Суйфэньхэ до российских дальневосточных портов недогружены. Поэтому первоочередная задача российско-китайской транспортной интеграции заключается в переводе на плечо участка ДВЖД Забайкальск—тихоокеанские порты РФ существенной части грузов, произведенных в северо-восточных и центральных провинциях КНР для дальнейшей транспортировки в Европу, к восточным портам КНР и в страны ЮВА. И обратно с вероятным последующим переключением части этого транзитного грузопотока на китайские железнодорожные магистрали в западном направлении, т.к. сегодня пропускные возможности Транссиба ограничены.

Резкое повышение транзитного потенциала ДФО могло бы стать мощным импульсом развития региональной инфраструктурной интеграции, сопряженной с договором о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) и планом «экономического пояса Шелкового пути». Следует также активизировать перевозки по международному транспортному коридору (МТК) «Приморье—1» (Харбин—Суйфэньхэ—Гродеково—порт Восточный—страны АТР).

В развитии межрегионального грузопотока заинтересованы как северо-восточные провинции КНР, получающие выход к портам южного Приморья, так и Япония, Южная Корея, страны АСЕАН. При условии значительного повышения пропускной способности Транссиба и дальневосточных портов, сегодня это — наиболее реальный и, вероятно, последний, шанс для реализации планов регионального транзита. В реализации

планов роста национального транзитного ресурса Дальневосточной железной дороги (ДВЖД), как замыкающего звена Транссиба, отводится роль плацдарма для закрепления позиций России на рынках КНР и стран ЮВА. ДВЖД имеет значительный потенциал для наращивания объемов перевозки экспортно-импортных грузов России с Китаем и странами АТР, а увеличение резерва пропускной способности железнодорожных переходов Забайкальск—Маньчжоули, Гродеково—Суйфэньхэ, Хасан—Туманган—Раджин, возобновление работы перехода Махалино—Хуньчунь позволит обеспечить рост регионального товарооборота и значительно увеличить доходы местных бюджетов.

В 2013 г., по признанию начальника ДВЖД, объем перевозок нефти снизился на 12 млн т, что было связано с реализацией проекта ВСТО и увеличением ее перекачки по российско-китайскому нефтепроводу Сковородино—Дацин. Объемы ежедневной передачи сырой нефти через погранпереход Забайкальск—Маньчжоули для Харбинской железной дороги сократились, что дало уникальный шанс для российских портов и, в особенности, железных дорог, использовать возможность диверсификации поставок газа из РФ. Альтернативой будущей доставке газа посредством планируемого трубопровода «Сила Сибири» и для морской транспортировки СПГ из российских портов могут стать поставки компримированного (сжатого) газа (КПГ) в контейнерах по морю и по железной дороге. Контейнеры для транспортировки КПГ удобны при континентальной транспортировке в условиях отсутствия газопроводной сети. Емкости выдерживают давление в пределах 200–250 бар, а цилиндры связаны в один модуль (контейнер), что делает их пригодными к перевозке большого количества газа на одной железнодорожной платформе.

Вариант транспортировки КПГ в провинции Дунбэя по российским железным дорогам весьма эффективен и прост в реализации. Проект не требует привлечения инвестиций в строительство железнодорожной инфраструктуры, поскольку при перевозке КПГ используется уже имеющаяся дальневосточная российская железнодорожная сеть, примыкающая к границе КНР. Используя потенциал логистических компаний, можно связать газовые месторождения РФ, мощности по подготовке газа с китайскими потребителями.

После того, как вступил в эксплуатацию трубопровод Сковородино—Дацин, высвободившиеся от перевозки нефтепродуктов мощности железных дорог ДФО позволяют принять значительные потоки КПГ и начать освоение весьма перспективного газового рынка Дунбэя. Реализация плана переброски КПГ в КНР может продуцировать и макроэкономический эффект для РФ — после введения в эксплуатацию магистрального российско-китайского газопровода транспортировку КПГ легко переориентировать на морские экспортные перевозки в юго-восточные провинции КНР и в АТР.

Транзитный потенциал Забайкальского края является весьма значительным. На российско-китайской границе кроме Забайкальска расположен КПП Приаргунск, который также связан с сетью российских железных дорог. На территории КНР уже достроен участок железнодорожной дороги от Хайлара до сопредельного с Приаргунским КПП Хэйшаньютоу. Эти КПП разделяет только отсутствие участка в 20 км федеральной автотрассы от Приаргунска до пограничного перехода, а также нет мостового железнодорожного перехода через Амур. При помощи китайских инвестиций на российско-китайской границе мог бы появиться новый современный железнодорожный пограничный переход.

Значительную выгоду мы можем получить от реализации разработанного в 1990-е годы дальневосточными учеными проекта МТК «Приморье-2», который предусматривает транзит товаров, производимых в Дунбэе, через порты Хасанского района Приморского края. Сегодня товары, произведенные в северо-восточных провинциях КНР (с их общей территорией 1,45 млн км² и населением свыше 120 млн чел.), не имеющих собственного выхода к Японскому морю, транспортируются на большие расстояния для вывоза через порты КНР. Из г. Хуньчуня, например, до ближайшего порта Даляня груз приходится везти почти за полторы тысячи километров, тогда как от Хуньчуня до порта

Зарубино расстояние транспортировки сокращается до 75 км (а длительность транспортировки — на 5 дней), до порта Посьета — 42 км, до порта Славянки — 200 км. Кроме того, железнодорожная сеть северо-восточных провинций Китая перегружена внутрирегиональными грузами и не справляется с внешнеторговыми потоками — в 2013 г. вследствие лимитирующих ограничений инфраструктурной сети Дунбэя не было вывезено 86 млн т различных грузов. В повестке дня: модернизация железнодорожной инфраструктуры Хасанского района (строительство развязов Пожарский и Барский, реконструкция пограничного перехода Махалино—Хуньчунь). В 2015 г. объем контейнерных перевозок в направлении Махалино—Хуньчунь может достичь 2 млн т грузов и 3 тыс. ДФЭ, к 2017 г. — до 8 млн т грузов и более 23 тыс. ДФЭ²⁸.

Главным звеном проекта МТК «Приморье-2» должен стать порт Зарубино, расположенный в 80 км северо-западнее порта Владивостока и всего в 18 км от российско-китайской границы, он должен стать альтернативой доставке китайских грузов по железной дороге до китайского порта Далянь (см. схему 4). Власти провинции Цзилинь намерены инвестировать \$3 млрд в увеличение ежегодного грузооборота незамерзающего порта Зарубино до 60 млн т, а в перспективе до 100 млн т²⁹. Порт объединит зерновой терминал на 40 млн т, контейнерный терминал на 2 миллиона ДФЭ, терминал ро-ро (накатных) грузов на 1,5 млн ед. в год, терминал для перевалки генеральных грузов (более 25 млн т). Проект реконструкции порта предполагает увеличить количество причалов с действующих 4-х до 12–15. Это даст возможность использовать 60% мощности российского порта для вывоза продукции провинций Дунбэя в южные регионы КНР, а 30% — для экспорта в страны АТР и Северную Америку³⁰.

В 2014 г. власти провинции Цзилинь согласились передать в аренду на 50 лет российской группе «Сумма» 310 га земли в Хуньчуне для строительства логистического центра по обработке грузов с мощностью до 40 млн т в год, где будут обрабатываться китайские грузы, прибывающие в Хуньчунь, будет производиться их сортировка и формирование судовых партий. Китайские компании достигли договоренностей с группой «Сумма» о перевалке продукции через Зарубино. Цзилиньская зерновая компания намерена переваливать 10 млн т зерновых (пшеницы, кукурузы, сои) в год. Компания «Хэнда» готова с 2018 г. ежегодно переваливать не менее 5 млн т воды с возможным ростом объемов в восемь раз к 2025 г. Чанчунский автозавод (крупнейшее в мире сборочное производство Volkswagen) намерен ежегодно импортировать через Зарубино из Европы и Америки автокомплекующие общим объемом 40 тыс. ДФЭ. «Сумма» намерена инвестировать \$300–350 млн в строительство логистического центра и реконструировать российский участок железной дороги до порта Зарубино (построить вторые пути и провести электрификацию), а также планирует подать заявку в Фонд национального благосостояния для финансирования проекта «Большой порт Зарубино» в размере около 46 млрд руб. В качестве соинвесторов рассматриваются банки КНР и РФ³¹.

В 2014 г. ДВЖД организовала пробный пропуск большегрузных контейнеров по маршруту Хуньчунь—Зарубино, а власти порта уже заявили о готовности без дополнительного увеличения собственных мощностей ежегодно принимать от российских железнодорожников до 5 тыс. ДФЭ. Китайские эксперты полагают, что в случае соединения Зарубино с Транссибом, повышения портовых мощностей, увеличения пропускной способности железнодорожного перехода Махалино—Хуньчунь этот российский порт сможет конкурировать через 10 лет с китайскими портами Далянь или Шанхай³². В целях повышения логистических возможностей порта Зарубино власти провинции Цзилинь выразили заинтересованность в строительстве ВСЖД Владивосток—Хуньчунь и в соединении ее с китайской железнодорожной сетью.

При условии улучшения качества российской транспортной сети в целом, развития порта Зарубино и значительного повышения пропускной способности железнодорожной сети ДФО идея Президента РФ В.В. Путина об использовании транзитного

потенциала Транссиба и БАМа (выскаанная на 14-м саммите ШОС) смогла бы получить реальное воплощение. Несомненно, что загрузка приморских портов РФ может проходить с еще большей эффективностью, если реализовать неоднократно обсуждавшиеся с китайской стороны планы по строительству железных дорог из провинции Хэйлуцзян в Приморский край: Дуннин—Полтавка—Уссурийск и Мишань—Турый Рог. Следует построить железнодорожные мосты между Хэйхэ и Благовещенском, Хулинем и Лесозаводском.

В 2013 г. в КНДР завершилась реконструкция железной дороги от российской станции Хасан до северокорейского города-порта Раджин. Эта дорога позволит ОАО «РЖД» увеличить международные контейнерные перевозки на 4 млн т на первом этапе с перспективой роста до 17 млн т. В дальнейшем прогнозируется увеличение грузопотока и расширение номенклатуры грузов, включая перевалку контейнеров (до 100 тыс. в год)³³. В свою очередь китайская сторона построила автомобильную дорогу от Хуньчуня до порта Раджин, способную загрузить железную дорогу в направлении РФ (Раджин—Туманган—Хасан), либо загрузиться частью российских грузов для последующей отправки их на запад КНР и в Казахстан. Для реализации этих планов необходимо расширить узкие места на российской территории — серьезно модернизировать инфраструктуру участка Барановский—Хасан, являющегося связующим звеном Транскорейской магистрали и Транссиба.

Основные экономические гиганты расположены в Северном полушарии и, следовательно, главная ось мировой экономики сместится с Запада на Восток, где будет формироваться развитая приарктическая экономическая зона с участием России, КНР и стран ЮВА. Развитие российского и китайского ледокольного и транспортного флота, портов и систем обеспечения безопасности мореплавания по Севморпути (СМП) позволила бы обеспечить круглогодичное сообщение со странами Северо-Восточной Азии. Полноценная эксплуатация восточного полигона СМП есть стратегическая задача использования этого маршрута в качестве национальной транспортной коммуникации РФ: железная дорога Сабетта—Бованенково загрузит действующую дорогу Обская—Бованенково, обеспечит соединение с Северной и Свердловской железными дорогами и далее с Транссибом.

В конце 2013 г. торговое судно Yongsheng водоизмещением 19,461 т совершило за 33 дня первый проход протяженностью около 2936 морских миль по СМП (из Дальяня через Берингов пролив до Роттердама). Интерес китайских судоходных компаний к СМП выше, нежели к другому арктическому морскому пути — Северо-Западному проходу (СЗП), пролегающему в канадских и американских водах³⁴. Причина в том, что для СЗП, имеющего ту же протяженность, что и СМП, характерна более тяжелая ледовая обстановка. Намечены планы создания совместного российско-китайского пароходства, которое осваивало бы Северный морской путь, перевозя по нему коммерческие грузы. По словам начальника Центра по обеспечению судоходства в Восточно-Китайском море Министерства транспорта КНР Ван Хэсюня, использование СМП позволяет судам сократить расстояние транспортировки на 25–55% по сравнению с традиционными коридорами перевозок из портов восточного побережья КНР в порты Западной Европы, Северного и Балтийского морей³⁵. Интерес к подобным походам могут проявить порты Дандун, Инкоу, Циньхуандао, Тяньцзинь, Шанхай и, в особенности, порты Дунбэя³⁶. При этом они отмечают значительные трудности, возникающие при проходе по СМП, связанные с неразвитостью береговой инфраструктуры и низким качеством логистики.

Китайские специалисты полагают, что нынешняя Россия не сможет самостоятельно создать нормальные условия для освоения СМП, и заинтересованность РФ в поиске партнеров открывает новые возможности для КНР³⁷. В свою очередь Китай, сталкиваясь с трудностями при проведении морских судов по СМП, заинтересован в изучении российского опыта судоходства в высоких широтах и сотрудничестве с РФ в

освоении арктических путей. Согласно расчетам Института полярных исследований КНР, объем внешнеторгового оборота Китая в 2020 г. может составить \$7,6 трлн. А поскольку 90% внешней торговли страны обеспечивается морскими перевозками, то стоимость 10% внешнеторговых грузов, перевезенных китайскими морскими компаниями по СМП в 2020 г., может достичь \$683 млрд. Если наладить тесное российско-китайское взаимодействие в освоении СМП, то структура морских евразийских перевозок изменится кардинально³⁸.

Если организация регионального коридора через территорию РФ вследствие недостатка инвестиций в полном объеме затруднена, то следует находить возможности для его реализации по частям. Первым этапом могло бы стать определение приоритетной железнодорожной магистрали, связывающей два крупных промышленных центра — один в КНР, другой в РФ. Такой участок может быть проложен в относительно короткие сроки, а его рентабельная эксплуатация возможна задолго до завершения строительства коридора в целом: протяженность транспортных путей может составить в таком случае лишь несколько сот километров. Одним из таких участков регионального транспортного коридора мог бы стать отрезок пути Харбин—Иркутск. Целесообразно увязывать прокладку транспортного коридора со строительством новых автомобильных дорог, ЛЭП и других коммуникаций. Наличие крупного регионального аэропорта и внутренних водных путей позволяет превратить этот транспортный узел в зону зарождения крупного центра транспортировки экспортных товаров из КНР и других стран АТР в европейские регионы РФ. Поскольку ближайшим «впускным клапаном» экспортного грузопотока является Харбин, то такой инфраструктурный мост не только стимулировал бы экономическое развитие крупных российских региональных центров Читы и Улан-Удэ (а с китайской стороны — Дацина, Хайлара, Цицикара), но и стал бы основой для создания пояса экономического роста в промышленных центрах вдоль магистрали.

Огромный потенциал сотрудничества российских дальневосточных портов с ближайшими китайскими портами в провинции Ляонин — Далянем, Даньдунем, Инкоу. В 2008 г. Госсовет КНР постановил основать таможенную зону в заливе Даяо близ порта Далянь, что стало важным шагом в развитии стратегии открытости провинции Ляонин. Именно в этом районе планируется создание одного из крупнейших международных портов США. Провинциальные власти планируют до 2015 г. вложить более 20 млрд юаней в реализацию 35 проектов, предусматривающих строительство новых причалов, развитие железнодорожной и автомобильной инфраструктуры в районе портов. К концу 12-й пятилетки в провинции будут действовать 5 крупных морских портов с ежегодным грузооборотом более 100 млн т каждый, а общий объем грузооборота всех портов провинции Ляонин увеличится до 1,1 млрд т³⁹.

Наибольшую перспективу сулит сотрудничество российских дальневосточных портов с быстро развивающимся портом Даньдун, расположенным на самой северной оконечности континентальной береговой линии Китая. В 2013 г. объем его грузооборота составил 120 млн т, объем контейнерных перевозок превысил 1,5 млн ДФЭ. Порт занимает удобное географическое положение, будучи расположен между КНР и КНДР и совсем рядом с РФ, Японией, РК и Монголией, находится на пересечении морских путей, соединяющих 90 портов семидесяти стран. Ускоренными темпами идет строительство причала, который специализируется на обслуживании крупных судов, перевозящих железную руду, водоизмещением до 300 тыс. т. В ближайшие 2–3 года продовольствие, стальной прокат, уголь и железная руда только из 14 городов, расположенных в восточной части Северо-Восточного Китая, могут обеспечить рост грузооборота порта Даньдун на 100 млн т, а выход к морю через него позволит предприятиям СВК сократить логистические издержки на 6 млрд юаней в год. По оценкам, к концу 12-й пятилетки здесь будут

дополнительно построены более 60 глубоководных причалов, а годовой грузооборот порта достигнет 400 млн т⁴⁰.

Позитивный настрой на развитие взаимовыгодного и прагматичного экономического сотрудничества, включая укрепление региональной транспортной интеграции, продемонстрировали руководители двух великих стран-соседей при встрече Си Цзиньпина с В.В. Путиным на 14-м саммите ШОС (Душанбе, сентябрь 2014 г.).

1. Xi to chair APEC Economic Leaders' Meeting. URL: <http://english.people.com.cn/n/2014/1021/c90883-8797640.html>.
2. Xi's speech on China-Central Asia ties catches global attention . URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-09/08/c_132700989.htm.
3. APEC economies pledge flexible fiscal policies, stress infrastructure investment . URL: <http://english.people.com.cn/n/2014/1023/c90883-8798513.html>.
4. Asia's infrastructure market close to \$5.3t by 2025 . URL: http://en.ce.cn/main/latest/201411/13/t20141113_3896905.shtml.
5. Asia infrastructure boom boon for China . URL: http://en.ce.cn/main/latest/201411/17/t20141117_3918646.shtml.
6. China, ASEAN discuss new Maritime Silk Road . URL: <http://english.people.com.cn/n/2014/0917/c90883-8783570.html>.
7. A bank that will realize inclusive development . URL: <http://www.ecns.cn/business/2014/05-22/115311.shtml>.
8. AIB good for region, good for the world . URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2014-11/04/content_18863789.htm.
9. *Jiang Xueqing*(*Chinadaily.com.cn*). Infrastructure bank taking shape . URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2014-04/10/content_17425452.htm.
10. The revival of the Silk Road: perspectives from point of view of Kazakhstan-China cooperation . URL: <http://english.people.com.cn/102774/8470618.html>.
11. *Плетнев С.* Двух магистралей мало. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2364283>.
12. РЖД не хватает на рельсы . URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/567531/rzhd-ne-hvataet-na-relysy>; *Фурсова И.* Россия прошита Транссибом . URL: <http://www.rg.ru/2014/08/01/transsib.html>; *Карнаух М.* Инфраструктурная конкуренция . URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2585054>.
13. *Якунин В.И.* Проблемы международной гармонизации железнодорожного права России / Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. М.: Науч. эксперт, 2008. С. 141.
14. China-Europe railway relaunches . URL: http://www.china.org.cn/business/2014-04/24/content_32191382.htm.
15. *Zhao Lei* (*China Daily*). Chinese shipbuilder reveals breakthrough technology . URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013-08/20/content_16905725.htm.
16. CIMC plans production base. URL: http://www.china.org.cn/business/2014-03/18/content_31823592.htm; Shipping sector sailing toward crisis . URL: http://en.ce.cn/main/latest/201408/18/t20140818_3374679.shtml.
17. Panama Canal launches pre-operating plan for new set of locks. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201408/21/t20140821_3401049.shtml.
18. *Zhou Siyu* (*Chinadaily.com.cn*). China demand to push up dry-bulk carrier rates . URL: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-04/19/content_16423980.htm.
19. *Zhong Nan* (*Chinadaily.com.cn*). Ports experience stable expansion in 2013 . URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/chinadata/2014-03/14/content_17347273.htm; China approves expanded opening of Tianjin port . URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2014-10/06/content_18699681.htm.
20. Чжунго туниз чжайяо 2014. Пекин, 2014. С. 133.
21. *Итаев В.И.* Регион надежды // Россия в АТР. 2012. № 3 (24). С. 8.
22. *Хорошавин А.В., Заусаев В.К.* Дальний Восток России: как жить и хозяйствовать. Хабаровск, 2012. С. 436.

23. *Shi Xiaofeng, Yan Yiqi (Chinadaily)*. Ambition to be dynamic ship and rail hub. URL: http://www.chinadaily.com.cn/regional/2014-11/06/content_18879735.htm.
24. *Якунин В.* Нам нужны решительные преобразования. О том, почему они необходимы и могут стать драйверами российской экономики . URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2585049>.
25. *Lo J. (China Daily)*. Finding a fast route to European nations . URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2014-11/24/content_18967230_3.htm.
26. *Tuo Yannan (Brussels), Pu Zhendong (Beijing) (China Daily)*. «New milestone» for China-EU partnership seen . URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2014xivisitew/2014-03/31/content_17390846.htm.
27. Vice Premier Zhang Gaoli's speech at China-ASEAN Expo. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/china/2014-09/17/content_18614065_4.htm.
28. Артем разведет контейнеры по сухому. Заработала железнодорожная составляющая логистического центра в Приморье. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2494425>.
29. Реконструкция российского порта Зарубино принесет новые возможности странам Северо-Восточной Азии — эксперты . URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-10/09/content_33705174.htm.
30. *Chen Yang (Global Times)*. Russia port has big regional goals, especially for Northeast China. URL: <http://english.people.com.cn/business/n/2014/0918/c90778-8784185.html>.
31. «Сумма» подаст заявку в ФНБ на софинансирование проекта порта Зарубино. URL: <http://ria.ru/economy/20141109/1032441002.html>.
32. Китай и Россия вместе построят крупный морской порт в 18 км от границы с КНР. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-09/18/content_33548057.htm.
33. Российский уголь отправлен в Южную Корею через новый терминал в северокорейском порту Раджин. URL: <http://www.interfax-russia.ru/FarEast/news.asp?id=562674&sec=1671>.
34. China Exclusive: China to build new icebreaker . URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-01/05/c_133019770.htm.
35. Расширение порта Зарубино будет способствовать возрождению Севморпути. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2014-10/13/content_33751106.htm.
36. *Zhong Nan (China Daily)*. Arctic trade route opens . URL: http://usa.chinadaily.com.cn/business/2013-08/10/content_16884426.htm.
37. *Zhao Lei (China Daily)*. China to release its first guidebook on Arctic shipping shortcut. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/china/2014-06/20/content_17602556.htm.
38. China Focus: Northeast Asian countries eye Arctic seaway. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-09/10/c_132709302.htm.
39. China's Northern-most Port Rises. URL: <http://english.cri.cn/6826/2013/12/28/2702s805535.htm>.
40. China's northern-most port rises. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-12/28/content_31030128.htm.

Инновационная деятельность КНР (по оценкам западных и китайских экспертов за 2014 г.)

© 2015

Т. Горчакова

Рассматриваются вопросы инновационной деятельности Китая, нашедшие отражение в западной и китайской прессе за 2014 г., дается оценка инновационного развития страны в сравнении со странами Европы и США. Основная часть авторов, за некоторым исключением, высоко оценивает китайские инновации и пророчит им большие перспективы.

Ключевые слова: Китай, инновации, инновационные компании, китайские предприниматели, поддержка государства, оценка западных экспертов.

«Инновации» — одно из самых излюбленных и модных в настоящее время слов в современном бизнесе. Страны и компании, которые внедряют инновации, становятся лидерами. Более ста лет США играют в этом вопросе исключительную роль. Но есть мнение, что нынешнее возвышение Китая может изменить эту ситуацию.

В 2012 г. прямые иностранные инвестиции в развивающиеся экономики впервые превысили ПИИ в передовые экономики мира. Предполагалось, что в 2014 г. доля Азии в мировых НИОКР приблизится к 40%. Данный регион постепенно замещает в качестве мирового двигателя НИОКР страны-участницы Договора свободной торговли — США, Канаду и Мексику. И Китай играет в этом ключевую роль.

Каков же инновационный потенциал Китая? Можно ли ожидать серьезного прорыва КНР в области инноваций в ближайшем будущем? Будет ли Китай доминировать над США в технологическом плане, а научные и технические инновации КНР — превосходить инновации США?

Начиная с 1990 г. рост китайской экономики во многом был обусловлен увеличением инвестиций в НИОКР. Патентное бюро Китая в 2012 г., согласно данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, стало крупнейшим в мире. Достижения НИОКР КНР — настолько быстрые, глубокие и обширные, а также в некотором роде «разрушительные», что многие западные эксперты подвергают их сомнениям. В частности, некоторые международные критики заявляют, что предприятия, находящиеся в собственности государства, могут умышленно завышать некоторые показатели НИОКР.

Однако, по мнению ряда экспертов, подъем инноваций в Азии — это не игра, где одна сторона выигрывает, а другая проигрывает. Такая тенденция будет способствовать процветанию всего региона, а также обеспечит выгодные возможности для передовых экономик мира.

Начиная с образования в 1949 г. Китайской Народной Республики отношение к инновациям в Китае стало меняться. Первый этап (1949–1976 гг.) включал в себя становление инновационной системы на принципах плановой экономики советского образца. В конце 1970-х гг., с приходом к руководству Дэн Сяопина технологический прогресс стал внедряться на принципах рыночной перестройки. В 2006 г. в Китае была принята Долгосрочная программа развития науки и техники. Было заявлено о намерении превратить

Китай к 2020 г. в «инновационное общество», а к 2050 г. — в мирового лидера в области науки и технологий. Для достижения этих целей за последние 40 лет Китай использует все свои финансовые и политические возможности, стремясь всемерно стимулировать инновационное развитие страны. Начиная с 1980 г. КНР активно создает зоны по внедрению новых технологий, технопарки, различные исследовательские программы, чтобы повысить инновационный потенциал отечественных компаний.

Китай, издавна хорошо известный как прекрасный имитатор, сейчас начинает внедрять собственные инновации. КНР обладает рядом специфических особенностей (как в области спроса, так и в области предложения), которые дают стране преимущество в сфере инноваций, даже в сравнении с западными странами. К преимуществу относится, например, наличие большого количества «относительно недорогих» инженеров и ученых. Китайские и иностранные компании в настоящее время используют эту высокопрофессиональную рабочую силу для развития инноваций, что было бы очень дорого в странах с развитой рыночной экономикой. Китайские компании могут позволить себе выделить значительно больше людей для инновационных проектов, чем их зарубежные конкуренты.

Хорошо известная государственная поддержка в Китае также является мощным двигателем инноваций. Данная поддержка выражается не только в развитии инфраструктуры, образования и научных парков, но и в предоставлении прямых субсидий государственным предприятиям для исследований и инноваций. Менее известно то, что в квазифедеральной экономической системе Китая многие провинциальные и городские власти соревнуются между собой, чтобы привлечь инвестиции — так же, как это происходит в экономической конкуренции между штатами в США.

Еще один двигатель инноваций — знаменитая предпринимательская хватка китайских бизнесменов, хорошо известная на протяжении десятилетий за пределами материкового Китая.

Китай представляет собой большой рынок, который развивается очень быстро. Быстрый рост позволяет легко внедрять новые продукты и услуги, не имея острой необходимости вытеснять конкурентов. Кроме того, быстрый рост рынка более снисходителен к инновационным неудачам. Поэтому компании могут больше рисковать и апробировать новые идеи.

Инновационный рывок китайских компаний.

Инвестиции КНР в НИОКР в 2015 г., согласно документам третьей сессии ВСНП 12-го созыва, превысили 2% ВВП (т.е., составили свыше 200 млрд долл.). Для сравнения: американские инвестиции в НИОКР вырастут всего на 4% в 2014 г. по сравнению с 2012 г. и составят 465 млрд долл. Согласно прогнозам Института им. Бателла (США), в 2018 г., Китай обойдет по объему инвестиций в НИОКР Европу а 2022 г. — США.

В качестве примера инновационного рывка можно назвать корпорацию Huawei Technologies Co., крупнейшего поставщика телекоммуникационного оборудования, занимающего 2-е место на мировом рынке после шведского Ericsson. Инвестиции данной компании в НИОКР выросли в 2013 г. в 14 раз и составили 5,46 млрд долл. (при 389 млн долл. в 2003 г.)

В течение последних 10 лет Huawei Technologies Co. обошел таких западных конкурентов, как Nokia Corp. и Alcatel-Lucent SA. Согласно Питеру Жоу, одному из директоров Huawei Technologies Co., данный успех во многом был достигнут благодаря креативному подходу китайских инженеров, которые смогли повысить уровень беспроводных сетей с помощью нового программного обеспечения, вместо того чтобы делать дорогостоящую замену оборудования.

Научно-исследовательский центр Huawei Technologies Co. находится в Пекине и насчитывает более 10 тыс. сотрудников, многие из которых имеют ученые степени в области компьютерных наук.

КНР также набирает обороты в такой отрасли, как микрочипы для мобильных устройств. Китайские компании Fuzhou Rockchip Electronics и Allwinner Technology все более уверенно заявляют о себе на мировых рынках.

В 2013 г. китайская компания Lenovo Group обогнала Hewlett-Packard по объему продаж персональных компьютеров. И, согласно данным исследовательской компании Gartner, в третьем квартале 2013 г. Lenovo Group вышла на 3-е место в мире по продаже смартфонов после Samsung Electronics и Apple Inc.

В 2010 г. Lenovo Group создала группу разработчиков мобильных приложений. В середине 2013 г. компания запустила Qiezi — приложение для операционной системы андроид, действительно как для Apple, так и для Google айфонов, которое позволяло двум телефонам обмениваться фотографиями и видеозаписями без интернет-соединения. Через 4 месяца у Qiezi было уже 30 млн. пользователей.

Китайская компания Tencent Holdings Ltd владеет приложением обмена сообщениями для смартфонов WeChat, которое появилось на рынке в 2010 г. и имеет 272 млн активных пользователей ежемесячно. В 2013 г. Tencent Holdings Ltd потратила 200 млн долл. на зарубежную рекламу, чтобы продвинуть WeChat на международные рынки, включая такие страны, как Индия, Южная Африка, Испания и Италия. В настоящее время WeChat имеет более 100 млн пользователей за рубежом.

В 2013 г. доля Tencent Holdings Ltd на рынке практически удвоилась. Ее рыночная стоимость — 123 млрд долл., что незначительно уступает Facebook, рыночная стоимость которой составила 139 млрд долл.

Китай уже давно известен как производитель популярных гаджетов для компаний всего мира, однако его собственные технологии никогда не рассматривались в качестве лидирующих на мировом рынке. Но в последнее время данная тенденция начинает меняться. Все чаще китайские компании бросают вызов мировым лидерам и задают тон в таких областях, как телекоммуникации, мобильные устройства и онлайн услуги.

Несколько лет назад китайский предприниматель Тан Ян задумался над созданием приложения для мобильных телефонов, с помощью которого пользователи, находящиеся в территориальной близости друг от друга, могли бы знакомиться друг с другом. Тан запустил данное приложение, которое он назвал Momo, в 2011 г., а сейчас оно имеет уже более 35 млн активных пользователей ежемесячно. Для сравнения, в США аналогичное приложение Tinder было выпущено на рынок лишь в сентябре 2012 г.

Другой пример: 57-летний предприниматель Ли, превративший в профессию свое давнее хобби — конструирование летательных аппаратов. Он возглавил небольшую компанию из 8 человек в родном городе Чунцине. Его сотрудники создают небольшие летательные аппараты и продают их по 300 долл. за штуку. Данные модели отличаются уникальным дизайном и буквально «напичканы» инновациями.

Государственная поддержка и создание инновационных зон

В настоящее время правительство КНР вкладывает миллиарды долларов в креативные отрасли, чтобы поддержать предпринимателей нового типа (таких, как г-н Ли), в надежде на то, что они будут создавать более качественную, более совершенную продукцию. Руководство КНР хочет видеть на отечественной продукции не только надпись «Сделано в Китае», но также и «Разработано, создано и усовершенствовано в Китае».

Как часть своей национальной программы, в 2011 г. власти Китая построили гигантский инновационный комплекс стоимостью 690 млн долл. в порту г. Тяньцзиня, недалеко от Пекина. Более сотни компаний по производству фильмов, анимаций, компьютерных игр арендуют офисы в данном комплексе по ценам ниже рыночных.

Одна из компаний принадлежит 39-летнему предпринимателю Ян Чжэнсяну, который создает мультфильмы и анимационные фильмы в стиле традиционной китайской живописи. Ян Чжэнсян подчеркивает, что только с помощью всесторонней под-

держки государства ему удалось развить свой бизнес и увеличить штат сотрудников с 10 до 70 человек.

Наиболее эффективное развитие технопарков отмечается при их учреждении на территории особых экономических зон, которые получили достаточно широкое распространение в мировой хозяйственной практике. В технопарках ученые могут проводить исследования, преподавать в учебных заведениях, участвовать в процессе внедрения результатов своих исследований в производство. По сути, технопарки — это главные центры инноваций.

Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь — наиболее значимые ОЭЗ в Китае. Проникнув на китайский рынок, солидные мировые компании начали инвестировать в крупные промышленные центры высоких технологий в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу. Это стало мощным стимулом для развития собственной высокотехнологичной продукции, которая активно продвигается на экспорт. В результате Китай вышел на первые позиции по поставке высокотехнологичной продукции в сферах машиностроения, электроники, авиапромышленности. Развитие высокотехнологичного производства в прибрежных районах Китая позволило ему не только продвинуться вперед в реализации своей инновационной стратегии, но и решить множество социальных проблем.

По мнению Бернарда Квока, вице-президента пекинского офиса компании Symantec (американского производителя программного обеспечения), «многие китайские игроки понимают: чтобы выжить в долгосрочной перспективе и иметь устойчивый рост, необходимо внедрять инновации».

Китайские компании до сих пор испытывают трудности в вопросах восприятия своей продукции. Потребители других стран продолжают относиться с недоверием к китайским товарам, считая их недостаточно надежными и низкокачественными по сравнению с продукцией других производителей. Тем не менее, многие высокопоставленные лица крупнейших китайских и западных корпораций говорят о том, что в последнее время уровень технологий КНР серьезно повысился.

Китай имеет много «пустого рыночного пространства» и мало обычных трудностей в формировании привычек потребителей. Этим объясняется быстрый взлет компании Philips, которая была весьма успешна в запуске своих отпаривателей для одежды, разработанных местным центром НИОКР. Одной из причин успеха явилось то, что данный продукт занимал в квартире меньше места, чем обычный утюг и гладильная доска.

Потребность китайского населения в простой, продукции, более доступной, чем та, которая предлагается компаниями из развитых стран, также способствует инновациям.

В Китае и центральное, и провинциальные правительства могут в короткие сроки реализовывать такие масштабные проекты, как строительство высокоскоростной железной дороги или нового аэропорта, которые, в свою очередь, открывают широкие возможности для инноваций.

В настоящее время более 1500 НИОКР-центров созданы в КНР иностранными компаниями. Китайские компании также вкладывают все больше средств в НИОКР.

Некоторые нововведения, например, компактная ультразвуковая машина «Дженерал электрик», впервые разработанная для китайского рынка, проложили себе дорогу даже в развитые страны.

Создать институциональную систему продвижения инноваций

Одними из основных двигателей инноваций являются университеты, которые в КНР с каждым годом увеличивают набор студентов. Если в 1998 г. в университетах Китая обучалось 3,4 млн студентов (для сравнения: в США тот же период — 14,5 млн), то в 2012 г. эта цифра составила уже 23,9 млн человек, или на 4 млн больше, чем в США.

Что касается ученых степеней, то ожидается, что в ближайшем будущем в Китае число их обладателей будет выше, чем в любой другой стране мира. Тем не менее, китайские университеты, по мнению западных экспертов, вряд ли смогут стать серьезным

двигателем инноваций из-за ограничивающего их активность слишком сильного партийного контроля.

Однако премьер-министр Китая Ли Кэцян заявил, что Китай будет преодолевать ограничения в своей институциональной системе, чтобы оказывать содействие инновационному развитию в области технологий. Во время встречи с М. Макнут, главным редактором одного из ведущих мировых научных журналов Science он отметил, что Китай будет углублять свои реформы, а креативность людей станет центром инноваций.

Марция Макнут, первая женщина-редактор со дня основания журнала (1880 г.), заявила, что данная встреча с премьер-министром — это «честь для мировой науки». По ее мнению, сейчас КНР рассматривает науку как неотъемлемую часть своего будущего и будет использовать научную информацию для разрешения мировых проблем.

КНР и США: кому быть впереди в области инноваций?

Эксперты задаются вопросом — сможет ли Китай в будущем доминировать над США в технологическом плане? Будут ли научные и технические инновации КНР превосходить инновации США? Сейчас в качестве примера часто приводятся последние достижения КНР: такие, как запуск искусственных спутников на Луну, достижения в области возобновляемых источников энергии, высокоскоростные железные дороги, постоянно увеличивающееся количество патентов. Нельзя не принимать во внимание и древних достижений Китая в области жизненно важных технологий (таких, как изобретение пороха, фарфора, компаса, бумаги, книгопечатанья).

Президент КНР Ху Цзиньтао перед уходом со своего поста в 2012 г. объявил о том, что огромные суммы будут потрачены на поддержку научных инноваций КНР.

Вливая деньги в НИОКР более быстрыми темпами, чем развивается экономика, Китай на первых порах обогнал Европу по ключевым показателям инновационного развития. Ещё в 2012 г. он инвестировал 1,98% ВВП в НИОКР, обойдя 28 членов Европейского союза (ЕС), которые, согласно цифрам ОЭСР, суммарно инвестировали 1,96% ВВП. Цифры показывают, что исследовательская мощь Китая утроилась по сравнению с 1998 г. (европейские показатели за аналогичный период увеличились совсем незначительно).

По мнению Джеймса Уисдона, научно-политического аналитика University of Sussex (Великобритания), китайские НИОКР «ошеломительны».

В отличие от КНР, европейские инвестиции в НИОКР остаются неизменными. Долгосрочная перспектива (к 2020 г.) — 3%. Согласно Майклу Дженнингсу, спикеру еврокомиссии по исследованиям, Евросоюзу сейчас нужен толчок, чтобы увеличить вложения в исследования и разработки государственного сектора экономики и особенно частного сектора. Проблема здесь в том, что комиссия не может диктовать отдельным странам-участницам, во что, конкретно, им инвестировать. Еще один негативный фактор, — это расширение Евросоюза, которое понизило средний уровень научно-исследовательского потенциала. Так, согласно ОЭСР, если, например, в Германии инвестиции в НИОКР составляют 2,92% ВВП, то в Хорватии — лишь 0,75% от суммы ВВП.

Однако, несмотря на инновационную переориентацию китайской экономики, «деньги решают не все». Нельзя не признать такие очевидные достижения КНР, как высокоскоростные железные дороги, использование солнечной энергии, суперкомпьютеры и космические исследования. Однако даже китайские лидеры отмечают недостатки современной инновационной политики, например, «боязнь рисков».

В Китае основной упор делается на разработки новой продукции. Вложения в фундаментальные науки составляют лишь 5% всех инвестиций в НИОКР по сравнению с 15–20% у членов ОЭСР. Коун Чао, аналитик по научной политике Ноттингемского университета (Великобритания) считает, что система спонсирования и оценки науки в КНР имеет много проблем. Распределение грантов не всегда понятно. Патенты выдаются, но редко используются.

По мнению Дениса Саймона, эксперта по науке и инновациям Китая Арizonского государственного университета (США) китайским ученым нужно дать больше свободы и независимости, чтобы работали над проектами с элементами риска. И сейчас правительство Китая пересматривает свой научный план 2006 г. Ожидается, что система выдачи грантов станет более прозрачной, а исследователям, зарплаты которых на данный момент низки, будет разрешено использовать гранты для увеличения окладов своим научным сотрудникам.

В конкуренции между различными компаниями будут победители и проигравшие, но, по мнению некоторых экспертов, зарождающееся соревнование между Китаем и США — это хороший шанс развития для обеих наций, стимулирующий их внедрять инновации быстрее и эффективнее.

Заключение

Ведущий принцип современного экономического развития КНР — это экономика открытых дверей. В Китае поощряется обмен опытом отечественных компаний с зарубежными, но в то же время налицо стремление обрести собственный путь развития, который бы учитывал и местные особенности, и специфику регионального развития.

В Китае с 1980-х гг. значительную роль в развитии инновационного бизнеса играют различные виды льготных административно-территориальных формирований: особые экономические зоны, зоны технико-экономического развития, промышленные парки и др. Указанные институты стали мощным инструментом привлечения к сотрудничеству иностранных компаний и специалистов, для которых применяются специальные льготы.

Однако после нескольких лет стремительного подъема в последние годы темпы экономического роста КНР несколько замедлились. Одна из причин — замедление экономического роста на таких ключевых экспортных рынках, как США и Еврозона. Поэтому Китай усиленно пытается уйти от старого «лейбла» — производителя только дешевой продукции.

Китай заинтересован в создании такого бизнеса, который не только существенно увеличит экспорт, но и создаст более высокооплачиваемые места. Имея более высокую заработную плату, население будет способствовать росту внутреннего потребления и экономическому развитию страны.

В целом эксперты отмечают очень высокий потенциал современного Китая в области инноваций, который, по их мнению, в перспективе будет расти.

1. URL:<http://www.scmp.com/comment/insight-opinion/article/1424574>
2. URL:<http://hbr.org/2014/03>
3. URL:<http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424052702303819704579320544231396168>
4. URL:<http://www.nytimes.com/2014/01/22/opinion>
5. URL:<http://www.nature.com/news/china-tops-europe-in-rd-intensity-1.14476>
6. URL:<http://www.forbes.com/sites/ceibs/2014/06/20>
7. URL:<http://www.foreignpolicy.com/articles/2014/02/06>
8. URL:<http://money.cnn.com/2014/05/29>
9. URL:<http://www.businessweek.com/articles/2014-05-29>
10. URL:<http://www.washingtonpost.com/blogs/innovations/wp/2014/03/07>
11. URL:<http://www.bbc.com/news/business-25805134>
12. URL:http://www.chinadaily.com.cn/china/2014-01/14/content_17233406.htm
13. URL:<http://www.economist.com/debate/overview/264>
14. URL:<http://www.centeronchinainnovation.com/>
15. URL:<http://www.fastcompany.com/most-innovative-companies/2014/industry/china>

Энергетический сектор Китая: структура и проблематика

© 2015

Д. Щербаков

Исследуется состояние энергетического рынка Китая. Освещаются его структура, ценообразование и последние тенденции, в особенности межтопливная конкуренция угля и газа. Рассматриваются структура потребления энергии по отраслям и регионам Китая и объемы производства различных видов энергии.

Ключевые слова: энергетический рынок, газ, уголь, ценообразование, межтопливная конкуренция.

Китай — один из лидеров современной мировой экономики. Наличие большого числа низкооплачиваемых работников, обеспечение льготных условий для иностранных инвесторов и создание районов экспортной ориентации позволили Китаю развернуть масштабную индустриализацию, которая продолжается и в настоящее время. Помимо людских ресурсов в этом процессе задействованы значительные объемы природных ресурсов. Являясь страной с самым большим населением, Китай является и крупнейшим потребителем первичной энергии, и лидером по выбросам загрязняющих веществ в атмосферу.

Будучи относительно бедной ресурсами страной, Китай стал чистым импортером природных ресурсов. Кроме того, собственные ресурсы распределены по территории неравномерно, что создает необходимость в дополнительной инфраструктуре и ценовом регулировании потребительского рынка энергии. Абсолютное преобладание в энергетическом балансе угля — наиболее опасного с точки зрения экологии вида топлива — побуждает Китай использовать альтернативные источники энергии.

Необходимость повышать экологическую эффективность экономики и межтопливная конкуренция на энергетическом рынке КНР ведут к постепенному переключению спроса с угля на более чистое и эффективное топливо, прежде всего, природный газ. В связи с этим Китай может стать одним из главных импортеров российского газа, что и обуславливает актуальность темы исследования.

Связь экономического роста и энергетической политики Китая

Из соображений национальной и экологической безопасности, социальной стабильности Китай сохраняет значительное государственное присутствие в сфере добычи и производства энергии. За регулирование различных сфер энергетики отвечают несколько органов: Государственный комитет по развитию и реформе КНР, Министерство земельных и природных ресурсов, Министерство защиты окружающей среды и др. Вместе с тем в ходе общего процесса рыночных реформ были проведены преобразования, направленные на либерализацию и повышение эффективности энергетического сектора.

Например, до 1979 г. сфера электроэнергетики, включая процессы инвестирования и управления, полностью находилась под контролем государства. Производственные компании отвечали только за достижение количественных нормативов, но не за увеличение доходности. Сейчас рынок каждого из видов топлива и рынок электроэнергетики имеют свои особенности регулирования и порядки ценообразования. Наиболее фрагментированным и высококонкурентным является рынок угля. Разработка нефтяных и газовых месторождений и переработка полученных продуктов, напротив, представляют собой олигополию государственных корпораций, среди которых крупнейшими являются China National Petroleum Corporation (CNPC), Sinopec Group (SG), China National Offshore Oil Corporation (CNOOC). Вместе они отвечают почти за всю внутреннюю добычу нефти и газа, представляют Китай за рубежом. Через эти компании государство поддерживает конкурентоспособность нефтегазового рынка с углем.

Таблица 1.

Основные показатели деятельности крупнейших компаний Китая в сфере добычи и переработки нефти и газа, 2013 г.

Компания	Доля государства, %	Доход, млрд юаней	Объем добычи нефти, млн бар.	Объем добычи газа, млрд куб. Фут.
CNPC	86	2485	1125	3184
SG	76	2572	337	539
CNOOC	58	264	256	385

Источник: Сайты компаний CNPC, SG, CNOOC

В настоящее время в процессе реформирования находится сфера электроэнергетики. «Летом 2011 г., в целях демонополизации, рынок электроэнергии был разделен между 23 компаниями. Сейчас они представляют собой акционерные общества с наличием долей частного китайского и иностранного капитала. Некоторые из компаний разместили свои акции на биржах: Datang International Power Generation Company представлена на Гонконгской и Лондонской биржах, Huapeng Power International Inc. — на NYSE и т.д. Результаты этих преобразований в данный момент трудно оценить. Остается дуополия в передаче энергии — ей занимаются только 2 электросети: State Grid Corporation of China и China Southern Power Grid»¹. Также за всеми энергетическими компаниями сохранили право на вертикальную интеграцию и выполнение всех связанных функций самостоятельно, а не при помощи независимых компаний, что способствует монополизации в рамках региона.

При этом тарифы на электричество по-прежнему устанавливаются центральным правительством с учетом инфляции и во избежание дефицита мощностей. Они не сильно отличаются от региона к региону, особенно для домохозяйств (см. табл. 2). Не прослеживается зависимости между экономическим развитием региона и ценами на электричество. Например, цены на электричество для промышленности и торговли в восточной части с высоким ВРП на душу населения и в южно-центральной с относительно низким ВРП равны.

Ценообразование на рынке коммунальных услуг в настоящий момент не является средством сглаживания социального неравенства в Китае. Планируемая в ближайшем будущем либерализация конечных цен на электроэнергию приведет к тому, что генерирующие компании смогут действовать по рыночным принципам и осуществлять полноценный и рациональный выбор видов топлива. Меньшее колебание цен, лучшая экологическая характеристика и действующая инвестиционная политика, скорее всего, привлекут инвестиции китайских и иностранных компаний из угольного и нефтяного сектора в газовый.

Таблица 2.

Цены на электроэнергию по секторам в регионах Китая, юань/квтч, первое полугодие 2014 г., и средний ВРП тыс. юаней на душу населения, 2013 г.

Регион	Домохо- зяйства	Промыш- ленность и торговля	Крупная промыш- ленность	Сель- ское хо- зяйство	ВРП на душу на- селения
Восточный Китай	0,51	0,86	0,63	0,40	42,86
Северный Китай	0,48	0,81	0,63	0,56	47,80
Северо-Восточный Китай	0,51	0,93	0,61	0,48	33,67
Северо-Западный Китай	0,47	0,74	0,47	0,41	23,60
Южный Центральный Китай	0,52	0,86	0,56	0,37	28,17
Южный Западный Китай	0,49	0,87	0,57	0,49	18,80
Средняя по Китаю	0,50	0,85	0,58	0,46	32,48

Источник: Государственное статистическое управление КНР, ICIS

Государственное присутствие так же сильно на рынке альтернативной энергетики. Как и во многих других странах, это обусловлено необходимостью масштабного инвестирования и медленной окупаемостью проектов. «Альтернативная энергетика, действительно, является перспективной в некоторых частях Китая: в западной сосредоточен большой потенциал солнечной энергии, в северной и прибрежной восточной — ветровой. Из 371 млрд юаней, инвестированных в 2011 г. в строительство энергетических мощностей, 72% пошло на проекты, не связанные с переработкой топлива»¹.

В рамках работы с возобновляемыми источниками большое внимание со стороны государства уделяется гидроэлектроэнергии. «В период 1994–2011 гг. была построена крупнейшая в мире электростанция «Три ущелья» мощностью 22,5 ГВт. Проект стоил Китаю более 20 млрд долл., включал переселение более 1 млн местных жителей, затопление 27 тыс. га земель. В 2011 г. ГЭС произвела около 2% всего электричества (планируемые 10% не были достигнуты из-за значительного роста потребления энергии) и внесла вклад в сокращение вредных выбросов»³.

Прогнозирование будущего энергетики Китая исходит из анализа ресурсного потенциала и общемировых тенденций и также из политических решений правительства. Показатели энергетики включены в законы и официальные планы развития КНР.

Одним из основных пунктов 12-го пятилетнего плана является реализация долгосрочной стратегии избавления от излишних производственных мощностей, в том числе — небольших предприятий по добыче угля и старых электростанций.

Кроме того, согласно этому плану будут осваиваться новые месторождения в секторе добычи нефти и газа, а именно в бассейнах Сунляо, Бохай, Сычуань и др. Также предполагается ввод в эксплуатацию новых транспортировочных нефте- и газопроводов.

В секторе добычи угля планируется открытие новых производственных центров в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, улучшение показателей утилизации за счет извлечения угольного метана. По плану, 14 существующих месторождений суммарно будут приносить 2,8 млрд тонн угля в год. В долгосрочном плане к 2050 г. поставлена цель сократить долю угля в производстве энергии до 47% (в 2005 г. — 74%).

Особое место в 12-м пятилетнем плане уделяется развитию неорганических и возобновляемых источников энергии. Несмотря на временную заморозку проектов по развитию ядерной энергетики, «общая мощность АЭС к 2015 г. должна составить 40 ГВт. Мощность гидроэлектростанций планируется увеличить с 50 до 120 ГВт, добычу солнечной энергии до 5 ГВт, количество ветровых станций на 8. Доля неорганических источников энергии должна достигнуть 11,4% в 2015 г. (при 8,3% в 2010 г.)»⁴.

В плане 12-й пятилетки также поставлена цель сокращения энергоемкости на 17%, а выбросов CO₂ на единицу ВВП на 16% к 2015 г. Между 2006 и 2010 г. их удалось сократить на 19% (в плане предусматривалось 20%).

Поощряемые, ограниченные и запретительные направления иностранных инвестиций в китайский энергетический сектор обозначены в специальном руководстве для иностранных инвесторов. В числе поощряемых направлений выделена разработка труднодоступных месторождений нефти и природного газа, добыча сланцевого газа и газа из угольных пластов, а также строительство высокотехнологичных, в том числе атомных, электростанций. Китайские компании в последнее время также привлекают иностранных операторов нефтегазовых проектов к совместной разработке ресурсов континентального шельфа страны⁵. Ограниченное инвестирование допускается в сферу добычи редких сортов угля, строительство газопроводов и электросетей. Полностью запрещено инвестирование в низкоэффективные угольные электростанции.

Добыча природных ресурсов и производство энергии остаются под контролем государства по нескольким причинам. Во-первых, контроль в секторе энергетики упрощает регулирование инфляции и занятости многочисленной рабочей силы, вовлеченной в эту сферу. Во-вторых, позволяет менее болезненно реализовать экологическую стратегию и снижать энергоемкость. «Пока переключение с масштабного потребления угля, проигрывающего по эффективности и экологической безопасности, но выигрывающего по цене, возможно только с помощью искусственно создаваемой государственным планированием межтопливной конкуренции. С другой стороны, по утверждению некоторых западных экспертов, государственная поддержка компаний-производителей не позволяет им достичь рыночной эффективности, часто финансирование осуществляется правительственными элитами в личных целях»⁶.

Одним из следствий экспортно ориентированной политики Китая является дисбаланс развития регионов. Создание районов экспортной ориентации повлекло колоссальную разницу в поступлении инвестиций и в доходах населения разных регионов. По уровню жизни провинции Китая можно разделить на три большие группы. В первую входят 10 регионов с ВРП на душу населения более 40 тыс. юаней, во вторую 9 — от 25 до 40 тыс. юаней и в третью 12 — менее 25 тыс. Наиболее богатые регионы представлены в основном восточными прибрежными провинциями (Шаньдун, Фуцзянь и т.д.) и городами центрального подчинения (Пекин, Шанхай, Тяньцзинь), а самые бедные включают южные и центральные провинции (Юньнань, Хайнань, Сычуань и т.д.).

Таблица 3.

Структура добычи и потребления энергетических ресурсов Китая по типу и региону, %

Регион	Уголь	Гидроэнергия	Нефть	Вся производимая энергия	Вся потребляемая энергия
Север	64	1,8	14,4	43,9	17,3
Северо-Восток	3,1	1,8	48,3	3,8	8,0
Восток	6,5	4,4	18,2	6	32,4
Юг и Центр	3,7	9,5	2,5	5,6	23,6
Юго-Запад	10,7	70	2,5	28,6	10,3
Северо-Запад	12	12,5	14	12,1	8,4

Источник: *Understanding the Chinese Economies, 2013, Государственное статистическое управление КНР, собственные расчеты*

По наличию энергетических ресурсов провинции также занимают неравное положение, которое однако не соответствует представленной выше градации по уровню жизни (см. табл. 4). Развитые восточные провинции производят только 6% энергии, а от-

стающие юго-западные, где сосредоточена большая часть гидроэнергетического производства — 28,6%. Больше всего энергии производится в северной части Китая, где добывается более 60% угля. Внутри самих регионов ресурсы также представлены неравномерно: в северном регионе преобладает производство угля, в северо-восточном и восточном — нефти, в юго-западном и центрально-южном — гидроэнергии. Только в северо-западном регионе относительно одинаково представлено производство угля, нефти и гидроресурсов.

Объемы производимой и потребляемой энергии не соответствуют друг другу. Самый энергоинтенсивный восточный регион потребляет в 5 раз больше энергии, чем производит, а потребление энергии северным регионом (самым богатым ресурсами) в 2,5 раза меньше его производства.

Согласно данным по доказанным запасам источников энергии на 2011 г., на суше и прибрежных территориях Китая находится 32,4 млрд тонн нефти, 4021 млрд куб. м природного газа, 215,8 млрд тонн угля, 19,3 млрд тонн железа. Половина каждого вида из этих ресурсов сконцентрирована в 2–4 провинциях (Табл. 4).

Таблица 4.

Доли отдельных провинций в доказанных запасах источников энергии в первом полугодии 2014 г., %

	Нефть	Газ	Уголь	Железо
Хэйлунцзян	15,8			
Шаньдун	10,6			
Синьцзян-Уйгурский автономный район	17,4	21,9		
Морские территории	13,9			
Автономный район Внутренняя Монголия		20	17,1	
Сычуань		19,8		15,1
Шэньси		13,6		
Шаньси			38,7	
Ляонин				27
Хэбэй				13,9

Источник: Государственное статистическое управление КНР; собственные расчеты автора

Во Внутренней Монголии сосредоточено 20% запасов газа и 17,1% запасов угля, в Синьцзян-Уйгурской АР — 17,4% нефти и 21,9% газа, в пров. Сычуань — 19,8% газа и 15,1% железной руды. Главной «угольной территорией» является пров. Шаньси, нефтяной и газовой кладовой — Синьцзян-Уйгурский АР.

Самые бедные ископаемыми ресурсами районы: провинции Цзянсу, Чжэцзян, Цзянси, Хунань, Гуандун, Гуанси, Хайнань и ТАР, там находится менее одного процента по каждому виду вышеперечисленных ресурсов.

Существует большое количество классификаций регионов Китая по энерго- и экоэффективности ВРП. «В одном из таких исследований китайские специалисты выделяют 3 группы провинций на основе их вклада в ВВП и доли в потреблении энергии, а также учитывая исторические результаты и приоритеты на будущее»⁷. Согласно этой классификации, самой эффективной является «группа восточных провинций и городов центрального подчинения, которые отвечали за 60% ВВП Китая и 50% потребления энергии в 2010 г. В остальных двух группах — центральной и западной — доля в потреблении энергии превышает долю в ВВП.

Конкуренция на китайском рынке газа

Потребление газа Китаем увеличилось в 2 раза между 2007 и 2011 гг., импорт за этот период вырос еще значительно — с 4 до 31 млрд куб. м (Рис. 1). «В 2012 году темпы роста потребления природного газа опередили темпы роста общего потребления электричества и других топливных источников: 10,2% против 3,9% общих, 5,5% против электричества, 2,5% против угля и 6% против нефти»⁸. Согласно 12-му пятилетнему плану, китайское правительство намеревается к 2015 г. удвоить объем потребления газа до 260 млрд куб. м по сравнению с уровнем 2011 г., как и его долю в суммарном потреблении первичных источников энергии. Этот курс открывает широкие перспективы как для освоения китайских месторождений, так и для использования импортных источников, усиления межтопливной конкуренции между углем и газом в китайской энергетике.

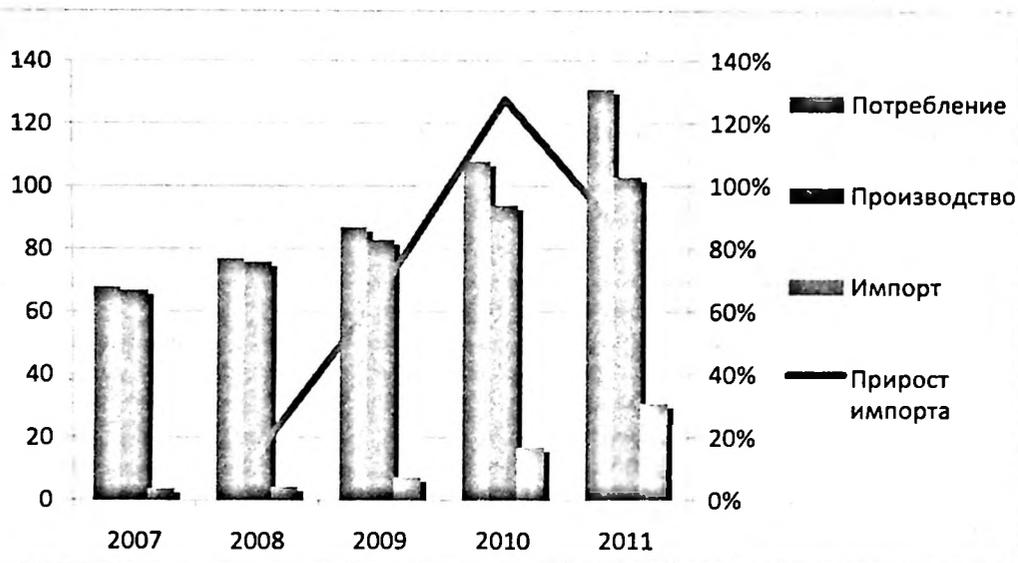

Рисунок 1. Потребление природного газа в Китае 2007–2011, млрд куб. м, %.

Источник: ICIS

«В 2011 году структура потребления газа выглядела следующим образом: 36% было потреблено домохозяйствами, 25% — промышленным и коммерческим секторами, 23% — генераторными станциями, 16% было использовано в качестве сырья для химической промышленности»⁹. «Потребление газа на душу населения в Китае сейчас ниже, чем во многих странах, например, в 35 раз меньше, чем в России, и в 25, чем в США. Существует три системы газоснабжения потребителей: угольный газ (100 городов), сжиженные углеводородные газы (117 городов), но преобладает природный газ (439 городов)»¹⁰. Урбанизация и растущие доходы населения стимулируют его дальнейшее потребление.

Растет потребление природного газа в качестве автомобильного топлива. Количество автомобилей на газовом топливе возросло с 10 тыс. в 2000 г. до 1 млн в 2011 г. Развивается соответствующая инфраструктура: на конец 2010 г. газозаправочные станции имелись в 88 городах Китая, АГНКС¹¹ — в 267.

Если на рынке угля цена в целом определяется рыночными механизмами спроса и предложения, то система ценообразования газового рынка Китая довольно сложна и сейчас находится в процессе реформирования. Существует три компонента цен.

1) *Отпускная цена месторождения или завода.* «Она контролируется центральным правительством и определяется с учетом издержек добычи и нормы прибыльности (12%). По состоянию на март 2014 г., средняя отпускная цена газа составила 6,1 долл./мбте для промышленного и 4,6 долл./мбте для непромышленного использования»¹² (см. табл. 5).

Таблица 5.

Отпускные цены на газ отдельных месторождений Китая, долл./мбте, март 2014 г.

	Цена промышленности	Цена непромышленных потребителей
Сычуань-Чунцин	6,9	5,1
Цинхай	5,7	3,9
Синьцзян	5,3	3,5
Запад-Восток	5,3	3,5
Шэньси-Пекин	6,5	4,7
Сычуань-Шанхай	6,7	6,7
В среднем	6,1	4,6

Источник: ICIS, C1 Energy

2) *Транспортировочный тариф.* Он также регулируется центральным правительством и определяется исходя из затрат на строительство и поддержание трубопроводов и нормы прибыльности (12%).

Сумма цены с месторождения/завода и транспортировочного тарифа — city gate price — представляет собой фиксированную цену, компоненты которой могут быть пересмотрены, но как правило, это происходит нечасто¹³.

3) *Конечная цена потребителей.* В отличие от двух предыдущих, она контролируется региональными властями и учитывает издержки распределения, цену импортного газа и альтернативных источников топлива, а также другие факторы. Таким образом, конечная цена газа отличается от региона к региону, например, цена газа для промышленности в Пекине в 2 раза меньше, чем в Наньнине (см. табл. 6).

Стимулом для развития газового потребления в целом стал открытый в 2004 г. местный газопровод длиной около 4000 км «Запад—Восток», берущий начало в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и проходящий через провинции Нинся, Ганьсу, Цзянсу и др. «До 2006 г. Китай самостоятельно обеспечивал потребление газа, поэтому импортные проекты являются довольно новым направлением. Сейчас импорт осуществляется из нескольких стран: СПГ из Австралии, Индонезии, Малайзии и Катара, по газопроводу — из Туркменистана»¹⁴. В 2013 г. начались поставки газа по трубопроводу из Мьянмы в южные провинции Китая.

Таблица 6.

Конечные цены газа отдельных городов Китая, долл./мбте, 2014 г.

	Домохозяйства	Промышленность	Транспорт
Пекин	9,01	12,48	20,79
Тяньцзинь	9,67	13,85	17,36
Шанхай	10,99	17,10	20,66
Наньнин, Гуанси	19,21	25,19	21,76
Шэньян, Ляонин	13,80	16,31	16,31
Хэфэй, Аньхой	8,78	10,37	14,97
Ухань, Хубэй	10,58	12,55	19,82
Чунцин	7,19	9,37	19,24

Источник: CNPC Research Institute, 2012

Зависимость от импортных поставок газа, безусловно, имеет негативные последствия. Например, в 2009 г. из-за нехватки природного газа китайским компаниям пришлось импортировать СПГ по более высоким ценам. Цены импортируемого газа значительно выше регулируемых правительством цен на отечественных месторождениях (см. табл. 7).

Таблица 7.

Средние цены импортного газа в Китае, долл./мбте

Провинция	Год запуска	Страна-экспортер	2010 г.	2014 г.
Гуандун	2006	Австралия	3,35	3,35
Фуцзянь	2009	Индонезия	4,19	4,19
Шанхай	2009	Малайзия	6,98	9,78
	2009	Катар	10,89	19,27
Гонконг	2009	Туркменистан	7,26	8,94
Ляонин	2011	Катар		12,60
Аньхой	2013	Бирма		11,09

Источник: Таможенная статистика Китая

City gate цены очевидно гораздо ниже цен на импортируемый газ, особенно на СПГ. Например, «в первом полугодии 2014 г. средняя city gate цена газа из газопровода «Запад—Восток» в Шанхае составляла 8 долл./мбте, цена туркменского газа — 13 долл./мбте, спотовая цена СПГ — 18 долл./мбте. Несмотря на регулирование, цена конечного потребления в Шанхае в 2014 г. была также довольно высокой: 11 долл./мбте для домохозяйств, 17 долл./мбте — для промышленности, 21 долл./мбте — для транспорта¹⁵.

В настоящее время удержание низких цен на китайский газ и возмещение убытков от импорта иностранного газа стимулируют его потребление и переключение с угля на газ. Однако в дальнейшем правительство планирует снизить контроль над рынком газа.

Пока стратегия либерализации включает два экспериментных направления: открытие терминала спотовой торговли СПГ и СНГ в Шанхае и пилотные проекты определения конечных цен в Гуанси и Гуандуне. Последний подразумевает привязку цены газа city gate на 60% к цене нефти и 40% — сжиженному нефтяному газу (СНГ), что отражает конкуренцию газа с этими источниками в промышленном и потребительском секторе соответственно, но не отражает конкуренции с углем.

Электроэнергетический сектор признан драйвером роста потребления газа в Китае как в прогнозах МЭА, так и в долгосрочной стратегии развития электроэнергетики Китая, согласно которой мощность газовых электростанций предполагается увеличить до 70 ГВт к 2020 г. Однако сейчас цена на электроэнергию, произведенную на газовых станциях, в 2 раза выше цены электроэнергии, произведенной на угольных.

Для понимания масштабов межтопливной конкуренции между углем и газом, необходимо учитывать ряд ценовых и неценовых факторов (Табл. 8). Области применения газа включают многие области применения угля, самой перспективной для переключения считается электроэнергетика. Сжигание газа производит намного больше энергии и меньше выбросов, чем сжигание угля, поэтому газ является более выгодным топливом с точки зрения качества и экологии, а также поощряется политическими инициативами.

Таблица 8

Сравнительная характеристика положения газа и угля в китайской экономике

Параметр	Уголь	Газ
Основные области применения	Электроэнергия, химическая промышленность, металлургическая промышленность, строительство	Электроэнергия, химическая промышленность, автомобильное топливо
Цена	Примерно одинаковы для местного и импортного угля: 3–6 долл./мбте (110–220 долл./куб.м)	Местные промышленные цены на месторождениях регулируются и составляют 5–7 долл./мбте (180–250 долл./куб.м) Импортные цены сильно колеблются в пределах 4–20 долл./мбте (140–720 долл./куб.м)
Качество	Качество угля (мбте/тонна) сильно отличается в зависимости от месторождения	Качество природного газа и СПГ примерно однородно по всем источникам
Выбросы	134 кг/ГДж	75 кг/ГДж
Инфраструктура	Старые угольные электростанции, развитая сеть железных дорог	Маленький процент электростанций, способных перерабатывать газ, необходимость строительства новых газопроводов
Конкуренция	Большая степень конкуренции, государство периодически устанавливает потолки цен	Регулируется государством, начальная стадия рыночных преобразований
Импортная зависимость	Менее вероятна в силу высокой степени конкуренции и наличия огромных собственных резервов	Усиливается с течением времени, происходит постоянно
Политические инициативы	Развитие высокотехнологичной добычи, закрытие старых и наиболее энергоемких производств	Удвоение потребления к 2015 г. (от уровня 2011 г.) и доли в общем потреблении, экоцивилизованная ориентация экономики

Источник: Собственные расчеты автора

Уголь сейчас имеет ценовое преимущество, меньшую опасность усиления импортной зависимости и развитую инфраструктуру для использования (например, электростанции, транспортировочные пути). Но из-за подорожания угля и регулирования рынка газа ценовое преимущество постепенно пропадает, а государственные инвестиции и стимулирование частных инвестиций в газовый сектор сглаживают инфраструктурные дисбалансы. Благодаря преимуществам газа над углем, экономика Китая постепенно переключается на более эффективное и чистое топливо.

Развитие потребления газа также будет зависеть от возможности добычи сланцевого газа в Китае и его себестоимости. По экспертным оценкам, себестоимость сланцевого газа в Сычуани составит от 6 до 12 долл./мбте (себестоимость традиционного газа в этой провинции равна 4–5 долл./мбте), и как следствие, конкурентоспособная цена установится на уровне 7–9 долл./мбте.

Заключение

На основе изучения энергетического рынка Китая — структуры производства и потребления различных видов топлива по регионам и отраслям, анализа рынков угля и газа, а также определения места Китая на мировом рынке энергетики и возможных перспектив в сотрудничестве Китая с Россией — можно сделать ряд выводов.

– Межтопливная конкуренция и меры ее поддержки различаются в зависимости от региона Китая. Это вызвано неравномерностью распределения ресурсов по территории и разницей в экономическом развитии провинций. Поэтому проекты, направленные на создание эффективных рынков электроэнергии (импортные поставки топлива, торговля квотами, либерализация ценообразования) начинаются в местах, где они могут быть реализованы с наибольшей вероятностью.

– Самой перспективной отраслью для межтопливной конкуренции между углем, газом и ВЭИ является электроэнергетика, так как, во-первых, она стремительно развивается с ростом производства и повышения уровня жизни населения, во-вторых, туда направляются государственные и частные инвестиции, там внедряются новые технологии. Другой важной платформой межтопливной конкуренции являются самые энергоемкие производства.

– Китайский рынок угля довольно высококонкурентный, уровень цен местного угля соответствует международному. В настоящее время в ценовой конкуренции между углем и газом выигрывает уголь, но на официальном уровне поощряется экологически безопасный рост и, как следствие, переход с потребления угля на более энерго- и эко-эффективные виды топлива — природный газ и возобновляемые источники.

– Для обеспечения газу преимущества в его конкуренции с углем рынок газа находится под значительным государственным контролем. В целях поддержания низких цен на электричество и обеспечения конкурентоспособности с углем, цены на местный газ занижены. Импортируемый газ стоит гораздо дороже, но объемы его импорта неизбежно растут.

Таким образом, представленная китайская структура потребления энергии, межтопливная конкуренция, создаваемая государственным планированием, обозримые перспективы либерализации ценообразования в электроэнергетике, стратегическая ориентация на экологическую безопасность позволят Китаю со временем перейти с угля на более эффективные, с точки зрения экологической безопасности, виды топлива, прежде всего, на природный газ.

Заключенный Китаем с Россией контракт на поставку газа – в русле данной стратегии. Китай умело воспользовался политической обстановкой, характеризующейся конфронтацией Российской Федерации с европейскими потребителями газа, и смог добиться выгодных для себя условий контракта.

1. State Grid Corporation of China, China Southern Power Grid, China Datang Corporation, Datang International Power Generation Company, China Guodian Corporation, GD Power Development Company, China Huadian Corporation, Huadian Power International, China Huaneng Group, Huaneng Power International, China Power Investment Corporation, China Power International Development, China Resources Power, Shenhua Group, China Shenhua Energy Company, China Yangtze Power, China National Nuclear Corporation (CNNC), China Guangdong Nuclear Power Group, Shenergy Company, Shenergy Group, Shenzhen Energy, CHINT Group Corporation, Panjiang Coal, and Electric Power Group.
2. Z. Ming et al. New energy bases and sustainable development in China: A review// Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2013. № 20. P. 170.
3. URL: <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=newsarchive&sid=aGFhpzllt9r8&refer=china>.

4. Catalogue of Industries for Guiding Foreign Investment (2011 Amendment)
5. *Z. Xin-gang et al.* International cooperation on renewable energy electricity in China — A critical analysis // *Renewable Energy*. 2013. № 55. P. 410–416.
6. *Andrews-Speed P.* China's Long Road to a Low-Carbon Economy: An Institutional Analysis // *Transatlantic Academy*. 2012. P. 17.
7. *Wang K.* Energy and emissions efficiency patterns of Chinese regions: A multi-directional efficiency analysis // *Applied Energy*. 2012.
8. Статистические данные Государственного статистического управления КНР.
9. Там же.
10. *Попов С.П.* География газовой промышленности Китая / Ин-т систем энергетики им. Л.А. Мелентьева Сиб. отд-ния РАН. 2012. С. 8.
11. Автомобильные газовые наполнительные компрессорные станции.
12. *Попов С.П.* Цит. соч. URL: http://sei.irk.ru/app/enia/popov_china_gas_v1.pdf.
13. *N. Higashi.* Natural Gas in China. Market evolution and strategy // International Energy Agency, Working Paper Series. 2009. P. 24.
14. URL:<http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=newsarchive&sid=amAfQGI2bCqo>.
15. *Кушкина К., Чоу Э.* Золотой век газа в Китае? О дальнейшем расширении экспортных поставок природного газа в Китай // *USRF, IREX*. 2014. С. 4.

Природопользование

О стратегии освоения китайских рек

© 2015

Н. Прохорова

В статье рассмотрены проблемы чрезмерной эксплуатации водных ресурсов китайских рек. Описаны пути решения существующих проблем и влияние концепций водопользования, разработанных учеными.

Ключевые слова: водные ресурсы, коэффициент освоения и использования, устойчивое развитие, бассейны рек.

Основные проблемы эксплуатации

Стратегия КНР в освоении водных ресурсов представляет определенный научный интерес. Ситуация, сложившаяся там в данной сфере, как и соответствующие трудности не характерны для реалий Российской Федерации, и потому зачастую игнорируются российскими специалистами при анализе ситуации в Китае и при оценке перспектив сотрудничества с КНР в водохозяйственной области.

На северную часть КНР, где проживает 46% населения, приходится 19% водных ресурсов и 65% пашни. На южную часть, где проживает 54% населения, приходится 81% водных ресурсов.¹ В этих данных учитывается объем подземных и поверхностных вод, но без воды в твердом состоянии (ледников). Напомним, что только 2,5% объема воды в мире приходится на пресные воды. Из них чуть меньше 70% залегает в твердом состоянии в ледниках, около 30% приходится на подземные воды, и лишь 0,3% — на реки и пресноводные озера.

Потенциально возможный для освоения ежегодный объем водных ресурсов в КНР составляет ныне 850 млрд куб м. По состоянию на 2011 г. водопотребление КНР составило 621 млрд куб м, или 21% от общего объема водных ресурсов страны, и 76,3% от их объема, потенциально возможного для освоения.²

При анализе чрезмерной освоенности водотоков китайские специалисты в основном пользуются термином «коэффициент освоения и использования водных ресурсов». $K=P/Q \times 100\%$ (где P — объем реально поставляемой воды всеми существующими в районе гидротехническими сооружениями, Q — общий объем водных ресурсов данного района). Заметим также, что иногда китайские авторы используют и другой термин — степень освоенности водных ресурсов. $D=S/T \times 100\%$, где S — реальный объем водных ресурсов, освоенный и используемый за определенный период времени, а T — объем возможного использования водных ресурсов. Между двумя этими понятиями у китайцев на-

лицо путаница, ибо первое определение охватывает весь объем водных ресурсов, который значительно больше второго по абсолютной величине.

В настоящее время степень освоения и использования водных ресурсов в КНР составляет 25% в среднем по стране (в объеме, возможном для освоения), коэффициент освоения был в конце первого десятилетия 2000-х гг примерно 20%³⁴. Подобные показатели довольно далеки от отметки, признанной на международном уровне как критической для коэффициента освоения и использования водных ресурсов — 30–40% верхний предел⁵. Несмотря на возникающие проблемы дефицита воды во многих районах КНР, в стране имеются значительные запасы воды, которые еще предстоит освоить. Однако, хотя потенциал освоения водных ресурсов у Китая, несомненно, сохраняется, он приходится, в основном, на южные районы страны. Так, например, коэффициент освоения и использования (в полном объеме) водных ресурсов Янцзы и Чжуцзян чуть выше 20%, хотя в отдельных промышленно развитых районах превышает 80%⁶⁷.

В целом, для Китая характерна ситуация сохранения определенного потенциала в освоении водных ресурсов для юга страны и чрезмерная их освоенность на севере.

Проблема дефицита воды для регионов севера возникла уже в 1970-е гг. и особенно возросла в последние два десятилетия. В табл.1 показаны объемы возможного освоения водных ресурсов по различным рекам страны. В этих расчетах задаваемый уровень возможного освоения составляет не выше 40% от общего объема воды в реке. В 2004 г. эта практика полностью соответствовала действующим международным рекомендациям в данной области.

Таблица 1

Максимально возможный объем использования водных ресурсов основных рек КНР (2004 г.)⁸

Объем воды Бассейн реки	Объем водных ресурсов		Объем возможного использования водных ресурсов	
	Объем поверхностных вод млрд м ³	Общий объем водных ресурсов млрд м ³	Объем возможной разработки поверхностных вод млрд м ³	Общий объем возможного использования водн. ресурсов млрд м ³
Сунгари	110,6	1 35,2	67,5	83,0
Ляохэ	48,7	57,7	21,6	28,7
Хайхэ	28,8	42,1	10,8	23,2
Хуанхэ	66,1	74,4	32,0	40,3
Хуайхэ	74,1	96,2	27,6	43,0
Чжуцзян	4 68,5	4 70,8	1 30,0	1 30,0
Янцзы	9 51,3	9 61,3	2 96,0	2 96,0
Юго-Восток	2 55,7	2 59,2	64,0	64,0
Юго-Запад	5 85,3	5 85,3	90,0	90,0
Сев-Запад	116,4	1 30,2	50,0	56,7
5 сев. р-онов	450,7	5 35,8	1 59,5	2 18,1
4 южн. р-она	2 260,8	22 76,6	5 80,0	5 80,0
Всего	2 711,5	28 12,4	7 89,5	8 54,8

Источник: Основные положения по устойчивому развитию в Китае. Т. 4. (Чжунго кэ чжисуй фацжань цзун да ган. Ди сы цзюань)

Однако, в настоящее время согласно рекомендациям китайских специалистов коэффициент освоения и использования вод для северных районов страны составляет

«60». В международном эквиваленте это согласуется со значениями коэффициента освоения водных ресурсов, рекомендуемого мировой практикой для регионов в чрезвычайных природных условиях (к примеру, в условиях засухи)⁹. Правительства многих провинций КНР недовольны и этим установленным пороговым показателем. Например, в СУАР коэффициент освоенности и использования водных ресурсов составляет 74%. В 2013 г. объем водопользования в этом автономном районе составил 61,7 млрд куб м, тогда как запланированный для него государством объем водопользования на 2015 г. составляет 51,5 млрд куб м.¹⁰ Провинции Шаньси, Шэньси, Ганьсу, Шаньдун — в аналогичной ситуации.

Именно фактически сложившаяся практика водопользования в данных регионах подтолкнула государство к увеличению квот на освоение и использование водных ресурсов. Так, по данным Шаньси за 2000-й г.: «во всей провинции объем водных ресурсов, возможный для освоения и использования составлял 8,377 млрд куб м, что соответствует 67,7% от общего объема водных ресурсов провинции. Объем речных вод, возможных к использованию, составляет 59,8% от общего (объема водных ресурсов — объема стока рек).¹¹

Из названных фактов становится очевидным, что в начале 2000-х гг. в некоторых районах КНР наблюдалось значительное превышение коэффициента освоения и использования водных ресурсов.

В настоящее время в китайской печати обсуждается возможность увеличения квот на освоение и использование водных ресурсов в приграничных с Россией провинциях Северо-Восточного Китая. Местные власти находили в 2010–2012-х гг. много доводов в пользу увеличения этих квот, требовали от центральных властей дать соответствующие указания.

Провинция Хэйлуцзян традиционно ориентирована на земледелие. Более 70% воды там используется на орошение¹². В 2012 г. стали открыто говорить, что пороговый показатель степени освоения и использования водных ресурсов в провинциях Хэйлуцзян и Ляонин, в соответствии с принципами, диктуемыми Министерством водного хозяйства и бассейновым комитетом по рекам Сунгари и Ляо, можно поднять с ранее принятых 40% до 60%. При обследовании ситуации, складывающейся с использованием водных ресурсов, например, на реке Ляо, выяснилось, что при установлении предела освоения водных ресурсов на уровне 40% потребности водопользования не будет удовлетворены. Поэтому за основу допустимой степени освоения на северо-востоке страны ныне принят уровень в 60%.

После утверждения данного показателя в 2012 г. для провинции Хэйлуцзян, началось более детальное его распределение по отдельным территориям. Однако если производить деление воды, ориентируясь только на ее объемы, располагаемые конкретными местностями, это будет вызывать недовольство. Например, Дацин не может существовать, опираясь только на внутренние ресурсы воды¹³ — необходима ее переброска из других мест. Можно провести распределение на уровне провинций, но при этом нужно отдельно рассматривать проблемы использования собственных ресурсов и тех, что получены за счёт «переброски» извне. Если, например, в том или ином регионе расход воды, приходящийся на единицу ВВП, составляет 100 куб м, то в случае переброски отсюда в Дацин он должен составлять 60 куб м. Таким образом, в обозримой перспективе Дацин, по-видимому, вынужден будет перейти к жесткой экономии воды.

Взгляды китайских специалистов все больше склоняются к теме переброски вод — в том числе из-за границы. Но больше всего они обеспокоены проблемой, как направить значительную часть потенциально имеющихся объемов воды на нужды населения и промышленности внутри. Подсчитано, что через границы провинции Хэйлуцзян и Цзилинь уходят за пределы территории Китая 40 млрд куб м воды, из которых на сегодняшний день в Китае расходуется только 10%.

В настоящее время коэффициент освоения и использования водных ресурсов большинства крупных рек Северного Китая доходит до уровня 80%¹⁴: К примеру, воды реки Хайхэ уже использованы более чем на 100%¹⁵. А воды Тарима (СУАР) и реки Ганьсуйского коридора освоены и используются на 79% и 92% соответственно¹⁶. Ляохэ — в районе 80%, Хуайхэ — на 53%, Хуанхэ — на 76%.

Таким образом, мы видим, что коэффициент освоения и использования водных ресурсов большинства крупных рек Китая почти в два раза превышает уровень в 40%, рекомендованный международной практикой в данной области¹⁷. В 2002 г. в Китае был принят Водный кодекс. При толковании его правовых норм на сессии ВСНП коэффициент освоения и использования водных ресурсов, рекомендуемый международной практикой, был принят как критический пороговый показатель для освоения и использования водных ресурсов внутри страны¹⁸. Заметим, что китайские ученые ссылаются именно на прецеденты, применяемые в решении подобного рода проблем, а не на официальные документы.

Выводы исследований, проведенных Китайской Инженерной академией в середине «нулевых» гг. в рамках проекта «Вода и экосистемы северо-восточных районов — изучение проблем окружающей среды и ее защиты», показали, что для поддержания экологического равновесия Дунбэя необходимо оставлять 60% всего объема водных ресурсов. То есть, уровень освоения и расходования воды в регионе не может превышать 40%¹⁹. В период с 2000 по 2010 гг., когда пределы освоения и использования водных ресурсов значительной части рек были уже превышены, китайские ученые провели собственные исследования с целью определить, сколько воды можно забрать на нужды экономики, а сколько необходимо оставить экосистемам. Так, например, на основании исследований, проведенных Ван Сицином и Чжан Юанем, для Сунгари, Ляохэ, Хайхэ, Хуанхэ, Хуайхэ, Янцзы и Чжуцзян коэффициенты освоения и использования водных ресурсов на период конца 2000–2010 гг не должны были превышать 34%, 38%, 45%, 36%, 38%, 31%, 32% соответственно. Как видно из приведённых цифр, уровень освоения и использования водных ресурсов предполагается поддерживать в районе 40%. Для обоснования значимости своих расчетов ученые использовали коэффициент полного расходования воды в конкретных местностях (Complete consumption coefficient of water resources). Суть метода в том, что чем больший процент от используемой воды инфраструктура способна переработать полностью, тем меньше грязных стоков возвращается обратно в воду и тем большую степень освоения водного ресурса без ущерба для водных экосистем может себе позволить конкретный регион. Для разных регионов значение этого коэффициента неодинаково и изменяется в диапазоне от 0.4 до 0.8²⁰. Заметим, что наиболее низкие показатели у коэффициента полного расходования воды наблюдаются в регионах, ориентированных на земледелие. Провинция Хэйлунцзян, получившая «добро» на увеличение коэффициента освоения и использования своих водных ресурсов, — в их числе.

Параллельно с существованием официальной точки зрения, согласующейся с международной позицией в этом вопросе, в Китае в 2000-х гг. были исследованы возможности эксплуатации водных экосистем на уровне ниже пропускной способности реки. Так, для Янцзы было установлено, что сохранение более 60% от ее водного объема достаточно для поддержания биоразнообразия водных микроорганизмов и природной способности реки к вымыву из русла наносов и илистых осадений. В то же время для поддержания условий существования и размножения живых организмов необходимо сохранять только 30% водного объема в реке. И если предположить, что донные осадения можно убирать искусственно, то достаточно оставлять в реке еще меньший объем стока²¹.

Таким образом, в результате неоднозначности подходов к проблеме освоения водных ресурсов в китайской науке утвердилось две концепции по уровню максимально

возможного освоения водных ресурсов. Первый подход, согласующийся с принятой международной практикой в данной области, исходит из необходимости сохранения биоразнообразия и поддержания естественных природных функций речных экосистем, включая их способность к самоочищению. Согласно этой концепции коэффициент освоения и использования водных ресурсов реки не должен превышать 40%.

Второй подход исходит из необходимости изыскания пределов освоения и эксплуатации водных ресурсов конкретного региона, достаточных для поддержания непрерывности базового водного потока. Таким образом, господствующая сейчас в Китае концепция по уровню освоения водных ресурсов предполагает, что на нужды сохранения экосистемы достаточно оставлять всего лишь 40% речного стока²². Сердцевинной такого подхода является необходимость удовлетворения трех основных задач при водораспределении: потребностей населения в воде, обеспечения надлежащего стандарта качества воды и обеспечения непрерывности базового водного потока.

Проблема обеспечения минимальных потребностей экосистем в воде

Базовый водный поток, соответствует в английском языке понятию River acological flow²³, а в российском понимании — экологическому стоку. Однако данное российское определение применяется только к незарегулированным отрезкам рек и подразумевает наличие условий безопасного и стабильного функционирования водных и околоводных экосистем²⁴. В китайском же определении об аспекте незарегулированности рек не упоминается, но делается упор на обеспечение условий непрерывности течения реки²⁵. Из-за неполного соответствия российского и китайского, а также, как будет указано ниже, китайского и западного определений экологического стока, мы будем использовать китайское понятие «базовый поток» для описания собственно китайского видения данной проблемы. В энциклопедии китайского поисковика Байду этому термину дается следующее определение: «...в Китае под базовым потоком принято иметь ввиду достаточно стабильную часть стока, определяемую по средним значениям водного объема в самый маловодный период... За пределами КНР под базовым водным потоком подразумевают объем стока, исключая наземный сток. Т.е., налицо существенная разница с китайским понятием базового водного потока»²⁶. Все китайские авторы признают, что хотя с точным определением базового водного потока существует определенная путаница, в целом в Китае распространена тенденция понимать его как минимально необходимый объем водного трафика для поддержания непрерывного течения реки. Китайцы усовершенствовали способ, разработанный в конце XX-го века американцами по выявлению минимального среднесезонного водного объема (за десять лет в течении семи дней в самый маловодный период). Применительно к своим реалиям, в Китае используют в данной формуле месячные данные, как самый распространенный способ расчета.

Внимание к расчетам величины базового водного потока связано прежде всего с необходимостью обеспечения непрерывности течения реки, сохранения минимального водного объема для выноса наносов и осадений и лишь во вторую очередь — с обеспечением базового биоразнообразия. В этом состоит особенность понимания экологического стока с современной китайской спецификой.

Профессор Института рек Университета Циньхуа Ван Чжаоинь объясняет, что в середине 1990-х гг., когда ученые активно начали изучать роль воды в сохранении экосистем, точка зрения большинства чиновников и руководителей проектов сводилась к выражению надобности «раскрытия потенциала каждой капли воды, и необходимости не дать ни одной капле воды уйти в океан напрасно». Объем построенных к тому времени водохранилищ на Хуанхэ превышал по отношению к объему воды в реке 100%. «Это означает, что люди стали полностью распоряжаться тем, как течет река. Паводок идет — весь заберут»²⁷. Этим высказыванием иллюстрируется тот перекокс, который сложился в

водопользовании в КНР в результате стремления к распределению всей имеющейся воды. Сейчас этот перекокс, похоже, исправляется с приходом понимания необходимости поддерживать достаточный объем воды в реке²⁸.

Обращает на себя внимание тот факт, что все большее число китайских ученых в своих публикациях и интервью на тему охраны и использования водных ресурсов склонны говорить не об обеспечении потребности водных и околотоводных экосистем в воде, а об обеспечении непрерывности базового водного потока.

Как видно из приведенного выше определения, базовый водный поток является только составной частью потребностей экосистемы в воде, учитывая только минимальную потребность русла реки в воде. В Китае проведена масса исследований, учитывающих только необходимость поддержания непрерывности водного трафика и его способностей обслуживать нужды людей.

Для каждого водного объекта соответствующий данному подходу вариант освоения и использования его водных ресурсов прорабатывается и рассчитывается отдельно. Например, для Янцзы уровень базового водного потока, рассчитанный в рамках данных условий, составляет 25,5%.²⁹ По данным другого исследования, опубликованного в 2011 г. для рек провинции Гуандун, рекомендуется оставлять коридор базового водного потока в пределах от 10% до 21% в качестве обеспечения гарантий непрерывности водотоков и устойчивого использования ресурса³⁰. По данным аналогичного исследования, проведенного для провинции Хэйлуцзян в начале 2000-х гг., коридор значений базового потока для водотоков этого региона составлял ряд значений вплоть до 60%. Но в настоящее время этот коридор сужается, т.к. городам уже официально разрешено увеличить коэффициент освоения и использования воды из рек.

Таким образом, одна из главных проблем КНР в организации управления водными ресурсами: отсутствие четких нормативов гарантированного объема воды, требуемого для поддержания экологического равновесия, и объема максимально допустимого изъятия воды. Действующие «красные линии» 40% (международная) и в 60% (китайская) направлены только в сторону возможности увеличения водозабора в тех местностях, где он еще не превышен. А в отношении обеспечения базового водного потока в большинстве местностей «красной линии» нет, хотя отдельные провинции (Ганьсу, Шаньси, Чжэцзян и Гуандун) уже огласили мнения с соответствующими рекомендациями. Хотя в Китае во многих проектах эта проблема тщательно прорабатывается, но, как уже отмечалось, это производится ограниченно для каждого конкретного случая. Кстати, введение понятия «красной линии» — это отнюдь не самая жесткая из мер, какие государство может применить для обеспечения базового водного потока в условиях крайней переосвоенности рек. Меры по защите непрерывного течения рек уже давно законодательно закреплены в Японии, где за величину объема базового водного потока для рек страны приняты значения в коридоре 0,1–0,3 тонны/сек на площадь 100 кв. км. В Тайване планируют установить величину 0,135 т./сек на аналогичную площадь³¹. Если бы Китай пошел по этому пути, то для его условий применялся бы более обширный коридор значений. Что касается перспектив заимствования методов решения данных проблем на Западе, то Китай многократно показывал, что в делах реального управления собственными ресурсами, склонен воспринимать соответствующие предписания из международной практики, как носящие рекомендательный характер.

В трудах китайских ученых часто подчеркивается, что иностранные способы расчета для показателей минимальных потребностей водных и околотоводных экосистем в воде, распространенные прежде всего в Европе и Америке, для китайских реалий не подходят. В Китае о необходимости проведения исследований по определению минимальных потребностей экосистем в воде было впервые упомянуто в плане IX пятилетки (1996–2000 г).³² А концепция использования воды для нужд экосистем в Китае была впервые предложена ученым Тан Цичэном в 1980-е гг.³³. Причиной расхождений в воп-

росе об объемах воды, подлежащей сохранению в водотоках, требуются разъяснения. В китайском исследовании «Ключевые индикаторы водораспределения, основанные на международном праве», проанализированы пять групп основных индикаторов, применяемых для трансграничных рек. Каждая включает несколько подвидов индикаторов. В работе сделан вывод, что в Европе и Америке первое место при проведении мероприятий, связанных с вододелиением, занимает группа индикаторов поддержания в реке минимального водного объема³⁴. При рассмотрении этого фактора акцент ставится на то, сколько воды при вододелиении следует оставить экосистеме, т.е. природе, считает автор, а на втором месте — индикатор среднесуточного объема воды, характеризующий основной объем водных ресурсов, участвующий непосредственно в процессе вододелиения. Поддержка состояния воды в водном объекте по качеству и объему, близким к природному, есть один из основных принципов «Рамочной директивы по водной среде» (EU Water Framework Directive), принятой европейскими государствами на рубеже 2000-х гг.³⁵

В Азии же сложилась обратная ситуация: индикатор поддержания минимального объема воды в экосистеме является инструментом второго порядка, а справедливое распределение воды между участниками водного трафика, основанного на показателях среднего объема воды в реке за много лет, играет основную роль. Таким образом, развитые страны делают упор на необходимость естественного (близкого к природным реалиям) распределения водного потока, а развивающиеся страны Азии делают упор на справедливое распределение³⁶.

В понятие «справедливое распределение» входит, прежде всего, вопрос о справедливом распределении выгод от водопользования, которое может не совпадать с природным распределением объемов воды в водотоке. В этой же связи рассматривается вопрос о степени обладания сооружениями базовой инфраструктуры водопользования³⁷.

Проведение в широких масштабах подобных исследований по освоению и использованию водных ресурсов больших и малых рек КНР в современных условиях отвечает потребностям китайского руководства в обеспечении всеобъемлющей научной базы для детального планирования в вопросах природопользования. Несмотря на то, например, что, многие реки южного Китая не являются переосвоенными, расчеты по предельному освоению их ресурсов существуют. Применение же подобных подходов на практике поставило значительную часть территории Северного Китая на грань экологической катастрофы. Практикуемое дальнейшее увеличение коэффициента освоения водных ресурсов неприемлемо — особенно, в условиях, когда, как явствует из неофициальных данных, качество 41% вод хуже пятой категории. То есть, непригодно даже для использования в промышленности³⁸. Хотя не вся вода изымается безвозвратно и часть ее возвращается обратно в реку, но известно, что на Северо-востоке например, на рубеже 2000-х гг. соотношение сброса сточных вод к объемам воды в ряде рек было 1:2.³⁹ Сейчас ситуация несколько улучшилась, но, с точки зрения ученых, необходимо оставлять в водотоках необходимый объем воды: для частичной хотя бы нейтрализации последствий загрязнений.

Некоторые контрмеры, предпринимаемые КНР для улучшения состояния водотоков

Современное китайское руководство, стремясь создать привлекательный имидж своего стиля управления природными ресурсами, позиционирует основу своих решений и проводимой политики с точки зрения «стремления избегать действий, рассчитанных на короткую перспективу».⁴⁰ В особенности, это подчеркивалось во время проведения XV съезда КП.⁴¹ Обращает на себя внимание вопрос о механизмах компенсации недостатков существующего положения. Какие выходы находят китайцы из создавшейся ситуации в сфере переосвоенности водных ресурсов и их плохого качества? Повышение эффектив-

ности использования воды в промышленности и сельском хозяйстве, усовершенствование технологий альтернативной добычи воды: путем опреснения морской воды, сбора дождевой воды, извлечения воды из воздушных масс (по современным оценкам этот ресурс может поставлять 280 млрд т. ежегодно)⁴² — суть меры опосредованного воздействия на ситуацию, открывающие дополнительный потенциал освоения водных запасов. Эффект от этих мер проявится со временем путем накопления суммарного положительного влияния. Но в реализации этих мер не заложена гарантия непосредственного снижения нагрузки по освоению и использованию наземных водотоков. Среди предпринимаемых мер наиболее актуальны направленные на:

- очистку крупных рек;
- восполнение объемов воды в реках в случае пересыхания их русла;
- создание благоприятной среды обитания для растительности, рыб и микроорганизмов, обитающих в водной среде.

Так, в последнее время распространение получили такие меры, проводимые с 1998 г.⁴³, как создание особо охраняемых территорий. Считается, что поступление чистой воды из верховьев рек способствует стабилизации функций базового водного потока, его самоочищению.

В начале 2000-х гг. на севере страны впервые было проведено обследование по наличию факторов пересыханий русла водотоков. Особая его важность — в том, что все больше рек данного региона приобретает сезонный характер, когда 60–80% стока проходит с июня по сентябрь. В другое время года некоторые мелкие реки пересыхают совсем. Были обследованы бассейны Сунгари, Ляо, Хуанхэ, Хуайхэ, Хайхэ и др. Указанное явление было выявлено на 10% обследуемых отрезках рек. Разработан комплекс мер по восполнению недостающих объемов воды в реках. Особенно известны примеры по нормализации течения рек Хуанхэ, Тарима, Хэйхэ и Чжуцзяна⁴⁴.

Еще одним способом сохранения воды в реках является предотвращение потерь воды, а именно принятие мер против ее просачивания сквозь грунт берегов и дна водоемов. Стоит, однако, отметить, что подобные меры относятся к чрезвычайным, поскольку не дают экосистемам погибнуть, но ситуацию не нормализуют. Такой способ, как взятие рек в бетон, все более отвергается в таких передовых странах в области восстановления природных экосистем, как Япония и Германия, опыт которых активно изучает и пытается заимствовать Китай. В Японии (и в Германии) набережные намеренно обсаживают травой, плотины и ГЭС сооружают из камней, а не из бетона^{45 46}. В Китае в настоящее время продолжают активно использовать технологию «взятия» рек в бетон.

Для городской инфраструктуры разработано специальное оборудование, убыстряющее течение воды в городских каналах. В последние годы запатентовано несколько изобретений в этой области. В 2012 г. была выдвинута концепция «самотекущая живая вода» в рамках которой предполагалось расширить применения данных технологий по южным регионам Китая. К сожалению, подобные разработки не улучшают ситуацию на больших реках, где из-за обилия гидротехнических сооружений подчас радикально снижается скорость течения. Но существуют прогнозы, согласно которым это оборудование будет активно применяться в городах. Некоторые города уже пользуются данными методами, к примеру, Сучжоу⁴⁷. Китайские специалисты активно разрабатывают решения, позволяющие влиять на скорость водотока в каналах и реках.

На крупных реках вне городов Китай уже начал создавать системы регулирования потока воды и песков. Функционирование данной системы будет зависеть от эффективности работы специально созданных гидроузлов, при помощи которых планируется управлять течением реки. Например, в главном течении Хуанхэ в рамках данной программы намечено соорудить три крупных водохранилища — Хэйшанься, Цикоу и Гусянь (в дополнение к уже существующим) для совершенствования системы регулирования движения воды и песков⁴⁸.

В сфере работы по восстановлению водных экосистем и контроля объема стока рек Китай помимо создания собственных технологий активно сотрудничает с другими странами — прежде всего, с США и Австралией.

Стоит отметить, что наряду с разработкой искусственных методов влияния на окружающую среду в китайской традиционной культуре, равно как и на уровне бытовых знаний китайцев о мире, считается, что подвергшаяся негативному вмешательству природа самовосстанавливается. Нужно лишь дать ей время и не вмешиваться в процесс. Этот взгляд получил распространение и в китайском научном мире⁴⁹.

За последние несколько лет в сфере решения проблем чрезмерной освоенности китайских рек появились проекты, в работе над которыми акцент делается на малые и средние реки. Эти идеи уже прослеживались в материалах 11-ого и 12-ого пятилетних планов (но без привязки к четко сформулированной концептуальной линии). Изыскиваются новые «нестандартные» пути к обеспечению функций самоочищения водных экосистем и сохранения базового биоразнообразия, полностью без вмешательства человека. В этом смысле обращает на себя внимание уверенность китайцев в справедливости и истинной правомерности преобразования окружающей среды под нужды человека. Заметим, что эта установка соответствует одному из положений древнего учения фэншуй, который широко трактуется в Китае на современный лад — как принцип необходимости преобразования условий местности.

В целях восполнения недостатков в обеспечении функций водных экосистем, включая поддержание биоразнообразия и защиту наземной части водотоков, в КНР были развернуты с 2011 г. пилотные проекты в рамках концепции по защите рек, определяемой следующим образом: «основные русла рек будем осваивать, а притоки и рукава — защищать»⁵⁰. Данная концепция имеет прямое отношение как к гидроэнергетике, так и к политике по ликвидации загрязнений, мерам по восстановлению биоразнообразия и поддержанию базового водного потока. В настоящее время осуществлением таких проектов охвачена практически вся территория страны. Можно утверждать, что на многих притоках крупных рек объявлена настоящая борьба с ранее существовавшими способами освоения ресурсов. Цель данной работы: сохранение и восстановление малых рек, а также выделение участков рек с относительно благоприятной экологией. В перспективе опыт этих пилотных проектов планируется распространить на более обширные территории и активизировать работы по созданию баз данных по биоразнообразию. Подобные базы данных в Китае до сих пор не созданы, тогда как в США значительная часть данной задачи была выполнена уже в 1970-е гг.⁵¹ Парадокс в том, что экологическая ситуация на реках КНР стала катастрофической: большое количество видов водных организмов было уничтожено еще до того, как началась работа по созданию баз данных по ним. Для решения этих проблем китайцы пользуются тактикой ограниченного выделения пространств для обеспечения здорового функционирования экосистем.

С одной стороны, в Китае сформировалась ситуация при которой только на отдельных притоках крупных рек сохранились участки, где концентрация промышленных объектов невелика, вода загрязнена достаточно слабо, и возможно, еще отсутствуют гидротехнические сооружения. Политика по продвижению проектов малой ирригации в масштабах всей страны постепенно вводится в русло строгого контроля. Например, в 2011 г. правительство Гуйчжоу запретило вести освоение гидроэнергетического потенциала в бассейне реки Чишуйхэ, являющейся притоком Янцзы.⁵²

С другой стороны, есть реки, качество воды в притоках которых гораздо хуже, чем в основных руслах. Такая ситуация сложилась на большей части территории бассейна Хуанхэ. Многие притоки Янцзы тоже сильно загрязнены. Это создает дополнительную нагрузку на главные русла рек, когда очистить воду в них можно только искусственными методами, поскольку, радикально нарушается механизм естественной очистки воды (осуществляемый за счет воды поступающей с притоков). С недавнего

времени для налаживания естественного механизма очистки рек по всей стране стало уделяться повышенное внимание к защите биоразнообразия и качества воды в притоках крупных рек взамен проведения аналогичных работ на основных руслах. По мнению китайских ученых, биологические виды будут при этом расширять ареалы своего обитания, а вода с притоков призвана естественным образом способствовать очистке воды в основных руслах рек.

Примечательно, что в России и на Западе принято поступать ровно наоборот — содействовать сохранению биоразнообразия и защищать от плотин и гидроэлектростанций основные русла рек. Китайские же ученые считают, что следует одновременно осуществлять и освоение и защиту рек с максимальной эффективностью⁵³: так сказать «осваивая — защищать, а защищая — осваивать»⁵⁴. Но принимать такие меры следует там, где каждая из них в отдельности наиболее эффективна. То есть осваивать следует наиболее крупные реки, где пропускная способность велика, воды много и суммарная выгода от ее использования весомей, защищать же следует притоки и рукава, где сохранились уникальные природные уголки (мол, так восстановить потери в экологии можно с меньшими затратами).

Согласно набирающей ныне популярность точке зрения китайских ученых, защита притоков и рукавов по сравнению с мероприятиями по защите основных русел рек более соответствует интересам устойчивого развития их бассейнов.

Вот одно из характерных суждений на сей счет: «Основной смысл защиты притоков заключается в защите биоразнообразия. Ожидаемый эффект проявляется, во-первых, путем нарастания тенденции постепенного замещения среды обитания крупных рек средой обитания притоков»⁵⁵. В качестве дополнительного эффекта, при этом осуществляется естественная очистка главного русла реки путем поступления более чистой воды с притоков.

Таким образом, делается ставка на то, что изменение экологической ситуации на притоках и в рукавах крупных рек непременно повлияет на экологическую ситуацию в основных руслах рек, на стабильность и непрерывность базового водного потока. И в конечном счете это будет способствовать восстановлению биоразнообразия во всем регионе.

Следует также упомянуть, что КНР занимает первое место в мире по количеству созданных особо охраняемых природных территорий — площадей, где состояние экологии близко к идеальному. Огромное количество таких зон в прошедшие десятилетия было создано именно на притоках и в рукавах крупных рек. Данной проблеме особое внимание стали уделять с начала 1990-х гг. За период с 2005 по 2011 г. количество особо охраняемых природных территорий в КНР увеличилось более чем на 300 единиц. По состоянию на 2011 г. в КНР насчитывается 2640 заповедников, из которых более 300 имеет государственный уровень. Остальные — заповедники второй и третьей категорий. В 2013 г. вышел закон, по которому местные правительства уже не имеют права по собственному усмотрению урезать площадь заповедников в погоне за более экономичным использованием свободных площадей. В настоящее время суммарная площадь всех заповедников Китая приближается к 1,5 млн кв км⁵⁶. Для сравнения, в Российской Федерации площадь, отведённая под заповедники, составляет 340 тыс. кв км, а количество заповедников, имеющих государственное значение — лишь 43.⁵⁷

Сегодня работа по созданию новых особо охраняемых природных зон наиболее интенсивно идет в истоках рек. В управлении организации защиты таких мест задействованы администрации провинций и местные органы власти.

В китайской печати широко обсуждаются меры по защите экологии рек в южных провинциях. С начала 2013 г. правительство провинции Цзянси выделило 170 млн юаней для дотаций местным уездным правительствам в счет их затрат на охрану водных ресурсов и на поддержание высокого качества воды в истоках пяти рек — Гунхэ, Фухэ, Синьцзян, Жаохэ, Сюхэ, впадающих в озеро Паянху, а затем в Янцзы (имеющей более

700 крупных притоков). власти провинций Цзянси и Гуандун осуществляют также охрану реки Дунцзян, являющейся одним из трех главных притоков реки Чжуцзян.⁵⁸ В настоящее время практически во всех провинциях организуются водоохранные мероприятия в истоках небольших речек, являющихся притоками более крупных рек. В этих районах организуются лесопосадки, сворачиваются гидроэнергетические проекты, осуществляется ручную вылов мусора из воды, очистка дна и перенос загрязняющих воду производств в другие места. Многие уездные правительства в отдаленных районах страны только начинают данную работу.

На сегодня уже разработаны уникальные китайские стратегии и технологии борьбы с экологическими проблемами. Однако история апробации многих решений, предлагаемых китайскими учеными еще коротка. Несмотря на несомненные успехи во многих областях сохранения и восстановления функций природных экосистем, еще рано говорить о переломе в сторону глобального улучшения экологии китайских рек. Поэтому странам, изучающим китайский опыт, но не столь страдающим от водного дефицита, как КНР, и имеющим относительно благоприятное состояние экологии, было бы рискованно делать ставку на китайские модели.

В результате проведенного исследования можно сделать несколько выводов:

– Позиция по поводу допустимого процентного уровня освоения водных ресурсов в Китае на протяжении последних пятнадцати лет показывает тенденцию к изменению. Если в 2002 г. при толковании на сессии ВСНП правовых норм Водного кодекса, уровень освоения и использования водных ресурсов, рекомендуемый международной практикой (40%), был принят как критический пороговый показатель для освоения и использования водных ресурсов внутри страны, то в настоящее время регионам официально разрешается доводить уровень освоения водных ресурсов до 60% (в тех местностях, где он заранее не превышен).

– При возникновении партнерских отношений в области водопользования и вододеления Китая с соседними государствами, следует иметь в виду что нормы по обеспечению водой потребностей экосистем в Китае и в западном мире де-факто различаются. Это подтверждается рядом акцентов на приоритетные области исследований, проводимых в Китае: такие как проблема обеспечения непрерывного базового водного потока (вместо акцента на потребности экосистемы в воде — в западной традиции), постановка индикатора поддержания минимального объема воды в реке на второе место в числе других индикаторов, используемых при решении споров по вододелению с соседними государствами (вместо первого места — в западной традиции) и т.д. Это говорит о претензии Китая на забор изначально большего объема воды из рек, чем отражено в западных подходах к аналогичным ситуациям. Данный аспект чрезвычайно важен при решении проблем вододеления на трансграничных реках и охраны природы данных областей.

– В последние несколько лет в Китае появилась новая концепция освоения водотоков, формулируемая как «большие реки — осваивать, малые — охранять»). Этот подход должны принять к сведению те государства, которые ведут сотрудничество с Китаем в области гидроэнергетики. Следует предположить, что Китай будет активно проталкивать эту идею и при взаимодействии с их зарубежными партнерами в русле стратегии «выхода вовне».

– Китай добился впечатляющих успехов в управлении водными ресурсами, в разработке уникальных методов очистки водной среды, создании ОПТ и охране экологии на отдельных участках рек; основным девизом при реализации данных мероприятий является формула: «Защищай — осваивай, осваивая — защищай». Перелома к кардинальному улучшению экологии водных экосистем в глобальном масштабе пока не произошло. Возможно, это произойдет в будущем. Но государствам, в которых состояние экологии рек не столь критично как в Китае, и которые не испытывают дефицита водных ресурсов, следует задуматься: нужно ли активно осваивать свои собственные ресурсы,

сверх обеспечения своих базовых потребностей в воде? Или лучше стоять на позиции максимального сохранения природных водных экосистем?

1. Чжунго шуй цзыюань сянькуан. [Текущее состояние водных ресурсов Китая]. http://news.xinhuanet.com/fortune/2005-09/19/content_3512629.htm.
2. Баво хао кайфа лиюнь шуй цзыюань фэньцунь [Должным образом овладеть мерой освоения и использования водных ресурсов]. <http://www.chinawaternews.com/a/luntan/2013/1025/445.html>.
3. Цянь си шуй цзыюань кайфа лиюнь лю юй шуйдянь кайфа люй [Краткий анализ освоения и использования китайских водных ресурсов и гидроэнергетического освоения] <http://tieba.baidu.com/p/725756245>.
4. Чжунго шуй цзыюань чжуанкуан юй шуй цзыюань аньцюань взньти фэньси [Анализ ситуации с водными ресурсами в Китае и водной безопасности]. <http://sourcedb.igsngt.cas.cn/zw/lw/201003/P020100302569184210117.pdf>.
5. Чжунго шуй цзыюань цуньцайдэ взньти цзи дуйцэ [Проблемы с водными ресурсами в Китае и существующие меры их решения]. <http://netedu.xauat.edu.cn/jpkc/netedu/jpkc2009/szlyybh/content/wlzy/8/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E6%B0%B4%E8%B5%84%E6%BA%90%E5%AD%98%E5%9C%A8%E7%9A%84%E9%97%AE%E9%A2%98%E5%8F%8A%E5%AF%B9%E7%AD%96.pdf>.
6. 2011 Чжуцзянь пянь шуй цзыюань гунбао [Бюллетень по водным ресурсам Чжуцзянь за 2011 г]. <http://www.zwsw.gov.cn/jndt/22999.shtml>.
7. Чжуцзянь Саньцзяочжоу шуй цзыюань кайфа лиюнь лю чаого ба чэн [В Саньцзяочжоу (дельта Чжуцзянь) коэффициент освоения и использования водных ресурсов превышает 80%] <http://www.chinanews.com/gn/news/2008/12-26/1504909.shtml>.
8. Чжунго кэ чэсюй фачжань цзун да ган. Ди сы цзюань [Основные положения по устойчивому развитию в Китае Т. 4.].
9. Синьцзянь цзянь шиши яньгэ гуаньли цоши эчжи шуй цзыюаньдэ году кайфа [Синьцзянь принимает строгие меры по управлению, препятствуя чрезмерному освоению водных ресурсов]. <http://gb.cri.cn/42071/2014/01/16/5931s4392327.htm>.
10. Синьцзянь цзянь шиши яньгэ гуаньли цоши эчжи шуй цзыюаньдэ году кайфа [Синьцзянь принимает строгие меры по управлению, препятствуя чрезмерному освоению водных ресурсов]. <http://gb.cri.cn/42071/2014/01/16/5931s4392327.htm>.
11. Чжунго шуй цзыюань сянькуан [Состояние водных ресурсов Китая в настоящее время]. <http://218.26.163.122/WaterR/ContentShow/7>.
12. Шисин лююй гуаньли ши нуньэ гун шуй фачжань бижаньдэ цюйши [Осуществление бассейнового управления является неизбежным следствием тенденции развития водных поставок сельским хозяйством]. <http://www.cws.net.cn/journal/cwt/200415/11.htm>.
13. Шуй цзыюаньдэ кэчисюй кайфа лиюнь чжаньлюэ яньцзю — и Хэйлуцзянь шэн Дацин ши вэй ли [Изучение стратегии устойчивого освоения и использования водных ресурсов на примере г. Дацин провинции Хэйлуцзянь] <http://wenku.baidu.com/view/f91d3aee19e8b8f67c1cb9a4.html>.
14. Взнь/шуйбо <http://www.xys.org/xys/ebooks/others/science/dajia8/huanbao187.txt>.
15. Чжунго буфэнь хэлю кайфа люй чаобяо [Коэффициент освоения части рек Китая превышает 100%, что намного превышает установленный международной практикой порог безопасности]. <http://article.wn.com/view/WNAT68b8c08808c02e26f4453141f21f8a0e/>
16. Шуй цзыюань кайфа лиюнь лю ши чжи лююй цююй юн шуй лян чжань шуйцзыюань кэ лиюнь лянды билю [Коэффициент освоения и использования водных ресурсов означает отношение водного объема, используемого бассейном и районами по к объему воды, возможному для использования]. http://tiku.21cnjy.com/quest/QTO2k__AMT0N.html.
17. Во го шуй цзыюань кайфа лиюнь чэндуды цзинши сянь? [Где критический порог степени освоения и использования водных ресурсов?] <http://zhidao.baidu.com/question/193679745.html>.
18. Во го шуйцзыюань кайфа лиюнь чэндуды цзинши сянь таньтао [Обсуждение критического порога в степени освоения и использования водных ресурсов]. <http://wenku.baidu.com/view/db55fd727fd5360cba1adbfd>.

19. Ван Сицин, Чжан Юань. Чжунго бао ци да хэлю шуй цзыюань кайфа лиюн юйчжи. Цзыжань цзыюань сюэбао ди 23 цюань, ди 3 ци. 2008 нянь 5 юэ. [Ван Сицин, Чжан Юань. Порог освоения и использования водных ресурсов в семи великих реках Китая. // Вестник природных ресурсов. Т. 23, № 3., 05.2008].
https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCcQFjAA&url=http%3A%2F%2F159.226.115.21%2Fzrzyxb%2FEN%2Farticle%2FdownloadArticleFile.do%3FattachType%3DPDF%26id%3D133&ei=pb3fUtWvD-eeYQO_gYGgCQ&usq=AFQjCNFBuKGQVShE2goLbiQBm7DJtytGA&sig2=TWGEZvMnllaaskC6tmukhg&bvm=bv.59568121.d.bGQ&ca.
20. Чжунго ци да хэлю шуй цзыюань кайфа лиюн лю юйчжи [Порог освоения и использования водных ресурсов в семи великих реках Китая]. <http://www.jnr.ac.cn/fileup/PDF/20080317.pdf>.
21. Ван Цзин. Бао Вэйкай. Дадухэ шан ю ганьхань хэгу цю шэнтай сю шуй янцзю. Цзыжань цзыюаньсюэ. Ди и цзыюань, № 1. 01. 2006 [Ван Цзин, Бао Вэйкай. Изучение потребностей экосистемы в воде в засушливых долинах верхнего течения Дадухэ. // Вестник природных ресурсов. Т. 1, № 1. 01. 2006.] <http://www.jnr.ac.cn/fileup/PDF/20060213.pdf>.
22. Там же.
23. Хэлю шэнтай цзилю чжэнхэ цзисуань мосин [Модели комплексного расчета экологического стока рек]. <http://wenku.baidu.com/view/ad02241752d380eb62946d68.html>.
24. Экологический сток <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0CCMQFjAB&url=http%3A%2F%2Fwfm.ru%2Ffiles%2F%25D0%2594%25D1%2583%25D0%25B1%25D0%25B8%25D0%25BD%25D0%>
25. Хэлю шэнтай цзилю чжэнхэ цзисуань мосин Указ. соч.
26. Цзилю [Экологический сток]. <http://baike.baidu.com/view/1021133.htm>.
27. Хэлю чжи сы [Смерть рек]. <http://www.chinaweekly.cn/bencandy.php?fid=63&id=6685>.
28. Там же.
29. Ван Цзин, Бао Вэйкай. Дадухэ шан ю ганьхань хэгу цю шэнтай сю шуй янцзю. Цзыжань цзыюаньсюэ. Ди и цзыюань, № 1. 01. 2006 [Ван Цзин, Бао Вэйкай. Изучение потребностей экосистемы в воде в засушливых долинах верхнего течения Дадухэ. // Вестник природных ресурсов. Т. 1, № 1. 01. 2006.] <http://www.jnr.ac.cn/fileup/PDF/20060213.pdf>.
30. Гуандун шэн хэдао шэнтай цзилю динлян фэньси [Изучение и анализ определения величины экологического стока в провинции Гуандун]. янцзю http://www.hwcc.gov.cn/pub/hwcc/ztxx/xgz/11458/11462/201109/t20110902_335336.html.
31. Ди сань чжан. Тайвань дитю шуй цзыюань тэсин [Глава 3. Особенности водных ресурсов Тайваня]. http://hysearch.wta.gov.tw/wta_ext/WaterInfo/wgproj/program/chap3/3.htm.
32. Чжан Цзе, Гао Сюэфэн, Ван Жуньюань. Шэнтай юн шуйды гусуань фанфа янцзю хэ вэньти таньтао. // Ганьхань цисянь. Т. 26, № 3. 06. 2008 [Чжан цзе, Гао Сюэфэн, Ван Жуньюань. Изучение способов расчета использования воды в экологии и обсуждение вопроса. // Явления засухи. Т. 26, № 3. 06. 2008]. http://www.chinaam.com.cn/UploadFiles/Pub_322.pdf.
33. Шэнтай хуаньцзин юн шуй янцзю сяньчжуан 5 вэньти фэньси юй цзибэнь гоуцзя таньсо [Анализ 5 проблем нынешней ситуации использования воды в экосистемах и определение базового направления в исследовании].
https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CBwQFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.ecologica.cn%2Fstxb%2Fch%2Freader%2Fcreate_pdf.aspx%3Ffile_no%3D021023&ei=yNX5U86qJaPMYAPf4oK4BQ&usq=AFQjCNHuoF99ei3rzejJOMTDEpHnvzwQ&sig2=fUZuHWNup7HhUXPMhIkMmw&bvm=bv.73612305.d.bGQ&cad=rjt.
34. Цзи юй гоцзи фады куацзин шуй фэньпэй гуаньцзянь чжибяо цзи ци тэчжэн [Ключевые индикаторы распределения трансграничных водных ресурсов, базирующиеся на международном праве, и их особенности]. <http://www.geog.com.cn/fileup/PDF/20130306.pdf>.
35. Оумэн шуй куанцзя чжилин 2000/60/ЕС [Рамочная директива по водной среде 2000/60/ЕС]. http://www.tbguide.com/bzhysj/ztyj/zzyhj/yhwzxxz/omskjzl/201212/t20121207_33794.html.
36. Цзи юй гоцзи фады куацзин шуй фэньпэй гуаньцзянь чжибяо цзи ци тэчжэн [Ключевые индикаторы распределения трансграничных водных ресурсов, базирующиеся на международном праве, и их особенности] <http://www.geog.com.cn/fileup/PDF/20130306.pdf>.
37. Там же.
38. Чжунго кэ чисюй фачжань цзун да ган. Ди сы цзыюань [Основные положения по устойчивому развитию в Китае. Т. 4].

39. Там же.
40. Чэнь Чуаннь Ю, Чэнь Чжили, Яо Чжицюнь. Во го шуй цзыюань синши фэньси цзи дуйцэ. Шуйли-Шуйцзянь-Кэцзи цинчжан. Ди 26 цюань, ди и ци. 2006 нянь, 2юэ [Чэнь Чуаннь Ю, Чэнь Чжили, Яо Чжицюнь. Анализ ситуации с водными ресурсами и контрмеры. Т. 26, № 1. 02. 2006 г.]. file:///C:/Users/Nata/Downloads/%D0%9E%D0%A2%E2%84%96%D1%8A%D0%9B%C2%AE%D0%A7%D0%9A%D0%A4%D2%91%D0%A0%D0%9E%D0%9A%D0%96%C2%B7%D0%A6%D0%9E%D1%86%D1%98%C2%B0%C2%B6%D0%A4%D0%86%D0%AF.pdf. Vol. 26 No. 1.
41. Гуаньюй Чжунгоды шуй вэньти цзи шуйфа сюгай [О водной проблеме в Китае и о реформировании водного кодекса]. <http://cpc.people.com.cn/GB/64184/64186/66689/4494495.html>.
42. В Китае ожидается освоение и использование водных ресурсов, имеющихся в воздушных облаках. <http://russian.people.com.cn/31516/7748723.html>.
43. Чжунго кэ чисюй фачжань цзун да ган. Указ. соч.
44. Цзяньли чансяоды шэнтай баочжан юн шуй цзичжи [О создании механизма обеспечения использования воды в экосистемах, имеющего долговременную эффективность]. <http://env.people.com.cn/GB/35525/3350902.html>.
45. Хэдао шэнтай хуань янцзю [Изучение экологической защиты берегов рек]. http://slt.zj.gov.cn/pages/document/18/document_974.htm.
46. Хуньнинту шоу сунь хэ ань шэнтай сюфуды чу бу янцзю [Предварительный анализ восстановления экологии речных берегов, пострадавших от взятия в бетон]. <http://www.docin.com/p-684608908.html>.
47. Вай шуй сю ши чунизин гучэн цзихуо шуйши [Вода снаружи накопила потенциал, прорвалась в древний город, активизировав водную мощь]. <http://jiangsu.sina.com.cn/suzhou/focus/2013-09-30/08582337.html>.
48. Новости. Китай. Экология. http://kazan.polpred.ru/?ns=1&cnt=77§or=13&fulltext=on&word=clr&period_count=1&sortby=date&page=12.
49. Чжунго шуй цзыюань цуньцзайды вэньти цзи дуйцэ [Проблемы водных ресурсов Китая и контрмеры] <http://netedu.xauat.edu.cn/jpkc/netedu/jpkc2009/szylybhb/content/wlzy/8/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E6%B0%B4%E8%B5%84%E6%BA%90%E5%AD%98%E5%9C%A8%E7%9A%84%E9%97%AE%E9%A2%98%E5%8F%8A%E5%AF%B9%E7%AD%96.pdf>.
50. Гао Тин, Ли Чун, Ляо Вэньгэнь. Указ. соч.
51. Шэнью доянсин синсисюэ янцзю цзинчжан [Прогрес в исследованиях информатики биоразнообразия]. file:///C:/Users/Nata/Downloads/004635243c079d9aa5000000.pdf.
52. Гуйчжоу цзиньчжн цзай Чишуйхэ ганьлю хэ чжюа чжилю гао шуйцзянькайфа [Гуйчжоу запретила гидроэнергетическое освоение главного русла Красной реки и основных притоков]. <http://www.022net.com/2011/7-30/494549402838960.html>.
53. Гао Тин, Ли Чун, Ляо Вэньгэнь. Указ. соч.
54. Политика Китая относительно полезных ископаемых (Белая книга). <http://russian.china.org.cn/russian/95884.htm>.
55. Гао Тин, Ли Чун, Ляо Вэньгэнь. Указ. соч.
56. Цзыжань баоху цю гуаньли шуйпин цзи дай тигао [Уровень управления заповедниками нуждается в повышении] <http://gongyi.sina.com.cn/greenlife/2013-05-22/094942905.html>.
57. Список заповедников России http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8.
58. Цзянси цзай тоужу 7.1 и цзянли баоху у хэ хэ Дунцзян юаньтоу [Цзянси вложила еще 710 млн. юаней в премирование защиты истоков пятиречья и реки Дунцзян] <http://jx.sina.com.cn/news/b/2013-06-15/083933785.html>.

Государство и общество

Реагирование политического режима КНР на базовые нужды населения

© 2015

А. Королев

Предпринята попытка объяснить особенности социальной политики в Китае в начале XXI века с позиций системно-функционального анализа политической системы КНР. Утверждается, что, несмотря на ограниченный характер существующих демократических механизмов в КНР, китайское руководство демонстрирует достаточно высокий уровень отзывчивости на обострившиеся в ходе рыночных реформ базовые нужды населения. Представленный анализ раскрывает процессы трансформации политического режима современного Китая.

Ключевые слова: КНР, политический режим, социальная политика, «отзывчивость» политической системы.

Стремительный экономический рост, наблюдаемый в Китае уже более 30 лет и превративший его в одну из ведущих экономических держав мира, оказался не без негативных для населения последствий. Внедрение рыночных механизмов в экономику КНР, несомненно, позволило повысить ее эффективность и производственный потенциал. Однако подчинение распределения ресурсов рыночным силам и погоня руководства КНР за количественными показателями роста в 1980-е — 1990-е годы привели к разрушению дореформенной системы социальных гарантий и, как следствие, к серьезным социальным проблемам. За фасадом беспрецедентно растущего ВВП скрывались колоссальное межрегиональное и социальное неравенство, огромный разрыв в развитии городов и деревень, безработица, недоступность полноценного здравоохранения для значительной части населения как в деревнях так и в городах¹, рост стоимости жилья и образования, а также другие проблемы, свидетельствовавшие об обостряющемся социальном неравенстве и требовавшие активного вмешательства государства в форме обширных программ перераспределения ресурсов. Другими словами, стране была нужна новая социальная политика.

Начиная с 2000-х годов руководство КНР изменило идеологические установки с экономического роста любой ценой на справедливое перераспределение ресурсов² и начало проводить многовекторную социальную политику, направленную на смягчение проблем неравенства, уменьшение социальных рисков населения и повышения уровня

Королев Александр Николаевич (PhD), профессор Отделения востоковедения НИУ-ВШЭ; научный сотрудник Школы публичной политики Ли Куан Ю Национального университета Сингапура.
E-mail: akorolev@nus.edu.sg.

декоммодификации³ социальной сферы. Среди принятых мер — программа развития Западного Китая, комплексная новая реформа здравоохранения, более инклюзивная жилищная политика, сельская налоговая реформа и введение трех типов сельских субсидий, а также гарантии обязательного бесплатного начального образования, пенсионная реформа и ряд других государственных мер, направленных на перераспределение ресурсов в пользу нуждающихся (табл. 1). Таким образом, можно говорить о переходе КНР от сугубо экономической политики к политике социальной и, следовательно, о большей отзывчивости политического режима на базовые нужды населения. Активность и масштабность инициатив в социальной сфере в Китае в начале 21-го века позволила некоторым ученым заговорить о начавшейся в Китае Великой трансформации (The Great Transformation) по Карлу Поланьи, согласно которой неспособность рынка к саморегуляции и выталкивание за борт менее конкурентоспособных групп населения приводит к масштабным социальным разрушениям и, в конечном итоге, к естественному ответу в форме встречного движения — мощных мер социальной защиты общества⁴.

Соответствуют ли нынешние социальные реформы в КНР понятию Великой трансформации, о которой писал К. Поланьи, — это, видимо, вопрос дискуссионный. Тем не менее, причины активного вмешательства государства в процессы перераспределения ресурсов в форме новой системы социальных гарантий в Китае в ответ на обостряющиеся нужды населения, несомненно, представляют большой исследовательский интерес. Во-первых, возросшее в конце 1990-х годов социальное неравенство само по себе не является прямым объяснением новой политики; оно лишь свидетельствует о существовании проблемы и о том, что социальные реформы рано или поздно должны были появиться. Однако оно не объясняет, почему эти реформы начались именно сейчас. Масштабные социальные реформы не происходят лишь по воле отдельных политических лидеров, они требуют значительных финансовых ресурсов в прямом распоряжении государства, тем более в полуторамиллиардном Китае, где гарантия даже самого минимального медицинского страхования для каждого требует от государства колоссальных средств. Во-вторых, институциональной теории хорошо известен феномен институциональной инерции и зависимости от предыдущей траектории развития (Path dependence), когда экономическая, политическая или иная система затвердевает из-за относительной устойчивости внутренних структур и когда сменить траекторию развития становится трудно; для этого нужна масса сопутствующих системных изменений разного порядка⁵.

Таким образом, переход от экономической к социальной политике в постреформенном Китае — это не спонтанное решение политического руководства, а процесс, сопряженный с изменениями определенных аспектов политической системы КНР⁶. Более того, Китай — это не демократия в западном понимании, где социальные реформы легко объяснить существующими механизмами электоральной подотчетности, когда отказ предоставить требуемые населением социальные гарантии чреват для руководства страны проигрышем на выборах.

Что из себя представляет новая социальная политика КНР и почему она возникла на рубеже столетий? Каково ее нынешнее состояние и перспективы развития? Что в итоге заставило власти Китая начать отзываться на нужды населения и активно запускать социальные программы, несмотря на отсутствие электоральной конкуренции? Для ответа на эти вопросы необходимо проанализировать соответствующие функции и способности современной политической системы КНР, каналы обратной связи между властью и обществом, а также процессы включения общественных требований в политическую повестку. Мой главный аргумент заключается в том, что политическая система КНР в последнее десятилетие претерпела определенные изменения: значительно возросла ее экстракционная способность, а также возникли более эффективные механизмы артикуляции (interest articulation) и агрегирования (interest aggregation) общественных интересов,

что привело к повышению уровня ее отзывчивости на нужды населения в условиях ограниченной процессуальной демократии.

В первой части данной статьи представлен концептуальный каркас исследования. Объясняются ключевые концепции и на теоретическом уровне раскрывается связь между исследуемыми переменными: зависимой переменной (отзывчивостью политического режима) и тремя независимыми переменными (экстракционной способностью системы, механизмом артикуляции общественных интересов и механизмом агрегирования общественных интересов). Далее взаимодействие указанных переменных помещается в китайский политико-экономический контекст: вторая часть эмпирически показывает отзывчивость на базовые нужды населения в форме новых социальных реформ; третья часть рассматривает экстракционную способность политической системы КНР; четвертая — произошедшие изменения в механизмах артикуляции и агрегирования общественных интересов. В совокупности проанализированные связи раскрывают процессы трансформации политического режима современного Китая, что позволяет по-новому взглянуть на его природу и степень присутствия демократических элементов.

Аналитический подход: основные концепции и связи между ними

Центральное понятие данного исследования — это «отзывчивость» политического режима (*state responsiveness*). Оно малоизвестно в русскоязычной политологической литературе, но представляет одно из ключевых элементов теории демократии на Западе. Роберт Даль, например, утверждал, что «ключевой характеристикой демократии является постоянная отзывчивость правительства на предпочтения граждан, которые рассматриваются политически равными»⁷. Сидней Верба и Норман Ни считали, что отзывчивость — это основной критерий оценки любого политического режима⁸. «Абсолютная отзывчивость» представляется идеальной моделью, по степени соответствия которой можно судить о демократичности того или иного режима⁹. Бенджамин Пэйдж и Роберт Шапиро писали, что отзывчивость правительства на желания граждан — это центральный вопрос различных нормативных и эмпирических теорий демократии¹⁰. Согласно Расселу Хардину, отзывчивость первична по отношению к другому ключевому термину демократической теории — «подотчетности» — поскольку гражданам сначала должны знать, отзывчиво ли правительство, прежде чем «вознаграждать» его общественной поддержкой или «наказывать» (призвать к отчетности) общественным непризнанием, критикой или проигрышем на выборах¹¹.

Главным аналитическим преимуществом концепции отзывчивости является то, что она, в той или иной степени, присуща всем типам политических режимов. Эта концепция позволяет изучать главное свойство и специфику режимов, уйдя при этом от идеологически окрашенной и не всегда исследовательски полезной, хотя и преобладающей в современной политологии, дихотомии: «демократия/ не демократия». Одним из главных критериев оценки легитимности политических режимов является то, как государство удовлетворяет (отзывается на) нужды и требования населения. Множество суждений, часто высказываемых о демократиях, диктатурах, тираниях, авторитарных, смешанных и иных режимах, так или иначе, основываются на некоей оценке их отзывчивости на нужды и требования населения. Политические элиты как в демократиях, так и в автократиях, в свою очередь, постоянно стараются представить себя в выгодном свете, утверждая, что они дают людям то, что те хотят и требуют. Отзывчивость, таким образом, является неотъемлемой частью любого режима, а также неким основанием для общественной поддержки того или иного руководства.

Применительно к Китаю перспективность анализа политического режима в терминах отзывчивости продиктована возникшим в этой области «терминологическим коллапсом», не позволяющим выразить сущность современного режима КНР на языке

именующихся концепций. Так, помимо тоталитаризма, авторитаризма и «государства ленинского типа», политический режим КНР характеризуется в литературе как: фрагментарный авторитаризм (fragmented authoritarianism)¹², мягкий авторитаризм (soft authoritarianism)¹³, «революционный авторитаризм» (revolutionary authoritarianism)¹⁴, «гибкий авторитаризм» (flexible authoritarianism)¹⁵, «эластичный авторитаризм» (resilient authoritarianism)¹⁶, «адаптивный авторитаризм» (adaptive authoritarianism)¹⁷, «популистский авторитаризм» (populist authoritarianism)¹⁸, «легитимный авторитаризм» (legitimate authoritarianism)¹⁹, «ответственное правительство в авторитарных условиях» (responsive government under authoritarian condition)²⁰, «авторитарный, но при этом участнический» (authoritarian yet participatory)²¹, «подотчетность без демократии» (accountability without democracy)²². М. Оксенберг, в свое время введший применительно к Китаю популярный термин «фрагментарный авторитаризм» позже заключил, что современный политический режим КНР сложно охватить одним выражением и что все существующие названия упускают его сущность и комплексность²³. На фоне такого сбивающего с толку многоголосья изучение отзывчивости может прояснить политические процессы, протекающие в современном Китае, лучше, чем попытки вписать эти процессы в категории демократической теории.

Отзывчивость можно представить как образ действия государства (т.е. то, что государство *делает*) в осуществлении своих политических задач. Другими словами, термин «отзывчивость» отражает *деятельность* представителей власти, а не их индивидуальные характеристики или методы избрания в должность. В то же время, «отзывчивость» подразумевает *отношение* между властью и обществом: она возникает в ответ на импульсы, исходящие от общества в направлении руководства страны. Габриэль Алмонд и Бигнам Пауэлл писали: «если экстракционная, регулятивная, дистрибутивная и символическая способности системы описывают модель результата политической системы, выпускаемого ею во внутреннюю или внешнюю среду, то способность отзывчивости — это отношение между тем, что входит в систему и тем, что из нее выходит»²⁴. Каждая политическая система, таким образом, на что-то отзывается. Ключевой исследовательский вопрос заключается в том, на что (на чьи требования) эта система отзывается? Как и в какой сфере политики она отзывается? Почему она отзывается? Как формируется и сохраняется модель отзывчивости?

Из западных исследований, посвященных «демократической отзывчивости» (democratic responsiveness) следует, что находящиеся у власти отзывчивы на нужды и желания населения потому, что, будучи избираемыми лидерами, они зависят от «электоральной санкции» (electoral sanctions): то есть в случае неотзывчивости на требования большинства, они проигрывают на выборах и теряют власть²⁵. Позитивная каузальная связь между электоральной конкуренцией и отзывчивостью была эмпирически подтверждена целым рядом количественных исследований²⁶. Электоральная санкция, однако, не единственно возможная причина отзывчивости. Или, другими словами, ее отсутствие, как, например, в Китае, не означает полного отсутствия отзывчивости, поскольку, как правило, существуют альтернативные механизмы артикуляции общественных интересов.

Существует прямая связь между социальной политикой и экстракционной способностью политической системы. Любые государственные социальные гарантии подразумевают перераспределение ресурсов правительством в больших объемах и, как правило, в общенациональном масштабе, что вряд ли возможно без эффективных механизмов извлечения ресурсов. Известно, что без должного уровня экономического развития даже самые серьезные намерения и попытки со стороны государства извлекать и распределять не могут увенчаться успехом. В то же время рост объема государственных расходов в истории шел быстрее, чем общий рост экономики. В Англии, например, в 1890 г. государственные расходы составляли 8,9% от валового национального дохода (ВНД); в 1920 г. эта цифра составила 20,2%; в 1938 г. — 30, в 1960–36,4; 1970–43; в 1981–50,3%; и в 1983–

53,3. Подобная динамика характеризует и другие западноевропейские страны²⁷. Это говорит о том, что экстракционная способность государства хоть и зависит от экономического развития, но всецело им не определяется, поскольку возможен разный процент извлечения и перераспределения ресурсов. Аналогично страны с равной экстракционной способностью (с равным количеством государственных доходов) могут тратить разный объем средств на социальную политику. Таким образом, экстракционная способность государства — это необходимое, но не достаточное условие для запуска активной социальной политики. Помимо материальных ресурсов необходима смена политического курса или, другими словами, возникновение мотивации у государства поменять распределение извлекаемых ресурсов. Китайское руководство, например, могло продолжать придерживаться идеологии «экономический рост любой ценой» и тратить накопленные средства не на социальную политику, а на различные нужды экономического роста. Для ответа на вопрос: почему социальная политика в Китае в начале 21-го века, приобрела более масштабный и активный характер, необходимо проанализировать две другие функции политической системы — артикуляцию и агрегирование интересов. Они позволяют судить о степени отражения нужд населения в политической повестке, а также о степени гражданского влияния на политический процесс.

Функции артикуляции и агрегирования общественных интересов — это взаимосвязанные процессы, представляющие системно-коммуникативный аспект политической сферы и имеющие дело с преобразованием идущих от общества импульсов в политические решения и действия. Это, по сути, две основные составляющие социальной обратной связи в политической системе. Под артикуляцией интересов подразумевается их выражение как в вербальной, так и невербальной формах. Посредством артикуляции как индивидуальные участники, так и общественные группы формулируют свои требования к государству, выражают недовольство существующим положением дел либо одобряют проводимый политический курс. Применительно к анализу социальной политики, особенно в условиях капиталистической экономики, где преобладает принцип максимизации прибыли экономическими элитами, важность артикуляции общественных интересов заключается в том, что этот процесс создает необходимое внешнее давление на экономические и политические элиты и таким образом заставляет их уделять больше внимания нуждам общества и, в конечном итоге, перераспределять необходимые ресурсы. Современные информационные технологии, включая Интернет, делают артикуляцию интересов проще и быстрее, усиливая эффективность внешнего давления.

Под агрегированием интересов подразумеваются механизмы упорядочения и систематизации артикулируемых интересов, а также поиска их оптимального соотношения. Требования, выдвигаемые индивидами и другими социальными единицами (семьями, группами и т.д.), как правило, многочисленны и разрозненны, и без должной гармонизации и категоризации они не могут напрямую служить основой формулирования политики государства. Основная функция механизмов агрегирования интересов, таким образом, заключается в «считывании» нужд и желаний общества, отсеивании второстепенного и извлечении основного для формулирования соответствующего политического курса. Следует отметить, что одинаковые общественные требования при прохождении через различные механизмы агрегирования на выходе могут дать различные политические повестки. Это подчеркивает важность преломляющей функции институтов политического опосредования, представляющих интересы общественных групп или слоев.

В совокупности артикуляция и агрегирование интересов составляют конверсионный процесс политической системы, который перерабатывает поток нужд и желаний, входящих в политическую систему, в политику перераспределения ресурсов. Для понимания возникновения социальных реформ в современном Китае, необходимо проанализировать как экстракционную способность политической системы КНР, так и изменения в ней функций артикуляции и агрегирования интересов.

Отзывчивость политического режима КНР на базовые нужды населения

Одним из главных негативных последствий рыночных реформ в Китае стало ослабление дореформенной системы социальных гарантий, которая, хотя и на минимальном уровне, обеспечивала социальную защиту миллионам граждан. По мере того, как социальное неравенство росло, нагнеталось социальное недовольство состоянием политики реформ и открытости. К началу 21-го века пришло понимание того, что погоня за экономическим ростом без должного внимания к социальным нуждам населения чревата серьезными последствиями. В этом контексте руководство КНР «достало» из политического арсенала высказывания Дэн Сяопина об опасности неравенства (между регионами, социальными классами, центром и периферией) и стало серьезно реформировать социальный сектор. Масштабные социальные реформы были начаты главным образом после прихода к власти Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао. До этого, пожалуй, лишь политика развития западных регионов могла быть классифицирована как социальная политика, поскольку включала значительное перераспределение ресурсов.

Целесообразно выделить следующие сферы обострения нужд населения и появления запроса на адресованную им социальную политику: 1) бедность в городах и деревнях, в т.ч. из-за большого числа безработных, возникших вследствие реформ управления предприятиями государственной и коллективной собственности; 2) утяжеление бремени крестьян вследствие роста объема центрального налогообложения и произвольных поборов местных властей; 3) снижение доступности и качества начального обязательного образования, особенно в деревнях; 4) недоступность базовых медицинских услуг для бедных слоев населения и возникновение феномена «бедность из-за болезни»; 5) старение населения и проблема пенсионного обеспечения; 6) рост стоимости и снижение доступности жилья; 7) возникновение огромного количества трудовых мигрантов, которые, работая в городах, но имея сельскую прописку, не имели права на социальные гарантии.

Анализ социальной политики, проводимой руководством КНР в этих сферах, позволяет судить об отзывчивости китайского политического режима на нужды населения. (Табл. 1)

Необходимо признать, что вышеперечисленные социальные реформы в КНР идут с переменным успехом. Подробный анализ их результатов выходит за рамки нашего исследования. Отметим лишь, что, например, после запуска программы гарантий минимального дохода, общее число жителей, охваченных ею, возросло с 17 до 82 млн человек (22 млн городских жителей и 60 млн жителей деревень); в результате реформ здравоохранения удалось повысить распространенность медицинского страхования с 15% в 2001 г. до 96% в 2011 г.; число получающих пенсию по старости возросло с 300 млн человек в 2009 г. до 610 млн в 2011 г.²⁸ Данные меры позволили значительно облегчить последствия рыночных реформ и снять социальную напряженность, частично удовлетворив общественный запрос. Конкретные результаты этих реформ будут зависеть от способности государственной машины КНР реализовывать реформы на практике, от уровня коррупции, эффективности государственных институтов и т.д. Для данного же исследования «отзывчивости» политического режима КНР на базовые нужды населения важен сам факт реакции китайского руководства на запросы и потребности общества в форме новых социальных политик. Именно эта реакция, подкрепленная необходимыми ресурсами, говорит о наличии обратной связи между властью и обществом.

Таблица 1.

Новые социальные реформы в КНР

Период обострения	Тип базовых нужд населения в период обострения	Отзывчивость политического режима (год и тип реформ)
1995–1999	Возрастающее региональное неравенство	1999 — программа развития Западного Китая.
1996–2002	Городская бедность, вызванная выбросом рабочей силы с предприятий госсобственности.	2002 — программа гарантии минимального дохода в городах; 2007 — программа гарантии минимального дохода в деревнях
1996–2006	Утяжеление крестьянского бремени	2004 — снижение сельхозналогов; введение трех типов сельских субсидий; 2005 — частичная отмена сельхозналогов; 2006 — отмена всех сельхозналогов; введение масштабной программы сельских субсидий
2000–2007	Деградация системы обязательного образования и рост стоимости образовательных услуг	2006 — введение гарантий и усиление финансирования бесплатного обязательного образования в западных и центральных районах Китая; 2007 — усиление гарантий бесплатного базового образования во всех сельских районах Китая; 2008 — гарантия бесплатного обязательного образования для всех
2002–2009	Снижение доступности здравоохранение; возникновение проблемы «бедность из-за болезни».	2003 — восстановление кооперативной системы медицинского страхования сельских жителей; 2007 — внедрение базовой медицинской страховки для городских жителей; 2009 — создание комплексной системы всеобщего медицинского страхования
2006–2010	Старение населения	2010 — реформа пенсионной системы и гарантия пенсионного обеспечения по старости для всех
2006–2011	Недоступность жилья	2006 — введение программ бюджетного жилья для бедных в городах; 2011 — более инклюзивная программа бюджетного жилья для граждан с низкими доходами

Экстракционная способность политической системы

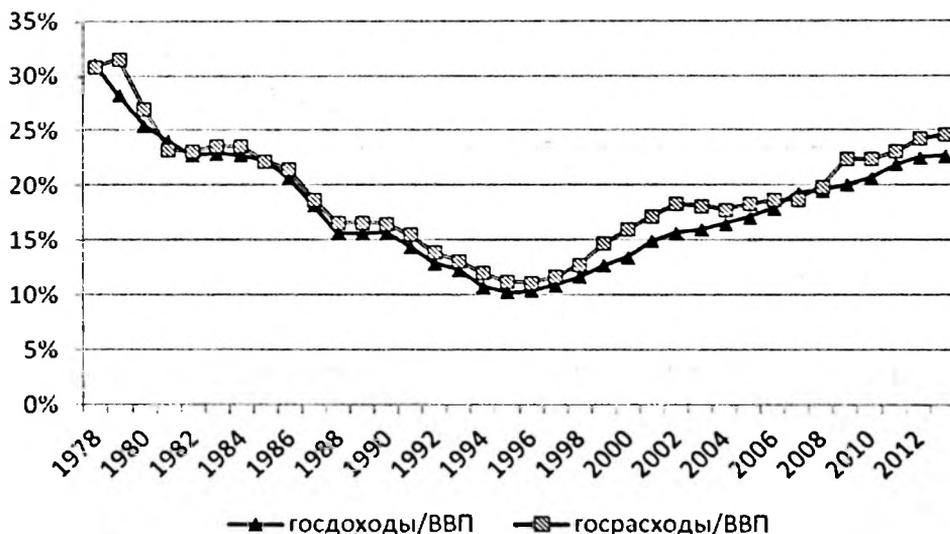
Как отмечалось выше, существует прямая связь между социальными гарантиями, требующими значительных ресурсов, и экстракционной способностью государства. Даже если наличие ресурсов само по себе не является достаточным условием того, что власть начнет проводить масштабную социальную политику, их отсутствие делает такую политику невозможной. Поэтому, анализируя становление новой социальной политики в

КНР на рубеже веков, необходимо уделить особое внимание способности государства извлекать финансовые ресурсы.

В связи с этим китайская модель развития представляет некий парадокс. С начала проведения политики реформ и открытости до середины 1990-х годов ВВП КНР рос ежедневно в среднем почти на 10%, что по праву позволяло называть КНР «экономическим чудом». В то же время несмотря на впечатляющий экономический рост, правительство КНР едва сводило концы с концами. Рост государственных доходов КНР²⁹ колоссально отставал от роста ВВП. Как показано на Графике 1, отношение государственных доходов к ВВП в КНР (доля госдоходов в ВВП страны) сократилось с 30% в начале реформ до 10% в 1996 г. Аналогичная картина наблюдалась и в случае государственных расходов³⁰. Наиболее сложной была ситуация с доходами центрального правительства: при шестикратном росте объема экономики отмечался лишь двукратный рост государственных доходов. Это означало, что правительства, как центральное, так и местные, существовали в условиях острой нехватки налоговых поступлений. Ясно, что масштабные социальные реформы, подразумевающие извлечение и перераспределение значительных материальных средств, были вряд ли возможны.

График 1

Отношение госдоходов и госрасходов к ВВП

Источник: расчеты автора по данным Национального бюро статистики КНР. <http://data.stats.gov.cn/workspace/index?m=hgnd>

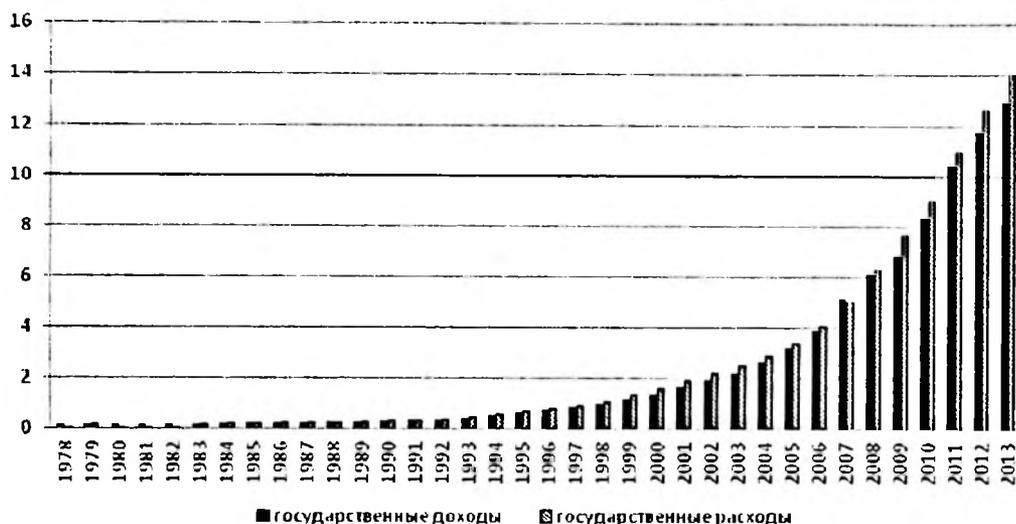
Ситуация начала кардинально меняться в конце 1990-х — начале 2000-х годов, предположительно как следствие налоговой реформы 1994 г., которая, частично централизовав налоговые потоки после периода децентрализации, значительно усилила экстракционную способность китайского государства. Как показано на Графике 2, абсолютный объем государственных доходов и расходов КНР начал стремительно расти с начала 2000-х годов. В то же время (График 1) наблюдался значительный рост отношения госдоходов и госрасходов к ВВП.

В этом смысле начало нового столетия стало переломным моментом. Запуск экономических реформ требовал децентрализации, в том числе и налоговой системы. Однако к середине 1990-х годов руководство КНР осознает опасность нехватки налоговых ресурсов, необходимых для управления экономикой на новом этапе развития, и реформиру-

ет налоговую политику, централизуя каналы поступления средств в государственный бюджет. Подобные меры позволили значительно увеличить государственные доходы и накопить достаточные средства для перераспределения в пользу нуждающихся, в данном случае в форме новых социальных реформ. В результате роста экстракционной способности, после длительного периода падения доля государства в расходах на здравоохранение (с 15,7% до 30%)³¹, образование³² и другие общественные блага с начала 2000-х годов значительно возросла.

График 2

Государственные доходы и расходы КНР (трлн. юаней)

Источник: расчеты автора по данным Национального бюро статистики КНР. <http://data.stats.gov.cn/workspace/index?m=hgnd>

Артикуляция и агрегирование общественных интересов

Наличие материальных ресурсов само по себе не гарантирует запуска масштабных социальных реформ, а лишь создает необходимые условия для их реализации. Для того, чтобы принудить власть расходовать накопленные ресурсы на социальные блага, а, скажем, не на дальнейшее стимулирование количественного экономического роста, необходимы механизмы общественного давления, способные не только артикулировать существующие в обществе запросы, но и агрегировать их в соответствующие политические повестки.

Немаловажную роль в артикуляции общественных интересов в КНР стали играть средства массовой информации, чья роль в формировании общественной повестки и, следовательно, корректировке политического курса значительно возросла за последнее десятилетие. СМИ КНР стали более активно обсуждать существующие социальные проблемы, делая их частью общественно-политического дискурса. Несмотря на то, что СМИ в Китае принято воспринимать как идеологический рупор КПК, в последние годы они стали активно освещать острые проблемы здравоохранения, медицинского страхования, социального неравенства, вопросы трудовых мигрантов, жилья, загрязнения окружающей среды и т.п., способствуя таким образом коммуникации между властью и обществом.

Более широкое и правдивое освещение социально-значимых проблем стало результатом количественных и качественных изменений, произошедших в китайских СМИ. Согласно официальной статистике по сравнению с периодом начала политики реформ и

открытости, количество радиостанций утроилось, а телевизионных каналов и газет — выросло в 10 раз³³. Еще более важными стали качественные изменения, а именно маркетизация СМИ, начавшаяся в 1980-х годах и ускорившаяся в 1990-х³⁴. Несмотря на то, что де юре государство является собственником многих радио и телевизионных станций, газет и журналов, различные СМИ стали с целью заработка конкурировать за внимание аудитории. Многие подконтрольные государству газеты начали создавать дочерние медийные структуры с большей свободой действий, которые публикуют журналистские расследования и аналитические материалы по наиболее острым социальным проблемам. Рыночная конкуренция приблизила СМИ к массам и сделала их площадкой для артикуляции интересов и нужд различных групп общества, превращая эти нужды в общественно-видимые приоритеты.

Ярким примером этого может служить освещение в СМИ проблем здравоохранения в 2005 г. в ответ на государственный проект реформы, когда «Молодежная газета Китая» (*Чжунго цинняньбао*) опубликовала основные положения новой реформы здравоохранения и спровоцировала дискуссию национального масштаба по этому вопросу реформы³⁵. Следом десятки газет и журналов начали публиковать различные экспертные комментарии на китайском и английском языке и порой остро критиковать государственную политику в сфере здравоохранения, высвечивая такие серьезные проблемы, как недоступность медицинских услуг и провалы государственной политики³⁶. Это все ускорило выявление существа проблемы и формирование соответствующей политической повестки, что оказало влияние на проведение новой национальной реформы здравоохранения в 2009 г.

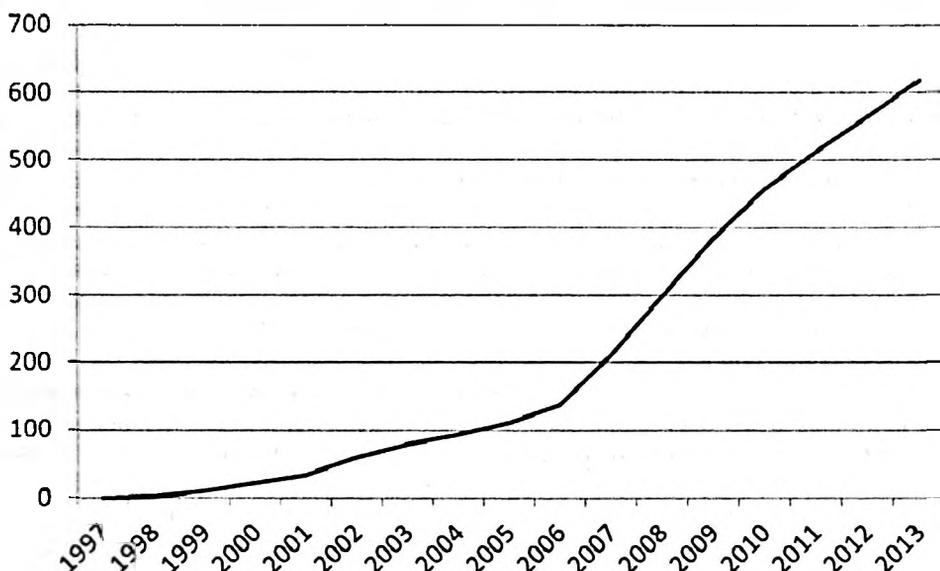
Чрезвычайно важную роль в артикуляции общественных интересов и во включение тех или иных нужд населения сначала в общественную, а потом и в политическую повестку в Китае начал играть Интернет, число пользователей которого в 2013 г. достигло 617,58 млн человек (График 3)³⁷. Доступность Интернета меняет логику формирования общественной повестки, делая информацию сиюминутно доступной, и, главное, создавая пространства для обсуждений и критики. Разговоры о влиянии Интернета на политику в КНР неизбежно наталкиваются на аргумент о цензуре и тотальном государственном контроле над интернет-пространством. На самом деле ситуация неоднозначна. Недавние эмпирические исследования показывают способность активистов находить способы камуфлировать информацию, делая ее понятной для других пользователей сети, но, в то же время, малораспознаваемой для цензоров. Такие способности заметно возросли с появлением технологий «Веб. 2.0» (Web. 2.0), которая позволяет создавать проекты и серверы, активно развиваемые и пополняемые самими же пользователями, например блоги, социальные сети и т.д. Китайские блоги и интернет-форумы дали старт разного рода общественным движениям, добровольческим мероприятиям по спасению пострадавших от стихийных бедствий, высмеиванию коррумпированных политиков и бизнесменов, критике недостатков социальных реформ и т.д.³⁸ Распространение в Интернете информации о социальных проблемах сыграло важную роль в формировании повестки реформы здравоохранения и других реформ³⁹.

Наряду с изменившейся ролью СМИ и распространением Интернета, в Китае сформировались своеобразные механизмы диалога между обществом и властью, посредством которых происходит артикуляция социальных нужд, а также достигается разрешение множества разногласий, возникающих в процессе реформ. Например, механизмы «совещательной демократии» (*deliberative democracy*), подразумевающие активное вовлечение граждан и обсуждение их нужд, стали популярным методом взаимодействия политических элит и общества по широкому спектру вопросов⁴⁰. Среди примеров можно выделить региональную «совещательную демократию формирования бюджетов» (*budget democratic deliberation*) и «участническое составление бюджетов» (*participatory budgeting*), а также обсуждение реформы здравоохранения в национальном масштабе

(deliberative healthcare reform)⁴¹. Во всех случаях «совещательная демократия» подразумевала вовлечение жителей городов и деревень в обсуждение вопросов развития инфраструктуры, строительства жилья, использования бюджетных денег, реформы здравоохранения, пенсионной реформы и других проблем. Подобные совещательные методы общественного волеизъявления активно распространяются в городах и деревнях по всему Китаю. Совещательная демократия стала в КНР официальной линией проведения внутренней политики⁴².

График 3

Число пользователей интернета в КНР (млн. чел.)

Источник: расчеты автора по данным Национального бюро статистики КНР. <http://data.stats.gov.cn/workspace/index?m=hgnd>

Другой инновацией в области создания механизмов артикуляции общественных интересов стала деидеологизированная версия «массовой линии» (*цзюньчжун лусянь*). Будучи изначально эффективной тактикой идеологической борьбы, новая версия массовой линии призвана представить альтернативу традиционному, в западном понимании, политическому участию, которое страдает в развивающихся странах от проблемы неравенства, когда участвуют те, у кого есть время и ресурсы (т.е. те, кто и так в неплохих условиях), а «социальные низы», в наибольшей степени нуждающиеся в социальных гарантиях, проявляют политическую пассивность из-за отсутствия времени и ресурсов. Новая массовая линия подразумевает чиновничье «хождение в массы» для получения из первых рук информации о состоянии наиболее нуждающихся, но, как правило, пассивных слоев населения. Таким образом «низы» вовлекаются в политический процесс. Крупномасштабное развертывание практик «массовой линии» способствует представительству интересов наименее благополучных граждан в государственной политике⁴³.

Необходимо также отметить важные институциональные изменения в агрегировании интересов масс в современном Китае. Как известно, существует прямая взаимосвязь между степенью организации любых групп интересов и степенью их влияния на государственную политику. Компаративистские исследования эволюции социальной политики давно установили устойчивую взаимосвязь между организацией рабочих в профессиональные союзы и полноценностью государственных программ социальных гаран-

тий. Так, Уильямсон и Вэйс, проанализировавшие 39 стран, заключили, что одним из основных факторов, определяющих полноту системы социальных гарантий вне зависимости от специфики контекста является количество и влияние профсоюзов⁴⁴. Этот тезис был также доказан целым рядом последующих исследований⁴⁵. В западных странах масштаб перераспределения ресурсов государством коррелируется с рабочим движением и профсоюзной активностью. В США, Великобритании, Канаде, Новой Зеландии, Австралии уровень перераспределения ресурсов сравнительно невысок предположительно из-за низкого участия работающего населения в профсоюзах и, следовательно, слабого влияния профсоюзов на социальную политику. В Швеции, которая известна самой щедрой социальной политикой, напротив, в 1930-х годах сформировалась «Шведская конфедерация профессиональных союзов» (The Swedish Trade Union Confederation)⁴⁶, которая активно отстаивала интересы рабочих и добилась в 1938 г. заключения Сальтсjöбаденского соглашения (Saltsjöbaden Agreement), которое закрепило нормы взаимоотношений между рабочими и работодателями на шведском рынке труда с учетом интересов первых. Эта мера также положила начало представительству интересов рабочих и определила нормы участия различных рабочих организаций в политическом процессе. Аналогично: в Германии Объединение немецких профсоюзов, насчитывающее 6,6 млн членов, послужило мощной площадкой артикуляции и агрегирования интересов рабочих. Основанное в 1949 г., Объединение немецких профсоюзов отстаивает идеи социальной солидарности, требует социальных субсидий, справедливого распределения рабочих мест и доходов, вырабатывает способы борьбы с безработицей, т.е. агрегирует основные социальные нужды большинства. Другими словами, такие факторы, как количество профсоюзов, членство в профсоюзах, а также доля участия работающего населения в профсоюзах, усиливают вероятность перераспределения ресурсов в пользу рабочих и появления социальных реформ.

Рассмотрим основные тенденции развития профсоюзов в современном Китае. График 4 показывает динамику изменения количества низовых «профсоюзных организаций» (*цзицзи гунхуэй*) в период реформ. Очевиден резкий скачок численности профсоюзов с начала 2000-х годов. Как было показано выше, именно этот период в Китае характеризуется возникновением разного рода социальных гарантий (см. табл. 1).

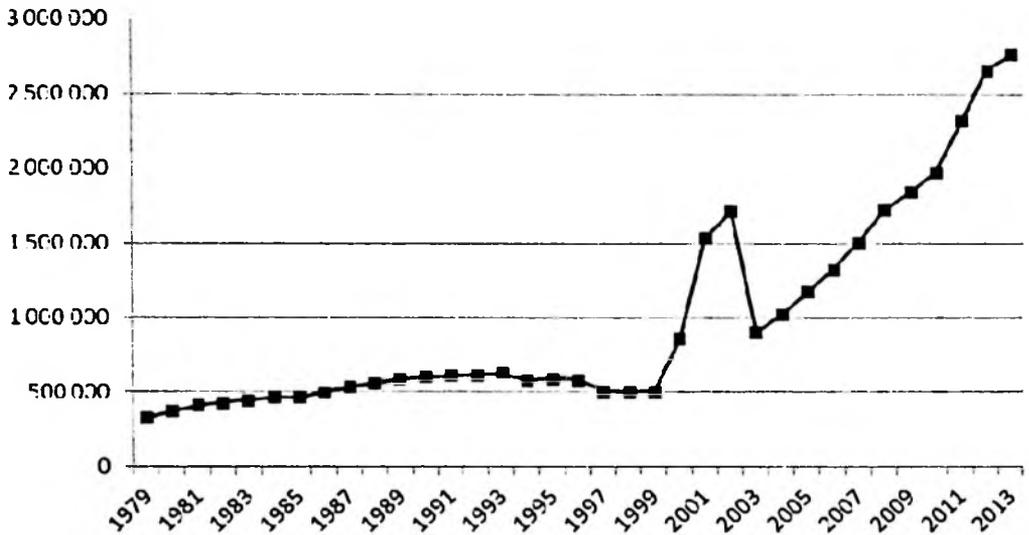
Закономерным следствием развития профсоюзного движения стал рост численности членов профсоюзов. Другими словами, более значительная часть крестьян и рабочих получила институциональную платформу для обсуждения и отстаивания своих интересов (График 5).

Наиболее важным показателем в данном отношении является доля участия работающего населения в профсоюзах. На графике 6 показано изменение отношения численности членов профсоюзов к общему числу работающего населения в КНР. Если на рубеже веков в профсоюзах состояло менее 15% работающего населения, то через десять лет этот показатель превысил 30%. Цель профсоюзных организаций — защита прав и социально-экономических интересов рабочих. Таким образом, более трети работающих получили доступ к легальному институциональному ресурсу защиты своих интересов. Можно подвергать сомнению способность китайских профсоюзов отстаивать интересы трудящихся масс в контексте существующего политического режима, тем не менее, имеет смысл полагать, что сам факт организации этой новой группы интересов усиливает социально-политический вес ее участников.

Для сравнения: в Англии, Голландии, Новой Зеландии, Японии и США аналогичный показатель ниже, и составляет 30%, 29%, 24%, 24%, 14% соответственно⁴⁷. Период роста численности профсоюзных организаций хронологически совпадает с наращиванием руководством КНР усилий по реализации социальных реформ. Это указывает на важность изменений механизмов артикуляции и агрегирования интересов для государственной политики.

График 4

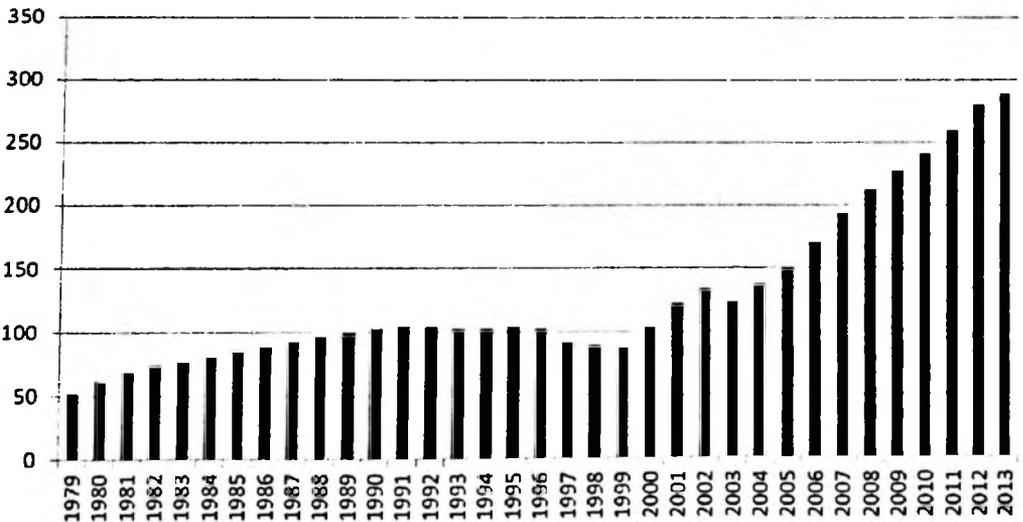
Количество низовых «профсоюзов в Китае» в период реформ

Источник: расчеты автора по данным Национального бюро статистики КНР.
 URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01>

График 5

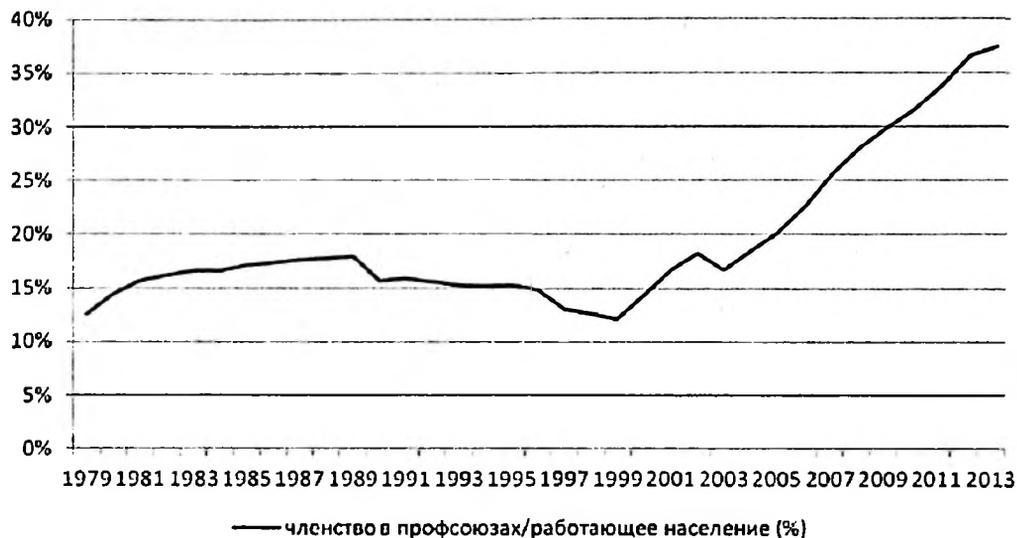
Членство в низовых профсоюзах в КНР

Источник: расчеты автора по данным Национального бюро статистики КНР.
 URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01>

График 6

Отношение членов профсоюзов к работающему населению

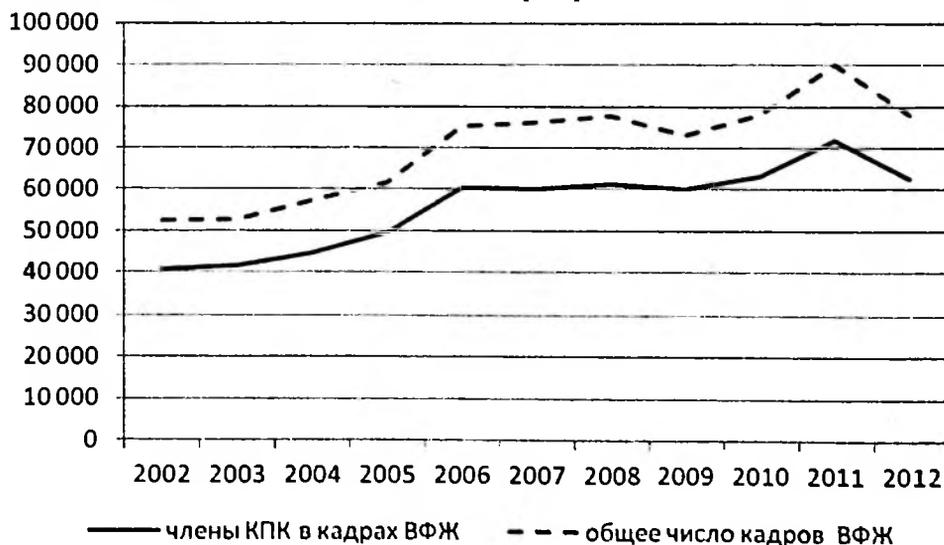

Источник: расчеты автора по данным Национального бюро статистики КНР.

URL: <http://data.stats.gov.cn/workspace/index?m=hgnd>

График 7

Численность и состав Всекитайской федерации женщин КНР

Источник: расчеты автора по данным Национального бюро статистики КНР.

URL: <http://data.stats.gov.cn/workspace/index?m=hgnd>

Еще один фактор, достойный внимания в контексте данного исследования — роль Всекитайской федерации женщин⁴⁸. Традиционной повесткой ВФЖ, помимо защиты прав женщин, являются достижение общего гендерного и межрасового равенства, социальные гарантии нуждающимся, улучшение начального и среднего образования. Более

активное вовлечение женщин в политические и административные процессы, как правило, ассоциируется с более социально — ориентированным политическим курсом. На графике 7 показано общее число «кадров» (*ганьбу*) в составе Всекитайской федерации женщин, а также членов КПК среди них.

Заключение

С начала 21-го века Китай переживает новый переходный период, часто ускользающий от внимания наблюдателей. Основной характерной чертой этого нового этапа развития является исторический переход от сугубо экономической политики, главным образом нацеленной на количественный экономический рост, к политике социальной, которая меняет логику отношений государства и общества. В истории многих европейских и других ныне развитых государств возникновение акцентированной социальной политики было рубежным моментом развития, характеризуемым глубокими изменениями не только в системе перераспределения ресурсов, но и в политическом режиме. Возникновение социального государства в Европе серьезно повлияло на природу отношений между государством и обществом, бизнесом и государством, обществом и бизнесом.

Появление социальной политики в постреформенном Китае не является случайностью или субъективным желанием руководства страны. Несмотря на то, что Китай пока еще находится на начальном этапе социальных реформ, сам факт их становления свидетельствует об определенных социально-экономических и политических изменениях, требующих дальнейшего изучения. Как показано нами в данной статье, запуск социальных реформ в КНР проходит параллельно с возрастанием государственной способности извлекать и распределять ресурсы, что говорит о повышении государственной эффективности.

В то же время новые социальные реформы в Китае коррелируются с возникновением альтернативных механизмов политического участия, меняющейся ролью СМИ и Интернета, институциональными изменениями в процессах артикуляции и агрегирования общественных интересов, а также растущей степенью организации общественного волеизъявления. Социальные реформы идут бок о бок с изменениями в механизмах артикуляции и агрегирования нужд широких масс. Эти механизмы замещают традиционную, в западном понимании, процессуальную демократию и стимулируют отзывчивость политического режима КНР на базовые нужды населения. Последствия этих трансформаций могут уйти далеко за пределы нынешних социальных реформ и изменить репрезентативную сущность китайского политического режима, даже в рамках видимой неизменности его формы.

1. Об изменениях в сфере здравоохранения в КНР в постреформенный период, см.: *Королев А.* Поиски модели медицинского страхования в КНР // *Проблемы Дальнего Востока* № 6. 2011. С. 98–117.
2. Например, на XVI съезде КПК руководящая формула китайских экономических реформ «Отдавать преимущество эффективности при надлежащем внимании к справедливости» сменилась новой — «Отдавать преимущество эффективности в первичном распределении, придавать особое значение справедливости в перераспределении,» что говорит об осознании руководством необходимости проведения социальных реформ. См.: доклад Цзянь Цзэминя на 16 съезде КПК.
3. Термин был введен датским ученым Эспинг Андерсеном и означает уменьшение зависимости человеческого благосостояния от капиталистического рынка; социальные гарантии, таким образом, рассматриваются как права, а не как приобретаемые услуги. См.: *Esping-Andersen, G.* *The three worlds of welfare capitalism.* John Wiley & Sons, 2013. С. 21–22.
4. См.: *Wang, S.* *The great transformation: the double movement in China* // *Boundary-2.* 2008. Vol. 35. No. 2. P. 15–47.

5. Основы институциональной теории Path Dependence были заложены американскими экономистами-историками П.А. Дэвидом и Б.В. Артуром. См.: *Arthur W.B. Positive Feedbacks in the Economy // Scientific American*. 1990. Vol. 262. No. 2. P. 92–99; *David P.A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review*. 1985. No. 2. P. 332–337; *David P.A. Path Dependence, its Critics and the Quest for 'Historical Economics' // Pierre G. and Stavros I. Evolution and Path Dependence in Economic Ideas: Past and Present*, Edward Elgar Publishing Limited, 2001. P. 15–35. Необходимо также упомянуть ставшую классикой работу Д. Норта. См.: *North, D.C. Institutions, institutional change and economic performance*, Cambridge university press, 1990. В России тема разрабатывается экономистами Полеровичем В.М., Балацким Е.В., а также, от части, Бородиным Л.И., См. *Полтерович В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность*. 2004. No. 3. С. 5–16; *Балацкий Е.В. Диссертационная ловушка // Свободная мысль-XXI*. 2005. № 2. С. 92–104; *Бородин Л.И. Порядок из хаоса: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история*. 2003. № 2.
6. Термины «политическая система» и «политический режим» используются в тексте как взаимозаменяемые.
7. *Dahl, R. A. Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven, CT: Yale University Press. 1971. P. 1–2.
8. *Verba, S. and Nie, N. H. Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. New York: Harper & Row, 1972. P. 300.
9. *Dahl, R. A.* Op. cit. P. 2.
10. *Page, B. I., and Shapiro, R. Y. Effects of Public Opinion on Policy // American Political Science Review*. 1983. Vol. 77. No. 1. P. 175–190.
11. *Hardin, R. Democratic Epistemology and Accountability // Social Philosophy and Policy*. 2000. Vol. 17. No. 1. P. 110–126.
12. *Lieberthal, K., Oksenberg, M. Policy Making in China: Leaders, Structures, and Processes*. Princeton University Press, 1988; *Mertha, A. Fragmented authoritarianism 2.0: Political pluralization in the Chinese policy process // The China Quarterly*. 2009. Vol. 200. P. 995–1012.
13. *Pei, M. China's Evolution toward Soft Authoritarianism // E. Friedman and B.L. McCormick (eds.), What if China Doesn't Democratize?: Implications for War and Peace*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2000. P. 74–99.
14. *Perry, E. J. Studying Chinese politics: Farewell to revolution? // China Journal*. 2007. Vol. 57. P. 1–22.
15. *Cabestan, J. P. Is China Moving Towards "Enlightened" But Plutocratic Authoritarianism? // China Perspectives [Online]*, 2004. Vol. 55. URL: <http://chinaperspectives.revues.org/412>.
16. *Nathan, A. J. Authoritarian resilience // Journal of Democracy*. 2003. Vol. 14. No. 1. P. 6–17.
17. *Shambaugh, D. China's Communist Party: Atrophy and Adaptation*. University of California Press, 2009.
18. *Friedman, E. Post-Deng China's Right Populist Authoritarian Foreign Policy // China Review*. 2000. P. 1–25.
19. *Schubert, G. One-Party Rule and the Question of Legitimacy in Contemporary China: Preliminary Thoughts on Setting Up a New Research Agenda // Journal of Contemporary China*. 2008. Vol. 17. No. 54. P. 191–204.
20. *Li, L. C. Towards Responsible Government in East Asia*. Taylor & Francis Ltd, 2009.
21. *Federal Ministry for Economic Cooperation and Development of Germany*. China: Authoritarian yet Participatory? — Governance in the PR China in times of change, 2006.
22. *Tsai, L. L. Accountability without democracy*. Cambridge University Press, 2007.
23. *Oksenberg, M. China's Political System: Challenges of the Twenty-First Century // The China Journal*. 2001. No. 45. P. 21–35.
24. *Almond, G. A. and Powell G. B. Comparative Politics: A Developmental Approach*. Boston: Little Brown and Company, 1966. P. 201.
25. Разработку этой теории см: *Arnold, R. D. The Logic of Congressional Action*. New Haven: Yale University Press, 1990; *Dahl, R. A. Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven: Yale University Press, 1961; *Downs, A. An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper and Row, 1957; *Gillens, M. Inequality and Democratic Responsiveness // Public Opinion Quarterly*. 2005. Vol. 69, No. 5. P. 778–796; *Mayhew, D. Congress: The Electoral Connection*. New Heaven: Yale University Press, 1974.
26. См. например: *Bingham, P. G. The Chain of Responsiveness // Journal of Democracy*. 2004. Vol. 15, No. 4, P. 91–105; *Page, B. I., Shapiro, R. Y. Effects of Public Opinion on Policy // American Political*

- Science Review. 1983. Vol. 77. No. 1. P. 175–90; Brooks, C. and Manza, J. Social Policy Responsiveness in Developed Democracies // American Sociological Review. 2006. Vol. 71. No. 3. P. 474–494.
27. Poggi, G. The State: Its Nature, Development and Prospects. Cambridge: Polity Press, 1990 P. 109–110.
28. Wang, S. Democracy: Chinese Style. Лекция в Институте Конфуция при Университете Аделаиды. Аделаида, Австралия, 18 сентября 2012 г. URL: http://confucius.adelaide.edu.au/gallery/video/2012/pl_video_18092012.html.
29. Государственные доходы — это главным образом налоговые сборы, а также средства, генерируемые властью за счет различных государственных сборов и штрафов.
30. Государственные расходы включают денежные средства, направляемые государством на различные социальные нужды и на финансовое обеспечение задач и функций государства.
31. Королёв А.Н. Поиски модели медицинского страхования в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 6. С. 100.
32. URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01>.
33. Wang S., Changing Models of China's Policy Agenda Setting // Modern China. 2008. Vol. 34. No. 1. P. 76.
34. Ibid.
35. Гоуюань яньцзю цзигоу: вого игай гуңцзо цзибэнь бу чэнгун: [Исследовательская группа Госсовета КНР: государственная деятельность в сфере здравоохранения по сути не была успешной]. Чжунго Цинь няньбао [Молодежная газет Китая]. 28.07. 2005.
36. Приведем лишь некоторые примеры таких публикаций на английском и китайском языках: Expert Says China's Medical Reform 'Basically Not Successful', Xinhua (Online), 29 July 2005; Josephine Ma, Think-tank Lashes the Mainland's Health Care, South China Morning Post (Online), 30 July 2005; Health Ministry Says Rural Medical System Still Facing Several Major Problems, China Daily (Online), 4 July 2005; Хуаньжэ, июань, чжэнфу у жэнь мани: игай цзяшэн фаньюань цы льяндянь мисинь: [Пациенты, больницы, правительство недовольны: неполноценность реформы здравоохранения исходит из двух ошибочный убеждений], Xinhua (Online), 4 August 2005; Вэйшэн бучжан Гаоцзян: чжэнфу ингай цзяда иляо тоужу: [Министр здравоохранения Гао Цзян призывает к увеличению инвестиций в здравоохранение] Number One Economic Daily (Online), 5 August 2005; Wang Zhenghua, Hospitals Overcharge Patients for Profits, China Daily (Online), 5 August 2005; Gaps Within Troubled China's Health Sector, Xinhua (Online), 8 August 2005; Вого инь бинд сыван вэ нуңцунь эртун чжун жэнь ю ибань вэй дэдао чжиляо: [Половина детей, умерших от болезней в деревнях, не имела доступа к медобслуживанию], Xinhua (Online), 17 August 2005; Игай дэ сысюэ цзай на? [В чем заключаются коренные проблемы реформы здравоохранения?] Southern Weekend (Online), 18 August 2005; Fujian Suicide Bombing: A Wake-up Call for Health-care Reform? South China Morning Post (Online), 18 August 2005; Zhang Feng, Rural Kids 'Need Better Healthcare', China Daily (Online), 18 August 2005.
37. URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01>.
38. См. например: Yang, G. The Internet and civil society in China: a preliminary assessment // Journal of Cotemporary China. 2003. No. 12. Issue 36. P. 453–475; Yang, G. How do Chinese civic associations respond to the Internet? Findings from a survey // The China Quarterly. 2007. No. 189. P. 122–143; Yang, G. The Power of the Internet in China: Citizen Activism Online. New York: Columbia University Press, 2009; Yang, G. Political contestation in Chinese digital spaces: Deepening the critical inquiry // China Information. 2014. Vol. 28, No. 2, P. 135–144; Qiu, J. L. Virtual censorship in China: Keeping the gate between the cyberspaces // International Journal of Communications Law and Policy. 1999. No. 4, P. 1–25; Lu, J., & Qiu, Y. Microblogging and Social Change in China // Asian Perspective. 2013. No. 37. P. 305–331.
39. Для анализа участия в интернет-обсуждениях проблем системы здравоохранения. См.: Korolev, A. Deliberative Democracy Nationwide? — Evaluating Deliberativeness of Healthcare Reform in China // Journal of Chinese Political Science. 2014. No. 19. P. 151–172.
40. Для подробного анализа механизмов дискурсивной демократии на местном уровне в разных регионах Китая см.: Ethan J. Leib and Baogang He, eds., The Search for Deliberative Democracy in China. New York, USA: Palgrave Macmillan, 2006.
41. См.: James S. Fishkin et al. Deliberative Democracy in an Unlikely Place: Deliberative Polling in China // British Journal of Political Science. 2010. Vol. 40. P. 435–444; Ethan J. Leib and Baogang He, eds. The Search for Deliberative Democracy in China. New York, USA: Palgrave Macmillan, 2006. P. 229–244; Korolev, A. Deliberative Democracy Nationwide? — Evaluating Deliberativeness of Healthcare Reform in China // Journal of Chinese Political Science. 2014. No. 19. P. 151–172.

42. Об этом свидетельствует тот факт, что китайские статьи по совещательной демократии размещены на сайте. См.: *Ван Цзиган, Ли Чунхуа*. Сиешан миньжу дэ жогань цзибэнь вэньти [Некоторые основные вопросы совещательное демократии]. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/rdltrdjs/2014-09/10/content_1878008.htm.
43. *Wang Shaoguang*. Шуан гуй миньжу: цюньчжун лусянь хэ гуньгунь цаньюй [Двухколейная демократия: массовая линия и общественное участие]. Материалы лекций в Китайском Университете Гонконга, 12 июня 2012 г.
44. *Williamson, J. and Weise, J.* Egalitarian Political Movement, Social Welfare Effort and Convergence Theory: A Cross-National Analysis // *Comparative Social Research*. Vol. 2. 1979. pp. 289–302.
45. См. Например: *Korpi, W.* The Working Class in Welfare Capitalism: Work, Unions and Politics in Sweden. London: Routledge Kegan Paul, 1978; *Korpi, W.* Social Policy and Distributional Conflict in the Capitalist Democracies // *West European Politics*. Vol. 3. 1980. P. 296–315; *Furniss, N. and Tilton, T.* The Case for the Welfare State: From Social Security to Social Equality. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1977.
46. The Swedish Trade Union Confederation http://www.lo.se/english/this_is_lo.
47. *Лю Ган*. Гайгэ кайфан цзинчэн чжун дэ Чжунго гунхуэй лии чжэнхэ — бяода яньцзю: [Анализ механизма артикуляции и агрегирования интересов китайскими профсоюзами в ходе политики реформ и открытости]. Неопубликованная PhD диссертация. Педагогический университет Шаньси. 2011. С. 26.
48. Чжунхуа цюаньго фунюй льяньхэ хуэй: [Всеитайская федерация женщин] URL: <http://www.women.org.cn/>

Великая Отечественная война и советское китаеведение

© 2015

В. Дацышен

В начале Великой Отечественной войны большинство советских ученых пошли в армию или были эвакуированы из Ленинграда и Москвы в глубь Советского Союза. Во время войны все советские востоковеды продолжали заниматься научно-практической и научно-исследовательской работой, в Москве, в советском тылу и на территории Китая продолжалась подготовка русских китаеведов. В 1944 г. деятельность учебных и научных учреждений в Москве и Ленинграде была полностью восстановлена. Советское китаеведение продолжило свое успешное развитие.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советское китаеведение, блокада Ленинграда, российские востоковеды в 1939–1945 гг., трагедия и научный подвиг русских китаеведов.

Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков 1941–1945 гг. стала тяжелейшим испытанием для России и всех республик Советского Союза. Исторический опыт российского китаеведения в трагические и славные годы испытаний вражеского нашествия интересен и важен не только для отечественной науки, но и для всей нашей страны.

Российская наука ощутила влияние войны еще до начала вторжения германских войск. В 1937 г. началась японо-китайская война, в 1938–1939 гг. произошли советско-японские военные конфликты на Дальнем Востоке. Осенью 1939 г. началась мировая война в Европе и советско-финская война. В конце 1930-х гг. все советское общество стало жить в военно-мобилизационных условиях. Сохранившиеся после репрессий китаеведческие ресурсы перераспределялись в пользу военного и внешнеполитических ведомств, и не только в Москве и Ленинграде. Например, в 1939 г. в «прифронтовом» Владивостоке было ликвидировано университетское и академическое востоковедение. В «Проекте положения о порядке расформирования восточного факультета ДВГУ» говорилось: «1. Считать целесообразным по особому отбору перевод студентов, окончивших I и II курсы востфака ДВГУ, для продолжения образования на II-х и III-х курсах военного отделения. 2. Студентов, окончивших III и IV курсы востфака, использовать на практической работе по языку в качестве переводчиков... 4. Преподавателей восточного факульте-

та использовать для преподавательской работы на военном отделении. 5. Преподавателей, которые не могут быть использованы на военном отделении, отчислить...»¹. Студентов-китаистов в Ленинграде и Москве забирали из университетов и отправляли на ответственные должности в наркоматах. Ярким примером тому является хорошо известная биография академика С.Л. Тихвинского.

Судьбы некоторых китаеведов напрямую затронули уже военные события 1939–1940 гг. Летом 1939 г. в Читу направили аспиранта Н.Т. Федоренко. В июле 1939 г. он писал своему научному руководителю В.М. Алексееву: «События на маньчжуро-монгольской границе разыгрались совсем не кстати... С какой надеждой я жду возможности возвратиться в Москву для продолжения работы над диссертацией»². Но командировка затянулась, синолог принял участие в боевых действиях и после тяжелого ранения несколько месяцев находился в армейском госпитале. Китаист Г.В. Астафьев осенью 1939 г. в составе Красной Армии участвовал в походе в Западную Белоруссию. Советско-финская война 1939–1940 гг. проходила вообще «у стен» Ленинграда, где в то время жили и работали большинство советских сиологов. Ленинградский китаист Н.А. Петров с сентября 1939 г. по август 1940 г. был политруком 315-го Отдельного танкового батальона 24-й стрелковой дивизии, в составе которой и принимал участие в войне с Финляндией на Карельском перешейке. Китаист В.Н. Кривцов 1 декабря 1939 г. был «исключен из списков сотрудников Института как призванный в ряды РККА»³.

22 июня 1941 г. немецко-фашистские войска совместно с силами сателлитов перешли границу и вскоре подошли к Ленинграду и Москве. Советские востоковеды с первых дней войны встали на защиту своей Родины, только в Институте востоковедения в Ленинграде были призваны в действующую армию 16 человек, а 50 человек вступили в народное ополчение. В 1941 г. на фронт ушли из Ленинграда и Москвы и такие уже известные китаисты, как С.Г. Кара-Мурза или Л.И. Думан, и только начинавшие свой путь в науку китаеведы, как М.Ф. Юрьев⁴. 26 июня 1941 г. из Института востоковедения был призван в армию только что закончивший аспирантуру и получивший в марте ученую степень кандидата филологических наук А.П. Конаков. В Красной Армии воевали даже репрессированные отлученные от науки востоковеды — Н.Н. Ветюков, Э.Р. Рыгдылон и др. Некоторые востоковеды были освобождены из тюрьмы в дни, когда немцы подходили к Москве, как, например, Н.И. Конрад.

Многие китаисты (С.Г. Кара-Мурза, В.С. Колоколов и др.) сначала попали на германский фронт, но затем были переведены на Восток, в район будущих военных действий с Японией. Например, Л.И. Думан в июле 1941 г. вступил в народное ополчение, а в августе 1941 г. был переведен на Дальний Восток. Китаист Н.А. Петров также был направлен на Восток, как и большинство призванных китаистов; в августе-сентябре 1945 г. он воевал с Японией в Северо-восточном Китае. Некоторые китаеведы оставались в действующей армии после окончания Великой Отечественной войны и капитуляции Японии. В.М. Алексеев писал весной 1946 г. С.Л. Тихвинскому: «Думану, Кривцову, Монзелеру и Юстову отказано в возвращении к своим обязанностям с Дальнего Востока»⁵. С.Г. Кара-Мурза погиб в августе 1945 г. при выполнении служебного задания в Маньчжурии⁶.

В августе 1941 г. линия фронта подошла к городу на Неве, началась подготовка эвакуации востоковедов из Ленинграда — сначала в Томск. Вскоре академиков и членов-корреспондентов вывезли на один из курортов Казахстана, в Боровое. Академик В.М. Алексеев с женой и двумя дочерьми согласился выехать из осажденного Ленинграда лишь в ноябре 1941 г., его единственный сын в это время был на фронте. 11 ноября 1941 г. семья Алексеевых вылетела на самолете из Ленинграда в Новгородскую область и в Вологду, далес они через Свердловск были доставлены в поселок Боровое. Китаевед В.М. Штейн в начале войны переехал вместе с Военным институтом иностранных языков в Ставрополь, а затем в Саратов. В начале февраля 1942 г. из Ленинграда выехали в

эвакуацию китаеведы А.А. Драгунов и З.И. Горбачева. Всего в феврале-марте 1942 г. по льду в советский тыл вывезли два десятка человек известных ученых. Последнюю группу востоковедов из Ленинграда эвакуировали в июле 1942 г. Кто-то попал в Ташкент, Г.Ф. Смыкалов был вывезен в Казань, О.Л. Фишман эвакуировалась в Саратов, Н.В. Кюнер с 1942 по 1944 гг. работал в Алма-Ате. Научный сотрудник ИВ АН Б.И. Панкратов был направлен на работу в Китай, 12 июня 1942 г. И.Ю. Крачковский сообщал В.М. Алексееву: «Из ИВАН-овских в последнее время вытребован на работу в Н.К. Ин. Дел Панкратов, и по аналогичной линии — Иваненко»⁷.

Из Москвы так же многие ученые были эвакуированы. Например, в составе коллектива МГУ в Ашхабад выехал доцент Г.Б. Эренбург. В Фергане в эвакуации находились Л.З. Эйдлин и Н.В. Конрад, затем Л.З. Эйдлин преподавал в Ставрополе. Некоторые китаеведы в годы войны работали в Сибири. Научный сотрудник ИВ АН В.М. Аникеев находился в Чите. Китаист из Владивостока А.В. Маракуев еще перед войной оказался в Томске. Известного востоковеда Н.Н. Поппе война застала в командировке в Калмыкии, он не смог эвакуироваться, оказался в оккупации и пошел на сотрудничество с немцами.

Даже в первые месяцы блокады Ленинград оставался центром советского китаеведения. Работа продолжалась и после самой трагической для блокадников зимы 1941–1942 гг., когда большинство оставшихся в городе востоковедов умерли. Позднее коллеги писали о мужестве и трагедии ученых: «Талантливый китаист-историк В.Н. Казин... был, по мнению своего учителя академика Василия Михайловича Алексеева, лучшим в мировой науке наших дней знатоком китайских исторических текстов... завершена и опубликована им была лишь ничтожная часть того, что он мог и хотел сказать. Именно это больше всего мучило его, когда, истощенный, еле двигаясь и чувствуя близкую гибель, он еще пытался продолжать свою любимую работу в бомбоубежище Эрмитажа»⁸. В апреле 1942 г. И.Ю. Крачковский писал из Ленинграда: «Было вчера первое заседание Объединенного Ученого совета институтов отделений истории, языка и литературы; организовали его главным образом потому, что в советах отдельных институтов осталось слишком мало утвержденных Президиумом членов и никакого кворума для защиты диссертаций не оказывается... Властью комиссии Президиума включили в него кое-кого из людей почтенных: И.И. Толстого... Смыкалова (как старшего китаиста)... Думаем, между прочим, поднять вопрос о публичных лекциях и занятиях семинарских вольного типа»⁹.

Голод, болезни, постоянные обстрелы и бомбежки унесли жизни большинства оставшихся в блокадном Ленинграде ученых. В сентябре-октябре 1941 г. в Ленинграде погибли талантливый исследователь-энтузиаст В.П. Таранович и глава школы советских маньчжуроведов А.В. Гребенщиков. Наступившая вскоре зима стала последней в жизни целой плеяды российских синологов. 1 января 1942 г. замерз по дороге домой лингвист и этнолог Ю.В. Бунаков. Затем погиб научный сотрудник ИВ РАН, специалист по искусству Китая К.И. Разумовский. Не пережила первой блокадной зимы аспирантка ИВ АН китаист-лингвист Е.Н. Медовая. В письме И.Ю. Крачковского к В.М. Алексееву от 6 февраля 1942 г. говорилось: «В Институте востоковедения убыль сильно коснулась китайского кабинета: умерли Рудов, Флуг, Бунаков, Медовая и, по слухам, Разумовский»¹⁰. В том же 1942 г. закончил свой жизненный путь первый советский профессор-китаевед А.А. Иванов (Ивин). Война нанесла тяжелейший удар по всему ленинградскому востоковедению. Потери Института востоковедения АН СССР были велики, и до сих пор имеются разные данные. Одни исследователи указывают: «В боях и блокаде погибло 37 сотрудников института»¹¹. Сами сотрудники института сегодня пишут: «Многие востоковеды не покинули Ленинград и продолжали здесь свои научные занятия... 43 сотрудника Института — более трети научного состава — погибли на фронтах Великой Отечественной войны и умерли в Ленинграде в годы блокады»¹². Позднее, в июне 1944 г., В.М. Алексеев, говоря о восстановлении в Ленинграде университетского китаеведения, писал: «Без лучших,

Флуга, Казина, Разумовского, строить что-либо приличное почти невозможно. Однако надо как-нибудь жить...»¹³.

С гибелью синологов на долгие годы были прерваны исследования по тем направлениям, что они вели. Исследователи писали: «В 1942 г. в блокадном Ленинграде погиб В.Н. Казин, и возобновить начатую им работу (над китаеведческой коллекцией К.А. Скачкова. — В.Д.) удалось только спустя два десятилетия»¹⁴. Л.Н. Меньшиков писал: «К.К. Флуг включил в свои работы сведения о целом ряде сочинений из Хара-хото на китайском языке... однако смерть его в блокадном Ленинграде прервала эту работу»¹⁵. Во время блокады Ленинграда были утрачены некоторые китаеведческие коллекции. Например, была похищена часть архива Н.И. Конрада. Вместе с личными вещами В.М. Алексеева во время эвакуации из квартиры исчезли рукописи лекций и научных работ. В блокадном Ленинграде погибла незаконченная рукопись диссертации «лучшего в мировой науке знатока китайских исторических текстов» В.Н. Казина. Война помешала изданию уже почти готовой «Всемирной истории», где были главы по истории Китая, подготовленные советскими китаеводами. Весь тираж только что изданного второго тома «Новой истории колониальных и зависимых стран» был уничтожен. Вообще, Вторая мировая война нанесла урон всему мировому китаеведению, например, в Бухенвальде погиб профессор Коллеж де Франс А. Масперо, но советские потери были просто беспрецедентны, и сравнимы они лишь с потерями, понесенными наукой во время политических репрессий в своей же стране в 1930-е годы.

Выехавшие в эвакуацию китаеведы не прекратили своих исследований. Первоначально возможности их были ограничены. Например, академик В.М. Алексеев вывез из Ленинграда всего один словарь и две антологии китайской литературы, так как лимит багажа при эвакуации составлял 10 кг. Весной 1942 г. синолог писал: «Пишу здесь бесконечные переводы, не имея возможности ни о чем справиться: у меня с собою только одна книга плюс словарь!... я закончу (в первом этапе и без комментария, для которого нет ни справочников, ни бумаги) «Мастеров китайской художественной прозы в худ-ом переводе». После первого концентрического круга в 67 произведений я в апреле и мае прибавлю еще столько же и далее — до 200. Весь мой план на этот год я выполняю — если будет бумага»¹⁶. На сохранившихся рукописях переводов из «Гу-вэнь гуань-чжи» стоит дата «15/VII — 6/VIII — 1942 г.». Таким образом, в тяжелейшем для науки и всей страны 1942 г. академик В.М. Алексеев, несмотря на отсутствие словарей, завершил работу над переводом трех «образцовых эссе» китайского философа Ван Ян-цзюна: «Надпись на храме в честь Сяна», «Надпись у Зала культа классиков-канонов» и «Обращение к похороненным путникам»¹⁷. В начале 1943 г. В.М. Алексеев привез из Свердловска книги для работы, а в мае в Боровое прибыли книги из его ленинградской библиотеки. Как писал сам синолог: «транспорт книг меня обеспечивает работой как переводчика, полукомментатора и полуученого, профессора китайского языка...»¹⁸. Исследователь К. Харбсмайер отметил, что в 1941–1944 гг. В.М. Алексеев «в исключительно тяжелых условиях эвакуации в Боровом (Северный Казахстан)» работал над «двухтомной антологией переводов из шедевров китайской прозы, а также тремя внушительными томами соответствующих исследований»¹⁹. Здесь необходимо отметить, что даже в тяжелейших условиях войны советское правительство продолжало закупки в Китае книг для научной работы В.М. Алексеева. Кроме того, в 1944 г. В.М. Алексеев направлял свои рецензии на китайские работы в Известия АН.

Примером плодотворной работы русских синологов в годы Великой Отечественной войны был А.В. Маракуев. В Томске он перевел на русский язык фундаментальное даосское сочинение «Хуан-ди Инь фу цзин» («Книга о единении сокрытого, написанная Хуан-ди»). Сам А.В. Маракуев написал: «Ни в дореволюционной русской, ни в советской литературе Иньфу-цзин ни разу не только не переводился, но и не упоминался. Перевод его на русский язык появляется впервые; он выполнен нами в первый год Великой Оте-

чественной войны — в 1941 году... Томск, 31 декабря 1944 года»²⁰. Таким образом, в годы Великой Отечественной войны синолог перевел и всесторонне исследовал один из важнейших памятников китайской культуры.

В годы войны А.В. Маракуев выполнил еще несколько крупных проектов. В «Отчете руководства ТГПИ о научно-исследовательской работе, проделанной в 1944 году» говорилось: «К числу лучших работ следует отнести:... Докторскую диссертацию доцента Маракуева А.В. «География Китая»»²¹. В характеристике на доцента Томского педагогического Института А.В. Маракуева говорилось: «Вместе с педагогической работой тов. Маракуев ведет крупную научно-исследовательскую работу... Во время Великой Отечественной войны тов. Маракуев закончил более двух десятков научных работ...»²². В 1945 г. русский синолог написал: «Я горжусь тем, что написал свой нелегкий труд в дни Великой Отечественной войны, когда два моих сына — офицеры Красной армии (одного из них уже нет в живых) отстаивали свободу и независимость мировой цивилизации от коричневых орд фашистской Германии. «География Китая» будет моим подарком Отечеству и дружественному Китаю в дни окончания войны, и на Западе и на Востоке»²³.

Находившиеся в эвакуации китаеведы успешно разрабатывали проблемы, связанные с историей регионов их пребывания. Историк Н.В. Кюннер жил в Алма-Ате, и в 1945 г. он завершил работу над «Библиографией китайской и маньчжурской литературы о народах Казахстана». Кроме того, 1943 г. датирован сохранившийся в архиве его «Перевод писем местных владетелей Центральной Азии китайскому двору», 1944 г. датирован оставшийся не изданным «Китайско-корейско-японский этнографический словарь» в 2000 карточек, а 1945 г. — «Библиография китайской и маньчжурской литературы о народах Казахстана» и «Маньчжурские архивные документы по истории казахского народа»²⁴. А.В. Маракуев исследовал китайские исторические памятники в Сибири²⁵.

Не являлась препятствием к научной работе китаеведов и их служба в армии. Ученики С.Г. Кара-Мурзы написали: «И в армии, находясь за тысячи километров от Москвы, он жил как бы в двух измерениях... он не переставал ощущать себя профессором Московского университета, научным сотрудником Академии наук, обеспокоенным будущим советского востоковедения... Служа в политуправлении Забайкальского фронта... написал крупную работу, названную им «"Новый порядок" в Маньчжурии». 18 выпусков этого труда (от 24 до 106 страниц в каждом) были изданы в Чите с июля по декабрь 1944 г.»²⁶. Это свое исследование Г.С. Кара-Мурза планировал защитить после окончания войны в качестве докторской диссертации. Г.В. Астафьев в 1944 г. в чине капитана Советской армии и в военном мундире прибыл в Ташкент и защитил диссертацию на степень кандидата экономических наук по теме «Синьцзян. Политико-экономический очерк». В 1945 г., все еще находясь в рядах Советской армии, он подготовил труд «Казахи Джунгарии»²⁷.

Активно занимались научной деятельностью и служившие в Китае русские синологи. В одном из писем молодого китаеведа-дипломата Н.Т. Федоренко к В.М. Алексею говорилась: «Мне удалось наладить постоянные научные связи с такими деятелями Китая, как Го Мо-жо, Мао Дунь, Лао Шэ, Ся Янь, Сюй Бэй-хун, Цзян Бо-цзань, Хоу Вай-лу и многими другими литераторами, историками и учеными»²⁸. И далее в своем письме молодой китаевед перечисляет десятки последних китайских публикаций, дает их краткий анализ, например: «Недавно вышел в свет первый том краткой истории Китая нового, но чрезвычайно талантливого историка Цзянь Бо-цзяня под названием «Чжунго шиган» («Курс истории Китая»). Автор — сторонник исторического материализма, один из прогрессивных деятелей современного Китая. Он задумал выпустить восьмитомник. Первый том (Ди и цзюань — на 408 страницах с иллюстрациями и картами) посвящен доиньскому, иньскому и чжоускому периодам. Это, пожалуй, одна из лучших работ по истории Китая, написанная историком-материалистом...»²⁹.

Во время войны была налажена подготовка советских китаеведов на территории Китая. С.Л. Тихвинский вспоминает: «Управление кадров НКВД отобрало из различных вузов гуманитарного профиля, эвакуированных в годы войны в республики Средней Азии, 15 студентов выпускных курсов и направило их с семьями в Чунцин для изучения китайского языка и дипломатической стажировки при посольстве. Многие из числа этих курсантов впоследствии стали известными советскими дипломатами и учеными-востоковедами, среди них М.С. Капица, К.А. Крутиков, И.Г. Калабухов, А.Ф. Малухин, Н.Г. Сенин, А.С. Титов и др. Старшим преподавателем китайского языка на эти курсы из Москвы был направлен талантливый педагог Б.С. Исаенко... Ему помогал уже немолодой профессор Б.И. Панкратов... К работе на курсах при посольстве были привлечены и местные китайские преподаватели. Среди них выделялся профессор Цао Цзинхуа...»³⁰.

Советские синологи в годы войны принимали участие в общественно-пропагандистской работе. 24 июня 1943 г. В.М. Алексеев писал из Борового: «На днях сделал доклад здесь, в общем собрании (воскресном) «Китай и агрессоры», пользуясь материалом переводов»³¹. А.В. Маракуев в автобиографии написал: «В период Великой Отечественной войны состоял лектором в лекторском бюро Томского Горкома ВКП(б)... В течение многих лет работал на различного рода курсах по подготовке и переподготовке учителей, во Владивостокском и Томском областных институтах усовершенствования учителей, а также читал несколько лет политическую географию мира в партийной школе Кировского райкома ВКП(б)». В характеристике из Томского педагогического института говорилось: «А.В. Маракуев активно участвует в общественной работе, сотрудничает в местной печати и в годы войны в газете «Красное Знамя» /Томск/ появился ряд его военно-географических очерков, с выполненными им картами отдельных дальне-восточных театров военных действий... одно время он состоял в лекторском бюро Горкома ВКП(б). Много лекций им было прочитано в госпиталях для раненых бойцов и офицеров РККА»³².

После того как угроза осады Москвы была снята, в советской столице вновь активизировалась работа китаеведов. С.Л. Тихвинский вспоминает: «От подготовки к сдаче «кандидатского минимума» отвлекали и чисто материальные заботы. Как и мои коллеги-китаисты Дальневосточного отдела Наркоминдела В.В. Васьяков, Н.Т. Федоренко и ряд китаистов — преподавателей московских вузов, я с признательностью принял предложение известного исследователя и пропагандиста китайской литературы В.Н. Рогова, долгие годы работавшего корреспондентом ТАСС в Китае, и заведующей редакцией стран Востока издательства «Художественная литература» А. Мингулиной перевести за приличный по тем временам гонорар для редактировавшихся ими сборников «Китайские рассказы» и «Избранное Лу Синя» несколько небольших вещей. Летом 1944 г. в разгар Великой Отечественной войны 10-тысячным тиражом был издан сборник рассказов современных китайских писателей с предисловием и примечаниями В.Н. Рогова. Сборник знакомил советскую общественность с творчеством современных китайских писателей Мао Дуня, Лао Шэ, Чжан Тяньи, Яо Сюэиня и др... В 1945 г. то же издательство таким же тиражом выпустило сборник рассказов, статей и писем Лу Синя — «Избранное». В этом сборнике был опубликован мой перевод рассказа Лу Синя «В кабачке»...»³³.

Во время Великой Отечественной войны продолжалась подготовка студентов и аспирантов. В Москве и многих других городах преподавался китайский язык. Особое внимание уделялось подготовке военных переводчиков. Советские китаеведы в 1942 г. в Военном институте иностранных языков издали «Военную хрестоматию по китайскому языку»³⁴, не прекращалась работа и над словарями³⁵. На курсах иностранных языков при внешнеторговом ведомстве руководил группой преподавателей дальневосточных языков и вел занятия по китайскому и монгольскому языкам Б.К. Пашков. В 1944 г. на историческом факультете Московского государственного университета открылось Отделение Востока, среди первых студентов-китаистов «вернувшегося» МГУ был В.А. Кривцов. Во время войны в заочной аспирантуре Тихоокеанского института АН СССР учился

С.Л. Тихвинский, который вспоминает: «Институт тогда возглавлял доктор исторических наук, историк-японец, впоследствии академик, Е.М. Жуков. В институте сотрудничали известные востоковеды Г.Н. Войтинский, А.Л. Гальперин, В.М. Масленников, А.Ф. Миллер, К.М. Попов, А.С. Перевертайло, Х.Т. Эйдус, Г.Б. Эренбург и др.»³⁶. В 1943 г. в аспирантуру МНВ к В.М. Алексееву поступила Л.Д. Позднева.

В годы Великой Отечественной войны не прерывалась защита диссертаций на соискание ученых степеней. В 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Народное хозяйство современного Китая» научный сотрудник Тихоокеанского института А.С. Перевертайло. В следующем году защитил кандидатскую диссертацию ученик В.М. Алексеева Л.З. Эйдлин. Большой общественный резонанс в сообществе советских востоковедов получила история с защитой диссертации Н.Т. Федоренко. Китаевед перед войной учился в аспирантуре у В.М. Алексеева, но, работая в Пекине, он сменил тему диссертации и весной 1943 г. привез работу В.М. Алексееву в Боровое. В апреле 1943 г. академик жаловался: «Сему виной Федоренко, который со своей диссертацией сидел над моей душой, торопил и нервничал... при «кналичии» у меня книг и пособий, равном нулю, я не в силах вообще, эту работу контролировать, а тем более в «докторском» разрезе... бумага от КВШ позволяет Федоренко обойти «в виде исключения» кандидатскую диссертацию и приступить прямо к докторской... Диссертация оказалась непригодной, особенно для доктора... Я сделал ему на 166 стр., наверное, до 500 замечаний и, не приняв, ограничился суммарным отзывом без вывода...»³⁷. Несмотря на критику, нередкую в отношениях между научным руководителем и аспирантом, Н.Т. Федоренко сделал невероятное. А.Н. Хохлов пишет: «Н.Т. Федоренко, благодаря тесным контактам с китайскими писателями, сумел собрать по их советам оригинальный материал для своей диссертации, избрав под влиянием бесед с Го Мо-жо новую тему, посвященную жизни и творчеству известного китайского поэта Цюй Юаня. Приехав из Китая в Москву в 1943 г., он блестяще защитил диссертацию о творчестве Цюй Юаня, за что был, вопреки традиции, сразу удостоен ученой степени доктора филологических наук. Столь неординарное событие в научной жизни тогдашней России... несколько озадачило его старших коллег, тем более что у молодого исследователя (в возрасте 31 года), как оказалось впоследствии, еще не было печатных публикаций по изучаемой им теме»³⁸. Защиту поддержали Н.И. Конрад и Н.В. Кюнер. Сам Н.Т. Федоренко в июне 1944 г. написал В.М. Алексееву: «Я был и навсегда останусь Вашим учеником, в глубокой и искренней благодарности которого у Вас нет оснований сомневаться»³⁹. В 1944–1945 гг. Н.Т. Федоренко подготовил к печати несколько научных работ, часть из которых были опубликованы в Китае, а работа «Эпоха и мир Цюй Юаня» осталась в машинописном варианте.

В годы войны написали свои диссертации еще несколько синологов. Будущий академик С.Л. Тихвинский вспоминает: «При содействии вдовы доктора Сунь Ятсена Сун Цинлин мне удалось собрать материалы о жизни и деятельности этого выдающегося китайского революционера-демократа, воспоминания его соратников, познакомиться с некоторыми ветеранами Гоминьдана. Большую помощь в сборе материалов по теме диссертации мне оказали также историки Го Можо и Хоу Вайлу... профессор Цао Цзинхуа... В Москве мне предстояло довести диссертацию до должной кондиции: обработать найденные в архивах материалы... внести ряд дополнений и уточнений, необходимые библиографические сведения, проверить сноски... Защита диссертации состоялась 30 июня 1945 г.»⁴⁰. В 1944 г. в Военном институте И.М. Ошанин подготовил кандидатскую диссертацию «Происхождение, развитие и структура современного китайского иероглифического письма». 18 июля 1945 г. состоялась защита кандидатской диссертации Г.Б. Эренбурга на тему «Революционное движение в Китае в годы между первой и второй мировыми войнами».

На завершающем этапе Великой Отечественной войны власти и научная общественность активизировали работу по восстановлению и развитию советского Китаеве-

дения. В начале 1943 г. бывший директор Тихоокеанского института Г.Н. Войтинский подал в Президиум АН записку о необходимости реорганизации востоковедения, объединения его научных сил в Москве. В конце 1943 г. была создана Московская группа ИВ АН. В декабре 1943 г. В.М. Алексеев написал о необходимости возобновления журнала «Восток», подчеркнув: «В настоящее время интерес к Востоку все возрастает, а со вступлением его после войны в общую семью народов, примкнувших к Атлантической хартии, чтение о Востоке, несомненно, войдет в общий порядок образования и особенно самообразования»⁴¹.

Еще до окончания блокады Ленинграда, уже в 1943 г., был поставлен вопрос о восстановлении кафедры китаеведения в Ленинградском университете. 6 марта 1944 г. В.М. Алексеев получил телеграмму от ректора Ленинградского университета с предложением возглавить кафедру. Сначала академик отказался, вспомнив свое скандальное увольнение в 1938 г. Но в июне 1944 г. В.М. Алексеев писал: «Сегодня составил проект состава китайской кафедры в востфаке: я, Штейн. Эйдлин, Смыкалов, Думан, Петров, Монзелер, Кочетова (из Эрмитажа)...»⁴². Вскоре преподаватели и ученые стали возвращаться из эвакуации, 30 августа 1944 г. вернулся в Ленинград и В.М. Алексеев. В «Журнале текущей работы и происшествий по Институту востоковедения Академии наук СССР» было 6 сентября 1944 г. зафиксировано: «Академику В.М. Алексееву выдали все принадлежавшие ему лично и находившиеся на временном хранении в ИВ научные материалы (1 полутонна машина верхом)»⁴³. Вскоре помещение Института востоковедения было приведено в порядок и началась обычная планомерная работа его сотрудников. Например, 30 сентября 1944 г. состоялось заседание сотрудников института, на котором В.М. Алексеев сделал доклад «Китайская поэма “Море” и отчет ее перевода». В январе 1945 г. в там состоялось научное заседание с обсуждением доклада В.М. Штейна «Предварительные итоги работы над Гуань-цзы».

В 1944 г. был восстановлен Восточный факультет Ленинградского государственного университета. В.М. Алексеев возглавил вновь образованную там кафедру китайской филологии. Лекционный курс по новой и новейшей истории стран Дальнего Востока в университете вновь взял Н.В. Кюннер.

В конечном итоге, на завершающем этапе Великой Отечественной войны, в 1944–1945 гг. научная и учебная работа советских китаеведов стала входить в нормальное русло. Постепенно в Москве и Ленинграде проводились различные реформы и преобразования. Государство уделяло большое внимание научным учреждениям и вузам, но большие потери первых лет войны и невозможность демобилизации всех ученых заметно тормозили восстановление советского китаеведения.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала тяжелым испытанием для советского китаеведения. Около трети сотрудников Института востоковедения АН СССР погибли, надолго были остановлены исследования по ряду направлений, утрачены некоторые архивы и книжные коллекции. Однако советские синологи не прерывали своих исследований ни в блокадном Ленинграде, ни в эвакуации, ни на военной или дипломатической службе. Во время войны продолжалось преподавание китайского языка, подготовка специалистов по Китаю, синологи писали и защищали диссертации. В эти годы для синологов даже закупались в Китае редкие книги и новейшие издания. В СССР переводились и издавались произведения китайской литературы. К концу Великой Отечественной войны не только была полностью восстановлена, но и получила развитие деятельность университетов и академических институтов в Москве и Ленинграде в части китаеведения. Подтверждением особого отношения руководства Советского Союза к науке, признанием ее вклада в дело Победы советского народа в войне стали массовые торжества по случаю юбилея отечественной Академии наук. И дата была выбрана не круглая — «220-летие Академии наук СССР», но в информационном поле Советского Союза в начале лета 1945 г. это было главное событие страны. В течение нескольких дней материалы

о советской академической науке занимали большую часть полос советских газет. В числе награжденных был академик В.М. Алексеев, получивший за свой труд орден Ленина. Большинство советских китаеведов были награждены государственными наградами, в том числе и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

1. Из истории востоковедения на Российском Дальнем Востоке, 1899–1937 гг. Документы и материалы. Владивосток, 2000. С. 122.
2. Хохлов А.Н. Китаист Н.Т. Федоренко в начале творческого пути // Общество и государство в Китае. Т. 42, ч. 2. М., 2012. С. 94.
3. Архив востоковедов института восточных рукописей Российской Академии наук (АВ ИВР РАН). Ф. 152, оп. 3, д. 340, л. 15.
4. Памяти ученого: Михаил Филиппович Юрьев (1918–1990) // Пробл. Дальнего Востока. 1990. № 6. С. 239.
5. Из эпистолярного наследия академика В.М. Алексеева // Восток – Россия – Запад: Истор. и культуролог. исслед. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М., 2001. С. 365.
6. Капустин С.З. На лекции проф. Г.С. Кара-Мурзы в городе Чойболсан // Летопись войны. Воспоминания, дневники, письма историков МГУ — участников Великой отечественной войны. М., 2012.
7. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2004. С. 234.
8. Дьяконова Н.В. Казин Всеволод Николаевич (1907–1942) // Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944) / сост. и отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2011. С. 189.
9. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2004. С. 220–221.
10. Там же. С. 209.
11. Полянская О.Н. Советское востоковедение в годы Великой Отечественной войны // Вести. Буярт. ун-та. 2010. № 7. С. 28.
12. Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944) / сост. и отв. ред. И.Ф. Попова. — М., 2011. С. 6.
13. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2004. С. 338.
14. Мелгалкнис А.И. Описание китайских рукописных книг и карт из собрания К.А. Скачкова. М., 1974. С. 16.
15. Меньшиков Л.Н. Из истории китайской книги. СПб., 2005. С. 164.
16. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2004. С. 213–214.
17. Кобзев А.И. Первые русские переводы Ван Ян-мина и В.М. Алексеев // Архив рос. китаистики / Сост. А.И. Кобзев. М., 2013. Т. 2. С. 213.
18. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2004. С. 297–298.
19. Харбсмайер К. Василий Михайлович Алексеев и российское китаеведение // Архив рос. китаистики / Сост. А.И. Кобзев. М., 2013. С. 508.
20. Маракуев А.В. Иньфу-цзин. Страничка из истории китайской философии (Доклад, прочитанный на кафедре древней истории Томского университета 12-го января 1945 г.) // Учен. зап. Томского государственного педагогического института. Т.3. (Сер. гуманитарных наук). Томск, 1946. С. 132.
21. Томский Государственный педагогический институт в годы ВОВ (1941–1945): Сб. докум. и материалов. Томск, 2007. С. 115.
22. Музей истории Томского государственного университета. Ф. А.В. Маракуева.
23. Хохлов А.Н. Китаист А.В. Маракуев: экономист, географ или филолог? // Россия и народы Востока: Пробл. исслед. и преподавания истории стран Азии и Африки в высших учеб. заведениях. Иркутск, 1993. С. 88.

24. Вопросы истории стран Азии. М., 1965. С. 92.
25. *Маракуев А.В.* Китайские бронзы из Басандайки // Басандайка: Сб. материалов и исслед. по археологии Томск. обл. / Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева. Томск, 1947. Т. 98. С. 167–174.
26. *Тодер Ф.А., Юрьев М.Ф.* Штрихи к портрету профессора Г.С. Кара-Мурзы (1906–1945) // Слово об учителях: Моск. востоковеды 30–60-х годов. М., 1988. С. 91–94.
27. *Барышников В.Н., Мировицкая Р.А.* Учитель нравственности и жизни // Люди и идеи (К 50-летию ИДВ РАН). М., 2006. С. 43.
28. *Хохлов А.Н.* Китаист Н.Т. Федоренко в начале творческого пути // Общество и государство в Китае. Т. 42, ч. 2. М., 2012. С. 96.
29. Там же. С. 98.
30. *Тихвинский С.Л.* Мой путь в востоковедение // *Тихвинский С.Л.* Избранные произведения: Воспоминания дипломата и заметки историка. М., 2006. Кн. 5. С. 186–187.
31. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 2004. Вып. 3. С. 303.
32. Музей истории Томского государственного университета. Ф. А.В. Маракуева.
33. *Тихвинский С.Л.* Указ. соч. С. 184.
34. *Исаенко Б., Ма Линь, Вишнякова В., Сафронов В.* Военная хрестоматия по китайскому языку для 2-го года обучения. М., 1942.
35. Русский указатель к краткому китайско-русскому словарю В.С. Колоколова / Под ред. П. Жаркова. М., 1942.
36. *Тихвинский С.Л.* Указ. соч. С. 179.
37. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. III. — М., 2004. С. 284–285.
38. *Хохлов А.Н.* Китаист Н.Т. Федоренко в начале творческого пути // Общество и государство в Китае. Т. 42, ч. 2. М., 2012. С. 87.
39. Там же. С. 96.
40. *Тихвинский С.Л.* Указ. соч. С. 199–200.
41. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 2004. Вып. 3. С. 320.
42. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 2004. Вып. 3. С. 338.
43. Болдырев А.Н. Журнал текущей работы и происшествий по Институту востоковедения Академии наук СССР. Предисловие и публикация *И.К. Павловой* // Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944) / сост. и отв. ред. *И.Ф. Попова*. М., 2011. С. 24.

К истории формирования корпуса письменных источников о государстве Бохай

© 2015

О. Дьякова

В статье рассматривается процесс выявления китайскими учеными письменных источников, сохранившихся в различных документах династий Тан, Сун и Мин, связанных с первым тунгусо-маньчжурским государством Бохай (698–926).

Ключевые слова: Бохай, Дальний Восток, средние века, историография, Тан, письменные источники.

История первого тунгусо-маньчжурского государства Бохай (698—926), располагавшегося на северо-восточных территориях стран Дальнего Востока, зафиксирована в разрозненных и часто отрывочных письменных источниках. В первую очередь в китайских династийных хрониках, где Бохаю посвящен небольшой раздел в «Цзю Тан шу», цз. 199/а, раздел в «Синь Тан шу», цз. 219, а также в более позднем источнике «Вэньсянь тункао». В них изложены основные вехи бохайской истории, отмечена дипломатическая деятельность этого государства, и зафиксирована генеалогия тунгусо-маньчжурских племен: сушени — илоу — мохэ — чжурчжэни. Но, кроме указанных документов, были и другие нарративные источники, которые необходимо было выявить, проверить их подлинность, очистить от различного рода наслоений, правок, сопоставить факты и имена, приводимые в разных документах. Естественно, что такие источники исторически могли быть доступны, в первую очередь, именно китайским исследователям. Им довелось их обнаружить, обработать соответствующим образом, классифицировать, и, наконец, подготовить единый корпус письменных документов к публикации. В китайской историографии этот период сбора письменных источников по Бохаю обозначен как «первая волна» в его изучении¹. Как следует из китайской литературы, бохайская проблема изначально привлекла внимание китайских исследователей маньчжурского происхождения. Отметим, что первые исследователи Бохая не были профессиональными историками. В китайской историографии отмечается, что начальный этап («первая волна») изучения Бохая «...своим источником имеет местную самодеятельность, начатую в самый начальный период Китайской Республики по корректировке написанной истории...»². Основоположниками и создателями корпуса нарративных бохаведческих источников следует назвать три имени — Тан Янь, Хуан Вэйхань (Хуан Шэнфу), Цзинь Юйфу, подготовившие три фундаментальные работы: «Описание государства Бохай (Трактат о государстве Бохай)», «Записки о государстве Бохай», «Хронологический свод сведений о государстве Бохай»³. Эти работы вошли в китайскую историографию как классические сочинения по древностям северо-восточных территорий.

Дьякова Ольга Васильевна, доктор исторических наук, профессор, зав. Лабораторией археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

E-mail: emelianova49@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12–31–09008.

Тан Янь. «Описание государства Бохай (Трактат о государстве Бохай)»

Из опубликованных источников известно, что Тан Янь был этническим маньчжуром, его родовая фамилия — Гуэрцзя, имя Чжэнь Цзюнь, прозвище — Цзайтин, Юаньсу, второе имя — Шэцзян. В конце династии Цин он работал на различных должностях в водном и строительном учреждениях, а позднее занимал должности областных и провинциальных уровней. Родился Тан Янь на Суйфэне, т.е. в месте, где располагалась «древняя ставка бохайского главнокомандующего». Тан Янь этим гордился и любил называть себя «командующий Тан Янь». В своей работе «Описание государства Бохай (Трактат о государстве Бохай)» Тан Янь собрал сведения о людях и событиях, относящихся к истории государства Бохай. Китайский ученый Лю Чэнгань в предисловии к монографии Тан Яня «Бохайские списки» точно и образно объяснил тягу Тан Яня к бохайской истории, сказав: «Как ребенок любит мать, так странник горюет о своих родных местах», или иначе говоря, «С душевной болью смотрю на древнее государство, древнюю столицу, родные места»⁴.

Книгу «Описание Бохая (или трактат о государстве Бохай)» Тан Янь издал в 1919 г. Монография, насчитывающая более 30 тысяч иероглифов, состоит из четырех свитков: «Хроника», «Описания», «Таблицы», «Биографии».

Первый свиток «Хроника» включает три цзюаня: «Добохайская история», «Хроника», «Летопись после Бохая». В первом цзюане «Добохайская история» повествуется о «прежних поколениях», т.е. о племенах сушэней, илоу, уззи, мохэ, являвшихся, согласно китайским летописям, предками бохайцев и представлявших единую генеалогическую цепь тунгусо-маньчжурских этносов. Второй цзюань, «Хроника», повествует о деятельности тринадцати ванов, среди которых четвертый правитель Ван Юань включен в повествование о четвертом ване Хуаюй. В третьем цзюане «Летопись после Бохая», или «Поздняя хроника» описывается деятельность бохайских потомков, уцелевших после падения в 926 г. государства Бохай от рук киданей и существовавших во времена Ляо (916—1125), Сун (969—1127), Цзинь (1115—1234).

Второй свиток «Описания» включает цзюани: «География», «Должности чиновников», «Одежда и эскорт».

Третий свиток «Таблицы» включает два цзюаня: «Подношение дани», «Военные походы».

Четвертый свиток «Биографии» представлен тремя цзюанями — «Царские фамилии», «Нецарские фамилии», «Потомки».

По оценке китайских ученых монография Тан Яня «Описание Бохая (или трактат о государстве Бохай)», является первым фундаментальным трудом по истории государства Бохай, собравшем воедино все нарративные источники, разбросанные по разным династийным китайским летописям и документам. Поэтому указанное произведение считается исторической классикой⁵. Сам же Тан Янь подвел итог своему труду такими словами: «Разрозненные сведения о событиях, происходивших в государстве Бохай, превратились в книгу». В настоящее время книга Тан Яня «Описание Бохая (или трактат о государстве Бохай)», по мнению специалистов, достойна стоять в одном ряду с такими работами, как «Описание государства киданей» и «Описание великого государства Цзинь», опубликованными Юань Сижэнем. В то же время современные специалисты отмечают, что при написании данной книги Тан Янь не коснулся Японских источников по изучаемой теме, а из Корейских материалов использована только одна книга — «Энциклопедия восточного государства». В связи с этим Цзинь Юйфу в своей работе «Хронологический свод сведений о государстве Бохай» делает заключение, что несмотря на неполное использование источниковой базы, эту книгу надо принимать как первоисточник и эталон. Потому что «...дополнять и редактировать уже созданное произведение легко, а

создавать такое произведение изначально чрезвычайно трудно. В этом большая личная заслуга господина Тана, переоценить которую невозможно».⁶

Хуан Вэйхань (Хуан Шэнфу). «Записки о государстве Бохай»

Согласно публикации Лю Сяодуна, Хуан Вэйхань имел прозвище Шэнь Фу и происходил из уезда Чунжэнь пров. Цзянси. На протяжении многих лет служил на разных должностях, в основном в провинциях Северного Китая. Хуан Вэйхань составил несколько книг, в том числе «Описание правительства Хулань», «Предания о древних мудрецах Чёрной реки» и проч. Его работа «Записки о государстве Бохай» является сводом описаний местными чиновниками региональной истории Северо-Востока Китая. Поскольку Хуан Вэйхань, испытывал большой интерес к «государствам восточного захолустья», то описывал эти места как районы с фактически самостоятельными государствами, среди которых Бохай был основным. Хуан Вэйхань приступил к созданию труда «Записки о государстве Бохай», с целью выявить, сохранить и опубликовать документальные источники, свидетельствующие о большом значении и роли этого государства для всего Дальнего Востока. И, как считал Хуан Вэйхань, «... по этой причине собранные документальные материалы по Бохаю нельзя игнорировать, устранять, удалять».⁷

Хуан Вэйхань закончил написание книги «Записки о государстве Бохай» будучи уже в преклонном возрасте. В авторском предисловии к первоначальному варианту данной книги Хуан Вэйхань указывает 1929 г. как дату ее завершения. Впоследствии в первоначальный вариант вносились изменения, исправления, но полное редактирование книги при жизни Хуана Вэйханя не было завершено и дело закончил его друг Бао Фэнкуань, опубликовавший книгу Хуана Вэйханя в 1958 г. в Тайбэе⁸. Окончательный вариант книги состоит из 70 тысяч иероглифов и делится на три тома. Первый том включает три раздела: « В целом о стране (Го тун)», «Народ (Чжун Цзу)», «Церемонии и обычаи (Ли Су)». Второй том содержит четыре раздела: «География (Ди Ли)», «Должности чиновников (Чжи гуань)», «Биографии (Жэнь у)», «Производимые продукты (У чань)». В третий том включены два раздела: «Подношение дани Китаю (Чао гунчжунго)», «Обмен визитами с Японией (Цзяо куа жиэнь)». В оглавлении книги значится цзюань под названием «Воссоздание государства», но сам текст цзюаня в книге отсутствует. Оказывается, изначально у Хуана Вэйханя такой цзюань в тексте книги был, но по совету китайского исследователя Чэнь Чжитана он был изъят Бао Фэнкуанем и разбросан по событиям в конце разных глав книги. При редактировании черновика книги Хуан Вэйхань «Записки о государстве Бохай» Бан Фэнкуань сохранил первоначальное (авторское) оглавление. Сам же текст книги Бан Фэнкуань сопроводил своими комментариями и уточнениями.

По оценке китайских ученых, работа Хуан Вэйханя по цитированию исторического материала, в сравнении с работой Тан Яня «Описание государства Бохай», более полезна и информативна, поскольку в ней присутствуют не только материалы по истории Китая, но и исторические материалы из Кореи и Японии. Оценка книги Хуан Вэйханя следующая: «Он привлек мнения историков разного подданства, и из Китая, и заграничных... Например, сведения о том, что Кан-ван Сунлинь был внуком Вэнь-вана (посмертный титул) Циньмао, полученные из японских исторических книг. Сведения о 14-том вана Да Вэйцзе заимствованы из «Сведений о важнейших событиях при династии Тан»⁹. Подобная практика для пополнения исторических сведений применялась Хуан Вэйханем постоянно. Поскольку Хуан Вэйхань пользовался не оригинальными, а вторичными корейскими и японскими историческими источниками, то, по мнению китайских историков, в работе появилось много ошибок, которые были перенесены из этих вторичных материалов. Позднее книга Хуан Вэйханя была тщательно отредактирована Цзинь Юйфу и в нее введен дополнительный цзюань «Заметки с исправлениями допущенных ошибок», где указаны все уточнения, заимствования и сопоставления, обнаруженные в работе.

Цзинь Юйфу. «Хронологический свод сведений о государстве Бохай»

О Цзинь Юйфу (1887—1962) известно, что он являлся выходцем из города Ляоян пров. Ляонин. Цзинь стал основоположником изучения истории Северо-Восточного Китая. Ему удалось собрать воедино все исследования исторических источников по государству Бохай и создать серию трудов, среди которых «Общая (сводная) история Северо-Востока», «Изучение истории Китая», «Хронологическая сводка источников». В течение семи лет Цзинь Юйфу собирал исторический материал, и за три года подготовил книгу. Судьба Цзинь Юйфу сопровождалась различного рода коллизиями, вполне соответствующими времени, в котором он жил. 18 сентября 1931 г. Япония вторглась в три северо-восточных провинции Китая, Цзинь Юйфу попал в тюрьму. 12 ноября 1931 г., находясь в тюрьме, он принял решение написать сочинение «Хронологический свод сведений о государстве Бохай». За три месяца книга вчерне была готова. Как отмечает сам автор, с 18 ноября написание данного «Свода» стало для него ежедневным занятием, и к началу декабря главная часть «Свода» в основном была завершена. 15 декабря Цзинь Юйфу зафиксировал в своем дневнике: «Работа над книгой “Хронологический свод сведений о государстве Бохай” заняла у меня несколько лет и ничего другого я не мог писать. Я был заточен временем и кабинетом, и не мог позволить себе думать о других делах, а полностью сосредоточился на сочинении, и в течение одного месяца успешно завершил работу над ней»¹⁰. Как считают китайские историографы, своей работой «Хронологический свод сведений о государстве Бохай» Цзинь Юйфу выразил свои оппозиционные настроения в отношении японской агрессии, и поэтому он является литератором, который не подчинился японцам, а сопротивлялся им¹¹.

Впоследствии черновой вариант сочинения Цзинь Юйфу был доработан в книгу, впервые официально изданную в 1934 г., затем дважды переизданную (1984, 1992) уже после смерти исследователя с дополнениями и приложениями других китайских ученых.

Монография Цзинь Юйфу «Хронологический свод сведений о государстве Бохай» состоит из двух томов, включающих 20 цзюаней.

В книге насчитывается 440 тысяч иероглифов, цитируется более 130 источников. Источники автор разделил на две части. Старые Танские источники автор отнес к оригинальным материалам, которые не требуют ревизии; для более поздних, минских источников и других работ, по мнению исследователя, необходима ревизия, чтобы убедиться в их достоверности, и только после этого возможно их использование в качестве исторических материалов. Таким образом, в книге Цзинь Юйфу «Хронологический свод сведений о государстве Бохай» собраны не только почти все китайские источники, имеющие отношение к истории Бохая, но также приведены обширные письменные сведения, сохранившиеся в древней литературе Японии и Кореи. Более того, Цзинь Юйфу их систематизировал и распределил по соответствующим местам, проведя дополнительно проверку на их достоверность. Прделанный Цзинь Юйфу титанический труд в настоящее время является самым полным, уточненным и достоверным источником по письменной истории Бохая. Как отмечают китайские историографы, Цзинь Юйфу является тем человеком, который собрал большой историко-исследовательский массив по государству Бохай, а его работа «Хронологический свод сведений о государстве Бохай» является произведением, в котором собрано большинство исследований по истории Бохая. И вплоть до сегодняшнего дня, будь то китайский или иностранный исследователь Бохая, нет такого, который не рассматривал бы «Хронологический свод сведений о государстве Бохай» как обязательную книгу на своем рабочем столе.

Таким образом, анализ процесса формирования корпуса письменных источников первого тунгусо-маньчжурского государства Бохай показывает, что основоположниками этого свода являются три человека: Тан Янь, подготовивший работу «Описание государства Бохай (или трактат о государстве Бохай)»; Хуан Вэйхань, опубликовавший «Записки

о государстве Бохай» и Цзинь Юйфу, завершивший в 1931 г. черновой вариант рукописи «Хронологический свод сведений о государстве Бохай» и опубликовавший ее в 1934 г. еще при своей жизни. Позднее, через 50 лет после первой публикации монографии Цзинь Юйфу, в 1984 г., когда проблемы северо-восточных территорий, и в частности государства Бохай, вновь оказались актуальны для Китая, КНДР и СССР, последовало 2-е издание монографии, а в 1992 г. осуществлено 3-е издание. Новые публикации монографии сопровождались дополнениями, приложениями и исправлениями, вносимыми современными авторами. Однако в целом работы Тан Яня, Хуан Вэйханя, Цзинь Юйфу являются звеньями одной цепи, последовательно дополняющими, исправляющими, уточняющими и редактирующими друг друга, превращаясь в разноаспектную историческую хронику и образуя солидный корпус сведений по средневековой истории российского Дальнего Востока, Японии, Кореи и Китая.

1. *Лю Сяодун*. Исследование культуры Бохая: с точки зрения археологических открытий [Бохай вэньхуа яньцзю: и каогу фасянь вэй шицзю]. Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2006. С. 1. (348 с.)
Ван Чэнли. Предисловие к книге Чжан Чжунпэй. Бохайское государство на китайском северо-востоке. Цзилинь: Цзилиньское изд-во историч. лит., 2000. С. 5.
2. *Лю Сяодун*. Исследование культуры Бохая: с точки зрения археологических открытий [Бохай вэньхуа яньцзю: и каогу фасянь вэй шицзю]. Харбин: Изд-во Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2006. С. 4.
Лю Сяодун: Перепроверка и корректировка династической летописи (хроники) Бохай // Изучение истории». 1996. №. 6. С. 17.
3. *Хуан Вэйхань (Хуан Шэньфу)*. Записки о государстве Бохай [Бохай го цзи]. Тайбэй, 1958. С. 236.
Цзинь Юйфу: Хронологический свод сведений о государстве Бохай. [Бохай гочжи чанбянь]. Мукден, 1934.
Цзинь Юйфу. Хронологический свод сведений о государстве Бохай. [Бохай гочжи чанбянь]. Чанчунь: Изд-во журнала: Шэхуй кэсюэ чжаньсянь [Фронт общественных наук], 1984. С. 646.
Цзинь Юйфу: Записки о государстве Бохай. (Отредактированное и ревизованное приложение). Три книги описания государства Бохай. Тяньцзиньское изд-во Древней литературы, 1992. С. 127.
4. *Лю Чэнгань*. Предисловие к книге. Тан Янь. Бохайские списки. (Без места и года издания).
5. *Цзинь Юйфу*. Хронологический свод сведений о государстве Бохай. Чанчунь: Изд-во журнала: Шэхуй кэсюэ чжаньсянь [Фронт общественных наук], 1984, С. 646.
6. *Цзинь Юйфу*. Хронологический свод сведений о государстве Бохай. Чанчунь: Изд-во журнала: Шэхуй кэсюэ чжаньсянь [Фронт общественных наук], 1984, С. 646.
7. *Хуан Вэйхань (Хуан Шэньфу)*. Записки о государстве Бохай [Бохай го цзи]. Тайбэй, 1958. С. 236.
8. *Хуан Вэйхань (Хуан Шэньфу)*. Записки о государстве Бохай [Бохай го цзи]. Тайбэй, 1958. С. 236.
9. *Цзинь Юйфу*: Записки о государстве Бохай (отредактированное и ревизованное приложение), (Три варианта описания государства Бохая). Тяньцзиньское изд-во Древней литературы. 1992 г.
10. *Цзинь Юйфу*: Записки о государстве Бохай (отредактированное и ревизованное приложение), (Три варианта описания государства Бохая). Тяньцзиньское изд-во Древней литературы. 1992 г.
11. *Лю Сяодун*. Бохай вэньхуа яньцзю: и каогу фасянь вэй шицзю [Исследование культуры Бохая: с точки зрения археологических открытий]. Харбин: изд-во Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ. 2006. С. 11.

Дискуссионная трибуна

К проблеме древнекитайской логики: исторический перелом и ретроспектива

А.А. Крушинский

В 2010–2014 гг. прошла серия международных конференций по истории китайской логики. В статье раскрывается переломный характер этих представительных научных форумов, рассмотрено понятие «китайская логика», прослеживаются непростые контroversы отечественной историографии относительно ее важнейшей составляющей — логики Ицзина.

Ключевые слова: Ицзин, проблема Нидэма, стиль мышления, учение об образах и числах, нумерология, паранаука.

1. Тяньцзиньские конференции и масштабный проект

Китайская логическая мысль — на острие интереса историко-логической науки XXI века. С 26 по 28 апреля 2014 г. в г. Тяньцзине проходила 3-я международная конференция по истории логики в Китае, завершившая целую серию аналогичных конференций по истории китайской логической мысли. Первая состоялась в Амстердаме (24–26 ноября 2010 г.) и не только выставила в качестве ведущего уже давно тревожащий методологов науки и историков мысли вопрос о принципиально различных стилях мышления, воплощаемых несхожими друг с другом культурами, но и выдвинула остродискуссионный тезис о Китае как о родоначальнике автохтонной логической традиции¹.

Правильные вопросы и ответственные декларации амстердамской конференции результативно привели к созданию масштабного справочника по истории китайской логической мысли (*Handbook of the History of Logical Thought in China*), задуманного как всесторонний систематический обзор, суммирующий результаты современных исследований по истории логической мысли в Китае². Целью этого обзора должно стать своего рода «наведение мостов» между исследователями, работающими в основном на китайском языке и теми, кто работает в основном на английском языке. Кроме того, есть надежда простимулировать с его помощью появление новых направлений научных исследований в сфере истории китайской логической мысли.

Работа конференции Тяньцзинь-2014 шла по следующим 7 секциям: 1. Логическая мысль, связанная с Ицзином («Каноном Перемен»); 2. Моистская логическая мысль; 3. Логическая мысль доциньской эпохи (исключая Моцзы); 4. Логическая мысль в китай-

ской традиции от первой династии объединенного в великую империю Китая (Цинь) до завершающей историю императорского Китая маньчжурской династии Цин; 5. Внедрение и влияние буддийской логики в Китае; 6. Внедрение западной логики в Китай и ее влияние; 7. Общая проблематика компаративистского плана (сравнение логического мышления в Китае и в других странах).

Даже при беглом взгляде на очередность секций не может не броситься в глаза примечательный сдвиг (начало которому было положено еще на конференции Тяньцзинь-2013) — признание базовой роли *Ицзина* как отправной точки китайской логической традиции. Этот поистине судьбоносный прорыв был закреплен самой структурой секций третьей конференции: с последней (шестой) позиции, которую ицзиновская проблематика занимала в последовательности секций конференции Тяньцзинь — 2013, логическая мысль, связанная с *Ицзином*, переместилась на первую.

Для реализации грандиозного замысла два года подряд (2013–2014) в Тяньцзине собирались ведущие специалисты по истории китайской логической мысли из разных стран мира³. Работа над проектом Справочника началась на тяньцзиньской конференции в 2013 г., а к завершающей конференции (2014) проект приобрел вполне осязаемые формы чернового варианта всех планируемых семи томов. Содержание томов этой предварительной версии повторяет перечисленную выше очередность секций: первый том посвящен логическим аспектам *Ицзина* и ицзиноведения, второй — моистской логико-эпистемологической рефлексии и т. д.

2. Проблема китайской логики

Глобализованный мир современности настолько тесен и досконально разведан, что, казалось бы, не оставляет места для каких-либо «белых пятен» где бы то ни было. Ожидать обнаружения в его интеллектуальной истории сколь-нибудь значительных лагун, по-видимому, столь же бессмысленно, как, к примеру, отправляться в морской круиз с надеждой на открытие нового материка. Тем не менее, обширная terra incognita в нынешнем интеллектуальном ландшафте все же существует — это логическая мысль Древнего Китая.

Ситуация с древнекитайской логической мыслью не просто уникальна (по мнению ведущих современных исследователей китайского логического наследия⁴ она базируется на принципиально иной, нежели в остальных создавших логику цивилизациях, лингвистической базе⁵), но и выглядит парадоксальной. Действительно, до сих пор весьма важная точка зрения, ярко представленная историко-философскими раздумьями М. Хайдеггера о логосо-соразмерном мышлении Запада, тесно увязывающая логику именно со звучащим словом/высказыванием («логосом»). Историко-логические экскурсы Я. Хинтикки — одного из крупнейших логиков современности — уже гораздо предметнее развивают гипотезу об «опоре на звучащее слово», обнаруживаемой анализом некоторых примечательных особенностей эллинской логико-семантической рефлексии.

Заметим, что отмеченная выше кажущаяся парадоксальность китайской «бессловесной» логики, равно как и «невербального логоса» (настоящее *contradictio in adjecto!*) возникает в результате неправомерного сведения логики исключительно к ее античной модели⁶ при фактическом выведении за скобки беспрецедентной в мировой истории логико-семантической рефлексии над иконическим типом письма, осуществленной в Древнем Китае⁷.

Проблема самобытной китайской логики — вопрос о существовании развитой (и при этом собственно китайской) логической теории в Древнем Китае — возникла не сегодня, ее история насчитывает уже не одно столетие. Дело в том, что приблизительно с конца позапрошлого века (с так называемых опиумных войн) проблема научно-технического отставания Китая от развитых стран Запада (прежде всего — в военной сфере) вста-

ла перед китайским обществом с чрезвычайной остротой. Китайские ученые, осмысляя причины безуспешности неоднократно предпринятых позднечинской интеллектуальной элитой попыток модернизации, в конце концов, признали предполагаемое отсутствие формальной логики в культуре традиционного Китая⁸ в качестве одного из главнейших дефектов интеллектуального развития Китая⁹ на протяжении всей его многотысячелетней истории¹⁰. Иначе говоря, своей нынешней актуальностью проблема существования и природы китайской логики во многом обязана так называемой «проблеме Нидэма» — вопросу о причинах возникновения современной науки (точнее, теоретического естествознания) именно в Западной Европе, а не в Китае, несмотря на первоначальное лидерство последнего в научно-техническом прогрессе.

3. Историография проблемы

Тут будет нелишним краткий экскурс в историографию проблемы логики Древнего Китая. Осознанные и систематические поиски китайского аналога европейской логики начали в конце XIX — начале XX веков ведущие китайские интеллектуалы, стремившиеся обнаружить собственную логическую традицию, чтобы оправдать свою убежденность в интеллектуальной равноценности Китая и Запада.

Самый ранний этап — можно сказать, предыстория самоопределения китайской мысли в отношении сколь грандиозного, столь и отличного от привычных античных образцов самобытного явления, каким является китайское логическо-методологическое наследие, — персонифицирован титанической фигурой крупнейшего переводчика новоевропейской научной литературы Янь Фу (1854–1921). Он первым в Китае четко и недвусмысленно связал самоновейшую логическую проблематику с *Ицзином*. Иначе говоря, именно с его «подачи» проблема китайской логики предстала как проблема логического прочтения важнейшего канонического текста старого Китая, другими словами — как логика *Ицзина*.

Замечательное прозрение великого переводчика впоследствии получило поддержку и продолжение в работах знаменитого ученого, представителя нового, вестернизированного поколения китайской интеллигенции, Ху Ши (1891–1962). Его во многом спорная монография «Развитие логического метода в древнем Китае» (1922) обозначила рубеж между предысторией изучения китайской логики и собственно историей подобных разысканий. Наставная на существовании «конфуцианской логики», Ху Ши зафиксировал решающее значение *Ицзина* в этой логике. Китайская логика, по его мнению, началась именно с Конфуция, которому китайская традиция приписывала значительную часть текстов, входящих в этот памятник.

Впоследствии неожиданное обнаружение логического измерения у поначалу выглядевших весьма неудовразумительными позднемонистских писаний пробудило необычайный интерес к этим почти полностью забытым текстам и переместило интерес с далекого от понятности *Ицзина*, наполненного туманными афоризмами¹¹ на монистское логико-эпистемологическое наследие. Иницинированный этим внезапным смещением интереса перелом¹² в исследованиях древнекитайской логики привел к курьезной ситуации с, так сказать, «жанровым» разделением одной и той же проблематики (логико-методологическое своеобразие китайской мысли) на, с одной стороны, исследования по истории китайской логики¹³, а с другой — на изучение собственно своеобразия китайского стиля мышления (*сывэй моши* — mode of thinking), представленного преимущественно в *Ицзине*¹⁴.

В итоге область поисков китайской логики надолго переместилась с *Ицзина* и связанной с ним философской и научной традиции на так называемую «протологику» (в терминологии А. С. Грэма) — логико-методологическое наследие софистов и поздних монистов. Тексты поздних монистов в конце концов утвердились в качестве наиболее пред-

почтительного кандидата на роль китайского «Органона»¹⁵. Тем самым выдвижение моизма в качестве преимущественного претендента на титул самобытной китайской логики, надолго (до восьмидесятых гг. прошлого века) отодвинула на задний план изучение логики *Ицзина*¹⁶.

Наметившаяся еще в девяностые годы прошлого века положительная тенденция¹⁷, предвещавшая скорое окончание затянувшегося историографического недоразумения¹⁸, совсем недавно¹⁹ получила новый мощный импульс, обозначивший поистине эпохальный поворот в истории изучения подлинных истоков китайской логической мысли.

Похоже, настал благоприятный момент для некоторой критической рефлексии относительно нелегких судеб данной проблемы сначала в советской, а позднее — в российской науке. Как и все в этом мире, ее сравнительно недолгая история знавала и взлеты, и падения.

4. Отечественная историография логики *Ицзина*

Начало советско-российской истории исследований логики *Ицзина* следует датировать знакомством одного из основоположников российского (и, конечно же, советского) китаеведения, акад. В. М. Алексеева (1881–1951) с упомянутой выше замечательной работой Ху Ши в 1923 г.²⁰ Оценка В. М. Алексеевым этой удивительной книги достаточно амбивалентна: с одной стороны он без колебаний аттестовал ее как «интереснейшую» и имеющую огромное значение для синологии²¹, а с другой, — столь же решительно не принял кардинального тезиса китайского ученого относительно логической природы ицзиновского учения об «образах», составляющего главное достижение пионерской монографии Ху Ши. По мнению российского академика, «...крайне неубедительна попытка новой денатурализации “Ицзина” и его оракульного характера и, во всяком случае, недостаточно аргументирована, чтобы быть принятой»²². В консервативно-скептической позиции маститого ученого, занятой им, увы, не без опасливо-провинциальной оглядки на «просвещенную Европу»²³ нет ничего удивительного. Дело в том, что замечательные историко-логические достижения Ху Ши намного опередили свое время. Поэтому фактически открытый им важнейший фрагмент китайской логики²⁴ в принципе не мог быть проартикулирован в логически корректной форме — соответственно не мог быть адекватно воспринят научным сообществом 20–30-х гг. прошлого века (не забудем, что современная логика тогда только зарождалась). Так что чрезмерная суровость отдельных алексеевских оценок²⁵ имеет свои несомненные резоны (я имею в виду отсутствие необходимого понятийного аппарата)²⁶.

Впрочем, если бы даже замечательные прозрения Ху Ши и были вербализованы им более аккуратно с точки зрения современной логики, то это едва ли бы развеяло сомнения филолога и литературоведа Алексеева, по определению весьма далекого от каких-либо логико-методологических материй. В самом деле, странно было бы ожидать сколько-нибудь серьезной логической компетентности от человека, не только не имевшего никакого профессионального отношения ни к современной философии математики (основаниям математики²⁷), ни к традиционной логике, ни даже к философии, зато заслуженно прославившегося в качестве блистательного переводчика изысканной прозы Ляо Чжая. Нет спору, что, хотя по понятным причинам с захватывающими эротическими историями про всевозможные «лисьи чары» у акад. Алексеева получилось заметно лучше, чем с анализом собственно логического вклада прорывной монографии Ху Ши, тем не менее, признание высочайшей научной ценности рецензируемого труда²⁸ делает честь российскому синологу, свидетельствуя о недюжинной проницательности даже в предельно далеких от него сферах мысли.

Осторожный скепсис В. М. Алексеева в отношении логико-методологического прочтения *Ицзина* хотя и огорчителен, но вполне извинителен его, мягко говоря, не ве-

ликой осведомленностью в современных ему логико-методологических веяниях, а, самое главное, до известной степени сбалансирован признанием несомненных достоинств рецензируемой им книги. Но уже у его ученика Ю. К. Щуцкого (знаменитого своим переводом *Ицзина* на русский язык) негативизм в отношении логики *Ицзина* доходит поистине до геркулесовых столпов, принимая карикатурную форму. Забавно, что категоричность его безапелляционных вердиктов²⁹ комически контрастирует с тем же, что у В. М. Алексеева нулевым уровнем компетентности как в математической логике, так и в математических дисциплинах вообще (в чем сам переводчик *Ицзина* просто-душно признается³⁰).

Нимало не скрываемая логико-методологическая малокомпетентность филолога-антропософа с лихвой компенсируется у него лихим навешиванием грубых политических ярлыков на Ху Ши, работавшего в областях науки, принципиально недостижимых для ограниченного профессиональными рамками своей филологической специализации Ю. К. Щуцкого³¹. На недопустимость подобных полемических приемов ему вынужден был указать даже его учитель В. М. Алексеев³².

Резюмируя, можно сказать, что приведенные выше нигилистические оценки Ю. К. Щуцкого уже ко времени их написания безнадежно устарели, а сейчас и вовсе смотрятся лишь как диковинный анахронизм, имеющий исключительно музейное значение.

Пересмотр исходного предвзято ретроградного отношения к самой возможности существования какой-то там «логики *Ицзина*» (или «логики Конфуция») отмечен именем видного отечественного синолога старой классической школы В.С. Колоколова (1896–1979). В посмертно опубликованной заметке (1979) он писал: «...теперь можно гипотетически утверждать. Что все конфуцианские “цзины” представляют собой совершенно интегральное единое целое, в котором доминантами являются логика и риторика в схоластическом философском понимании» (выделено мной. — А.К.)³³. Далее следует едва намеченный набросок «силлогистической» интерпретации триграммно-гексаграммного символизма, которая очень напоминает опубликованную гораздо раньше (еще в 1934 г.) китайскую реконструкцию логики *Ицзина*, осуществленную так же, как у В.С. Колоколова, средствами традиционной логики³⁴.

Мне неизвестно, был ли российский Китаевед знаком с указанной выше китайской работой, но в любом случае его попытка идентификации логики ицзиновских триграмм/гексаграмм как «схоластической» логики (помню очевидной вторичности подобного прочтения) методологически несостоятельна. Ведь у В.С. Колоколова (так же, как у его китайского предшественника) речь идет о заведомо бесперспективных усилиях отождествления системы 64-х гексаграмм ($64=2^6$) с 64-мя в принципе возможными модусами силлогизма ($4^3=64$), основанными лишь на крайне поверхностных числовых аналогиях. Дело в том, что даже исходная интуиция (не говоря уже о теоретической концептуализации этой интуиции) понятия множества (понимаемого как объем общего термина, как некий род, который может быть дан в каком угодно количестве единичных экземпляров) не находит себе достаточной поддержки в мире китайского языка (соответственно — китайского мышления)³⁵.

Непосредственной историко-логической импликацией такой «нерасположенности» к теоретико-множественному стилю мышления (соответственно чуждости понятия класса) является полное отсутствие интереса у китайских ученых древности к силлогистической форме вывода (столь важной для истории индоевропейской мысли). Несмотря на то, что в Древнем Китае несомненно была известна силлогистическая схема дедуктивного рассуждения³⁶, в отличие от Греции и Индии, она не вызвала там никакого заметного интереса и не стала предметом теоретического осмысления. Здесь нет ничего особенно удивительного, поскольку силлогистика существенно опирается на понятие класса: ведь «введение таких идеальных объектов как классы в качестве

объемов понятий, идеальные отношения между ними детерминируют рассуждения силлогистического типа»³⁷.

Гораздо более оригинальна и содержательна заключительная часть разбираемой колоколовской заметки, в которой говорится об «экспликации основного текста из “Чунь-цю” посредством гексаграмм»³⁸. Речь идет фактически об опознании и попытке описания той своеобразной гексаграммной категориальности, которая фундирует многие опорные положения китайского традиционного мышления, зафиксированные в канонических текстах Древнего Китая. Хотя предпринятая В. С. Колоколовым попытка вскрыть производность вербального дискурса от ицизиновского символизма, а также проследить эту производность на примере одного из фрагментов летописи Чуньцю имеет к логике лишь косвенное отношение, тем не менее, она явилась многообещающим свидетельством нарастающей положительной динамики в российской историографии обсуждаемой проблемы.

Но автором настоящего прорыва в отечественном изучении логики *Ицзина* выступил другой российский ученый — В.С. Спирина (1929–2002), положивший в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов прошлого столетия начало российским исследованиям логико-методологических аспектов древнекитайской мысли (естественным образом центрированных *Ицзином*). Сердцевиной многогранного и новаторского творчества В. С. Спирина была твердая убежденность в существовании самобытной китайской логики³⁹, восходящей именно к *Ицзину* и многотысячелетней ицизиноведческой традиции. В ходе изучения многообразных проявлений этой логики он впервые в отечественной литературе поднял проблему специфики китайского понимания общности⁴⁰. Причем стартовой площадкой и текстовой основой для анализа данной проблемы стал у него знаменитый сиычжуаневский комментарий на четвертую девятку гексаграммы № 31 «Сочетание», посвященный круговороту светил и сезонов. Характерно, что уже эти ранние разыскания в сфере логики *Ицзина* закономерно вывели Спирина на догадку о господстве числовой и геометрической терминологии (тут достаточно вспомнить энигматичный термин «утроение и упятерение» *сань* в представлении китайской логико-методологической рефлексии. Впоследствии тема панматематизма китайского мышления⁴¹ и математической природы⁴² «Канона Перемен» стала лейтмотивом всего его творчества. Ему принадлежит замечательная догадка о ключевой роли гексаграмм № 41 «Убывание» и № 42 «Приумножение» в древнекитайской логике и эпистемологии⁴³. Дело в том, что знаки Сунь (Убывание) и И (Приумножение), фигурируют в знаменитом рассуждении Конфуция⁴⁴, иллюстрирующем логику умозаключений по образцу (которым он ответил на вопрос одного из своих учеников, спросившего его о возможности знания того, что за порядки будут в обществе спустя десять поколений/династий). В случае с «Убыванием» и «Приумножением» речь идет о важнейших категориальных характеристиках динамики воспроизведения образца — двух возможных (и практически неизбежных) типах отклонений от исходного эталона.

Важнейшим общеметодологическим преломлением темы математичности китайского логического дискурса в работах В.С. Спирина явился тезис о пространственно-числовой организованности древнекитайских текстов, задаваемой числами два⁴⁵ и девять.⁴⁶ Тем самым В.С. Спирина драматически раздвинул горизонты нашего восприятия структуры китайского классического текста, наметив путь к преодолению столь привычного для современного читателя предрассудка о линейном прочтении древнекитайской классики как якобы единственно допустимом.

Спиринское осознание недостаточности исключительно вербального прочтения текста — четкое понимание необходимости выхода в пространство двух измерений — закономерно привело его к максимальной акцентуации именно «образной» составляющей знаменитого ицизиновского клише «учение об образах и числах»⁴⁷. Поскольку же наиболее культурозначимой и теоретически проработанной образностью для Китая является

не что иное, как триграммно-гексаграммная образность гусян, постольку эта ориентация на гештальтную многомерность сян вполне предсказуемо натолкнула его на феномен гексаграммной подосновы китайского классического текста. Так, он попытался прояснить позднемойцзскую концепцию четырех видов тождества Тун (чунтун, хэту, титун, лэйтун) обращением к особенностям графического строения четырех типов гексаграмм⁴⁸.

Как уже было сказано выше, заслуги В.С. Спирина в открытии и продвижении нового для России научного направления (изучение логики *Ицзина*) трудно переоценить. Несмотря на известную декларативность его ведущего тезиса о существовании логики в Древнем Китае⁴⁹, начало полномасштабным исследованиям было им успешно положено. Ведь при всей спорности его порой чересчур смелых гипотез, выдающийся советский ученый глубоко осознал и максимально акцентировал специфическую математичность китайского философствования, четко зафиксировал ее источник — геометрическую образность и числовую алгоритмику *Ицзина*.

5. Морок «нумерологической» методологии

К сожалению, вскоре после появления основополагающей монографии В.С. Спирина⁵⁰ наметилась тенденция на обнуление спиринского вдохновляющего посыла. Вопреки предостережению В.С. Спирина, резко возражавшему против обозначения «учения об образах и числах» посредством столь однозвонного термина как «нумерология»⁵¹, характерным мемом нарастающего регресса стал фантазм китайской «нумерологической методологии»⁵², позиционируемый изобретателями этого противосмысленного словосочетания в качестве ни много ни мало как «китайская альтернатива» европейской формальной логике⁵³.

Вообще говоря, феномен, фиксируемый китайским термином «учение об образах и числах», еще слишком слабо изучен мировой синологией, для того чтобы можно было всерьез (а не ради сиюминутных целей «высокохудожественного» перевода или аврального составления энциклопедических справочников) устанавливать эквивалентности между своеобразным явлением китайской мысли и достаточно хорошо известными фактами западноевропейской духовной культуры. И уж, по меньшей мере, безрассудно с самого начала зачислять его по ведомству паранауки, навешивая на него заведомо дискредитационные ярлыки (каковым является словечко «нумерология»).

В результате скандально затянувшееся недоразумение (вроде известной истории с поручиком Кижее) с ошибочным переводом на западные языки одного из опорных терминов традиционной китайской мысли благополучно продолжается и поныне. Хуже того. Камлания вокруг пленившего бесхитростных аборигенов импортного слова «нумерология» приобретают чуть ли не эпидемический размах. Шаманские заклинания шустрых Угномов-нумерологов, повадившихся за китайскую стену за китайским же эросом⁵⁴, вгоняют доверчивые души в тяжелый сон разума, плодящий потешных монстров вроде абсурдной по форме и химерической по содержанию китайской «нумерологической методологии» и не менее анекдотичной «нумерологической рациональности». Тут и косноязычное «количественное упорядочение» (почему не «порядковое околичествование?»), и безнадежно тавтологичное «генерализирующее обобщение» (масленное масло!), и свежесочиненные «нумерологемы» с пятками/дюжинами «пневм» и «благодатей» впридачу. Парад уродов да и только!

К счастью, безумная затея окончательного «закрытия проблемы китайской логики» натолкнулась на решительное сопротивление части российского синологического общества, не инфицированной острозаразным вирусом «нумерологического» беснования. Так, в декабре позапрошлого года была опубликована монография автора этих строк, целиком посвященная осмыслению логико-методологическим достижениям Древ-

него Китая⁵⁵ (так что грозящее отечественной науке выпадение из открытого в нашей стране В.С. Спириным проблемного поля было успешно предотвращено).

1. «Акцентуация строгой и эксплицитной логики часто рассматривается в качестве отличительной черты Западной культуры, восходящей еще к греческой античности. Но все гораздо сложнее, и культуры иногда обнаруживают удивительное сходство, выходящие за пределы их стандартных изображений. На самом деле, логика возникла независимо, примерно в одно и то же время, в Греции, Индии и Китае». Сайт History of Logic in China. URL http://holicnet.net/?page_id=56 (проверено 15 января 2015 г.).
2. Имеющий быть изданным издательством Шпрингер на двух языках (китайском и английском). См.: URL: <http://holicnet.net/>
3. Российская наука на обеих тяньцзиньских конференциях была представлена исключительно автором этих строк (как практически единственным отечественным ученым, профессионально занимающимся китайским логико-методологическим наследием).
4. Таких, например, как А.С. Грэм, Ч. Хансен, А. Харбсмайер и др.
5. В то время как древние Грецию и Индию — общепризнанных родоначальниц оригинальных логических традиций — объединяет равно общая им индоевропейская языковая основа, здание китайской логической мысли возводилось на совершенно ином языковом фундаменте.
6. Очень специфической рациональности, тем не менее, позиционируемой в качестве универсальной и образцовой.
7. В числе предрассудков, мешающих обнаружению китайской логики, в первую очередь нужно назвать вполне догматическое убеждение (многих историков логики) в производности логики от риторики.
8. Как якобы основной причины, предопределившей несомненное отсутствие там математизированного естествознания.
9. В работах современных китайских исследователей эта мысль обычно обосновывается ссылкой на известную историко-научную гипотезу А. Эйнштейна о возникновении современного естествознания как результата уникального (в некотором смысле, случайного) сочетания античной формальной логики с новоевропейским экспериментальным методом.
10. В конечном итоге ответственных за то катастрофическое положение, в котором оказалась страна к началу прошлого столетия.
11. Где, как казалось европейским ученым 20-х гг. прошлого века, при наличии сильного желания и некоторой изобретательности можно было обнаружить чуть ли не любое из открытий новоевропейской науки.
12. Пришедшийся на середину прошлого столетия.
13. Идентифицируемой согласно допотопным критериям традиционной логики, импортированной из Европы еще на рубеже прошлого и позапрошлого веков.
14. И зачастую проходящее по ведомству ициноведения под рубрикой так называемого «учения об образах и числах» — *сяншу чжи сюэ*.
15. Ради исторической точности следует отметить, что уже в упомянутой выше работе Ху Ши утверждалось наличие, по меньшей мере, двух логик в древнем Китае — конфуцианской и моистской.
16. Подлинной логики традиционного Китая, которая — в отличие от ориентированного на кодификацию аргументативной практики моистского теоретизирования — не схватывается посредством затверженных историко-логических штампов.
17. Первой китайской монографией, специально посвященной логике *Ицзина*, явился труд Чжоу Шаня «Чжоу И взньхуа лунь» («О культуре Чжоу и»), увидевший свет в 1991. В 1999 г. автором этих строк была опубликована монография «Логика “И цзина”: дедукция в древнем Китае». На сегодняшний день наиболее масштабной попыткой китайской историко-логической науки взглянуть на *Ицзин* в ракурсе истории китайской логики является объемистая книга У Кэфэна «Исюэ лоцзи яньцзю» («Исследования логики *Ицзина*», 2005).
18. Я имею в виду фактическую «узурпацию» статуса китайской логики школами софистов и поздних моистов.

19. В рамках упомянутого выше проекта создания монументальной «Справочной книги по логической мысли в Китае».
20. Рец.: *Алексеев В.М.* Hu Shih (Suh Hu). The Development of the Logical Method in Ancient China. Shanghai, 1922 // Восток, 1925. Кн. 5. С. 237–242.
21. «Теория Конфуция, изображающая его учение логикой в первую очередь, заслуживает, как бы к ней ни относиться в целом, самого серьезного внимания». *Алексеев В.М.* Рец.: Hu Shih (Suh Hu). The Development of the Logical Method in Ancient China. Shanghai, 1922 // Наука о Востоке. М. 1982. С. 356.
22. Там же. С. 358.
23. «Кроме всего прочего, как уже совершенно правильно отметил проф. Пеллио в “T’oung Pao”, слова Хань Фэйцзы о переносе значения «слона» на «символ» через посредство фикции не видевших слона людей вряд ли являются филологическим откровением, на котором тем более нельзя строить капитальную теорию логики Конфуция». Там же. С. 359.
24. Краеугольная для китайской логической мысли концепция «сообразования [с образцом]», центрируемая термином образа-образца *сян*, лежит в основе китайской версии дедукции — рассуждения по образцу (подробнее см.: *Крушинский А.А.* Логика Древнего Китая. М., 2013).
25. «Таким образом, филологическая состоятельность, а за нею, конечно, и всякая другая в книге Ху Ши подвержена сомнению, что лишает книгу значения научного вклада, предоставляя ей пока квалификацию научного стимула и научного вопроса...». Там же.
26. Соответствующих логико-математических понятий (алгоритма как точного понятия, понятий конструктивного процесса, конструктивного объекта и т. п.) к моменту выхода работы Ху Ши в свет просто еще не существовало. Правда, Л.Э.Я. Брауэр уже в 1908 г. выступил с интуиционистской критикой основ классической математики, тем самым положив начало формированию конструктивистской альтернативы господствовавшей в основаниях математики теоретико-множественной парадигме (и тесно связанного с ней засилья аксиоматизма в логике). Но до переосмысления и переоснования интуиционистских подходов посредством математически уточненного понятия алгоритма оставалось еще почти столетие.
27. Где в первые десятилетия прошлого столетия как раз и происходили революционные преобразования, знаменовавшие рождение современной логики.
28. «...мимо этой книги пройти уже никак нельзя в отличие от очень многих ее предшественниц (частичных), которые могли быть писаны и не писаны без влияния на дальнейшие судьбы науки. Теория Конфуция, изображающая его учение логикой в первую очередь, заслуживает, как бы к ней ни относиться в целом, самого серьезного внимания. Принятие ее или отвержение, во всяком случае, будет чревато последствиями для науки, которая сталкивается книгой Ху Ши с мертвой точки». Там же. С. 357.
- И еще: «... отказ от оккультной традиции “Ицзина” (“Книги перемен”) и перенос центра тяжести на знаменитые “Добавления”, интерпретируемые, в свою очередь, как логические теории, или же рассуждения, касающиеся логических проблем, сдвигают с мертвой точки знаменитую каноническую книгу, лежавшую в синологии мертвым капиталом». Там же.
29. «... теория о логическом и математическом значении “Книги Перемен” требует некоторых рассуждений для того, чтобы быть окончательно отвергнутой. Разберем сначала мнение о ней как о логическом трактате. Каждому, кто основательно знаком с историей китайской философии, известно, что древние философы не оставили после себя трактатов по логике. Известно, что формальная логика, изложенная систематически, появилась в Китае только с распространением буддизма — в переводах индийских логических трактатов». *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга Перемен». М., 1993. С. 92.
30. В примечании к оставленной им без перевода пространной цитате из немецкоязычного обзора европейской историографии *Ицзина* он с подкупающей откровенностью заявляет: «...сохраняю язык подлинника, ибо не считаю себя переводчиком, компетентным в математике». Там же. С. 159.
31. «Профессор Ху Ши пытался, как известно, найти логику у Конфуция. Мне не кажется убедительной его работа, особенно если принять во внимание шовинистические причины, руководящие им в этих поисках. Националистически настроенная китайская буржуазия не могла смириться с историческим фактом, что логика как наука появилась в Китае лишь с иноземным, “чужим” буддизмом. Утверждая свою “самостоятельность”, понимаемую с точки зрения шовинизма, эта буржуазия в лице Ху Ши, Лян Ци-чао и др. не могла не искать логику в китайских

- классиках. Этим же объясняется и увлечение Мо Ди, равно как и попытки превратить его в основателя формальной логики в Китае». Там же. С. 194.
32. «Я отрицаю шовинистические импульсы у Ху Ши в его прекрасной работе “The Historical Development of the Logical Method in Ancient China”. Думаю, что этот способ газетной критики недостойн Вашей работы. Вы отмахнулись от Ху Ши. Надо было встать на его развилки!» (Алексеев В.М. Рецензия... С. 381).
 33. Колокатов В.С. Триграммы и гексаграммы канонической книги «И цзин» и их применение в книге «Чунь цю» // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. М., 1979. Ч. 1. С. 91–107. С. 94.
 34. См.: Z. D. Sung. The Symbols of Yi King or the Symbols of the Chinese Logic of Changes. Shanghai, 1934. P. 7, 58–68.
 35. См. подробнее, например: Hansen Ch. Language and Logic in Ancient China. Ann Arbor, 1982. P. 30–54; Крушинский А.А. Логика Древнего Китая. М., 2013. С. 34–66.
 36. Ср., напр., силлогистическое рассуждение из широко известного китайского анекдота о «пририсовывании ног змее» *хуа шэ тьянь цзу*.
 37. Смирнова Е.Д. О чем говорят парадоксы: их роль в познавательной деятельности // Вопросы философии, 2010, № 6, с. 65.
 38. Колокатов В.С. Триграммы и гексаграммы канонической книги «И цзин» и их применение в книге «Чунь цю». С. 91–107, 102.
 39. «В форме канона (в древнекитайском понимании) заключены различные формы выводного знания. И видимо, при изучении логики в древнем Китае следует обратить внимание на схемы этих выводов, данные в самих текстах. <...> Конечно, нельзя отождествлять древнекитайскую логику с современной, но многие факты, открытые путем структурного анализа, свидетельствуют о тесной связи древнекитайской логики с математикой, а это дает возможность для более решительного применения современных логических воззрений при интерпретации древнекитайской логики». Спиринов В.С. Построение древнекитайских текстов. М., 1976. С. 218.
 40. Спиринов В.С. О «третьих и пятых» понятиях в логике древнего Китая // Дальний Восток. Сб. ст. по филологии, истории и философии. М., 1961. Вслед за этим ряд отечественных исследователей пытался (впрочем, без особого успеха) продолжить работу в том же направлении. Только недавно намечился существенный прогресс в исследованиях данной проблемы (см.: Крушинский А.А. Логика Древнего Китая. М., 2013).
 41. «Придав несколько специфический оттенок словам, можно сказать, что древнекитайская философия была “математической”: она строилась по поводу текстов, имеющих форму системы уравнений, часто сама строила свои рассуждения в такой же форме. Если в Академию Платона можно было входить только знающим геометрию, то к древнекитайской философии можно подойти, лишь усвоив суть тех приемов, которые применялись в древнем Китае при решении систем уравнений, поняв связи этих, казалось бы, лишь алгебраических явлений с коренными вопросами философии Китая». Спиринов В.С. Рационализм в классической китайской философии // Архив российской китаистики. М., 2013. Т. 2. С. 41, 43.
 42. «...Так что можно говорить, что в известном смысле и здесь происходит признание математического характера одного из важнейших памятников культуры Китая. За покровом «мистики» вскрывается постепенно реальное содержание, и оно оказывается математическим». Там же, с. 44.
 43. «Следует учесть, что “прибавление” и “вычитание”, о которых пойдет речь, в китайской философии имели отнюдь не узкое, “технологическое” значение, хотя и базировалось на нем. Даже довольно случайные выборки текстов обнаруживают, что в памятниках китайской классики “прибавление” (и) и “вычитание” (сунь) оказываются в тесной связи с важнейшими категориями идеологии. В отрывках 16.4 и 16.5 “Луэньюнь” им ставится в соответствие ряд этических понятий. <...> В отрывке 2.23 этого же источника данные слова связываются с проблемой преемственности норм поведения...». Спиринов В.С. Локализация “прибавления” и “вычитания” в “И цзине” // XII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1981. Ч. 1. С. 93.
 44. Где, по мнению ряда комментаторов (см., напр., У Цюэнь. *И цзин юй Луэньюнь (И цзин и Луэньюнь)*. Юнкан, 2008. С. 31, 39, 405–425) они указывают на пару тех самых взаимокоррелирующих гексаграмм «Убывание» и «Приумножение», которые обсуждаются в спириновской заметке.

45. Пара симметричных фраз — элементарная образующая так называемого «универсального параллелизма». См. подробнее: *Спири В.С.* Построение древнекитайских текстов. М., 1976. С. 20–38.
46. Матрица вида 3×3 — «канон» по Спирину. Там же. С. 38–90.
47. Трактусом В.С. Спириным в весьма расширительном смысле: «С гносеологической стороны этот феномен уходит корнями в связь текста на паншире черепахи с черточками-трещинами на нем. Соответствующий этому явлению способ познания развивался в комплексе параллельных (лучше было бы сказать компланарных) проблем: чертеж — текст (хэ ту — ло шу), форма — имя (син — мин), перекресток — речения (хан — янь), видимое — слышимое и др. Набор этих тем выявляет особый стиль мышления, свойственный древности... Его можно назвать древним картезианством. Основной его чертой является единство логико-дискурсивных структур (алгебра, исчисления) и пространственных образов. В. С. Спиринов. «ДАО», «ЖЭНЬ» и «ЧЖИ» в аспекте «нумерологии» (СЯН ШУ) // XV научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1984. С. 216–217.
48. «Мы решились на сопоставление данного фрагмента из “Мо-цзин” с произведением, которое часто считается тоже не менее загадочным и «исключительным» — с “И-цзином”. Сопоставление показало, что четыре вида “тождества” из “Мо-цзы” точно соответствуют четырём типам гексаграмм “И-цзина”. Тезисы “Мо-цзин”, оказывается, относятся к “И-цзину”. Оба текста в рассматриваемом аспекте поясняют друг друга (или что-то третье крайне схожее с ними). <...> Итак, первый вид “тождества” (тун) соответствует удвоению одной и той же триграммы. Значит, вероятно, “тождество” это в частности вид соединения триграмм в гексаграмме. Если полагать, что такое “тождество” имеется во всех гексаграммах, то рассуждая абстрактно, придется констатировать, что видов такого тождества может быть только четыре. В дополнение к уже рассмотренному случаю удвоения одной и той же триграммы (пусть это будет а) следует добавить следующие типы: б) пара триграмм, отличающихся только двумя черточками-яо; в) пара триграмм, отличающихся лишь одной чёрточкой-яо; г) пара триграмм, отличающихся всеми тремя чёрточками-яо. Таковы четыре типа гексаграмм, выделяемые нашим рассуждением». *Спири В.С.* Проблема «тождества» (тун) в Древнем Китае // Архив российской китаистики. 2013. Т. 2. С. 5, 9.
49. Данное утверждение не было подкреплено им в достаточной мере — никакой логики в собственном значении этого слова В.С. Спириным предьявлено не было.
50. *Спири В.С.* Построение древнекитайских текстов. М., 1976.
51. «В отечественной синологии профессиональная зрелость историко-философского подхода проявилась в серьезном внимании к тому явлению, которое в переводах иногда обозначается словом “нумерология”. Перевод этот неудачен. В древнем Китае был выработан поразительно умный и гармоничный гносеологический принцип “образность-численность” (сян шу). В переводе получилось слепое и однобокое образование, ассоциирующееся с бессмысленной или мистической игрой в числа» (*Спири В.С.* «ДАО», «ЖЭНЬ» и «ЧЖИ» в аспекте «нумерологии» (СЯН ШУ). М., 1984. С. 215.
52. Изумительное своей нелпостью словосочетание, придуманное кем-то из отечественных «быстрых разумом Невтонов» и запущенное ими же в оборот в смутные перестроечные времена (середина восьмидесятых).
53. Приходится констатировать, что уровень философской (не говоря уже про синологическую!) безграмотности туземных фриков, паразитирующих на модной ныне китайской экзотике, катастрофически зашкаливает. Непреодолимые трудности с усвоением, казалось бы, элементарного различия между иконическим и символическим типом знаков закономерно увенчались у трудолюбивых графоманов грубейшей категориальной ошибкой — абсурдным уравниванием науки с паранаукой, когда нумерология на полном серьезе провозглашается, извольте ли видеть, «альтернативной логике формально-методологической дисциплиной». См., например: *Кобзев А.И.* Китайская логика и русская кабалистика // Восток. 2000. № 5. С. 193.
54. См., например: «Китайский эрос: научно-художественный сборник» / ред. и сост. А.И. Кобзев. М., 1993, *Кобзев А.И.* Эрос за китайской стеной. СПб., 2002; В пути за китайскую стену (К 60-летию А.И. Кобзева). М., 2014.
55. См.: *Крушинский А.А.* Логика Древнего Китая. М., 2013.

Религия

Настоящее и будущее религий Китая в научных трудах последних лет на английском языке

© 2015

С. Горбунова

В статье дан анализ достижений западных ученых в области изучения современной религиозной сферы в КНР. Исследовательский интерес к ней стимулировал процесс возрождения религий и постепенное изменение политического курса по отношению к ним в условиях проведения реформ в Китае. Главное внимание уделено научным трудам на английском языке, посвященным настоящему и будущему религий Китая.

Ключевые слова: КНР, религии, политика, зарубежная синология.

Процесс изучения в мировом китаеведении, в том числе в западном, различных новых тем, связанных с современным положением религий в КНР, начался с конца 1980-х гг.¹ Однако только два десятилетия спустя стали появляться фундаментальные научные работы по религиозной тематике, в которых анализируется современное состояние религий и очерчиваются перспективы их будущего развития. Хронологические рамки данной статьи обусловлены тем, что только в начале 2000-х годов проявилась тенденция к написанию комплексных научных трудов, в большей степени коллективных, посвященных изучению религиозной ситуации в КНР в период открытости и реформ. Это последнее десятилетие по праву можно определить как наиболее интенсивный и плодотворный в западной историографии период в этой области китаеведения.

Одна из его характерных черт — расширение интереса к современности на фоне огромного пласта трудов зарубежных сиологов по религиозной тематике древнего периода². Этот дисбаланс сохраняется, хотя опубликовано более шестидесяти научных работ в формате статей и монографий на английском языке, в которых рассматриваются многообразные проблемы современных религий в КНР³.

Первым опытом научного коллективного труда в 2003 г. стал специальный выпуск журнала «China Quarterly» под названием «Религия в Китае сегодня»⁴. За ним последовали вышедшая в 2006 г. серьезная коллективная монография «Китайские религии в современных обществах» под редакцией Джеймса Миллера⁵, затем, в 2008 г., книга «Религиозность по-китайски. Издержки модернизации и формирование государства» под редакцией Мэйфэра (Ян Мэйхуэйя)⁶. Через три года был издан другой полифонический

коллективный труд — «Китайская религиозная жизнь» под редакцией Д. Палмера, Г. Шайва, Ф. Викери⁷.

Одной из наиболее популярных в начале нового тысячелетия была тема Фалуньгуна; на пике интереса к ней было опубликовано множество статей публицистического плана, и в меньшей степени научных. Затем интерес начал ослабевать. В качестве одного из наиболее интересных научных подходов хотелось бы отметить анализ новых религиозных движений, в том числе Фалуньгуна, предпринятый молодым ученым Д. Палмером в ракурсе социологии⁸. К числу исторических фундаментальных работ о Фалуньгуно можно отнести труд канадского китаеведа Д. Оунби «Фалуньгун и будущее Китая», изданный в 2008 г.⁹ Целью этого многолетнего исследования было рассмотрение цигуна и Фалуньгуна в историческом контексте и в аспекте государственного дискурса как традиционной народной религиозной культуры, возродившейся «в условиях вакуума, созданного после крушения маоистской революции», и способной к «самотрансформации в соответствии с эволюцией широких исторических и социальных сил»¹⁰. Оунби продолжает: этим «популярным религиозным движениям власти позволили расцвести в эру реформ по комплексу причин, имеющих отношение к кризису государственной легитимности»¹¹. Автор усматривает определенные параллели между религиозной сферой 1920-х и 2000-х годов, главным образом в специфике отношения властей к религиям и к многочисленным группам народных религий, вновь появившихся в процессе религиозного возрождения в условиях реформ как республиканского, так и КНРовского периода, и имеющих неопределенный статус¹². В число многочисленных источников и литературы, на которых базируется это исследование, включены труды основателя Фалуньгуна Ли Хунчжи, а также полевые исследования, проведенные в ходе контактов с последователями этого религиозного движения в Северной Америке. В конечном итоге, авторские оценки и отношение к Фалуньгуну опираются на замысел изучения этого движения не как «эксцентричного взрыва, схожего с истерией хулахупа (тренировочного обруча) в Америке в 1950-е гг., но как социального и культурного феномена, связанного со специфическими аспектами идентификации китайской истории и народной религиозной культуры»¹³. Переходя к более широкому обобщению в конце книги, Оунби высказывает мнение о том, что китайские религии нуждаются в том, чтобы стать объектом исследования как при переосмыслении и переписывании современной истории, так и при отражении будущего Китая¹⁴.

Примером исторического монографического исследования, посвященного христианским конфессиям, стала вышедшая в 2012 г. книга ученого из США Д. Х. Бэйса «Новая история христианства в Китае»¹⁵, построенная по хронологическому принципу и охватывающая период от несториан до наших дней. Опираясь на добротную источниковедческую базу и полевые исследования, автор посвятил отдельные разделы последней главы «Китайская церковь от окончания “культурной революции” до начала XXI в.» современному положению христианства в КНР. В центре его внимания — «непокорное» католичество и разрастающийся протестантизм в период реформ, а также сопоставление сельского и городского христианства¹⁶. В связи с последним он, как и многие другие авторы, пишущие на эту тему, замечает, что «параллельно с экономическим бумом наблюдался бум городских церквей»¹⁷. И, развивая эту мысль, поясняет, что «многие из мигрантов уже были христианами, а многие другие стали христианами в новой обстановке. Несколько городских конгрегаций в городах вдоль юго-восточного побережья в провинциях Чжэцзян и Фуцзянь превратились во вполне процветающие. Активные члены некоторых из них — бизнесмены и предприниматели»¹⁸. В качестве новой особенности отмечается способность городских церквей к жертвованиям на социальные нужды, проявлением чего стали благотворительные акции для пострадавших во время землетрясения в Сычуани в 2009 г.

В контексте изменения роли интеллектуалов в церквях (под которыми он понимает, прежде всего, тех, кто, занимаясь изучением христианства, в конечном итоге, стал подлинным последователем этой религии) и в христианском движении, в целом, упоминается «теория опиума» (что вполне созвучно с содержанием статьи шведского ученого Ф. Фелльмана¹⁹, хотя она и не приводится в библиографии книги), в частности так называемая дискуссия «второй опиумной войны» 1980-х гг.²⁰ Одна из особенностей западной синологии последних лет — новая интерпретация марксистской теории религии как важной составной части идеологии КПК в современном контексте, что параллельно происходит и в обществоведении КНР²¹.

В какой-то степени претендуя на написание полной истории всех христианских конфессий в Китае, Бэйс отвел специальное приложение истории православия. Сопоставляя современное положение этой религии с католичеством и протестантизмом, он сделал вывод о том, что Китайская православная автономная церковь «страдает от угасания». Вместе с тем, автор связал перспективу обращения в православие сотен и даже тысяч китайцев, проживающих на территории РФ или посещающих ее, с возрождением православия в России и открытием ее границ²². Бэйс — один из немногих западных синологов, которых интересуется история православия в Китае, а также из тех, кто ссылается на труды современных российских китаеведов-религиоведов, например, на работу А. В. Ломанова, опубликованную на английском языке²³. В то же время он не упоминает книгу этого автора на русском языке, сходную с его монографией по тематике²⁴. Характерно, что языковой барьер служит преградой для знакомства западных ученых с трудами российских.

Дополняет картину современного христианства в Китае оригинальный, но вполне оправданный, как доказывает проведенный анализ, подход к его изучению, который содержится в опубликованной в конце 2013 г. в журнале «China Quarterly» статье американской исследовательницы К. Коулс «Подъем китайской домашней церкви: организационное оружие»²⁵. Этим автором, ассистирующим профессором политологии в университете Орегона, подготовлена книга «Религия и авторитаризм: кооперация, конфликт и последствия», которая будет вскоре опубликована²⁶. В данной статье, которая в какой-то мере дает представление о содержании книги, авторское внимание концентрируется на сопоставлении сходства организационной структуры катакомбной церкви в Китае и партий большевистского типа, в данном случае КПК, в период нелегальной деятельности. Авторская концепция базируется на изучении частного примера — деятельности одной из крупнейших местных церквей Китайского Евангельского братства, причем в контексте небывалого роста последователей протестантизма в КНР в последнее десятилетие. Изложенное в статье, впрочем, не дает ответа на вопрос о том, действительно ли последователи местных церквей были знакомы с ленинскими принципами партийного строительства, или это чисто авторские сопоставления. Косвенно подтолкнуть читателя к мысли о том, что китайские протестанты неслучайно выстраивают свои организации по большевистскому типу призвано сравнение автора, почерпнутое у предшественников. В статье заходит речь о том, что Фалуньгун преподал важный урок катакомбным церквям, зеркально отразив административную иерархию существующего режима, что, по мнению автора отчасти и привело к краху этого движения, поскольку власть хорошо знакома с подобной организационной моделью²⁷. (В то же время складывается впечатление, что и подобные публикации способны подогревать интерес властей КНР к протестантскому буму. А о том, что их реакция на этот процесс становится более жесткой, свидетельствуют события лета 2014 г., например в Вэньчжоу²⁸).

Более подробно хотелось бы остановиться на монографии «Религиозный вопрос в современном Китае» В. Гуссара²⁹ и Д. Палмера³⁰, которые принимали участие в большинстве отмеченных выше коллективных работ. Эта объемная книга (464 страницы), изданная двумя тиражами в 2011 и в 2012 гг., неслучайно получила широкий отклик в научной среде, в том числе в КНР. Следует отметить, что труды этих авторов находятся в

поле зрения китайских ученых. Знакомство с ее содержанием показывает, что авторы заслуженно получили премию Левинсона за 2013 г., которая была присуждена Ассоциацией азиатских исследований в категории научных книг на английском языке по Китаю (после 1900 г.)³¹. (Именно этой книге, занявшей особое место среди религиоведческих работ последних лет, посвящена большая часть статьи, которая существенно дополняет и расширяет предыдущую публикацию ее автора на эту тему³²).

Гуссар и Палмер указывают, что заимствовали название своей книги «из идеологического арсенала КПК, руководители которой впервые ввели термин «религиозный вопрос» (цзунцзяо вэньти). Однако они расширяют хронологические рамки его приложения и начинают с 1898 г., который они называют временем первой попытки реформировать религиозную сферу в Китае, и до 2008 г. Приступая к исследованию, авторы начинают с определения категории «религия», считая ее одной из наиболее спорных. По их мнению, «история религиозного вопроса в Китае показывает, как этой категории навязывалось, дезавуировалось, присваивалось, расширялось, сужалось, приписывалось ее место в идеологической системе различными акторами на протяжении прошлого столетия», «теми, кто боролся за контроль, монополию, кооптирование, обращение или разрушение символических ресурсов, которые она потенциально содержит»³³.

Из продуманной и согласованной обоими авторами концепции вытекает логика изложения и структура работы. Она состоит из двух частей («Религии и революции», «Модернизация религий»: в XXI век») и 13 разделов. «В первой части, охватывающей период от Синьхайской революции до «культурной», содержится характеристика различных религий с конца правления династии Цин. Далее происходит переход к проблемам идеологии и религии»³⁴ (главным образом, возрождающегося буддизма и распространявшегося христианства) в процессе формирования новой государственности периода Республики. В сферу интересов авторов попадает и религиозная политика КПК в освобожденных районах (например, мусульманский вопрос и политика коммунистов в отношении хуэй). При ее анализе выделяется период от создания КПК до «культурной революции» (1921–1966 гг.) и «связанные с этим аспекты выработки новых идеологических клише в КНР, базировавшихся на теориях духовных цивилизаций и политической утопии»³⁵. Гуссар и Палмер резюмируют, что с 1920-х годов в Китае заимствовались советская и турецкая модели управления религиями³⁶.

Во второй части, названной «Модернизация религий»: в XXI век», анализируются не только современное положение пяти официально признанных в КНР религий (буддизма, даосизма, ислама, католичества, протестантизма), новых религиозных движений и народных религий, но и «официальный государственный дискурс и институализация религий, а также альтернативные траектории развития религий в китайском мире, их глобализация и этническая идентификация под влиянием геополитики»³⁷ и, в конечном итоге, прогнозы их развития.

Концептуальные подходы базируются на интереснейших сюжетах и аллюзиях, мастерски встроенных в историческое повествование. Источниковедческая база авторов весьма обширна и включает довольно редкие партийно-государственные решения, регулирующие религиозную сферу. Например, всем известна роль даосских и буддийских монахов в совершении погребальных обрядов и поминовении усопших в древности. Однако Гуссар и Палмер привлекают к исследованию документы (государственные и нормативные акты, а также партийные решения в области похоронных услуг) и обращаются к малоизученным эпизодам: от полного запрета проведения религиозных погребальных обрядов в КНР в сер. 1960-х гг. до их восстановления в 1990-е гг.³⁸, сравнивая их с аналогичными мерами гоминьдановских властей³⁹.

Небезынтересна и частная история существования одной из общин местных жителей, восстановленных в период реформ в одном из уездов пров. Сычуань. Сначала власти всячески сопротивлялись как ее деятельности, так и строительству нового храма.

Вскоре власть сменилась. При новом руководстве удалось построить храм и наладить ритуальную и обрядовую деятельность. Но прошло время, и при новой смене местных властей верующих снова стали притеснять⁴⁰.

Рассматривая проблему монастырской и храмовой деятельности в условиях расширения рыночной экономики, авторы говорят о множестве современных проблем. Так, они упоминают об изучении современных принципов администрирования монастырской деятельности, в частности, о том, что для ее совершенствования монахи Шанхая получают квалификацию по системе МБА⁴¹.

В книге немало места отведено отображению современной поп-культуры в городах и интереса молодежи к боевым искусствам⁴² (типа шаолиньских). Обращаясь к проблеме размытия традиционной религиозной культуры в городах, как наиболее яркий образец этого авторы приводят Шэньчжэнь⁴³.

Они прекрасно осознают, какой вклад в диссимилиацию информации о религиях внес с середины 1990-х гг. Интернет, давая возможность его пользователям легко обойти запреты, «которые распространялись на публикацию и распространение печатной литературы»⁴⁴.

В контексте истории китайских религий с конца XIX до начала XXI в. Палмер и Гуссар аргументировано доказывают связь между изменениями, происходящими в стране и состоянием религиозной сферы. Они отмечают, что «в условиях растущей мощи Китая на мировой арене, его процветания и уверенности в себе все меньше становится как неуверенности в себе, так и запретов в отношении китайского традиционного наследия, религиозных обычаев и этических норм, и даже становится более очевидной позитивная идентификация с ними»⁴⁵. И далее поясняют: «после столетия выживания, противостояния, адаптации, переосмысления и возрождения многообразные формы религий, существующие в настоящее время в Китае, трансформируясь, растут и набирают силу»⁴⁶.

Естественно, что Палмер, являющийся признанным специалистом в области изучения Фалуньгуна, не мог обойти молчанием эту тему, хотя ей и не отведено специального раздела. Обращаясь к ней в контексте религиозной сферы КНР авторы, в частности, говорят о том, что произошло с этим движением после разгрома и запрета, когда к Фалуньгуну на официальном уровне был применен термин секта (сецзяо, ересь, суеверие), в области значений которого, по мнению авторов, комбинировались традиционные клише императорского периода и элементы, заимствованные у западной христианской апологетики, а также у психологии и социальных наук⁴⁷. В настоящее время в КНР запрет на деятельность Фалуньгуна «остается тотальным и бескомпромиссным»⁴⁸.

Вместе с тем, «с конца 1990-х годов Фалуньгун стал глобальной сетью, которая включает практикующие группы во всех странах Западной и Юго-Восточной Азии»⁴⁹. Причем «китайские власти не в состоянии остановить зарубежную активность Фалуньгуна, хотя и занимали хулиганов для запугивания протестующих: единственное, что они смогли сделать, это предпринять попытку герметично запечатать китайские границы от любой информации относительно этих акций»⁵⁰. Однако хакеры из числа последователей Фалуньгуна успешно взламывают блокировки. «В то же время», отмечают авторы книги, «усталость СМИ и нарастающие сомнения в убедительности призывов Фалуньгун серьезно ослабляют его влияние на международное общественное мнение»⁵¹. Одновременно они замечают еще одну важную его особенность: несмотря на то, что Фалуньгун с начала 2000-х годов и превратился в широкое международное движение, его основная «забота» «продолжает концентрироваться вокруг КПК и ее взаимоотношений с китайской культурой и нацией»⁵².

Переходя к широким обобщениям, авторы доказывают, что отделение религиозного от мирского (светского) в традиционном обществе невозможно; что в различных нишах социальной структуры можно обнаружить огромное разнообразие форм религий; что между местными общественными формами религий существовали как комплексное взаимодействие и диалог, так и напряженность. Но наиболее важно сравнение роста и

убывания членов среди аналогичных по структуре, но институционально автономных конгрегаций и сект⁵³.

Сравнивая те страны, где, в отличие от Китая, доминирует одна религиозная традиция, авторы приходят к выводу о том, что там по-иному стоит вопрос о ее адаптации к обществу и государству, и поясняют, что «в Китае, где ни между религией, ни между политикой, ни между социумом не было четкого водораздела вплоть до XX в., один единственный религиозный институт или традиция никогда не обладали четкой и эксклюзивной приверженностью большинства населения»⁵⁴. Справедливо указание авторов на то, что религия в Китае становится самостоятельной категорией тогда, когда в начале XX в. намечаются попытки секуляризации⁵⁵. Развивая эту мысль, В. Гуссар и Д. Палмер делают один из главных своих выводов о том, что при изучении социальной структуры нельзя разделять религиозное и светское, например, в Китае, где «логика секуляризации была реализована не полностью, это привело к неожиданным результатам»⁵⁶. (Д. Палмер развил трактовку этой идеи, приняв участие вместе со своими китайскими коллегами Ли Сянпином, Чжао Гуанмином, Чжао Фашэном и Чжэн Сяюнем в дискуссии о «религиозном и секулярном» на страницах журнала «Мировая религиозная культура»⁵⁷).

Базируясь на тезисе антропологической перспективы религии как социального феномена⁵⁸, авторы приходят к выводу о том, что «китайская социальная экология, трансформированная во второй половине XIX в. путем инъекции нескольких новых элементов под маркой модернизации, в реальности конституировала отчетливый и усиливающийся феномен исторического процесса»⁵⁹. Далее они поясняют, что разделяют употребление «экологической метафоры, говоря об экологическом ландшафте,» «но не об автономной религиозной экосистеме». Религиозные практики, средства информации и институты видятся им частью широкой открытой «социальной экологии, в которой религиозные элементы находятся в вечных взаимоотношениях с другими элементами и в которой компоненты и границы религиозной области постоянно оспариваются»⁶⁰.

Исходя из утверждения, что религиозные группы будут значимы при любых политических и социальных изменениях и религиозность, в противовес ценностям общества потребления, будет распространяться и в будущем, они предлагают три прогнозистических сценария развития этой сферы. Обращая свой взор в будущее, Палмер и Гуссар полагают, что «вопрос не в том, будут ли китайцы более религиозными или насколько легко им будет это сделать, но в большей степени в том, как социальная и институциональная конфигурация этой растущей религиозности будет развиваться»⁶¹. Итак, первым сценарием предусматривается расширение религиозных свобод и самостоятельности религиозных общин вследствие развития КНР по западной, вернее тайваньско-гонконгской, модели светского общества. «Наиболее вероятным результатом первого сценария может стать рост “серой” сферы в общинах, храмах и церквях с неопределенной легальностью, которым будет разрешено увеличиваться и к которым будет проявляться толерантность, но которые никогда не будут интегрированы в государственную систему и не получают легального статуса»⁶².

По второму сценарию, Китай будет следовать «цинской модели», «при которой государство выступает в качестве окончательного арбитра религиозной ортодоксии, дифференцированно оказывающего предпочтение некоторым символам и традициям и даже продвигающего их»⁶³. «Это произойдет в результате процесса кооптации и взаимного проникновения религиозных групп и представителей государства. Процесс уже идет: он особенно распространен в сельской местности во взаимоотношениях между храмами и местными властями»⁶⁴.

При третьем сценарии предполагается восстановление цивилизационной миссии государства, которое принимает функциональные характеристики религии⁶⁵.

В заключение авторы выделяют общую тенденцию всех трех сценариев: «расширение сферы влияния религиозности в китайском обществе», которое не ведет к пол-

ному признанию или автономии. В силу атеистической сути государства результат по всем трем сценариям одинаковый — рост «серой» сферы, под которой авторы понимают незарегистрированные и не действующие на легальных основаниях религиозные группы⁶⁶. Указывается также на возможность «оскалации этнического противостояния между ханьцами и группами национальностей, которая может обострить стремление к религиозной идентичности последних, особенно тибетских буддистов и уйгурских мусульман»⁶⁷. Рассуждения авторов приводят их к финальным выводам о том, что «в настоящее время Китай превратился в гигантскую лабораторию, в которой все формы духовности и религиозности — традиционные, современные и суперсовременные, старые и вновь изобретенные, туземные и иноземные, а также все комбинации между ними находятся в огромном котле расширяющейся «серой» сферы, которая выпадает из-под прямого влияния, а также легального и институционального контроля». Что касается КПК, то для партии один из важных вопросов состоит в том, как «создать религиозные институты, которые смогут быть совместимы с социалистической системой»⁶⁸.

Гуссар и Палмер раздвигают горизонты исследования, рассуждая о том, что «сейчас религиозный вопрос — это не только лишь китайская, но глобальная проблема». Успешно справившись с задачей комплексного и объективного анализа религиозного вопроса в Китае на протяжении двух веков, они констатируют, что «это более не вопрос о месте религии во все возрастающей и меняющейся институциональной конфигурации государства и национальных культур, но о роли самой религии в социальном устройстве и ее интеграции в интенсивно взаимосвязанном, но высоко нестабильном глобальном обществе, в настоящее время определяющем контекст религиозных проблем»⁶⁹. Авторы полагают: «в то время как Китай стал полноправным игроком в расширяющемся интегрированном глобальном обществе и даже начал влиять на глобальной религиозной арене, религиозный вопрос в этой стране все еще остается открытым»⁷⁰. При этом *«Китай будет иметь главное влияние на религиозный облик глобального общества»* и *«привнесет в этот мир все свои нерешенные религиозные вопросы»*⁷¹.

Подводя итог данного историографического обзора и суммируя свойственные западной синологии последнего десятилетия современные научные подходы к изучению религий Китая в XX-XXI вв., хотелось бы выделить следующие ее черты.

1. Тенденция к написанию монографических исследований и коллективных трудов, содержание которых подчинено единой концепции.

2. Появление аналитических подходов к определению сути китайских религий. Выработка новых методологий и концепций при приоритете комплексных исследований, сочетающих исторический экскурс с изучением современного положения различных религий, а не выделение в качестве объекта исследования какой-нибудь одной из них.

3. Более взвешенная и объективная оценка современной ситуации в сфере религий в КНР.

4. Усиление внимания к полевым, этнографическим исследованиям в КНР, максимальное приближение к исследуемому материалу.

5. Ориентация на более тесное сотрудничество с учеными и научными структурами КНР.

1. Важнейшие после 1979 г. документы были опубликованы в 1989 г в сборнике «Религия в Китае сегодня. Политика и практика», составленном Мак Иннисом (MacInnis. Religion in China Today. Policy and Practice. NY: Orbis books, 1989.) Материалы этого сборника в дальнейшем легли в основу ряда трудов по политике в сфере религий. Год спустя вышел сборник статей под общим названием «На подъеме» под редакцией Дж. Паса (The Turning of the Tide. Religion in China Today. Oxford, 1990), отразивший изменения в религиозной сфере в начале реформ. Перемены в положении

- буддизмам были освещены в монографии ученого из Великобритании А. Хантера «Буддизм под властью Дэна» (Hunter A. Buddhism under Deng // East Asia Papers: Leeds. 1992, № 7).
2. В качестве небольшого отступления упомянем о выдающейся роли, которая в последнее десятилетие принадлежит изучению древнего китайского буддизма Центру буддийских исследований университета Гента (Бельгия) и, в частности, трудам возглавляющей его Анны Херман (A. Heigman). В связи с этим особо хотелось бы отметить сборник статей «Распространение буддизма» (The Spread of Buddhism. Leiden-Boston, 2007), а также «Освобожденное сознание в чистом теле» (A Pure Mind in Clean Body. Gent, 2012) под редакцией и при участии этого автора. К числу фундаментальных трудов по китайским религиям различных династийных периодов относится книга 2012 г. «Уайли-Блэкуэл — спутник китайских религий» — один из томов в серии о мировых религиях по программе издательского дома Рэндэл (The Wiley-Blackwell Companion to Chinese Religions. Oxford, 2012).
 3. Историографический анализ отдельных работ западных китаеведов-религиоведов содержится в следующих статьях: Madsen R. Religious Renaissance in China Today // Journal of Current Chinese Affairs, 2011, Vol. 40, № 2. P. 17–42; Горбунова С. А. Западная историография о религиозных проблемах современного Китая // II Всероссийская конференция «Проблемы новейшей истории Китая». М., 2011. С. 167–170; Горбунова С. А. Новые концепции западных синологов-религиоведов // Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. — М., 2014. С. 216–223.
 4. The China Quarterly. L., 2003. № 174.
 5. Chinese Religions in Contemporary Societies. Santa Barbara, Denver, Oxford, 2006.
 6. Chinese Religiosities. Afflictions of Modernity and State Formation. Berkeley. Los Angeles. London, 2008.
 7. Chinese Religious Life. Oxford (USA), 2011.
 8. Ibid. P. 165–166. Например, «Лихорадка цигуна: тело, наука и утопия в Китае», вышла в 2007 г. Palmer D. Qigong Fever: Body, Science and Utopia in China. N-Y., 2007.
 9. Ownby D. Falun Gong and the Future of China. Oxford, 2008.
 10. Ibid. Preface. P. X. P. 16.
 11. Ibid. P. 9.
 12. Ibid.
 13. Ibid. P. 230.
 14. Ibid. P. 235.
 15. Bays D. H. A New History of Christianity in China. Oxford, 2012.
 16. Ibid. P. 194–199.
 17. Ibid. P. 200.
 18. Ibid.
 19. Статья этого китаеведа из Швеции «Полезен ли опиум? “Адаптированная религия” и гармония в современном Китае», которая была опубликована в журнале «Современный Китай» в 2010 г., является одним из наиболее интересных примеров подобного научного подхода. (Fällman F. Useful Opium? 'Adapted Religion' and 'harmony' in Contemporary China // Journal of Contemporary China. L., 2010. № 19 (67). P. 949–969). Перевод этой статьи, выполненный к.филос.н. А. Г. Александяном опубликован в специальном выпуске «Новые научные подходы к изучению религий Китая (Современное зарубежное религиоведение)». М: ИДВ РАН, 2013. С. 10–48. По мнению Фёлльмана, «официальные взгляды китайского правительства на религию кардинально изменились»: главной чертой политики в сфере религий после Мао является прагматизм. Религиозное возрождение в Китае на протяжении последних 30 лет свидетельствует о том, что партия и правительство далеки от того, чтобы, управляя религией, ослаблять ее. В последние годы в контексте «гармоничного общества» произошло изменение взгляда на религию. Признавая «духовный вакуум» в Китае после Мао, партия видит необходимость в контролируемом духовном развитии, которое в свою очередь может оказывать поддержку экономическому развитию. В связи с этим Фелльман не обходит молчанием новые «Правила регулирования религиозной деятельности», ссылаясь на имевшиеся в среде китайских синологов слухи о подготовке отдельного закона о религиях. (Он так и не был принят, все свелось к административно-правовым нормам). В этом процессе регулирования партия пытается контролировать не только религиозную активность, но и религиозный контент, используя его в своих собственных целях. Это, как отмечает Фелльман, находится в прямой оппозиции взглядам Маркса

- и Ленина на религию как «опиум для народа» и указывает на то, что партия использует переименованную (противоположную) «опиумную теорию». В то же время он подчеркивает важность существования в среде ученых различных взглядов на эту проблему. В частности, он пишет о дискуссии ученых севера и юга (которая в КНР получила название войны севера и юга). «Одни поддержали оригинальную теорию «опиума» Маркса», а другие — подчеркивали, что она «не применима к религиозной действительности» в Китае (С. 19).
20. *Ways D. H. A New History of Christianity in China*. P. 200.
 21. В 2013 г. в Институте мировых религий АОН КНР под редакцией Цзэн Чуаньхуэя была подготовлена и выпущена монография «Изучение марксистской теории религий» (Макесычжун цзунцзяо гуань яньцзю. Пекин, 2013.)
 22. *Ways D. H. A New History of Christianity in China*. P. 215.
 23. *Lomanov A. Russian Orthodox Church // Handbook of Christianity in China*. Vol. 2: 1800—Present, ed. R. G. Tiedemann. Leiden, 2010.
 24. *Ламанов А. В. Христианство и китайская культура*. М., 2002.
 25. *Koesel K. J. The Rise of a Chinese House Church: The Organizational Weapon // The China Quarterly*, L. 2013. № 215. P. 572—589.
 26. *Religion and Authoritarianism: Cooperation, Conflict and the Consequences*. (Cambridge Univ. press, forthcoming) // *The China Quarterly*. L., 2013. № 215. P. 802.
 27. *Ibid.* P. 586—587.
 28. В конце июля 2014 г. полицейские сняли крест с церкви в городе Вэньчжоу провинции Чжэцзян, где насчитывается порядка 9 млн. протестантов. Прошли слухи о сносе церквей. Одновременно власти рекомендовали протестантам привлекать к себе поменьше внимания (РИА Новости от 28 июля 2014, «Сотни полицейских сняли крест с церкви в китайском городе Вэньчжоу», URL <http://ria.ru/religion/20140728/1017841099.html> (проверено 1 февраля 2015 года).
 29. Винсент Гуссар — старший научный сотрудник (по специальности «история китайских религий») в Национальном центре научных исследований (Париж), заместитель директора Института под названием «Общество-Религии-Секуляризация» (Париж) и профессор Китайского университета Гонконга. Он автор трех монографий и соавтор нескольких коллективных трудов. Благодаря монографии «Даосы Пекина 1800—1949: социальная история городских клириков» (2007 г.) он выдвинулся в число наиболее серьезных европейских ученых-китаеведов. (Goossaert V. *The Taoists of Peking 1800—1949: A Social History of Urban Clerics*. Cambridge (Mass.), 2007).
 30. *Д. Палмер* в настоящее время работает ассистирующим профессором факультета Социологии и сотрудником Центра антропологических исследований в университете Гонконга. Он является автором многих статей и нескольких книг. Палмер и Гуссар стажировались в Париже, в Высшей школе общественных наук и были учениками известного специалиста в области даосизма Кристофера Скиппера.
 31. См. информацию на сайте Ассоциации азиатских исследований (страница AAS CIAC Levenson Book Prize Winners, URL: <http://www.asian-studies.org/publications/book-prizes-levenson.htm>, проверено 1 февраля 2015 года).
 32. *Горбунова С. А. Новые концепции западных синологов-религиоведов // Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко*. М., 2014. С. 216—223.
 33. Там же. С. 220.
 34. Там же.
 35. Там же.
 36. *Goossaert V., Palmer D. The Religious Question in Modern China*. Chicago-London, 2012. P. 394.
 37. *Горбунова С. А. Новые концепции западных синологов-религиоведов*. С. 220.
 38. *Goossaert V., Palmer D. Op. cit.* P. 231—237.
 39. *Ibid.* P. 227—228.
 40. *Ibid.* P. 253.
 41. *Ibid.* P. 266.
 42. *Ibid.* P. 277.
 43. *Ibid.* P. 275.
 44. *Ibid.* P. 279.
 45. *Ibid.* P. 401.
 46. *Ibid.*
 47. *Ibid.* P. 341.

48. Ibid. P. 392.
49. Ibid. P. 390.
50. Ibid. P. 391.
51. Ibid.
52. Ibid.
53. Ibid. P. 7.
54. Ibid. P. 3.
55. Ibid.
56. Ibid. P. 8.
57. Шицзе цзунцзяо вэньхуа. Пекин. 2013. № 5. С. 45–51.
58. *Goossaert V, Palmer D.* Op. cit. P. 6.
59. Ibid. P. 8.
60. Ibid. P. 13.
61. Ibid. P. 397.
62. Ibid. P. 398.
63. Ibid.
64. Ibid.
65. Ibid. P. 399.
66. Ibid. P. 400.
67. Ibid.
68. Ibid. P. 400.
69. Ibid. P. 403.
70. Ibid. P. 13.
71. Ibid. P. 404.

Культура

Советский Сахалин в русской литературе конца 1920–1930-х годов

© 2015

Е. Иконникова

В статье рассказывается о произведениях русской литературы, посвященной Сахалину, конца 1920–1930-х годов. Книги Льва Алпатова, Бориса Еллинского, Петра Слётова, Николая Долотина, Виктора Канторовича, Сергея Михалкова и других авторов информировали читателей о дальневосточных рубежах страны — ее границе с Японией, об этнографии коренных народов Сахалина, об успехах советизации на острове и многом другом.

Ключевые слова: Советская Россия, Япония, Сахалин, русская литература конца 1920–1930-х годов, публицистика.

Свержение имперской власти в 1917 году и иная идеологическая ориентация Советского государства требовали создания нового образа Сахалина — места, прежде ассоциировавшегося по преимуществу с подробно описанной А. П. Чеховым и В. М. Дорошевичем каторгой. В конце 1920 — начале 1930-х гг. на Сахалине активно шли подготовительные мероприятия, связанные с первой юбилейной для молодого государства датой — десятилетием с момента советизации острова. Значительная роль в этой подготовке была отведена культурному образованию, одну из весомых частей которого составляло просвещение средствами публицистической и художественной литературы о Дальнем Востоке.

Среди большого многообразия издаваемых в те годы книг можно назвать «Сахалин после Чехова и Дорошевича» (1929) Макса Поляновского (1901–1977), побывавшего на Северном Сахалине в 1928 году. Этот писатель, позже создавший совместно со Львом Кассилем (1905–1970) «Улицу младшего сына» (1949), прославился очерками для детей и юношества. Именно поэтому легко и непринужденно читались книги Поляновского «На далекой окраине (ДВК)» (1930) или «С букварем у гиляков. Сахалинские дневники ликвидатора неграмотности» (1931).

В 1920-х гг. в печать вышли и другие издания. Так, например, в Ленинграде была опубликована книга Людмилы Волкенштейн «Из тюремных воспоминаний» (1924), а во Владивостоке увидела свет брошюра журналиста Матвея Корна «О советских даях. Са-

халин, Камчатка, Чукотка, Колыма» (1926). Во многих книгах 1920-х гг. изображалось каторжное прошлое Сахалина, в отдельных случаях описывались события Русско-японской войны. При этом авторы обязательно акцентировали внимание на первых социалистических преобразованиях и на будущем облике Сахалина — острова, который непременно должен был осваиваться и развиваться.

В 1928 году на Сахалине в составе этнографической экспедиции побывал Лев Алпатов (настоящее имя — Лев Михайлович Пришвин; 1906–1957), итогом поездки которого стало издание «Сахалина (путевых записок этнографа)» (1930). Общий тираж книги составил четыре тысячи экземпляров. Лев Алпатов, старший сын знаменитого русского писателя Михаила Пришвина (1873–1954), был популярным в свое время беллетристом, поэтому и книга «Сахалин» с восторгом воспринималась не только специалистами-этнографами, но и рядовыми читателями. Написанное в форме путевого дневника повествование Алпатова начиналось июлем 1928 года и заканчивалось сентябрьскими днями, когда ученый возвратился в Москву из экспедиции. С первых же страниц своей книги Алпатов восклицал: «Остров, проклятый тысячами людей, принявших в нем мучения и смерть. Кандалами прозвенел Сахалин на весь мир. Кто не читал Чехова и Дорошевича!».

Книга Бориса Еллинского (1872–1942) «Сахалин. Чёрная жемчужина Дальнего Востока» (1928), являясь документальной и частично автобиографической, как будто бы смыкает в себе два времени: имперскую Россию, когда революционер отбывал наказание на Сахалине (с 1894 года) и советскую Россию. Вместе с этим «Сахалин...» Еллинского подводит итог всей предшествующей литературе о Дальнем Востоке накануне 1930-х гг. В конце 1920-х гг. уже намечается попытка создания принципиально иной, чем прежде, литературы — агитационной, пропагандисткой по своему характеру, оптимистической, убеждающей и склоняющей читателей средствами словесности для переезда из обжитых центральных районов России на Дальний Восток, в том числе на Сахалин и Курильские острова.

О создании советской литературы на Сахалине

3 октября 1933 года состоялась встреча первого секретаря Дальневосточного ВКП(б) И. Лаврентьева (настоящее имя — Лаврентий Иосифович Картвелишвили, 1890–1938) с дальневосточными писателями. В речи Лаврентьева, частично опубликованной на страницах газеты «Советский Сахалин», говорилось о первостепенных задачах советской литературы как проводника идеологических ценностей нового государства: «Мы собрались <...>, чтобы обсудить вопрос о том, как лучше работать нашему писателю, как самоорганизоваться, чтобы голос дальневосточного писателя раздавался по всему Союзу. <...> Край наш <...> очень интересный край. Особенно для писателя. <...> Здесь большое количество людей, здесь сталкивается масса народа различного по национальным признакам. Здесь происходит большая переделка края людей. Здесь происходит большое строительство. <...> Отобразить в художественных произведениях создание этого нового края, его социалистическое освоение — большая, сложная, ответственная и почетная работа»².

Особое внимание советского правительства к Дальнему Востоку объяснялось еще и тем, что молодое государство граничило с Японией и Китаем. Укрепление политических рубежей СССР средствами литературы, по мнению И. Лаврентьева, должно было осуществляться через оживление «исторической мысли в крае»³, отражаемой в идеологии зарождающегося социалистического реализма, его «объективности» и «партийности».

Дальневосточные писатели стояли перед необходимостью формирования собственной региональной литературы, которая отвечала бы стандартным требованиям литературного процесса нового времени и естественным образом объясняла политическую

ситуацию в пограничных областях. Таким образом, в самом начале 1930-х гг. стали публиковаться первые советские книги о Сахалине, которые и составили основной пласт сахалинской литературы, созданной извне, приезжими авторами. Произведения о Сахалине должны были отвечать и эстетическим, и практическим требованиям. Соблюдение этой направленности способствовало бы увеличению количества «переселенцев», желающих освоить островные земли Советской России.

После «Перевала»

Одним из таких авторов, откликнувшимся на государственные призывы, стал Пётр Слётов (настоящее имя — Пётр Владимирович Кудрявцев, 1897–1981). До издания книги «На Сахалине» (1933) этому писателю уже принадлежало несколько произведений — повести «Прорыв» (1928) и «Мастерство» (1930), а также роман «Заштатная республика» (1931). Появление книги «На Сахалине» в творческой биографии Слётова было неслучайным. До 1931 года Слётов был участником Всесоюзного объединения рабоче-крестьянских писателей «Перевал» (1923–1932). «Переваловцы» (в их число входили Михаил Пришвин, Андрей Платонов, Эдуард Багрицкий и др.) отстаивали принципы искусства, не связанного с пролетарским движением. Концепция сторонников и последователей «Перевала» основывалась не на политическом единомыслии (что требовалось от искусства нового времени), а на принципах интуитивного, философского осмысления жизни. Выйдя из состава членов «Перевала», Слётов пытался реабилитировать себя и свое творчество, не отвечающее целиком идеологическим требованиям пролетарской литературы и литературы социалистического движения. Авантюрно-анекдотический вымысел об интеллигентах и большевиках в «Заштатной республике» едва ли мог претендовать на безупречность изображения современного писателю мира. Но жанр очерков, избранный как ведущий, в книге «На Сахалине» позволил писателю изобразить новый уклад жизни советских людей, новую, порвавшую с буржуазным прошлым среду советских «переселенцев».

Динамичное развитие уже не каторги, но значительно преобразованного Сахалина вполне отвечало советской идеологии, а приближенное к документальному описание острова могло освободить Слётова от «ошибок» прошлого (каковым считалась его прежняя принадлежность к «Перевалу»). Но ранее допущенная ошибочность писателя во взглядах на искусство стоила ему общественной репутации и скоротечной литературной карьеры. Книга «На Сахалине», общий тираж которой составил пять тысяч экземпляров, столичной критикой не была оценена. Факт попытки осветить жизнь современного писателя острова (когда-то привлекшего внимание Чехова, Дорошевича и других писателей) не имел должного резонанса ни в европейской части России, ни на ее дальневосточных рубежах. Творческие старания писателя рассказать о сахалинских «туземцах», в своем развитии продвинувшимся «от юколы к картофелю» (одноименное название одной из частей книги), и о «японских концессиях на Сахалине» (также название одной из частей работы Слётова) не имели желаемого успеха.

Негативный отзыв о литературно-публицистических очерках Слётова появился и на страницах самой читаемой на острове газеты — «Советский Сахалин». В небольшой заметке «Сахалин через призму гастролера» И. Лившиц обвинил писателя в том, что тот сделал акцент только на «экзотику», а не на «действительных героев труда». «Очерки Слётова о Сахалине, — писал журналист, — никаких сторон сахалинской жизни и борьбы большевиков не раскрыли, ничего не показали. <...> «Очерки Слётова — образец, как не следует писать о Сахалине»⁴.

Как видно из газетного отзыва, лучшим произведением о Сахалине в 1930-е гг. могло считаться произведение, в котором ведущая роль отводилась «большевикам» и «героям труда». При этом даже весьма скромные, с точки зрения художественного мас-

терства, попытки автора книги дать портретные зарисовки островных женщин, инициировали еще большее негодование Лившица. Пролетарский писатель, по мнению Лившица, должен был видеть не красоту женского лица и тела, но значимость женского труда в социалистическом производстве.

Невзирая на отрицательную оценку своей работы, в 1934 году на страницах «Нового мира» (№ 1—№ 2) Слётов представил еще одно свое произведение, посвященное Сахалину, — первую часть романа «Равноденствие». Писатель теперь уже в исключительно художественной форме изобразил и представителей технической интеллигенции, и ответственных партийцев-хозяйственников, которые уезжали в 1920-е гг. со своих обжитых мест на строительство сахалинских нефтяных промыслов в районе Охи.

Однако и эта книга не была доброжелательно встречена. Литературная деятельность писателя подошла к финалу. Отсутствие художественного вкуса и следование шаблонам идеологической литературы не позволяли создать произведения, одновременно интересные и с эстетической и с познавательной сторон. В послевоенные годы (в 1948 году) Слётов был арестован, а спустя восемь лет (в 1956 г.) реабилитирован. Позже Слётов написал и вторую часть венчающего все его творчество романа «Равноденствие» (1935–1975)⁵, который, как и книга очерков «На Сахалине», составил формальную, фактологическую принадлежность к произведениям «сахалинской» литературы.

Не только идеология

В 1930-е гг. были написаны и другие книги о Сахалине, их тираж был довольно высоким и иногда доходил до нескольких десятков тысяч экземпляров. Среди большого многообразия появившихся в первые десятилетия Советской власти изданий довольно сложно выделить оригинальные произведения, не изобилующие политическими прокламациями и социалистическими призывами.

Еще одной книгой этого времени стал изданный десятью тысячами экземпляров «Остров сокровищ. На советском Сахалине» (1930) Николая Долотина. Вместе с этим в «десятидневном журнале путешествий и приключений» «Вокруг света» (1930, № 7, март) был опубликован четырехстраничный документальный рассказ Долотина «В сахалинской тайге».

В издательстве «Советская Азия» в свет вышла сорока семистраничная книга «Советский Сахалин» (1933) партийного деятеля Евгения Лебедева (1897–1938), в 1929–1930 гг. занимавшего пост ответственного секретаря Сахалинского окружного комитета ВКП(б). Работа Лебедева, безусловно, носила агитационный характер, но научно-популярное изложение материалов «Советского Сахалина» привлекало внимание многих потенциальных читателей. В книге «Советский Сахалин» Лебедев писал о возможности превращения Сахалина в полуостров, поэтому и завершение книги звучало максимально оптимистически: «И если самая постановка подобного грандиозного вопроса в анархических условиях капиталистического режима была с самого начала обречена на неуспех, то для строя и эпохи великого социалистического строительства, воодушевляемого смелым и научным большевистским руководством, не остается препятствий для того, чтобы в ближайшее же время поставить эту большую сахалинскую проблему на практическую почву углубленного научного исследования»⁶. Дальнейшая судьба Лебедева сложилась трагически: в июне 1937 г. он был арестован и расстрелян. В 1957 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР приговор был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Подробный обзор этнической картины Сахалина предлагал фольклорист и этнограф Виктор Важдаев (настоящее имя — Виктор Моисеевич Рубинштейн, 1908–1978) «По стойбищам народа нивах» (1934). Эта, почти двухсотстраничная иллюстрированная книга вышла в свет тиражом в десять тысяч экземпляров. Работа «По стойбищам нивах» стала

единственным научно-популярным этнографическим исследованием, в котором уже намечалось стремление автора к художественному постижению мира. В историю русской литературы Важдаев вошел прежде всего как составитель детских книг и сказочник.

Виктору Канторовичу (1901–1977) принадлежит несколько книг, тематически связанных с Сахалином: «Сахалинские очерки» (1932; многократно переиздавались), повесть «Детство нивха Ковгэна» (1937) и др. В 1937 году писатель участвовал в переписи нивхских стойбищ на Северном Сахалине, в это же время был незаконно репрессирован. Вернувшись в 1956 году к литературной деятельности, Канторович несколько раз приезжал на Сахалин и Курильские острова (в 1958, 1961, 1963 и др. годы), оставил документально-художественные материалы по истории Сахалинской области. Новым творческим результатом изучения Сахалина стали «Сахалинские тетради» (1965), которые Канторович писал более 30 лет. Фрагменты из сахалинских наблюдений разных лет печатались в российской и дальневосточной периодике: в журнале «Дружба народов», газете «Советский Сахалин» и др.

Участник Гражданской войны на Дальнем Востоке, журналист и прозаик Николай Костырёв (1893–1941) создал «Сахалинские записи» (1936), вышедшие в свет тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров. «Сахалинские записи» были неоднородны по своему композиционному составу. Книга состояла из десяти частей и открывалась историей с «рыболовом-медведем», своеобразной сахалинской сказкой, взятой, как писал автор, «из подлинного быта Дальневосточного Севера»⁷. Народное предание лежало и в основе второй истории книги, где говорилось о вымерших «нивухских» селениях — стойбищах «Туки» и «Туми». Причина вымирания селений состояла в том, что «один из нивухов по имени Зотов женился на эвенкийке» — с этого момента в жизни стойбищ началась череда несчастий: «рыбу... не поймали», «собаки от голода передохли», «вынесло рыбаков в море на льдине», пришли «неизвестные болезни». Упоминались в книге и реальные лица: «Новый Дерсу» — Владимир Арсеньев (1872–1930), «молодой нани Мулинка», «улетавший с советской путевкой в руках в далекий Ленинград учиться на Северном факультете Института народов Востока», «любитель-натуралист товарищ Сторчак» и многие др. «Сахалинские записи» стали последним изданным произведением в творческой биографии Костырёва, автора книг: «Идея-фикс» (1919), «Белый флаг» (1920), «Аэропозма» (1924), приключенческого романа-трилогии «Желтый дьявол» (1924–1926), воспоминаний «Мои китайские дневники» (1928). В 1939 году писатель был арестован и через два года погиб в сталинских застенках.

Максим Горький и Сахалин

Одна из сторон большой общественной работы, которую неизменно вел Максим Горький (1868–1936), состояла в написании ответных писем, в обилии приходивших на имя писателя. Часто обращались к Горькому и дети.

Летом 1933 г. в газете «Пионерская правда» (а позже в Хабаровской газете «Знамя пионера») было напечатано обращение Горького к детям. Писателя интересовало, чем живут современные ему дети, что читают, о чем мечтают. Вслед за этим газетным выступлением Горькому стали поступать письма со всех регионов СССР. Галина Стрельцова отмечает, что писателем было получено «более 2000 писем»⁸. Одно из таких писем было от школьников Сахалина.

17 марта 1933 г. писатель получил обращение, отправленное нивхскими детьми 10 января 1933 г. из сахалинского поселка Ноглики⁹. «В 1931 году в Ногликах, на Сахалине, — писал Владимир Пузырёв, — открылась школа, где обучались гиляки, тунгусы, ульчи, якуты, орофоны. Они-то <...> и отправили Горькому большое послание, в котором рассказала о своей жизни, обо всем том, что принесла им Великая Октябрьская революция»¹⁰. В ответ Горький написал письмо, известное под названием «Детям Сахалина»

(1933). Обратное послание было дано Горьким 31 марта 1933 г., из Сорренто (Италия). Однако впервые письмо было опубликовано только после смерти автора в 1937 г. на страницах хабаровской газеты «Знамя пионеров» (№ 55, 17 июня). Будущее Дальнего Востока Горький связывал с культурной революцией, поэтому писатель был так внимателен к любым упоминаниям о восточных рубежах Советской России.

В своем письме Горький отмечал: «Вы очень хорошо сделали, написав мне. Ваше письмо — подарок, которым я горжусь, как орденом.

Я получал письма от детей европейцев, конечно, их письма тоже радовали меня, но — не так глубоко, как ваше письмо, дети гиляков, тунгусов, ороchon. Ведь неудивительно, что дети европейцев грамотны, — удивительно и печально, что среди них есть безграмотные. А вы — дети племен, у которых не было грамоты, ваших отцов избивали, грабили русские и японские купцы, двуногие звери, ваших отцов обманывали и держали в темноте шаманы, такие же обманщики, как европейские попы. И вот вы — учитесь, а через несколько лет вы сами будете учителями и вождями ваших племен, откроете пред ними широкую, светлую дорогу ко всеобщему братству рабочего народа всей земли. Вот в этом — великая радость для меня и для вас...»¹¹.

Письмо Горького свидетельствует о существовавшей в то время в стране идеологии (и в художественной литературе, и в эпистолярных обращениях), ориентированной на продолжение классовой борьбы, освобождение угнетенных и прославление труда во имя созидания нового общества. Таким настроением охвачены не только эмоциональные призывы письма к «Детям Сахалина», но и др. послания Горького к детской аудитории.

Сахалинский герой Сергея Михалкова

Одно из доказательств того, что Дальний Восток и Сахалин, в том числе, находился в центре общественного внимания, обнаруживается в адресованной детям поэме Сергея Михалкова (1913–2009) «Миша Корольков» (1938, многократно переиздавалась). Стихотворная история основывается на рассказе о путешествии пионера Миши Королькова на «советском корабле» с Сахалина во Владивосток. Во время шторма советское судно неожиданно оказывается в чужих водах, мальчик и все члены экипажа допрашиваются «полковником Мурасивой». Главный герой свято бережет свой красный галстук и, шутя, отвечает на вопросы японского офицера:

*Начинается допрос.
Миша слушает вопрос:
— Ты живешь на Сахалине,
На советской половине.
Сколько вас, учеников, —
Следопытов и стрелков?
— Шестью восемь — сорок восемь.
Пятью девять — сорок пять...
Умножаем, переносим —
Невозможно сосчитать!*

Топонимика стихотворных строк поэмы «Миша Корольков» укладывается в название нескольких географических мест: Тихий океан («там, где носит пароход»), «чужая земля» («японская вода», «не наши люди, горы, города»), Сахалин («на советской половине», где мальчика ждет мама), Владивосток («славный порт Владивосток», где на границе служит отец Миши) и Москва (город, в котором высокие чины размышляют о спасении мальчика и всего экипажа корабля):

*Крысы возятся в саламе,
Дверь какая-то скривит.
Далеко в знакахом доме*

*Мама бедная не спит.
На далеком Сахалине
Мама думает о сыне...*

Заканчивается поэма торжеством справедливости, мальчик возвращается на Родину и встречается со своими родителями. Содержание этой остросюжетной и легко читающейся истории — отклик на фактические события, дипломатические конфликты с Японией накануне Второй мировой войны. Одновременно с этим стихотворение Михалкова давало детям представление о предвоенном Сахалине, о восточных границах Советского государства.

Адресованные читателям разного возрастного уровня и социального опыта, «сахалинские» произведения 1930-х гг. в своем большинстве демонстрировали возникшее в советской литературе подчинение творческой воли писателей политико-идеологическим задачам советского времени. Научно-популярная, автобиографическая, художественная и публицистическая литература о Сахалине была призвана сформировать окрашенное исключительным оптимизмом представление советских людей о динамичном развитии Дальнего Востока. Эта концепция приводила советскую «сахалинскую» литературу к тупику в возможности полноценного развития литературного процесса. Вместе с этим в 1930-х гг. создавались и иные произведения о Сахалине, выдержав испытание временем, эти книги и сейчас продолжают оставаться важными источниками исторической информации, документами, свидетельствующими об общественной и частной жизни советских людей на острове.

1. *Алпатов Л.* Сахалин (путевые записки этнографа). М., 1930. С. 6.
2. «Дальневосточные писатели и поэты должны показать всему Советскому Союзу как создается новый край» // Сов. Сахалин. 11 окт. 1933. № 231 (1510). С. 1.
3. Там же.
4. *Лившиц И.* Сахалин через призму гастролера // Сов. Сахалин. 1933. 14 нояб. № 254 (1533). С. 2.
5. Эта книга была опубликована отдельным изданием в 1977 году.
6. *Лебедев Е. В.* Советский Сахалин. М., 1933. С. 45–46.
7. *Костырёв Н.* Сахалинские записи. М., 1936. С. 4.
8. *Стрельцова Г. А. М.* Горький и писатели-дальневосточники // Дальний Восток. 1977. № 11. С. 149.
9. В «Примечаниях» к письму «Детям Сахалина» допущена ошибка: написано, что «письмо адресовано школьникам поселка Ноглики» (Примечания // Горький М. Собр. соч. в 30 т. Т. 27. Ст., докл., речи, приветствия, 1933–1936. М., 1953. С. 540). Одновременно с этим в «Примечаниях» отсутствуют пометы, указывающие, где находится этот населенный пункт, правильное название которого — Ноглики.
10. *Пузырёв В. Г.* Максим Горький и Дальний Восток // Дальний Восток. № 4. 1960. С. 174.
11. *Горький М.* Детям Сахалина // Горький М. Собр. соч. в 30 т. Т. 27. М., 1953. С. 18–19.

Научная жизнь

Японоведение в России: исследования молодых ученых (обзор диссертаций за 20 лет)*

© 2015

И. Тимонина

Анализируя массив диссертаций по японоведческой тематике, защищенных в РФ за последние 20 лет, автор исследует динамику, географическую и тематическую структуру научной деятельности молодых ученых, проводит сравнительный анализ диссертационной активности японоведов и китаеведов. В статье также рассматриваются вопросы, связанные со студенческой научной активностью. *Ключевые слова:* востоковедение, японоведение, студенческие исследования, «старение» науки.

Российское востоковедение в целом и японоведение как одна из его ветвей имеют давние и славные традиции. Однако в последнее время все более актуальным становится вопрос о преемственности поколений, продолжении этих традиций. От решения проблем, связанных с подготовкой востоковедов, привлечением и удержанием в науке молодых людей, зависит будущее важного научного направления.

Проблемы «старения» науки. Проблема «старения» научных и научно-педагогических кадров в России известна. Так, за период 1992–2009 гг. численность исследователей в Российской Федерации уменьшилась с 804,0 тыс. человек до 401,4 тыс. т.е. более чем в 2 раза¹, а к 2014 г. она еще сократилась — до 369 тыс. человек².

Показатели возрастной структуры исследовательского сообщества также не внушают оптимизма. Несмотря на происходящее за последние годы некоторое увеличение численности и доли ученых возрастной группы до 29 лет в общей структуре исследователей имеет место устойчивое уменьшение численности наиболее перспективной группы в возрасте от 30 до 39 лет. В целом доля исследователей в возрасте до 40 лет в их общей численности сократилась в 1994–2008 гг. примерно в 1,2 раза (с 33,2 до 28,4%). В 2009 г. средний возраст исследователей превышал 48 лет (на 3 года выше, чем в 1994 г.), для кандидатов наук он составлял почти 53 года, а средний возраст докторов наук приблизился к 61 году³.

Тимонина Ирина Львовна, профессор кафедры экономики и экономической географии стран Азии Африки Института стран Азии и Африки МГУ, доктор экономических наук, профессор.
E-mail: timonina2000@yahoo.com

* Статья подготовлена на основе доклада, представленного автором на 7-й конференции Ассоциации японоведов, посвященной 20-летию юбилею организации (19 декабря 2014 г.). С изменениями и дополнениями. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=551&Itemid=1.

По мнению экспертов РАН, начиная с 2002 г. органами государственной власти России и научной общественностью публично признается серьезный кадровый кризис в научной сфере страны. В проекте «Комплексная система мер, направленная на улучшение возрастной структуры научных кадров, привлечение и закрепление в научных организациях, подведомственных РАН, талантливой молодежи, обеспечение научного и административного роста молодых ученых», подготовленном РАН в 2010 г., делается вывод о том, что, несмотря на декларируемые меры, в настоящее время стимулов, привлекающих молодежь в науку, и, особенно, закрепляющих ее там, явно недостаточно. Это касается как оплаты труда ученых и их социальный статус исследований материально-технического обеспечения. При этом, несмотря на значительное повышение зарплаты научных сотрудников в системе РАН, она существенно отстает от зарплаты ученых даже не в самых развитых странах а так же в других сферах деятельности. Такая ситуация, по мнению экспертов Академии, не дает оснований надеяться на стабильный приток молодежи в российскую науку⁴.

Выводы академических экспертов, сделанные несколько лет назад, подтверждаются и текущей официальной статистикой: по данным Госкомстата, средняя заработная плата научных сотрудников составляет 70,8% от средней заработной платы работников соответствующей категории по Москве⁵.

Тем не менее, ситуация самых последних лет внушает некоторый оптимизм. Так, в период 2008–2013 гг. доля исследователей в возрасте 30–39 лет выросла с 14 до 20%, в том числе кандидатов наук — с 16,8 до 23,4%, а докторов — с 1,7 до 2,6%. Однако следует учитывать, что произошло это на фоне продолжающегося общего сокращения численности научных работников (с 375,8 тыс. до 369 тыс. человек)⁶.

Федеральная целевая программа «Научные и педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. в качестве одной из главных целей поставила увеличение доли исследователей в возрасте от 30 до 39 лет в общей численности исследователей до 13,8–14,6%, в секторе образования — до 20,5–21%⁷. В мае 2013 г. Постановлением Правительства Российской Федерации № 424 была утверждена аналогичная федеральная целевая программа на 2014–2020 годы, которая, как отмечают ее авторы, характеризуется преемственностью по отношению к предыдущей⁸.

Перечень важнейших целевых индикаторов и показателей новой Программы свидетельствует о ее нацеленности на решение в первую очередь проблемы привлечения и закрепления молодых кадров российской науки⁹.

Среди главных целей Программы — создание необходимых условий для укрепления и развития конкурентоспособности национальной системы подготовки научных и научно-педагогических кадров для инновационного развития Российской Федерации. Реализация предусмотренных Программой мероприятий должна обеспечить к концу 2020 г. достижение следующих результатов: обеспечение воспроизводства кадров в научной и научно-образовательной сфере Российской Федерации за счет притока и закрепления молодых высококвалифицированных специалистов; стабилизация возрастных и квалификационных характеристик кадрового потенциала научной и научно-образовательной сферы¹⁰.

В программе констатировалось, что благодаря принятому в последние годы в Российской Федерации комплексу мер по поддержке научных и научно-педагогических кадров в рамках федеральных целевых программ, системы исследовательских грантов и других проектов удалось преодолеть тенденцию неуклонного снижения численности исследователей, занятых в секторе исследований и разработок. И вместе с тем сохраняется возрастной дисбаланс в структуре исследователей с доминированием старшей возрастной группы (59–69 лет), который обусловлен недостаточными масштабами вовлечения талантливой молодежи в научную и научно-образовательную сферу и ее закрепления в ней, в том числе в связи с низкой внутриорганизационной мобильностью научных и научно-педагогических кадров, затрудняющей карьерный рост талантливых молодых ученых¹¹.

Средний возраст исследователей — участников Программы	43 года
Доля исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей — участников Программы	35%
Доля исследователей высшей научной квалификации (кандидаты и доктора наук) в общей численности исследователей — участников Программы в возрасте до 39 лет (включительно)	17–17,5%
Количество студентов, аспирантов, докторантов и молодых исследователей из организаций — участников Программы, закрепленных в сфере науки, образования и высоких технологий (зачисленных в аспирантуру или принятых на работу в учреждения высшего профессионального образования, научные организации, предприятия приоритетных для Российской Федерации отраслей промышленности) (нарастающим итогом)	13 тыс. человек
Доля аспирантов и докторантов, представивших диссертации в диссертационный совет, в общей численности аспирантов и докторантов — участников Программы (нарастающим итогом)	60%
Количество студентов, аспирантов, докторантов и молодых исследователей, принимавших участие в предметных олимпиадах, конкурсах научных работ и других мероприятиях, проводимых в области науки и техники в рамках Программы (нарастающим итогом)	60 тыс. человек

Ситуация в японоведении, по-видимому, не отличается от положения в гуманитарных науках в целом. Вместе с тем специфика востоковедения, и японоведения в том числе, состоит в том, что, с одной стороны, это узкоспециализированный сегмент научного и образовательного процесса, а с другой, — это междисциплинарная область науки.

Анализ структуры и динамики диссертационной активности может дать нам определенное представление о молодом японоведении (если исходить из той вполне реальной предпосылки, что кандидатские диссертации защищаются, в основном, молодыми людьми)¹².

За последние 10 лет (2005–2014 гг.) в России было защищено 123 диссертации, так или иначе касающихся японской проблематики, что на 37% больше, чем в предыдущее десятилетие (90 диссертаций)¹³.

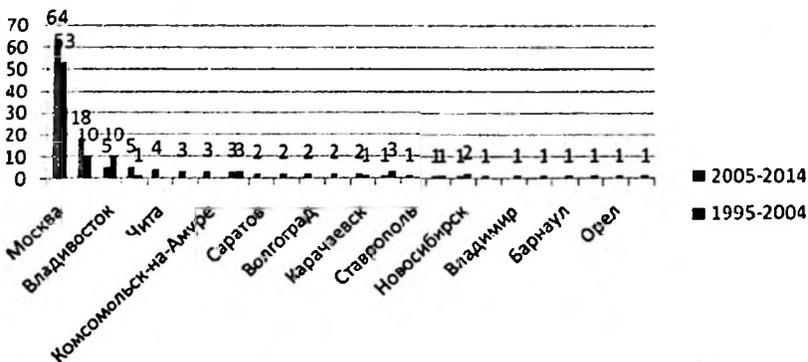
(Для сравнения отметим, что эти показатели значительно уступают аналогичным показателям по другому крупному направлению отечественного востоковедения — китаеведению: в 1995–2004 гг. по китаеведческой тематике было защищено 134 диссертации, а в 2005–2014 гг. — 500¹⁴. Однако, при этом нельзя не принимать во внимание то обстоятельство, что 51% диссертаций по китаеведению в 1995–2004 гг. и 42% в 2005–2014 гг. было защищено этническими китайцами, а также диссертантами из Вьетнама и Монголии (последних 3 человека), в то время как по японоведению случаи защит диссертаций иностранцами единичны¹⁵.)

Соотношение докторских и кандидатских диссертаций по японоведению в течение двух десятилетий изменилось в пользу кандидатских: в 1995–2004 гг. доля докторских диссертаций в общем числе защит составляла 19%, а в период 2005–2014 гг. — 11%. Подобное изменение структуры защит дает основания для предположений двойного свойства. С одной стороны, это может служить индикатором активности молодых исследователей, но, с другой, может означать, что в последнее десятилетие доля исследователей, продолжающих профессионально заниматься японоведением (предположим, после защиты кандидатских диссертаций), сократилась примерно вдвое.

География научных изысканий и соответственно защит, в общем-то, традиционна¹⁶:

Город	Число диссертаций, защищенных (и утвержденных ВАК) в 2005–2014 гг.	Число диссертаций, защищенных (и утвержденных ВАК) в 1995–2004 гг. (Справочно.)
Москва	64	53
Санкт-Петербург	18	10
Владивосток	5	10
Иркутск	5	1
Чита	4	0
Томск	3	0
Комсомольск-на-Амуре	3	0
Хабаровск	3	3
Саратов	2	0
Омск	2	0
Волгоград	2	0
Нижний Новгород	2	0
Карачаевск	2	1
Екатеринбург	1	3
Ставрополь	1	0
Казань	1	1
Новосибирск	1	2
Ростов-на-Дону	1	0
Владимир	0	1
Владикавказ	0	1
Барнаул	0	1
Карачаевск	0	1
Орел	0	1
Ижевск	0	1
Всего:	123	90

Число диссертаций защищенных в 1995–2014 гг. в городах РФ

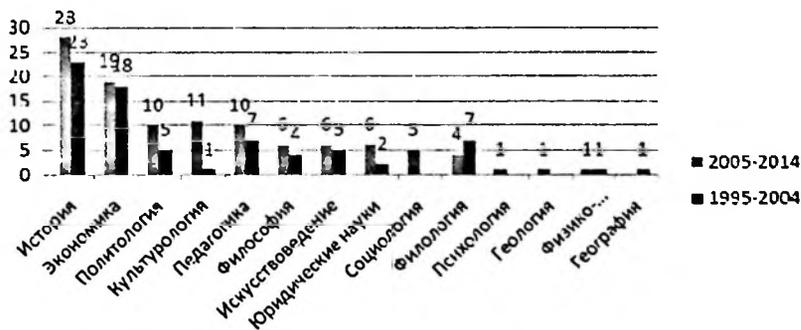

Более двух третей диссертаций в 2005–2014 гг., как и в предыдущее десятилетие, было защищено в Москве и Санкт-Петербурге. Из городов к востоку от Урала лидирует, как и раньше, Владивосток. В то же время на «японоведческой карте» появились и новые точки: города европейской части страны — Ростов-на-Дону, Ставрополь, Казань, Саратов, Волгоград, Нижний Новгород.

Тематическая направленность диссертационных исследований разнообразна (см. Приложение)¹⁷.

Область науки (группа специальностей по классификации ВАК)	Число кандидатских диссертаций, защищенных в 2005–2014 гг.	Число кандидатских диссертаций, защищенных в 1995–2004 гг. (Справочно.)
История	28	23
Экономика	19	18
Политология	12	5
Культурология	11	1
Педагогика	10	7
Философия	6	4
Искусствоведение	6	5
Юридические науки	6	2
Социология	5	0
Филология	4	7
Психология	1	0
Геология	1	0
Физико-математические науки	1	1
География	0	1
	110	74

Число кандидатских диссертаций, защищенных в 1995–2004 и 2005–2014 гг. по специальностям

По сравнению с предыдущим десятилетием обращает на себя внимание, как удвоенные числа политологических работ по Японии (вероятно, это объясняется тем, что политология — относительно новая научная специальность в РФ)¹⁸, так и появление работ по социологии. Интересен также феномен резкого роста интереса к культурологическим изысканиям.

Что касается конкретной проблематики исследований молодых коллег-японистов, то по основным тематическим блокам можно отметить следующее¹⁹.

Экономика: работы последнего десятилетия посвящены внешнеэкономическим связям страны (4 работы), проблемам макроэкономической политики, экономического роста, государственного регулирования (6 исследований). Появились работы по проблемам энергетики и торговли углеводородным сырьем (3 экономических работы плюс одна диссертация, защищенная по исторической специальности). Интерес к подобной тематике связан, по-видимому, с развитием связей между Японией и РФ в сфере освоения нефтегазовых месторождений на Сахалинском шельфе и соответственно актуализацией данной проблематики не только в качестве объекта научного исследования, но и для практи-

ческой работы в нефтегазовой отрасли (по крайней мере, двое из четырех кандидатов наук, защитившихся по данной проблематике, трудятся в нефтегазовых корпорациях).

Для сравнения отметим, что в тематике китаеведческих работ гораздо более заметен крен в сторону экономических работ, которые в период 1995–2004 гг. составляли 53% защищенных кандидатских и докторских диссертаций (71 из 134), а в 2005–2014 гг. на них приходилось 24% защит (123 из 500)²⁰.

Если говорить об интерпретации проблематики, то следует отметить, что 6 работ заявлены как компаративные и содержат сравнительный анализ проблематики Японии и других стран. Данный факт стоит отметить как позитивный, поскольку в основном тематика диссертаций более традиционна, и авторы направляют свои усилия на изучение выбранных вопросов в рамках одной страны — Японии.

В отличие от предшествующего десятилетия, когда 11 из 18 экономических работ были посвящены различным аспектам корпоративного управления в Японии и стратегиям японских корпораций (включая одну докторскую диссертацию и работы, где проблемы японских корпораций анализировались в числе других вопросов, но были представлены в самостоятельных разделах), интерес к данной проблематике несколько уменьшился: она исследуется лишь в 5 работах из 19 экономических, причем в косвенной форме (к этому следует добавить одну работу, посвященную корпоративной культуре Японии и защищенную по специальности «Социология»). В качестве небольшого отступления следует отметить, что своеобразный «бум» интереса к японским методам корпоративного управления пришелся на вторую половину 1980-х — 1990-е годы. Это касается не только диссертационных работ, но и научных исследований различных жанров и форматов (статей, монографий, глав в монографиях, публикаций в блогах). Подобная ситуация была связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, освобождение от идеологических шор позволило применить современные подходы к данной группе проблем и повысить объективность анализа, и, во-вторых, в период начала становления рыночной экономики в нашей стране такие исследования и разработка стали практически востребованы в связи с формированием в России частнопредпринимательского сектора, нуждающегося в качественном менеджменте. В этих условиях японский менеджмент, в течение десятилетий демонстрировавший свою высокую эффективность, не мог не привлечь внимание исследователей самых разных специальностей (конечно, не только в России).

В последнее же десятилетие исследовательские интересы диссертантов-экономистов, по-видимому, в большей степени сместились на макроуровень.

Выше мы уже упоминали о большом количестве и высокой доле экономических работ коллег-китаеведов. Проблематика этих работ чрезвычайно разнообразна: экономическая модель КНР, вступление страны в ВТО, российско-китайские экономические отношения, внешнеэкономическая политика страны. Многие авторы обратились к исследованию различных аспектов государственной экономической политики и государственного регулирования в Китае. Интерес к экономике Китая в рассматриваемый нами период времени неудивителен: в Китае были начаты и продолжаются процессы серьезного реформирования социально-экономической модели, которые, конечно же, требуют осмысления и научного анализа. С точки зрения актуальности «китайской» экономической тематики и практической применимости результатов исследований опыт эволюционной трансформации крайне интересен и полезен для нашей страны, тем более, что интерес к китайской экономике сейчас чрезвычайно велик во всем мире, особенно после того, как страна уверенно заняла место одного из мировых экономических лидеров.

Работы по экономике Китая посвящены преимущественно макроэкономическим вопросам. В отличие от японоведения, интерес к корпоративному управлению Китая появляется лишь в конце 2000-х годов (работы, посвященные стратегиям интернационализации китайских компаний, мотивации персонала по специальности «Социологические науки», конкурентоспособности предприятий, маркетинговой политике, управлению

смешанными компаниями: всего 6 работ за 20 лет)²¹. Такая ситуация, по нашему мнению, вполне закономерна, поскольку в Китае, как в России, современная национальная модель корпоративного управления находится на этапе становления, в то время как японская модель менеджмента является вполне сформировавшейся, а популярность и широкое международное признание она обрела уже в 1980-е годы.

История: исторический блок японоведческих работ предлагает нам большее разнообразие проблематики, включая и чисто исторические темы, и темы на стыке истории и проблем внутренней и международной политики страны. Разбивка по хронологическим рамкам исследования дает следующую картину. Проблемы истории до 1945 г. в очевидной форме затрагиваются в 14 работах, остальные работы или закрывают длительный исторический период вплоть до начала XXI века, или посвящены современности (ситуация в целом не изменилась по сравнению с предыдущим десятилетием). Среди проблем, вызвавших наибольший интерес у соискателей, — отношения Японии с отдельными странами и регионами, в том числе и с Россией; формирование взаимных представлений японцев и россиян; проблемы национальной безопасности, военного строительства, участия миротворческой деятельности, атаки миграции, женского движения, этносоциальные и традиционные мотивы (личность, культы, имя). Если условно разделить работы данного блока на академические и прикладные, то в исторических работах по сравнению с экономическими выше доля работ академической направленности, в большей степени тяготеющих к классическому востоковедению.

Работы же одного с историческим или смежного проблемного поля, но прикладной направленности сосредоточены в блоке **политологии**. Тематика политологических работ направлена на изучение проблем функционирования механизмов политической системы страны, ее гражданского общества, в ряде работ исследуются и проблемы внешней политики Японии. В подавляющем большинстве эти работы нацелены на современную проблематику.

Социологический блок диссертаций содержит всего пять работ, и выделить явные тенденции в выборе тем исследований в этом случае достаточно сложно: это и государственная политика, и общественное мнение, и корпоративная культура, и рынок.

То же относится и к работам по **философии**, хотя здесь стоит отметить, что 3 работы из 6 посвящены философским аспектам исследования культуры, т.е., судя по названию, содержат элементы междисциплинарного анализа.

Юридические науки. Судя по темам исследований, молодых правоведов интересуют проблемы избирательного права и конституционно-правовой системы, а также уголовного законодательства и авторского права Японии.

В работах по **культурологии и искусствоведению** авторы обращаются к исследованию различных видов японского искусства, проблемам духовной культуры, обрядам, вопросам межкультурной коммуникации и сохранения традиций. Число таких работ, как мы уже отмечали выше, резко выросло по сравнению с предыдущим десятилетием, что, как представляется, отражает общий тренд в развитии гуманитарного знания и «гуманизации» науки в целом.

Филологи посвятили свои исследования вопросам вербализации ценностей и интерпретаций, языка молодежи и анализу литературного произведения.

В работах по **педагогике** авторы обращаются к анализу японского опыта в сфере обучения иностранным языкам и другим школьным дисциплинам, а также эстетического и нравственного воспитания.

К сожалению, автор не имел возможности ознакомиться с содержанием всех авторефератов и тем более диссертаций по японской проблематике, поэтому нижеследующие выводы касаются лишь самой проблематики исследований, независимо от качества выполненных работ.

Довольно много тем выглядят достаточно общими (это относится, прежде всего, к социально-экономическому блоку). Представляется, что молодым исследователям было бы полезнее выбирать более узкие, но актуальные вопросы и идти по пути углубленного анализа с опорой на первичные материалы, в том числе и в первую очередь полученные лично. Безусловно, нужны и работы обобщающего характера, однако иногда мы сталкиваемся с ситуацией, когда диссертант, выбирая тему по масштабу и сложности соответствующую докторской диссертации, оказывается не в состоянии справиться с ней.

Студенческие исследования. На уровне бакалавриата и магистратуры интерес к изучению Японии, безусловно, есть, хотя преувеличением было бы утверждать, что все курсовые и выпускные работы, а также магистерские диссертации можно рассматривать как самостоятельные научные исследования.

По результатам опроса фокус-группы, проведенного автором при содействии студентов ИСАА²², а так же анализа тематики курсовых работ по экономике Японии студентов МГИМО (факультет международных отношений), выяснилось, что при выборе тематики своих работ большинство руководствуется личными научными интересами, среди мотивов выбора той или иной проблематики — актуальность проблемы (в том числе с учетом возможностей применения знаний в будущей работе или в процессе обучения в магистратуре, в том числе и зарубежной). Существенную роль в выборе темы играют и рекомендации научного руководителя.

Относительно небольшая часть студентов-японистов (социально-экономическое отделение. ИСАА) участвовала в Ломоносовских чтениях, другие же мотивировали свое неучастие тем, что «не было достойной темы», «не был точно определен научный интерес», «тяжело выступить публично».

Вместе с тем некоторые студенты уже публиковали свои статьи и считают, что это хорошая возможность попробовать себя на исследовательском поприще и показать свою работу за пределами учебного заведения. Большинство студентов намерены продолжить свое образование в магистратуре, в том числе в других учебных заведениях в России и за рубежом. Однако в качестве мотива такого решения лишь незначительная часть указала на «стремление продолжить изучать интересующую область». Тем не менее, более 40% опрошенных заявили о своем желании заниматься научной и/или преподавательской деятельностью.

При этом стоит отметить, что студенты и магистранты часто демонстрируют большую смелость и степень свободы в постановке научных задач по сравнению с диссертантами (судя по тематике курсовых и выпускных работ). Студенты не боятся обращаться к самой актуальной проблематике, по которой еще нет фундаментальных работ, а так же брать темы на стыке различных областей исследований.

Таким образом, интерес к Японии как к объекту изучения и японоведческим исследованиям у молодых людей есть, но, к сожалению, в большинстве случаев он иссякает после окончания университета. Примеры, когда наши выпускники выбирают научную деятельность и/или преподавание есть, но это лишь единичные случаи.

Молодые исследователи, как и японоведы вообще — это штучный «продукт», поэтому, ставя задачу привлечения молодежи к исследовательской деятельности, важно учитывать личностный момент (личные обстоятельства, отношения с преподавателями, их авторитет, пример преподавателя и другие моменты).

Нельзя не принимать во внимание социальные аспекты и тенденции рынка труда в России. В нашей стране, как и в других странах, имеет место изменение требований наемного работника к работе и работодателю: думающая и креативная молодежь стремится себя реализовать и помимо материального вознаграждения (что, конечно, крайне важно) получить возможности личностного роста. Офисная работа (даже высокооплачиваемая!) не всегда дает такие возможности. Поэтому кто-то находит себе интеллектуаль-

ное хобби, а кто-то в качестве способа такой самореализации участвует в научных проектах или идет преподавать на условиях неполной занятости.

При этом исследовательская деятельность или преподавание в данном случае могут осуществляться на вполне профессиональном уровне, в том числе и с использованием практического опыта и навыков, получаемых на основной работе, что при творческом подходе пойдет только на пользу и системе образования и прикладной науке и, как это ни банально звучит, поможет решению извечной проблемы связи теории и практики.

1. *Серезина И.А.* Характеристика кадровой составляющей научного потенциала России. Возрастная структура научных кадров // Вестник РГАЗУ. Экономика, 2010, № 1. URL: [rgazu.ru/db/vestnic/2010\(1\)/economica/001.pdf](http://rgazu.ru/db/vestnic/2010(1)/economica/001.pdf).
2. По данным Госкомстата URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#
3. *Серезина И.А.* Характеристика кадровой составляющей научного потенциала России. Возрастная структура научных кадров // Вестник РГАЗУ. Экономика, 2010, № 1. URL: [rgazu.ru/db/vestnic/2010\(1\)/economica/001.pdf](http://rgazu.ru/db/vestnic/2010(1)/economica/001.pdf).
4. Комплексная система мер, направленная на улучшение возрастной структуры научных кадров, привлечение и закрепление в научных организациях, подведомственных РАН, талантливой молодежи, обеспечение научного и административного роста молодых ученых. С. 10. М., 2010. URL: ygas.ru/docs/report.pdf (Совет молодых ученых РАН)
5. Данные на первое полугодие 2014 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/PublishOTKR_6/index.html#table.
6. Подсчитано по данным Госкомстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#
7. Приложение к Государственной программе Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы (Таблица 3, с. 58–59). URL: <http://rosmu.ru/activity/events/1178.html> (Российский союз молодых ученых).
8. URL: <http://rosmu.ru/activity/events/1078.html>.
9. Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014–2020 годы. С. 2. URL: <http://rosmu.ru/activity/events/1078.html>.
10. Там же. С. 3.
11. Там же. С. 6.
12. В данной статье автор анализировал лишь проблематику диссертационных исследований, но не содержание, уровень и качество работ. Читателя, интересующего японоведческими исследованиями, мы адресуем, в частности к статье И.П. Лебедевой и И.Л. Тимониной «Российское японоведение нового поколения» (Япония, 2002–2003. Ежегодник. М., 2003. С. 293–318), а также обзору диссертаций с аннотациями, защищенных в 1988–2000 гг. (*Тимонина И.Л.* Защита диссертаций. 1988–2000 // Япония 2000–2001. Ежегодник. М., 2001. С. 308–317)
13. В данной работе автор опирался на данные каталога авторефератов диссертаций Российской государственной библиотеки (http://aleph.rsl.ru/F/?func=file&file_name=find-b&local_base=xref) и материалы из личного архива. Поэтому, возможно в исследовании учтены не все диссертационные работы, защищенные в 1996–2014 гг. Автор приносит свои извинения авторам, чьи работы не были включены в исследование.
14. Составлено на основе базы данных Российской государственной библиотеки. Каталог авторефератов диссертаций (слово для поиска «Китай»). URL: http://aleph.rsl.ru/F/VYPGRSDI61HB3CU1DK53U82H6FQGQV69A2UDIH1KCMGS47LXEK-02817?func=find-b&request=%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9&find_code=WRD&adjacent=N&x=37&y=11.
15. Автор не располагает данными о гражданстве диссертантов-иностранцев. Подсчитано на основе базы данных Российской государственной библиотеки. Каталог авторефератов диссертаций. URL: http://aleph.rsl.ru/F/VYPGRSDI61HB3CU1DK53U82H6FQGQV69A2UDIH1KCMGS47LXEK-02817?func=find-b&request=%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9&find_code=WRD&adjacent=N&x=37&y=11.

16. Составлено на основе базы данных Российской государственной библиотеки. Каталог авторефератов диссертаций. URL: http://aleph.rsl.ru/F/?func=file&file_name=find-b&local_base=xref и по материалам из личного архива.
17. Составлено по: данным электронного каталога Российской государственной библиотеки. Каталог авторефератов диссертаций. URL: http://aleph.rsl.ru/F/?func=file&file_name=find-b&local_base=xref и по материалам личного архива.
18. В реестр специальностей вузов страны политология была введена в 1989 г.
19. Анализируются разделы, содержащие более одной диссертации.
20. Подсчитано на основе базы данных Российской государственной библиотеки. Каталог авторефератов диссертаций (слово для поиска «Китай»). URL: http://aleph.rsl.ru/F/VYPGRSDI61HB3CUI1DK53U82H6FQGQV69A2UDIH1KCMGS47LXEK-02817?func=find-b&request=%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9&find_code=WRD&adjacent=N&x=37&y=11.
21. Подсчитано на основе базы данных Российской государственной библиотеки. Каталог авторефератов диссертаций (слово для поиска «Китай»). URL: http://aleph.rsl.ru/F/VYPGRSDI61HB3CUI1DK53U82H6FQGQV69A2UDIH1KCMGS47LXEK-02817?func=find-b&request=%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9&find_code=WRD&adjacent=N&x=37&y=11.
22. Анкетирование студентов и обработка анкет были проведены студенткой 4 курса соц.- экон. отделения ИСАА А. Мизиновой.

Содержание журнала «Форум Северо-Восточной Азии» (Дунбэй Я луньтань) (КНР) за второе полугодие 2014 г.

№ 4.

БЕЗОПАСНОСТЬ МОРСКИХ АКВАТОРИЙ

Ян Чжэнь, Чжоу Юньхэн, Ван Пин. Об ограничениях в развитии морского права в Китае со стороны США на завершающем этапе «холодной войны».

Ван Цзе, Ли Жун, Чжан Хунюй. Исследование проблемы ответственности Китая в поисково-спасательных операциях в акватории Восточной Азии.

Гэ Хунлянь, Цзюй Хайлун. Оценка перспектив Южно-Китайского моря в контексте концепции «общности судеб Китая и АСЕАН».

Дун Цзявэй. О гарантиях прав традиционного рыболовства в рамках двусторонних соглашений о рыболовстве между Китаем, Южной Кореей и Японией.

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Чэнь Вэйсинь. Обзор осуществляемых и рассмотрение новых исследовательских проектов развития бассейна реки Туманная.

Ли Тяньцзы. Влияние географических расстояний, пограничного фактора и сотрудничество приграничных районов Китая на субрегиональном уровне. (О развитии образцового района международного сотрудничества Хуньчунь).

Цуй Цзинхуа, Ли Хаоянь. Налоговая политика в интересах удвоения доходов населения. (Сравнительный анализ ее эффективности в Китае, Южной Корее и Японии).

В АВАНГАРДЕ ПОИСКА

Ван Да. Влияние теневых банковских операций на активизацию финансовой деятельности в Интернете и ответная реакция сети. (В чем существенные различия между Китаем и США?).

ПОЛИТИКА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Ли Си Юй (Республика Корея), Юй Ваньин. «Сбалансированные» международные отношения в Северо-Восточной Азии и структура безопасности на Корейском полуострове. (На основе концепции новых отношений между РК и КНР).

РОССИЙСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Ван Хайбинь. Между замыслом и реальностью: об экономическом сотрудничестве России и АТЭС.

Сун Яньмэй. Влияние вступления России в ВТО на улучшение инвестиционного климата.

Статья Янь Чжэня, Чжоу Юньхэна и Ван Пина на английском языке.

Аннотации на английском языке.

Содержание №№ 1–3 журнала «Проблемы Дальнего Востока» (Россия) за 2014 год.

№ 5

**К 70-Й ГОДОВЩИНЕ ПОБЕДЫ В ВОЙНЕ ПРОТИВ ЯПОНИИ
(специальная рубрика)**

Чжу Чэншань, Лу Яньмин. Международный «холокост» и людские страдания в годы Второй мировой войны.

Цуй Шигуан. Углубленный анализ взглядов японцев на события истории.

Ян Дунлян. Эволюция в представлениях и действиях Японии в отношении Китая в период 1895–1905 гг. после войны 1894 г.

Чэнь Цзинянь, Ван Дань. Влияние «патриотического» образования в Японии на процесс исторического познания. (На примере воспитания и образования в эпоху Мэйдзи).

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Чэнь Чжи Хэн, Цуй Цзянь, Кан Сяомэй, Ху Жэнься, Цзян Мэйхуа, У Хао. Стратегия регионального сотрудничества государств Северо-Восточной Азии эволюционирует в направлении стратегического выбора Китая (*стенограмма дискуссии*).

Ма Пин, Ли Цзинъю. О концепциях стратегического продвижения идеи усиления китайско-российского сотрудничества в морской акватории.

Хао Юйбяо, Тянь Чуньшэн. Китайско-российское сотрудничество в области энергетики: достижения, стимулы и влияние.

ПОЛИТИКА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Дай Чанчжэн, Чжан Чжуннин. Коренные причины и влияние украинского кризиса: взгляд изнутри.

Ли Линци, Гуань Хайтин. «Путинизм» как наглядный способ управления государством.

Цзян Хун, Ли Юнцян, Шэнь Хайтао. О реальных условиях и гарантиях мирного сосуществования на Корейском полуострове.

Статья Чжу Чэншаня и Лу Яньмина на английском языке.

Аннотации на английском языке.

№ 6

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Сюй Чжэн Цзин (Республика Корея). Визит Председателя Си Цзиньпина в РК и отношения КНР с Южной Кореей: анализ и рекомендации.

Ли Цзюньцзю, Цзян Мочжю. Политическая логика давления США на обменный курс китайского юаня.

Сунь Кай, Ван Чэньгуан. Китайско-российское сотрудничество в Арктике с позиции государственных интересов.

Сюй Фань. Институциональное оформление механизма G-20 и стратегический выбор Китая. (Поиск форм международного экономического сотрудничества в рамках группового формата).

БЕЗОПАСНОСТЬ МОРСКИХ АКВАТОРИЙ

Чжан Лихуа, Цзян Пэн. Торможение конфликта: стратегия и контрмеры в урегулировании спора между КНР и Японией о суверенных правах в акватории Восточно-Китайского моря.

Гао Юнь, Фан Сяочжи. Исследование успехов и провалов СССР в сфере морского права в рамках стратегии поведения на морях и океанах.

ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Ху Линюань, Ван Ин. Новые идеи, новые тенденции и новые вызовы для Японии за рамками арсенала дипломатии. (2005 год — начало долговременного спада).

Цай Лян. Стратегический замысел и пути снятия Абэ запрета на коллективную самооборону, и их влияние на китайско-японские отношения.

Ли Сюэвэй. Стратегическая гибкость: перестройка политики правительства Пак Гэн Хэ в отношении Северной Кореи.

Чжэн Чэнхун. О политическом влиянии США на Южную Корею в период окончания Корейской войны.

ГУМАНИТАРНЫЕ ОБМЕНЫ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Син Лицзюй. Размышления об укреплении гуманитарных обменов между КНР и Южной Кореей.

Аннотации на английском языке.

Содержание за 2014 год.

Рецензии

Возрождение святыни. Успенский храм на территории российского посольства в Пекине. / Авторы: д.и.н., проф. Б. Н. Горбачев, журналист Т. Б. Манакова. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2012. 439 с., более 600 черно-белых и цветных иллюстраций.

На обложке представляемой здесь книги значится: «Возрождение святыни: Успенский храм на территории российского посольства в Пекине». За последние два с лишним десятилетия мы стали привыкать к тому, что в самых разных местах России возрождаются православные храмы. Мы отходим от навязанного нам беспамятства и скудоумия и не думаем более, будто, взявшись за главное звено, можно забыть о всей цепи. Нет, этой цепью мы прикованы к прошлому, но только потому, что так мы прикованы к самой жизни, к самим себе. Убери цепь — и мы улетим в бездну космоса. Добавь новое звено — и мы получим большую свободу, поднимемся выше и дальше заглянем за горизонт.

Книга китаеведа Б. Н. Горбачева и журналистки Т. Б. Манаковой рассказывает о наших соотечественниках, которые на деле связали разорванную цепь истории, не позволив нам отдалиться от самих себя. Книга примечательна и тем, что сама добавляет звенья в наше знание и далекого, и не столь уж отдаленного прошлого и напоминает, что и мы сами творим историю.

Хронологическая канва основной темы книги достаточно проста. На территории посольства Российской Федерации в столице Китайской Народной Республики городе Пекине была восстановлена и в 2009 г. освящена Успенская церковь. А за полвека до того в здании этой церкви был устроен посольский гараж и мастерские. Закрытая в 1959 г. церковь до этого использовалась по назначению с 1902 г., когда она была выстроена взамен разрушенной в 1900 г. ихэтуанями старой Успенской церкви. История старого храма началась в 1732 году. Он был построен взамен разрушенной землетрясением 1730 г. Никольской церкви.

Как мы видим, сухое изложение фак-

тов, имеющих отношение к заявленной теме, укладывается в один абзац, но в том-то и дело, что «сухого изложения» в книге нет. Она свободно и широко повествует о прошлых временах и событиях, о жизни русских и китайцев в Китае и России, о судьбах людей, и весь этот богатый материал опирается на историю зданий и городских территорий, на описание политических и хозяйственных решений, а также дел. Книга, несомненно, историческая, она охватывает период более чем в 300 лет, но понимаешь это или, точнее, обращаешь на это внимание только тогда, когда перевернешь последний лист: настолько понятными и объяснимыми кажутся заботы и побуждения людей, о которых в ней рассказано. Это достигается тем, что авторы взяли верный тон, избежав всяческой экзотики и иностранщины, дистанцировались от политики и основывались на одном, но главном, что связало русских и китайцев, — православной вере.

История православия в Китае требовала от авторов обратиться к его истокам. Первая глава кратко знакомит читателя с основными вехами в истории Российской духовной миссии в Китае. Нельзя сказать, что эта тема была обойдена вниманием в нашей литературе, но, по понятным причинам, многие годы Пекинская миссия рассматривалась у нас лишь как школа русского китаеведения или как неофициальное дипломатическое представительство. Авторы отошли от этого шаблона, и мы получили возможность увидеть то многотрудное дело, к которому и была предназначена миссия. Более 200 лет русские священники поддерживали и пестовали ростки православия на китайской почве. Слово горстки русских проповедников противостояло океан пекинской повседневности и отвердевший за многие века ритуализованный быт и сам склад мысли, вос-

питанный этим бытом. Мы привыкли читать о предприимчивых католических и протестантских миссионерах, на фоне которых наши православные проповедники выглядели любителями, в лучшем случае полагавшимися только на свой энтузиазм и горячую проповедь.

Книга Б. Н. Горбачева и Т. Б. Манаквой, приводя всего лишь несколько фактов, в корне подрывает этот миф: «К 1916 году в стране [т. е. в Китае — *Рец.*] было построено свыше 40 больших и малых храмов, более 40 станов, духовная академия, 20 церковных школ..., 46 различных предприятый миссии, в том числе библиотеки, типографии... К 1918 году уже около 10 000 китайцев приняли Православие. По другим сведениям, в первое десятилетие XX века в Китае насчитывалось около 30 тысяч православных» (с. 26).

Конечно, если смотреть сквозь эти факты и видеть за ними только огромный многомиллионный Китай, то всё это можно назвать отдельными ростками. Но ведь можно смотреть собственно на факты, как это делают авторы книги; и тогда в миссии начала XX века мы увидим островок Православия на китайской земле. Этот русско-китайский православный островок позднее позволил русской эмиграции не раствориться в китайском океане, да и в дальнейшем «носить всё свое с собой» в скитаниях по странам и континентам. Описание трагических событий «боксерского восстания» показывает, что островок православия был создан и в душе китайского народа. Мы говорим о 222 православных китайцах, отдавших свои жизни, но не отрехнувшихся от христианской веры (с. 55).

Вторая глава «Появление храма во имя Успения Божией Матери в Пекине» охватывает исторический период с 1732 по 1900 год. Хотя в названии главы подчеркнута главная тема книги, на самом деле речь здесь идет о двух знаменитых церквях Пекина и о двух пекинских подворьях миссии. Стоит отметить, что в этой главе начинается разворачиваться основное повествование книги, и здесь же становится понятен принцип этого повествования. Авторы, казалось бы, рассказывают о зданиях, постройках, городских территориях и кварталах, но параллельно идет рассказ и о людях, которые возводят, населяют, используют эти постройки и территории. Этот второй рассказ выступает историческим фоном, то выходит на передний план повествования. Оттого в изложении авторов архитектура как бы наполняется устремлениями и заботами людей, очеловечивается. Но по той же самой причине читатель начинает воспринимать и постройки, предме-

ты, само их место, территорию как накопитель и хранитель этой человечности, как материальный концентрат прошлых событий.

Первая православная церковь в Пекине была создана отнюдь не Российской духовной миссией. Никольскую церковь построили пекинские албазинцы — выходцы 1685 года из русского острога Албазин на Амуре и их потомки. Об албазинцах авторы кратко рассказывают еще в предыдущей главе, сохраняя при этом такт в интерпретации исторических фактов и избегая оценок. Эти защитники сдавшегося Албазина пошли в Пекин с цинским войском то ли по собственной воле, то ли в качестве пленников. Формально для их окормления и была создана миссия в Пекине. Построенная на месте разрушенной землетрясением Никольской церкви Успенская церковь в 1732 году была освящена с благословения епископа Иркутского Иннокентия (Кульничского. 1680/1682–1731), но управляли ею все те же албазинцы. Другая церковь была построена около 1728 г. цинскими властями на посольском подворье. Она была освящена как Сретенский храм, а служба в ней стала проводиться только с 1736 года. Эту церковь держала миссия, она предназначалась, главным образом, для приезжих русских, т. е. для русских купцов, прибывавших в Пекин по торговым делам, для тех же миссионеров. Но в нее ходили и немногочисленные новообращенные христиане из числа местных китайцев и маньчжуров.

В 1755 году охладевшие к вере предков албазинцы, по сути, оставили попечением обветшавшую к тому времени Успенскую церковь. Российская духовная миссия выделила средства на ее ремонт и благоустройство. Так в ведение миссии перешла и эта церковь, а затем и территория рядом с ней, составившаяся из строений и земли, завещанных миссии некоторыми албазинцами. Вдобавок к посольскому так называемому Южному подворью (Наньгуань) со Сретенской церковью у Российской духовной миссии в Пекине появилось Северное подворье (Бэйгуань) с Успенской церковью, которое находилось в районе проживания албазинцев.

Дальнейшее повествование истории Успенской церкви на Северном подворье уже непосредственно связано с историей Российской духовной миссии. О трудностях миссионерства нам известно из множества других работ. Успенская церковь в ведении миссии могла сохраниться православной вере среди албазинцев. Хорошо известно о запрете католического христианского миссионерства в Китае в

XVIII в. Православное миссионерство же в тот раз запрещено не было. Они считались русскими или их потомками, поэтому им предоставлялась возможность исповедовать свою «национальную» веру. Под видом таких потомков в церкви приходили и новообращенные китайцы и маньчжуры.

Российская духовная миссия XVIII и особенно XIX веков в значительной степени известна в нашей литературе как колыбель российского китаеведения. Миссионерское служение наших первых китаеведов-монахов в этом плане всегда рассматривалось как нечто второстепенное или даже мешавшее настоящему овладению китайским языком и страноведческими знаниями. Авторы задали своему историческому очерку иную систему координат. Относительные «величины» некоторых деятелей миссии высветились в ней несколько по-другому. Для примера достаточно взять одного из основоположников российского научного китаеведения Н. Я. Бичурина. В книге ему отведен всего лишь один абзац, в котором сообщается, что при архимандрите Иакинфе «церковная жизнь постепенно пришла в упадок из-за недостаточного усердия миссионеров и их пагубных пристрастий. По возвращению в Россию в 1821 г. отец Иакинф и ряд других миссионеров были признаны виновными и понесли наказания» (с. 45).

В преломлении выбранной темы авторы книги несколько не погрели против истины и абсолютно верно передали исторические факты. В их изложении подкупает еще и то, что они не позволили себе недомолвок или, наоборот, намеков на предвзятое отношение церкви к Бичурину и ссылок на трудные обстоятельства его деятельности во время войны с Наполеоном. Тот факт, что архимандрит Иакинф оказался не очень умелым начальником духовной миссии в Пекине, несколько не умаляет его научных достижений; ими совершенно справедливо гордится российское сообщество китаеведов. Оставаясь на позиции исторической объективности, авторы книги не забыли о научном вкладе о. Иакинфа (Н. Я. Бичурина), но рассказали о нем не в основном тексте второй главы, а там, где это было уместно — в тексте первой главы и комментарии к ней (с. 27, 35).

Комментарии в данной книге заслуживают отдельного разговора. Отметим, что в оглавлении они не отражены. Однако все главы книги, за исключением второй главы, снабжены комментариями; им отводится немалое пространство книги (с. 30–39, 102–110, 195–224, 301–306, 386–399). Наш совет читателю обратиться на них внимание, так как они придают со-

держанию книги дополнительную глубину и, как правило, ставят его в более широкие исторические рамки, обогащая перспективой. Специалист по истории Китая в этих же комментариях найдет немало новой информации, которая лишь косвенно относится к заявленной в заглавии теме, — только поэтому, такая информация и оказывается в комментарии. Однако понятно, что ее новизна и ценность для смежных исследований от этого не уменьшается.

Здесь же стоит отметить, что книга содержит богатейший иллюстративный материал. Это и репродукции старых чертежей и старинных документов, старинные и современные фотографии зданий, фоторепортажи процесса реконструкции Успенской церкви и парковой территории посольства вокруг нее, фотографии наиболее важных мероприятий и их участников и многое другое. Значительное число черно-белых иллюстраций дается непосредственно в текстах глав, но в книге есть и несколько цветных вкладок с большим числом иллюстраций прекрасного качества. Весь этот наглядный материал создает у читателя ощущение сопричастности описываемым событиям.

Возвращаясь к описанию исторических деятелей Российской духовной миссии во второй главе, которые, как мы отметили выше, оцениваются только в плане их миссионерской деятельности, нельзя не обратить внимание на краткую, но однозначно одобрительную оценку архимандрита Петра (Каменского, 1765–1845). Долгое время в истории китаеведения роль о. Петра, который провел в Китае сначала 14 лет в качестве студента 8-й миссии (1794–1807), а потом еще 10 лет в качестве начальника 10-й миссии (1821–1830), оценивалась неоднозначно в связи с обвинениями в адрес его предшественника на посту 9-й миссии (1807–1821) о. Иакинфа. «...Архимандрит Петр (Каменский), — в своем нейтральном и немногословном стиле отмечает авторы, — сумел поправить положение» (с. 45). А далее речь уже идет о его делах. Среди них и горячая проповедь, и возвращение албазинцев в лоно церкви, и основание училища, создание библиотеки о Китае, обновление иконостасов в церквях, их ремонт и перестройка, перенос резиденции начальника миссии на Северное подворье. Успехи китаеведа Каменского, члена-корреспондента Петербургской академии наук с 1819 г., тоже не забыты авторами — соответствующий комментарий помещен еще в первой главе (с. 38–39).

В дальнейшем в XIX в. деятельность Российской духовной миссии не только постепенно расширялась, но и специализировалась.

Авторы отмечают положительную роль Тяньцзиньского договора 1858 г., предусматривавшего свободное распространение христианства. Договор привел к росту числа православных китайцев. Тогда же были отменены все обязательства китайской стороны по участию в содержании духовной миссии. С 1-го января 1864 г. начала действовать Российской дипломатическая миссия в Китае, что позволило духовной миссии сосредоточиться на своих непосредственных задачах. Важной вехой в ее деятельности стало присвоение священного сана китайцу. В 1882 г. первым китайским православным священником стал Митрофан Ци.

Заканчивается вторая глава книги описанием трагических событий 1900 г. в Пекине. Восстание ихэтуаней, направляемое цинским правительством против иностранцев и китайцев-христиан, привело к многочисленным жертвам и разрушениям. Северное подворье Российской православной миссии было разграблено восставшими, Успенский храм был сожжен и разрушен. В ходе сплоченной совместной обороны иностранцы, в том числе и наши русские люди, показали немало примеров героизма и самоотверженности. Рассказывая об этом, авторы и в этом случае не изменили своей позиции объективного исторического описания, отметив мародерство и грабежи иностранных экспедиционных войск после подавления восстания в Пекине.

Глава III «Строительство новой Успенской церкви и ее последующая судьба» рассказывает о здании действующего ныне на территории Посольства РФ в Пекине Успенского храма. Разорение Северного подворья Российской духовной миссии с разрушением всех построек, в том числе и старой Успенской церкви, в ходе «боксерского восстания» 1900 г. поставило миссию в трудное положение. Стоял вопрос о ее закрытии или переносе из Пекина. Частные пожертвования на нужды миссии, а также часть средств от репараций цинского правительства позволили вновь отстроить Северное подворье, а уступка китайскими властями участка вокруг него даже расширила подворье.

На новой территории «уступленного дворца 4-го князя Ли-дуан-ци-вана» летом 1902 года началось строительство трапезной церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы, а ко дню Пасхи 6-го апреля следующего года она уже была освящена. Новая Успенская церковь не задумывалась как центральный храм миссии, но волею событий стала им. Как отмечают авторы, храм Всех Святых Мучеников, где были захоронены останки 222 китайцев-му-

чеников и некоторых русских миссионеров и верующих был построен на фундаменте старой Успенской церкви. Он был самым большим, но служба там, как правило, не проводилась. Строительство большого кафедрального собора (храма Воскресения) на Соборной площади в Южном парке, на территории, приобретенной миссией в 1912 г., не состоялось из-за Первой мировой войны. Успенская же церковь проводила ежедневные регулярные службы и, кроме того, имела два входа, со стороны подворья миссии и непосредственно с улицы у западной стены подворья, что давало свободный доступ в церковь и китайской пастве.

История Успенской церкви этого периода дает авторам повод обсудить вопросы планировки территории миссии, особенности православной архитектуры в Китае, а затем уже на этом фоне показать особенности конструкции и использования данной церкви. Выдержки из воспоминаний участников событий удачно дополняют рассуждения профессионалов-архитекторов и наполняют историю Успенской церкви жизнью, пропитавшей стены этого здания.

Первая половина XX века была богата событиями мирового масштаба. Авторы, конечно, не могли ограничиться рамками истории только одного здания на Северном подворье. Как они показали, мировые события имели значительное влияние на деятельность Российской духовной миссии и, в конечном счете, сыграли решающую роль в ее судьбе. С именем начальника 18-ой миссии о. Иннокентия (Фигуровского, 1863–1931) связывается целый период в ее миссионерском служении. Тогда были образованы новые подворья, строились православные храмы в разных районах Китая, издавались многочисленные книги и т. д. Российская духовная миссия достигла своего расцвета. Но на это же время приходится и великие испытания — война с Японией 1904–1905 гг., Первая мировая война и, наконец, революция в России. Как и ранее, в оценке выдающегося деятеля духовной миссии о. Иннокентия авторы стараются сохранить объективность и нейтральность. Владыка Иннокентий принял решение о переходе миссии в подчинение Зарубежного Синода Православной Церкви. Не вызывает возражения заявление авторов о том, что о. Иннокентий «до конца своей жизни оставался непримиримым противником большевистского правления в СССР», но трудно согласиться с тем, что это его отношение «в значительной степени задавало тон настроениям всей российской эмиграции в Китае» (с. 77). Скорее всего, русская эмиграция в Китае была в то

время достаточно политизированной и анти-советской. Окончание Гражданской войны и последовавший наплыв русских эмигрантов едва ли оставлял миссии другой выбор. Ведь авторы соглашаются с тем, что давление эмиграции подорвало в тот период саму идею прозелитизма среди китайского населения, а когда позднее произошел исход русской эмиграции, паства Китайской Православной Церкви оказалась очень малочисленной (с. 82).

Возвращение под начало Московского Патриархата РПЦ связано с именем начальника 20-ой миссии о. Виктора (Святиня, 1893–1966). И в описании его деятельности авторам удается соблюсти в целом объективный взгляд на события. Они не замалчивают его сотрудничества с японскими оккупационными властями и участия в Антикоминтерновском союзе. При этом не составит большого труда заметить, что в середине 40-х годов XX в. сама позиция владыки Виктора относительно перевода миссии в юрисдикцию РПЦ в значительной степени отражала настроения паствы, большую часть которой уже составляли люди, принявшие советское гражданство.

Нельзя без боли в сердце читать последние страницы главы, на которых рассказывается о закрытии по решению правительства СССР и КНР Российской духовной миссии в Пекине в 1954 г. Всё огромное имущество миссии и Восточно-Азиатского экзархата было сначала отдано Правительству СССР, которое затем безвозмездно передало его правительству Китайской Народной Республики. Часть Северного подворья (без Южного парка) было уже правительством КНР передано Посольству СССР «в бесплатное и бессрочное пользование». Правительство КНР должно было самостоятельно решать, как устроить жизнь Китайской Православной Церкви, получившей в 1956 г. автономию от Московского Патриархата (утверждена в 1957 г.).

Здесь, по-видимому, стоит сделать небольшое уточнение. В изложении авторов в ряду обмена «дарами» за чужой счет дарование автономии Китайской Православной Церкви тоже выглядит несколько спонтанным и непродуманным решением Московского Патриархата. Авторы только упоминают Восточно-Азиатский экзархат РПЦ и не отвлекаются от главной темы, чтобы рассказать о нем подробнее. А дело в том, что его создание в 1946 году как раз имело целью подготовить условия для самостоятельности Китайской Церкви. К сожалению, не всё в этом деле удалось. КПЦ, получая автономию, была еще слаба, а разрушительная

«культурная революция» не оставила никакой надежды на ее последующее укрепление. В настоящее время КПЦ не имеет своего председателя и находится в «каноническом управлении» Московского Патриарха.

О непродуманности некоторых внешнеполитических решений сожалеют и авторы книги, но и здесь они не упускают из виду своего рода «романтизма», который был характерен для советско-китайских отношений в 1950-х годах. Остается только сожалеть, что этот романтизм не оправдался. Как учит история той же духовной миссии в Пекине, чтобы иметь результат, всякий романтизм должен подкрепляться целенаправленными и долгосрочными мерами. Даже в то время эйфории, порожденной советско-китайской дружбой, этот принцип был ясен старейшине нашего Китаеведения академику С. Л. Тихвинскому, тогда генконсулу в Пекине. Его предложение превратить территорию миссии в «опорную базу советского культурного влияния» (с. 93), к сожалению, не было принято. Отметим, что сходный проект, но уже на территории Российской Федерации, теперь вполне успешно реализуют наши китайские коллеги, учреждая многочисленные институты и классы Конфуция.

Главу IV «Строительство посольского комплекса СССР на территории Российской духовной миссии в Китае» вполне можно назвать самостоятельным исследованием внутри книги. И в данном случае заявляемая тема на самом деле оказывается несколько уже содержания главы. В ней не только рассказывается о строительстве посольского комплекса, но и даются два достаточно подробных исторических очерка: один по истории российских и советских дипломатических миссий и представительств в Китае (начиная с XVII века), а другой — по истории представительств Китая в нашей стране (начиная с XVIII в.). Можно только согласиться с авторами, что эта история «малоизвестна, но интересна и познавательна».

Очерки построены как краткие рассказы о зданиях, где в разное время находились миссии, но и в них описан исторический фон внешней политики России и Китая, дается подробная информация о событиях и их участниках. Несомненно, в обоих очерках представлены новые исторические материалы, впервые вводимые в научный оборот в нашем Китаеведении. Новизной отличается и сам подход, постановка научной проблемы. Едва ли в нашей литературе найдется другая работа, в которой с такой полнотой и последовательностью были бы рассмотрены вопросы

недавней истории архитектуры советского и китайского посольств. На страницах книги предстает процесс реализации их проектов, начиная с первоначальных замыслов и принципов построения. Очерки посвящены истории архитектуры, поэтому в некоторых случаях, несомненно, читателю придется обратиться к специальным справочникам. Разговор историков ведется на вполне профессиональном уровне. В результате досконального изучения архивных материалов исследователи пришли к выводу, что «главным архитектором проекта и строительства комплекса нового советского посольства в Пекине был Георгий Павлович Яковлев» (с. 151). Биография Г. П. Яковлева (1915–1988) приводится в комментарии 25 (с. 209). Подробно рассказав о непростом процессе проектирования и строительства посольских комплексов в Пекине и Москве, авторы не забывают отметить высокий профессионализм советских архитекторов, внесших основной вклад в разработку проектов посольств. Ссылаясь на мнение специалистов, они отмечают, что «в наши дни эти комплексы...представляют собой едва ли не лучшие посольства мира и отвечают всем требованиям, предъявляемым к функционированию современных посольств» (с. 195).

Хотя содержание четвертой главы значительно шире заявленной темы, эта тема в содержании не теряется. Читателю остается понятным внимание исследователей к истории формирования посольского комплекса СССР в Пекине, так как этот комплекс строился на большей части территории Северного подворья Российской духовной миссии. С его строительством, а точнее, благодаря решению по экономному расходованию средств, связано наличие некоторых уцелевших от миссии зданий. Одно из них — бывший посольский гараж, а ныне восстановленная Успенская церковь. Полному разрушению подверглись надвратная колокольня миссии, и, что особенно горько, храм Всех Святых Мучеников, под которым находился склеп с останками местночтимых китайских страстотерпцев и другие захоронения. Перед разрушением собора захоронение было перенесено за пределы подворья на русское кладбище, но и там кости мучеников не нашли упокоения. Во время «культурной революции» кладбище было снесено, а могилы осквернены. На этом месте сейчас находится пекинский парк «Озеро Молодежи» («Цинняньху»).

Следующая, пятая, глава рассказывает о восстановлении Успенского храма в 2000-х годах. На ее страницах мы неоднократно встре-

чаемся с именами очень известных людей нашего времени. Достаточно сказать об участии в этом деле нынешнего Президента РФ В. В. Путина, о посещении храма бывшим Президентом Д. А. Медведевым. В посольство приехал председатель Отдела внешних церковных связей митрополит Кирилл, нынешний Патриарх Московский и всея Руси, который проводил здесь службы, а в дальнейшем принимал непосредственное и самое активное участие в воссоздании и обновлении Успенского храма. Эта парадная, назовем ее так, часть отражена также в многочисленных совсем не парадных фотографиях, сопровождающих текст главы. Но главное место занимает рассказ о том, как конкретно шла непростая работа по возрождению храма. История эта очень современная, и даже не столько потому, что отстоит от нас всего лишь на какие-то несколько лет, а по самому своему существу. Правовая казуистика, российская территория посольства, — но все же находящаяся за рубежом, права собственности церкви и государства, прецеденты... и масса других вопросов могли бы не только затормозить, но и попросту отправить под спуд осуществление первоначального замысла. Авторы не пожалели времени и места, чтобы показать, как постепенно и благодаря дружным, по-другому не назовешь, действиям нашей православной общественности и наших послов в КНР И. А. Рогачева и С. С. Разова, Русской Православной Церкви и Министерства иностранных дел РФ, высшего руководства России и Китая на территории посольства было отреставрировано, перестроено и благоустроено здание Успенской церкви. «Ранее неприметный уголок посольства... — отмечают авторы — превратился в красивое благоукрашенное место отдыха, в центре которого разместились православный храм-музей во имя Успения Божьей Матери, увековечивающий память многих поколений людей Российской духовной миссии...» (с. 288).

Вместе с этим рассказом о деятельности инициативной группы православной общественности, руководства посольства, церковных и государственных властей в главе содержится подробный репортаж (включая фоторепортаж) о подготовительных и строительных работах по восстановлению Успенского храма, своего рода отчет о полевых исследованиях и наблюдениях авторов, который несомненно станет первоисточником для будущих поколений историков. Подробно описана также экспозиция музея Российской духовной миссии, расположенного на втором этаже церковного здания.

Заключительная шестая глава книги

повествует о жизни православной общины Пекина. Эта глава представляет собой хронику различных событий православной жизни, главным образом, на территории Посольства РФ в Пекине. Прежде здесь образовалась именно община, деятельное участие которой и привело к возрождению Успенской церкви. Первая после сорокалетнего перерыва служба на месте бывшей Российской духовной миссии была совершена еще в начале мая 1996 года. Тогда священник Дионисий Поздняев из Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата отслужил панихиду по всем почившим в Китае. Богослужбная деятельность общины постепенно расширялась, и на территории Посольства появились зримые знаки, посвященные истории миссии — памятный крест и памятная плита. Сохранившийся архиерейский дом, Красная Фанза, использовавшийся в Посольстве как зал для приемов, стал все чаще служить в своем прежнем качестве домово́й церкви. Восстановление Успенской церкви создало новые возможности для церковной службы и приходской деятельности.

В главе рассказывается и о нынешней деятельности приходов в некоторых других городах, но, конечно, уже не столь подробно. Возможно, авторам стоило бы указать на довольно бедственное положение Китайской Автономной Православной Церкви. Ведь сведения о событиях приходской жизни относятся, главным образом, к общинам российских и других иностранных православных, но отнюдь не китайцев. Китайские православные церковные приходы в настоящее время позволено иметь гражданам КНР из числа русских и других нацменьшинств и их потомкам (например, тем же албазинцам). Китайская Церковь в начале нынешнего века со смертью последних священнослужителей практически лишилась своего клира, она находится в каноническом управлении своей Матери-Церкви — Русской Пра-

вославной Церкви. Учитывая это, можно лучше понять и оценить постоянные и деятельные усилия наших священников и иерархов по поддержке православия в Китае.

Книга содержит богатый материал о постоянных контактах РПЦ и государственных органов КНР, в ведении которых находятся вопросы религии в стране. В этой связи авторам нельзя было не отметить многолетней и последовательной работы Святейшего Патриарха Кирилла, которая началась еще в 90-е годы прошлого века. Его встреча с Председателем КНР, Генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином в ходе визита в КНР в мае 2013 года стала беспрецедентным событием в истории современного Китая: никогда еще высший руководитель страны не принимал для беседы главу иностранной религиозной общности. Уровень имеющихся в настоящее время наших межгосударственных отношений и отношений между церковными властями России и государственными властями КНР позволяет надеяться на благополучное разрешение остающихся вопросов.

В Заключении авторы отмечают неразрывную связь Успенского храма с историей Российской духовной миссии. Да, здания строились и перестраивались, но в этом уголке русского Китая всегда оставался Успенский храм. Он не был разрушен, даже когда не стало самой миссии, и эта земля осталась навечно за Россией. Не будем задаваться вопросом, не Промысел ли это. Но несомненно, что это символ, связующий нас и наше давнее и недавнее прошлое. Поэтому вместе с авторами хочется верить, что «здесь будет достойно продолжена духовная родословная православного прихода россиян и православных верующих других стран..., что Храм свяжет прихожан с их Отечеством, с Россией, и православными традициями, которые будут сохраняться вечно» (с. 405).

© 2015

*А. Е. Лукьянов,
доктор философских наук*

*В. М. Майоров,
кандидат исторических наук*

Юркевич А.Г. Москва — Кантон, 1920-е: помощь СССР Гоминьдану и две стратегии объединения Китая. М.: ООО Вариант, 2013. 424 с.

История взаимоотношений ВКП(б), СССР и Гоминьдана в 1920-е гг. — тема, казалось бы, достаточно освещенная в мировой историографии, однако доцент Отделения востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школы экономики», кандидат исторических наук Александр Геннадиевич Юркевич сумел по-новому взглянуть на целый ряд проблем и, успешно разрешив их, ввел в научный оборот немало новых документов и материалов, сделал весьма ценные обобщения и выводы. Рецензируемая монография — плодотворный итог более чем двадцатилетних научных изысканий, основанных на скрупулезной и вдумчивой работе автора с большим кругом источников и литературы на русском, китайском и английском языках.

Научная новизна и актуальность монографии не вызывают сомнений. До сих пор характер и стратегическая направленность помощи СССР революционному Китаю в 1920-е гг. — объект острых дискуссий историков-китаеведов. В какой мере эта поддержка — моральная и материальная, в том числе военная, была оправдана? Ведь весной 1927 г. Чан Кайши и его генералы, а затем и левые вожди Гоминьдана развязали в Китае «белый террор». А убивали-то гоминьдановцы коммунистов тем самым оружием, которое поставлял им до этого Советский Союз. Вот только часть вопросов, анализ которых составляет основное содержание данной работы.

С разрешением своих задач А. Г. Юркевич справился блестяще. Перед нами — обстоятельно документированное и беспристрастное научное исследование, неопровержимо доказывающее неоднозначный характер советской помощи.

Впервые в российской историографии Юркевич смог объективно оценить не только масштаб и качество, но и значение и эффективность организационной, военно-технической и финансовой поддержки Гоминьдана со стороны СССР. Эта поддержка шла по трем направлениям: «создание агитационно-пропагандистского аппарата» и организационной структуры Гоминьдана; превращение ГМД в так называемую «народную партию» путем изменения ее программы в интересах рабочих и крестьян и разви-

тия массового движения; «создание подчиненной партийному руководству [Гоминьдана] и централизованно управляемой армии» (С. 329).

При этом автор справедливо подчеркивает, что «[с]оветские финансовые дотации... направлялись на формирование ключевых элементов политической и военной структуры гоминьдановской власти... Причем приходили деньги в кризисные моменты, когда судьба Гоминьдана стояла под вопросом... Другое дело, что эти расходы сами по себе не давали гарантии такого воздействия советской помощи на Гоминьдан, которую можно было бы считать эффективной с точки зрения достижения целей Москвы в Китае» (С. 249–250). Скорее наоборот, помощь СССР приводила к укреплению тех сил в Гоминьдане, которые в итоге выступили против СССР и КПК. То есть советская стратегия объединения Китая под руководством левых гоминьдановцев и коммунистов по существу обанкротилась, а «Чан Кайши [действительно] использовал для реализации своей стратегии... возможности, предоставленные советской помощью» (С. 335).

Этот вывод дополняет наше представление о причинах поражения ВКП(б), Коминтерна и КПК в Китае в 1920-е гг. Юркевич убедительно показал, что дело заключалось не только в политических просчетах Сталина относительно баланса сил в Гоминьдане и тактики китайской компартии в едином фронте, не только в непонимании советскими военными советниками (в частности Н. В. Куйбышевым-Кисанькой) специфики Китая. Большое значение имели ошибочные стратегические установки Москвы в вопросах военного строительства и адресного материального снабжения гоминьдановских вооруженных сил, прежде всего чанкайшистской военной школы Хуанпу (Вампу), которая, как пишет автор, явилась ядром «целого комплекса военных и политических структур» Гоминьдана (С. 15).

Важным вкладом в наше понимание китайской истории 1920-х гг. является также представленный в книге анализ взаимоотношений двух вождей Гоминьдана — Сунь Ятсена и Чан Кайши. В отличие от традиционных представлений о Чане как о послушном ученике и соратнике Сунь Ятсена, верой и правдой слу-

жившем Отцу нации вплоть до его смерти, Юркевич демонстрирует, что уже с осени 1924 г. Чан Кайши стал играть самостоятельную роль. Книга вообще имеет значение не только как новое слово в изучении общих проблем китайского единого фронта 1924–1927 гг., но и как одна из первых в нашем Китаеведении плодотворных попыток объективной оценки роли Чан Кайши в новейшей истории Китая первой трети XX в. Как показывает Юркевич, осенью 1924 г. у Сунь Ятсена и Чан Кайши выявились серьезные разногласия, связанные с вопросом о распределении советской военной помощи в связи с подготовкой Суня к Северному походу. Стремясь укрепить собственное положение в Гоминьдане и его армии, Чан Кайши, по существу, отказал своему наставнику в поддержке его военных планов, впервые выступив против него. И сколь ни парадоксальным это может показаться, Советский Союз оказался тогда не на стороне Сунь Ятсена. В тот конкретный момент Москва полностью поддержала Чан Кайши, который стремился укрепить силы военной школы Хуанпу (Вампу), в то время как Сунь «в советской помощи... видел прежде всего средство обеспечения успеха [своих] военных предприятий, которые позволили бы ему на выгодных основаниях вступать в блоки с другими военно-политическими силами [Китая]» (С. 330). Иными словами, именно СССР во многом способствовал росту авторитета Чан Кайши (С. 146–153, 331–332).

Генерал Чан у Юркевича — не предатель и не враг народа, а выдающаяся политическая фигура, закономерно переигравшая всех соратников Сунь Ятсена, а также И. В. Сталина и советских советников и превратившаяся в подлинного вождя национальной революции в Китае. Основой его успеха стало осуществленное под его руководством превращение школы Хуанпу (Вампу) в партийную армию Гоминьдана (С. 152, 331). Советские советники, строившие Гоминьдан по образцу ВКП(б), а гоминьдановские войска, и прежде всего полки чанкайшистской школы Хуанпу (Вампу), — по подобию большевистской Красной Армии, энергично помогали этому бравному генералу, искренне желавшему копировать советский опыт военного строительства. Это желание они принимали за его «левизну». А он, искусно маневрируя между ними, китайскими коммунистами и правыми гоминьдановцами, в итоге вооружил и укрепил собственные войска, придав им статус партийных, после чего взял власть сначала в Гоминьдане (сравнительно легко), а потом и во всем Китае.

Опираясь на советскую помощь, Чан смог создать, обучить и вооружить «учебные» части школы Хуанпу (Вампу), которые в итоге превратились в самые боеспособные войска Национально-революционной армии (первоначально они составляли пехотную бригаду), причем отнюдь не просоветские. Несмотря на то что начальником политотдела школы был Чжоу Эньлай, а среди преподавателей насчитывалось немало коммунистов, вопреки тому, что советские советники уделяли школе повышенное внимание, она «стала не столько питомником “левых” военных кадров, призванных со временем превратить национальную революцию в социалистическую, сколько колыбелью тех сил, которые наиболее упорно препятствовали такому превращению» (С. 338).

С таким выводом Юркевича вряд ли согласятся некоторые западные китаеведы¹, однако его точка зрения представляется безукоризненной, тем более, что именно войска школы Хуанпу (Вампу) сыграли важнейшую роль в усилении Чан Кайши. И когда главный военный советник Куйбышев (Кисанька) в начале 1926 г. попытался дозировать помощь «учебным» частям школы Хуанпу (Вампу), перейдя к уравнительному распределению советской военной помощи среди всех войск гоминьдановской армии, было уже поздно что-то менять. Того, что Чан Кайши уже получил от СССР, оказалось достаточно, чтобы сначала, в марте 1926 г., силой оружия ограничить влияние советских военных советников в Китае и вынудить Москву отозвать Кисаньку, а потом, в мае того же года, резко ослабить позиции левых и коммунистов (С. 334–335). Этого от него никак не ожидала советская сторона.

Развивая успех, Чан провозгласил себя главнокомандующим Национально-революционной армией Китая, а через год разорвал единый фронт, начав открытую кровавую борьбу с коммунистами.

Вместе с тем, он организовал специальное Общество соучеников Хуанпу (Вампу), ставшее, как правильно отмечает Юркевич, «одной из главных опор Чан Кайши в борьбе за контроль над армией и осуществление стратегических программных установок Гоминьдана» — объединения Китая «не в интересах отдельных классов, а в интересах всей нации» (С. 330, 335). Общество соучеников представляло, по сути, настоящую политическую партию, точнее фракцию Гоминьдана, сплоченную преданностью вождю — бывшему начальнику школы. В 1930-е — 1940-е гг. члены Общества Хуанпу (Вампу) контролировали важнейшие

государственные структуры Китая и гоминьдановские общественно-политические организации: спецслужбы, органы пропаганды, фракцию Си-Си, «Общество возрождения», молодежное движение и профсоюзы. Они составили костяк и Центральной армии ГМД, подчинявшейся непосредственно Чан Кайши (С. 319–328, 338–339).

Таким образом, следует согласится с главным выводом автора: «Чан Кайши в известном смысле оказался лучшим в гоминьдановском руководстве учеником советских советников, сумевшим творчески применить их уроки военного и государственного строительства. При всей изощренности в интриге и тяге к власти Чан Кайши показал себя искренним борцом за осуществление стратегических целей Сунь Ятсена... Именно Чан Кайши и его сторонники

выражали интересы национального Центра. Способы выживания общественно-политических организмов, вырабатывавшиеся в эпоху милитаризма, вкупе с предложенной Гоминьданом национальной идеей, организационно-партийным багажом русского большевизма, материально-финансовой поддержкой Москвы и формирующейся харизмой нового вождя, открыли для страны возможность обретения политического единства» (С. 339).

Книга А. Г. Юркевича, несомненно, вызовет большой интерес китаеведов, всех интересующихся новейшей историей Китая. И этот интерес — заслуженный. Насыщенная богатым материалом и написанная ярким, образным языком, она надолго останется той высокой научной планкой, на которую будет равняться не одно поколение китаеведов.

© 2015

*А. Панцов,
доктор исторических наук*

1. См., например: Chang Jung, Halliday Jon. Mao: The Unknown Story. London, 2005. P. 312.

Сложности внутреннего и внешнего развития Китая сквозь призму европейского восприятия

**The quandaries of China's domestic and foreign development /
Edited by D. Mierzejewski. Lodz: Lodz University Press, 2014. 281 p.**

Одним из наиболее ярких явлений мирохозяйственных и политических процессов в XXI в. стало возвышение Китая, проявляющееся как в стремительном росте комплексной национальной мощи этого крупнейшего восточноазиатского государства, так и в расширении географии его национальных интересов и увеличении международного влияния. Возрастающая вовлеченность Китая в региональные и международные дела не могла не привлечь внимание одного из ведущих центров изучения Восточной Азии в Польше — Факультета восточноазиатских исследований Лодзинского университета. В сотрудничестве с коллегами из других польских университетов и научно-исследовательских центров Китая, Японии, Чехии, Венгрии, Финляндии и Италии Факультет восточноазиатских исследований Лодзинского университета подготовил специализированный сборник статей «Сложности внутреннего и внешнего развития Китая».

Для российских китаистов этот сборник может быть интересен в первую очередь

тем, что позволяет познакомиться с существующими в польском академическом сообществе оценками современного развития КНР и наиболее серьезных вызовов, с которыми китайское руководство сталкивается в процессе расширения внешнеполитической деятельности. В сборнике представлены работы исследователей многих университетов Польши: Лодзинского, Ягеллонского, Варшавского, университета Вроцлава и Варшавской школы экономики.

Безусловно, данный сборник не может претендовать на отражение всех вызовов и тенденций внутреннего и внешнего развития Китая. Несмотря на название сборника, большая часть содержащихся в нем статей посвящена внешнеполитической проблематике. Анализ внутренних аспектов развития КНР представлен всего двумя сюжетами: концептуализацией роли женщин в коррупционных скандалах в КНР (Ван Ци, университет Южной Дании и Минь Дунчао, университет Шанхая) и комплексным анализом системы регистрации жителей или домохозяйств по месту жительства

«ухуоу» в современном Китае (Сунь Цзябао, Лондонский колледж).

Вместе с тем, вопросы места и роли Китая в глобальных и региональных политико-экономических процессах, анализ внешнеполитической активности Пекина представлены в рецензируемом сборнике достаточно широко. В фокусе внимания авторского коллектива оказались такие вопросы, как анализ современной внешнеполитической доктрины КНР, отношения Китая с Россией, США, Европой, тропической Африкой, Центральной Азией, АСЕАН.

Выявлению особенностей внешнеполитической доктрины современного Китая и его международной идентичности посвящены статьи Б. Оннис (Университет Кальяри, Италия) и Д. Межеевского (Лодзинский университет, Польша).

Б. Оннис, в частности, оценивает возможность пересмотра китайским руководством таких базовых внешнеполитических принципов КНР, как занятие сдержанной позиции на международной арене и политика невмешательства во внутренние дела других государств. Рассматривая отказ от принципа невмешательства во внутренние дела других государств в качестве неперемennого условия становления Китая в качестве «ответственной крупной державы», способной играть конструктивную роль в современной международной системе, автор статьи выделяет ряд препятствий на пути кардинальной переоценки этого базового внешнеполитического принципа КНР: отсутствие ресурсов и средств, ограниченность возможностей Китая проецировать свою «жесткую» силу в мире и защищать свои национальные интересы за рубежом; потенциальная опасность потери привлекательности Китая для развивающихся государств в случае отказа от принципа невмешательства в пользу интервенционализма, утрата рычага противопоставления себя странам Запада, которые навязывают свои условия и рецепты экономического процветания; низкий уровень институциональной координации в процессе реализации китайской внешней политики (С. 51–52).

К важному вопросу самоидентификации Китая после мирового финансово-экономического кризиса обращается Д. Межеевский. Становление Китая в качестве второй мировой экономики в 2010 г. вызвало диссонанс с его статусом развивающегося государства. С одной стороны, как государство, идущее в авангарде развивающихся стран, «сильнейшее среди слабейших», Китай призван защищать интересы развивающегося мира, способствовать становлению

равенства и справедливости в глобальном экономическом управлении. Однако как экономически мощная держава, прочно интегрировавшаяся в существующую международную экономическую систему и в этом смысле зависимая от нее, Китай объективно сталкивается с необходимостью поддержания исповедуемых Западом принципа мультилатерализма в международной торговле и либеральных ценностей свободной рынка (С. 71–72). В своей работе Д. Межеевский также предпринимает попытку выявления существа «китайской модели развития» и приходит к спорному выводу о том, что на современном этапе для Китая капитализм является более привлекательным, чем социализм (С. 71).

О перспективах распространения на африканском континенте «Пекинского консенсуса» как альтернативы дискредитированному себя «Вашингтонскому консенсусу» речь идет в материале М. Риго (Будапештский университет Корвинус, Венгрия). Руководствуясь исследовательской задачей оценить китайское присутствие в Африке с точки зрения удовлетворения интересов развития этого региона, автор прибегает к методу «предметного изучения», анализируя экономическую экспансию Китая в Нигерии и Замбии. Признавая позитивные стороны китайского присутствия в указанных странах и отмечая реализацию Китаем инфраструктурных проектов, отвечающих интересам африканских государств, М. Риго, вместе с тем, указывает, что развитие государств нельзя связывать исключительно с экономическим ростом и в этой связи выделяет отрицательные стороны китайской экспансии. Автор выражает надежду на приход таких времен, когда африканский континент будет свободен от влияния как Запада, так и Китая.

В фокусе внимания М. Лубина (Ягеллонский университет, Польша) оказывается углубляющаяся с 2008 г. в пользу Китая асимметрия в российско-китайских отношениях, заключающаяся не только в экономическом и ином превосходстве КНР над Россией, но и в том, что первостепенная значимость развития сотрудничества с Пекином диссонирует для Москвы с «второстепенностью» (по мнению автора) развития отношений с Россией во внешнеполитических приоритетах Пекина (С. 96–97). Основной посыл автора в том, что современная асимметрия отнюдь не представляет собой аномалию для российско-китайских отношений, а напротив — является *modus operandi*, современной, модифицированной версии изначально сложившейся в российско-китайских отношениях с XVII в. «синоцентричной» модели асимметричного взаимодействия («Нерчинско-Кяхтинская

модель»), просуществовавшей вплоть до середины XIX в. Аргументируя тезис о стабильности и обоюдовыгодности (как для Китая, так и для России) подобной ассиметричной модели в XVII — середине XIX вв., автор проецирует характеристики этой модели на современную ситуацию в российско-китайских отношениях.

Содержащийся в рецензируемом сборнике анализ внешних вызовов, с которыми сталкивается современный Китай, был бы неполным без обращения к американскому «повороту к Азии», который обозначился в деятельности администрации Б.Обамы в 2009 г. и в полной мере проявился в американской внешней политике с 2011 г. Этому весьма популярному ныне в экспертной среде сюжету посвящен материал П. Фургач (Ягеллонский университет, Польша). Концентрируясь преимущественно на военных аспектах «возвращения» США в Азию, автор приходит к выводам о постепенном сокращении технологического отставания китайских вооруженных сил от американских, о долговременном характере политики Вашингтонского «поворота к Азии», об отношении к ней китайского руководства как к очередному шагу США, направленному на сдерживание Китая (С. 119).

Широкое отражение в рецензируемом сборнике получила проблематика взаимодействия Китая со странами АСЕАН и, в частности, территориальные споры в Южно-Китайском море. Й. Добковска (Варшавский университет, Польша) на основании изучения стратегий каждой из стран Юго-Восточной Азии в отношении Китая определяет общую линию АСЕАН применительно к Пекину как «седжирование» (*hedging*). Янн Кристоф фон дер Пюттен (Университет Тампере, Финляндия), опираясь на обширный эмпирический материал интервью с индонезийскими дипломатами, парламентариями и советниками в области внешней политики, собранный автором в ходе полевых исследований в Джакарте и Бандунге, обращается к анализу восприятия Индонезией Китая как государства, способного стать причиной раскола АСЕАН. В. Маккеннайте (Университет Кэйо, Япония) рассматривает территориальные споры между Китаем и группой стран Юго-Восточной Азии через призму противоборства сторон за крупные рыбопромысловые районы, располагающиеся в этой акватории. В сборнике рассмотрены и другие территориальные противоречия в Восточной Азии, достигшие в последние несколько лет стадии серьезного обострения, в частности, между Китаем и Японией относительно принадлежности островов Дяоюйдао/Сэнкаку (М. Ващиньский, Лодзинский университет, Польша).

И, наконец, европейские исследователи не могли обойти вниманием вопросы, связанные с современным развитием отношений Китая с Европой. А. Врубель (Варшавский университет, Польша) характеризует новую торговую политику ЕС, основанную на повышении роли двусторонних торговых соглашений, в отношении Восточной Азии и крупнейших восточноазиатских экономик — Южной Кореи, Японии и Китая. Т. Каминьский (Лодзинский университет, Польша) предпринимает попытку оценить влияние феномена возвышения Китая на процесс выработки Европейским Союзом всеобъемлющей «большой стратегии», призванной обозначить инструментарий для ответа на происходящие на международной арене изменения. Демонстрируя наличие некоторых объединяющих черт в стратегическом видении Китая и ЕС, Т. Каминьский все же характеризует Китай как самый большой вызов для ЕС как в экономической, так и в политической плоскостях. Однако это не приводит автора к алармистским выводам. Напротив, Т. Каминьский призывает признать усиливающуюся роль Китая в мире и в качестве основы европейской стратегии использовать развитие сотрудничества и вовлечения Пекина (С. 149–150).

Выявлению китайской стратегии в Центральной Европе, отношения с которой на европейском пространстве у Пекина традиционно были менее развитыми, посвящена статья исследователей Масарикова университета (Чехия). В фокусе внимания чешских специалистов оказывается вопрос китайского восприятия региона Центральная Европа как единой общности: географической, политической, исторической и культурной. Весьма специфическая для российского научного дискурса тематика раскрывается в совместной статье П. Матуш-Протасевич и Й. Райца (университет Вроцлава, Польша) «Азиатские прямые иностранные инвестиции в Нижней Силезии и миграционные потоки в регионе».

Без внимания не осталась и тематика «Новой большой игры» в постсоветской Центральной Азии как понятия, введенного в научный оборот для объяснения отношений, складывающихся между крупнейшими державами в регионе (Россией, США и Китаем), по аналогии с «большой игрой» между Российской и Британской империями за контроль над Центральной Азией на рубеже XIX—XX вв. Сравнительная стратегия России, США и Китая по расширению присутствия в постсоветской Центральной Азии, К. Козловский (Варшавская школа экономики, Польша) называет Пекин в качестве наиболее преуспевшего игрока в дан-

ном регионе. Опора Пекина на развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с акцентом на экономическое взаимодействие оказалась самой эффективной стратегией, направленной на усиление политических позиций в Центральной Азии (С. 202).

В заключение обзора сборника стоит отметить, что некоторые идеи и выводы авторского коллектива не являются бесспорными и требуют уточнения. Наличие таких спорных моментов, вместе с тем, имеет и положительную сторону, как бы приглашая читателя сбор-

ника к научной дискуссии. Представляется, что в ряду обильной научной и публицистической литературы, выпускаемой по тем или иным аспектам внутреннего и внешнего развития современного Китая, данный сборник действительно заслуживает внимания со стороны российского академического сообщества: полемизируя или, напротив, развивая глубже и шире высказанные его авторским коллективом идеи, отечественные исследователи возможно откроют для себя новые нюансы в осмыслении ширящейся роли Китая в мире.

© 2015

*Я. Лексютина,
доктор политических наук*

Восточноазиатское стратегическое обозрение 2014 [East Asian Strategic Review 2014. Tokyo: The National Institute for Defense Studies, 2014, 359 p.]

Будучи тихоокеанской державой, Россия во многом связывает свое будущее развитие с Азиатско-Тихоокеанским регионом, который превращается в мировой политический и экономический центр. Перед Восточной Сибирью и Дальним Востоком стоит задача включения в процессы АТР, поэтому комплексное изучение региональной ситуации актуально для нашей страны, и книги, подобные «Восточноазиатскому стратегическому обозрению 2014», заинтересуют российскую аудиторию.

Данное издание — ежегодный обзор, составляемый группой экспертов японского Национального института оборонных исследований. Здесь содержится анализ ситуации в сфере безопасности в Восточной Азии, а также вызовов, с которыми столкнулись страны региона в период с января по декабрь 2013 года. Представлены факторы, которые, по мнению авторов, смогут влиять на безопасность на региональном или глобальном уровне в среднесрочной или долгосрочной перспективе.

Важно и то, что данная работа издана как на японском, так и на английском языках, то есть доступна для широкой международной аудитории. Ознакомление с ней, как надеются авторы, создаст почву для возникновения активных дискуссий, для работы живой научной мысли и в конечном счете поспособствует более полному и объективному пониманию процессов, происходящих в регионе Восточной Азии.

Книга состоит из резюме, введения и девяти глав, отражающих различные аспекты и проблемы в области безопасности в АТР в

2013 г. Каждая из первых семи глав посвящена отдельной стране или субрегиону и содержит анализ значимых с точки зрения безопасности аспектов внутренней и внешней политики данных государств. Главы 8 и 9 носят тематический характер и рассматривают вопросы глобальной повестки дня, привлекавшие внимание международного сообщества в последние годы. Работа написана с однозначно прояпонских позиций и дает неплохое представление об оценках и подходах Токио к тем или иным процессам и событиям в Восточной Азии.

2013 год был отмечен динамичным изменением среды безопасности в Восточной Азии, возникновением трений и противоречий среди основных государств. Напряженная ситуация в регионе обусловлена, по мнению авторов, по крайней мере четырьмя факторами. Во-первых, это ситуация в Северной Корее (КНДР), где развитие ядерных технологий вкупе с укреплением единоличной власти Ким Чен Ына затрудняют прогноз внутривнутриполитической эволюции и поведения Пхеньяна на международной арене. Во-вторых, это растущие масштабы активности Китая в регионе, дающие повод для беспокойства Японии и другим государствам и вынуждающие их принимать ответные меры. Третий фактор — напряженность и противостояние между основными державами региона, которые можно рассматривать как результат уникальной внутривнутриполитической обстановки в каждой из стран и подъема национализма. Четвертый фактор дестабилизации ситуации авторы определяют как существование «дилеммы безопасности» в реги-

оне. Идея, лежащая в основе дилеммы безопасности, такова: действия, предпринимаемые определенной страной для укрепления своей безопасности путем усиления обороноспособности и установления стратегических отношений с третьими странами, могут порождать беспокойство у соседних государств или восприниматься как угроза, толкая эти государства к ответным мерам. В свою очередь, это ведет к повышению военного напряжения и противоречиям, что разрушает среду безопасности как целое. Выйти из замкнутого круга этой дилеммы государствам очень сложно. Необходимо постоянно прилагать целенаправленные усилия для нормализации отношений и восстановления взаимного доверия.

Такая обстановка привела к тому, что в 2013 г. в основных государствах региона под руководством новых лидеров происходила трансформация политики в сфере безопасности. Одним из наиболее интересных представляется японский сюжет. Авторы делают вывод, что в ответ на изменения внешней среды намечился качественный сдвиг в политике Японии в сторону укрепления ее обороноспособности, а именно: был создан Совет национальной безопасности, призванный выступать «контрольным центром» политики в сфере безопасности, разработана «Стратегия национальной безопасности», на ее основе приняты «Основные направления программы национальной обороны» и «Среднесрочная программа развития оборонного потенциала на период 2014–2018 гг.» «Превентивное содействие миру, базирующееся на принципе международного сотрудничества» — такова, по утверждению японцев, философия, лежащая в основе принятых документов. Приоритетами объявлены обеспечение превосходства на море и в воздухе как необходимое условие сдерживания и оперативного реагирования в различных ситуациях, модификация оборонного потенциала государства как в количественном, так и в качественном отношении, наращивание возможностей для отпора нападению в юго-западном регионе страны и быстрого развертывания сил обороны.

Авторы подчеркивают, что данные документы знаменуют новый этап политики в сфере национальной безопасности и представляют один из последовательных ответов на вызовы внешней среды, которые Япония дает, начиная с войны в Персидском заливе в 1991 г. Большую часть идей, содержащихся в принятых документах, можно обнаружить в предшествующих программах, выступлениях и заявлениях, что свидетельствует о преемственности и эволюционном развитии политики Японии.

Усиление оборонной составляющей наблюдается также в политике других стран региона. Так, по мнению исследователей, для Северной Кореи наращивание ядерных технологий служит инструментом сдерживания США, от которого, как показывают события 2013 г., страна не собирается отказываться. В марте 2013 г. Северная Корея провозгласила «новый стратегический курс» в своем развитии — внутреннюю политику, преследующую две главные цели: реформирование экономики и дальнейшее утверждение страны в роли ядерной державы. Исходя из оценки различных показателей, авторы делают вывод о маловероятности превращения КНДР в «экономического гиганта» в ближайшем будущем. Что касается второй цели — становления в качестве ядерной державы — то Северная Корея прилагает все возможные усилия для ее достижения. В феврале 2013 г. КНДР провела третьи ядерные испытания, после которых было принято постановление «О консолидации позиции КНДР как страны, обладающей ядерным оружием», которое, как полагают авторы, можно считать основой для формирования ядерной доктрины Северной Кореи. В статье 4 постановления отмечено, что ядерный арсенал может быть использован только по приказу Верховного главнокомандующего Корейской народной армии, а именно, Первого председателя Государственного комитета обороны КНДР Ким Чен Ына. В статье 5 выдвинут принцип неприменения первыми ядерного оружия, тогда как в статьях 7 и 8 прописаны обязательства по безопасному содержанию ядерного оружия и ядерных материалов.

Обеспокоенность стран региона усилили данные о повторном запуске ядерного реактора в Йонбёне и принятие Северной Кореей «Закона об освоении космоса», в котором многие видят лишь прикрытые для развития ее военных технологий.

Вышеназванные шаги КНДР вызвали ответную реакцию в государствах региона. Так, для разрешения кризисной ситуации, сложившейся после ядерных испытаний, Китай начал оказывать давление на Пхеньян с целью смягчения его позиции, а также ввел некоторые меры в отношении КНДР в соответствии с наложенными на нее международными санкциями. Южная Корея в ответ на эту обстановку укрепляет собственную безопасность, развивая военное сотрудничество с США и разрабатывая план совместного реагирования при возможных локальных провокациях и ядерной или ракетной угрозе со стороны Северной Кореи. В то же время Республика Корея предпринимает меры по наращива-

нию собственных возможностей атаки и обороны. Отказавшись от участия в американской системе ПРО, Южная Корея развивает свои ракетные силы: во-первых, это полноценная система нанесения ответного удара по ракетным базам и мобильным установкам КНДР "Kill Chain", во-вторых, собственная система противоракетной обороны (Korea Air & Missile Defense — KAMD), с помощью которой будет осуществляться нейтрализация самих ракет.

Фактором, также усиливающим напряженность в регионе, авторы считают «более жесткую позицию Китая в международных делах» — подход, вызвавший конфликты с некоторыми из соседних стран. В Восточно-Китайском море Китай продавливает свою позицию касательно островов Сенкаку (Дяюйдао), которые в рецензируемой работе названы «неотъемлемой японской территорией». Он также вовлечен в споры со своими соседями в Юго-Восточной Азии, включая Филиппины и Вьетнам, относительно принадлежности островов Спратли и Парасельских.

Бескомпромиссная позиция Китая по территориальным вопросам, создание идентификационной зоны ПВО над Восточно-Китайским морем, модернизация Народно-освободительной армии, в частности, военно-морских и военно-воздушных подразделений, участвовавшие военно-морские учения — эти факторы, утверждается в «Обзрении», осложнили ситуацию в области безопасности в Восточной Азии и вызвали соответствующую реакцию остальных государств региона.

Так, Филиппины обратились в международный трибунал ООН по морскому праву в целях урегулирования территориального спора с КНР. Параллельно страна расширяет военную составляющую союзнических отношений с США (включая совместные учения и предложения об увеличении присутствия американского контингента на ее территории) и укрепляет сотрудничество в сфере безопасности с Японией. Другого подхода придерживается Вьетнам: он стремится к более стабильным отношениям с Китаем, одновременно диверсифицируя свои международные связи. Вьетнам использует для этого как площадку АСЕАН, так и двусторонние отношения с США, Россией, Японией и Индией. В 2013 г. особенно плодотворно развивалось его сотрудничество с Россией.

Пожалуй, наибольший интерес для российского читателя представляют японские оценки китайско-российских отношений. Авторы считают, что, несмотря на тесные отношения с Китаем, Россия также вполне осознает

растущие стратегические риски в связи с усилением КНР. Этим вызвано укрепление российского военного присутствия в Арктике и на Дальнем Востоке. Дабы не играть роль младшего партнера Китая, России придется делать ставку на балансирование, устанавливая более крепкие стратегические партнерства с третьими странами, включая Индию, Японию, Вьетнам и Южную Корею. Утверждается, будто «интересы Японии и России быстро сближаются в ответ на меняющуюся стратегическую среду в Восточной Азии» (р. 17). В целях балансирования Россия поддерживает приобретение Японией статуса наблюдателя в Арктическом совете и занимает нейтральную позицию относительно китайско-японских отношений, не принимая ничью сторону в их территориальном споре. В 2013 г. было достигнуто соглашение о встречах в формате «2+2» — министров иностранных дел и обороны России и Японии — для обсуждения стратегии по широкому спектру вопросов безопасности. Первая встреча в ноябре 2013 г. показала, что Россия и Япония начали рассматривать друг друга в качестве важных стратегических партнеров и подняли стратегическое значение двусторонних отношений на новый уровень (заметим, что в связи с украинским кризисом японо-российские отношения в 2014 г. вновь заметно охладели).

Авторы подчеркивают неоднозначность южнокорейской политики в отношении Китая и Японии. Правительство президента Пак Кын Хе, пришедшей к власти в феврале 2013 г., придает беспрецедентное значение партнерским отношениям с Китаем, в то же время проводя политику, ориентированную на американско-корейский союз. Что же касается Японии, Южная Корея целенаправленно оказывает давление на японское правительство по вопросам исторического прошлого двух стран. Различия в подходах к Китаю и Японии авторы объясняют результатом вероятного восприятия Кореей Китая как новой сверхдержавы, стоящей в одном ряду с США, что соответствует концепции G-2, и уменьшением значимости Японии в глазах Южной Кореи.

В результате усиления Китая и Индии США испытывают относительное ослабление своей военной и экономической мощи, а также международного влияния. Более того, расходы США на оборону будут сокращаться из-за тяжелой финансовой ситуации федерального правительства. Однако администрация Б. Обамы продолжает претворять в жизнь стратегию «возвращения» в АТР и укреплять стратегические партнерства с региональными союзниками: Японией,

Южной Кореей, Австралией и другими ключевыми игроками, включая Индию, Вьетнам и Индонезию. Несмотря на бюджетные сокращения, США усиливают свое военно-морское присутствие по всему региону, учитывая ротационное размещение морской пехоты в Австралии и боевых кораблей прибрежной зоны в Сингапуре.

Что касается американо-китайских отношений, то все больше растет ощущение того, что они будут определяющим фактором сферы безопасности в Восточной Азии. В отличие от политики в отношении соседей, где Китай вероятнее всего будет продвигать свои приоритетные интересы во все более напористой манере, с США он будет избегать потенциальной конфронтации и столкновений, одновременно рассматривая возможность занятия равного положения с этой страной.

Отношения между Китаем и США носят двойственный характер, разногласия существуют по вопросам торговли и экономики, прав человека, Сирии, Южно-Китайского моря, отсутствия прозрачности в модернизации НОАК. В последние годы США все больше обеспокоены активностью Китая в мировых океанах, космическом пространстве и киберпространстве — «общем достоянии человечества». Одновременно администрация Обамы рассматривает диалог с Китаем как важное средство контроля соревновательной стороны их отношений и пытается способствовать его стабильности для предотвращения нежелательных инцидентов.

Австралия в своей политике исходит из представления о том, что на смену понятию Азиатско-Тихоокеанского региона приходит Индо-Тихоокеанский регион — обширная зона, простирающаяся от Индийского океана через Юго-Восточную и Северо-Восточную Азию к Тихому океану. Стратегия Австралии заключается в усилении вовлеченности в этот регион. В 2013 г. страна укрепила союз с США, решив, в частности, увеличить контингент американских морских пехотинцев в Дарвине до 1100 человек к началу 2014 г. Большое внимание Австралия собирается уделить взаимодействию в области обороны с другими странами, включая проведение совместных учений, обмена персонала и т.д.

Отдельно авторы затрагивают вопросы глобальной повестки дня: возможности обострения ситуации в Афганистане и соседних регионах после вывода из этой страны американских войск и последствия сланцевой революции для мировой безопасности. Следует от-

метить, что одними из важнейших плюсов сланцевой революции авторы считают диверсификацию стран-экспортеров энергоресурсов и уменьшение возможности использования поставок энергоресурсов в качестве инструмента политического давления.

Таким образом, после прочтения книги можно сделать следующие выводы: нынешняя военно-политическая обстановка в Восточной Азии характеризуется двойственностью. Между государствами нарастают противоречия, обостряются территориальные споры, в регионе наблюдается рост националистических настроений. Страны активно запускают программы усиления своего военного потенциала. Однако, при всей сложности ситуации в сфере безопасности и существующих рисках пока маловероятно повышение противостояния до уровня, на котором возможны крупномасштабные военные действия. В регионе формируются, хотя и с немалыми трудностями и медленными темпами, механизмы обсуждения проблем безопасности и внедрения мер доверия — Совещание министров обороны «АСЕАН плюс», АРФ, Восточноазиатский саммит, Диалог Шангри-Ла и ряд других.

Как следует из «Обозрения», до событий 2014 г. и введения Японией санкций против России у Токно имела серьезная заинтересованность в активном российском участии в обсуждении вопросов региональной безопасности и стабильности, в сотрудничестве. Так, Японией и рядом других стран Россия рассматривается в качестве важной составляющей, необходимой для поддержания баланса сил и региональной стабильности в АТР. А это дает надежду на нормализацию в конечном счете российско-японских отношений.

В заключение подчеркнем еще раз, что точка зрения, презентуемая в исследовании, принадлежит японской стороне, следовательно, не надо забывать о необходимости критического осмысления и анализа предлагаемого материала. Взгляды других государств региона на источники и характер угроз безопасности могут существенно отличаться, например, по вопросам увеличения американского военного присутствия в АТР и изменений в оборонной политике Японии. В целом же, как для специалистов, так и для широкой аудитории читателей, интересующихся проблемами международных отношений в азиатском регионе, данная книга является хорошим подспорьем в работе.

Наши юбиляры

Юбилей Галины Вениаминовны Куликовой

В славную плеяду юбиляров ИДВ РАН в 2015 г. вошла Галина Вениаминовна Куликова. Энергичная, инициативная и в деле, и в жизни она всегда впереди, всегда в центре событий. Свидетельством тому ее биография.

В 1952 г. Галина Вениаминовна поступила на китайское отделение Московского института востоковедения, после расформирования которого в 1954 г. была переведена на восточный факультет Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД СССР.

Летом 1956 г. Г.В. Куликова в составе студенческого отряда активно трудилась на целине, за что была награждена Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ и медалью «За освоение целинных земель». В 1957 г. она работала переводчицей китайского языка на 6-м Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. В числе первых десяти студентов МГИМО Галина была направлена на преддипломную практику в Посольство СССР в КНР.

В 1958 г. по окончании МГИМО Г.В. Куликова начала свою трудовую деятельность в Институте китаеведения АН СССР. В марте 1960 г. ее пригласили на работу в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД) на должность секретаря-референта Центрального правления созданного в октябре 1957 г. Общества советско-китайской дружбы (ОСКД, ныне ОРКД). Спустя три года по приглашению ЦК ВЛКСМ она переходит на работу в Комитет молодежных организаций СССР на должность ответственного секретаря, а в 1965 г. возвращается в ССОД.

За годы работы в ССОДе Галина Вениаминовна прошла путь от секретаря-референта Центрального правления ОРКД до заведующего Отделом социалистических стран Востока, ответственного секретаря, а затем заместителя и первого заместителя председателя ОСКД (ОРКД).

Помимо КНР она неоднократно посещала Монголию и Корею, а во Вьетнаме, Лаосе и Кампучии находилась во время боевых действий, не раз попадая в опасные для жизни ситуации. Деятельность Г.В. Куликовой в те годы была отмечена правительственными наградами ряда азиатских стран.

Главным направлением работы Г.В. Куликовой в ССОДе (с 1989 г. в Росзарубежцентре) всегда оставалось Общество советско(российско)-китайской дружбы. Во многом благодаря ее активной деятельности в непростой период советско-китайских отношений, включая годы так называемой «культурной революции» в КНР, ОСКД продолжало проводить различные мероприятия,

посвященные истории и уникальной культуре китайского народа, его героическому революционному прошлому.

В 1989 г. после почти 18-летнего перерыва были возобновлены контакты ОСКД с Китайским народным обществом дружбы с заграницией. И большая заслуга в этом принадлежит Г.В. Куликовой.

С декабря 1989 по декабрь 2000 гг. Галина Вениаминовна работала в Китае представителем ССОД и ОСКД, а затем Росзарубежцентра и ОРКД, советником Посольства СССР (после 1991 г. — РФ) в КНР, а с 1998 г. еще и в качестве первого заместителя председателя ОРКД. Работая в Китае, Галина Вениаминовна своим примером доказала востребованность народной дипломатии, достойно представляла там наше Общество, российское китаеведение.

С 2003 г. Г.В. Куликова работает в ИДВ РАН старшим научным сотрудником, продолжая активно трудиться в качестве первого заместителя председателя ОРКД. Она — постоянный автор журнала «Проблемы Дальнего Востока», ряда сборников статей, ежегодников «Китайская Народная Республика».

В 2012 г. вышел в свет ее фундаментальный труд «Россия—Китай. Народная дипломатия», в котором она обобщила опыт 55-летней деятельности ОСКД (ОРКД).

Г.В. Куликова — инициатор и главный организатор проведения большинства мероприятий по линии ОРКД, которые проходят не только в ИДВ РАН, но и на других площадках Москвы.

Своей книгой, другими публикациями и практическими делами Галина Вениаминовна доказывает постоянную востребованность народной дипломатии в развитии связей между народами России и Китая.

Плодотворная деятельность Галины Вениаминовны Куликовой отмечена рядом правительственных наград, медалью ОРКД «За заслуги в развитии российско-китайских отношений». Ей присвоено звание «Заслуженного работника культуры РФ» и звание «Посланец народной дружбы» — высшая общественная награда КНР.

Г.В. Куликова — человек твердых гражданских позиций, высоких моральных принципов. Все, кто ее знает, ценят ее профессионализм, доброжелательность и отзывчивость.

Коллеги и друзья Галины Вениаминовны желают ей крепкого здоровья, благополучия, творческих успехов во всех делах и начинаниях на ниве науки и общественной деятельности во имя дальнейшего содействия развитию дружеских отношений между Россией и Китаем.

С юбилеем Вас, дорогая Галина Вениаминовна!

*Институт Дальнего Востока РАН, Общество российско-китайской дружбы,
Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока».*

Николаю Сергеевичу Тихонову 80 лет

31 марта исполнилось 80 лет ответственному секретарю нашего журнала Н.С.Тихонову.

Окончив в 1958 году Восточный факультет МГИМО, Николай Сергеевич более двух лет работал в Институте китаеведения АН СССР. В числе ответственных заданий, с которыми успешно справился молодой научный сотрудник института была подготовка сборника исследований по национальной политике КНР в Тибете, Внутренней Монголии и Синьцзяне.

В 1960 г. после закрытия Института китаеведения Н.С. Тихонов перешел на журналистскую работу в Гостелерадио, где прошёл все ступени радиожурналиста (был редактором, корреспондентом, комментатором, обозревателем, ответственным секретарем Редакции вещания на Китай). В качестве корреспондента Н.С.Тихонов неоднократно выезжал в командировки по странам Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии: в Китай, Вьетнам, Лаос, Камбоджу, Таиланд, Малайзию, Индию. В 1966 г., когда в КНР вспыхнула "культурная революция", Н.С. Тихонов посетил Пекин, Шанхай, Нанкин,

Ханчжоу в составе делегации ЦК ВЛКСМ, подвергшейся провокациям хунвэйбинов.

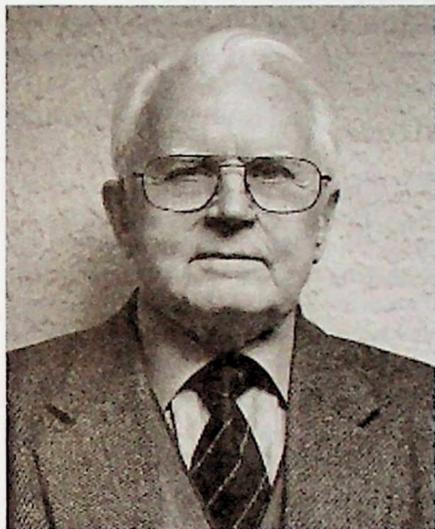
В 1976 г. Николай Сергеевич завершил работу на радио в должности заместителя главного редактора радиостанции "Мир и прогресс". Перейдя в Агентство печати "Новости", трудился обозревателем АПН по проблемам Китая: его материалы публиковались в прессе Японии, Индии, Индонезии, Филиппин, Бирмы, Шри Ланки и других стран. В 1981–86 гг. был на дипломатической и журналистской работе в Малайзии, занимая посты пресс-атташе, первого секретаря Посольства СССР и представителя АПН. Н.С. Тихонов организовал, в частности, перевод и издание на малайском и китайском языках произведений русских авторов. Этот опыт пригодился ему на следующем важном этапе трудовой деятельности, начавшемся в 1988 году — в редакции журнала "Проблемы Дальнего Востока".

Вот уже более четверти века он занимает пост ответственного секретаря ПДВ. Его богатый жизненный опыт, широкий научно-политический кругозор, вкус к журналистской работе, прекрасные личные качества благотворно сказываются на всех сторонах жизни и работы редакции, на всех стадиях подготовки журнала в печать. Одновременно он курирует выпуск ежеквартальной англоязычной версии ПДВ, журнала "Far Eastern Affairs". Среди коллег в журнале и в Институте Дальнего Востока Николай Сергеевич пользуется большим уважением как человек редкой трудоспособности, высокой ответственности за своё дело.

За многолетний труд на благо отечественного востоковедения, развитие редакционно-издательской деятельности Н.С.Тихонов был награжден Почетными грамотами Президиума Российской академии наук и Института Дальнего Востока РАН.

Редакция и редколлегия ПДВ поздравляют Николая Сергеевича с юбилеем и от души желают ему здоровья, счастья и новых творческих успехов на благо журнала "Проблемы Дальнего Востока", Института Дальнего Востока и всего российского востоковедения.

Павлу Борисовичу Каменнову 80 лет

15 марта 2015 г. исполнилось 80 лет российскому ученому-китаеведу ведущему, научному сотруднику Института Дальнего Востока РАН, кандидату политических наук Павлу Борисовичу Каменнову.

П.Б. Каменнов родился в Москве в семье служащего. По окончании МВТУ им. Н.Э. Баумана работал в промышленности, а затем — с 1968 по 1990 гг. — старшим инженером и экспертом внешнеторговых объединений в системе Министерства внешней торговли СССР. Закончил курсы иностранных языков при МВТ СССР, где изучал китайский и английский языки. С 1969 по 1973 гг. работал в должности старшего инженера Торгпредства СССР в Китайской Народной Республике и одновременно — представителем внешнеторговых объединений «Авиаэкспорт», «Автоэкспорт», «Станкоимпорт»; с 1976 по 1978 гг. — экспертом Торгпредства СССР в Республике Сингапур и одновременно — представителем «Медэкспорта», «Новоэкспорта», «Союзхимэкспорта» и ряда других объединений. Работа в Китае и Сингапуре позволила П.Б. Каменнову обогатить свои

знания в области экономики и военно-политических проблем стран пребывания, что в дальнейшем послужило хорошим фундаментом для научно-исследовательской работы.

С 1990 г. по настоящее время П.Б. Каменнов плодотворно трудится в Центре экономических и социальных проблем Китая Института Дальнего Востока РАН. В 2002 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Политические аспекты реформирования военно-промышленного комплекса современного Китая». Основные направления исследований П.Б. Каменнова: военная политика и военно-промышленный комплекс КНР; российско-китайское военно-техническое сотрудничество, китайская космическая программа, военная дипломатия КНР. Около ста научных трудов Павла Борисовича опубликованы в изданиях ИДВ, ИМЭМО РАН, в коллективных монографиях Центра социально-экономических исследований Китая, в ежегодниках ИДВ РАН «Китайская Народная Республика», в журналах «Проблемы Дальнего Востока», «Международная жизнь», «Азия и Африка сегодня», «Российский экономический журнал». Среди этих работ — авторские монографии — «КНР: военно-технические аспекты модернизации обороны» (2001) и «КНР: военная политика на рубеже веков» (2009). По заданиям руководства Института Павел Борисович подготовил ряд аналитических материалов для директивных органов Российской Федерации и Президиума РАН.

П.Б. Каменнов принимает активное участие в международных научных конференциях, «круглых столах», а также в обсуждениях научных работ своих коллег — сотрудников ИДВ РАН.

Работы Павла Борисовича отличает глубокое понимание исследуемых проблем, что неизменно привлекает к ним внимание как коллег-ученых, так и практиков, занятых в сфере российско-китайских отношений. Результаты научной деятельности П.Б. Каменнова неоднократно отмечались дирекцией ИДВ РАН.

Дирекция Института Дальнего Востока РАН, коллеги по работе, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» сердечно поздравляют П.Б. Каменнова с юбилеем и желают ему доброgo здоровья и новых творческих успехов.

Contents

DOCUMENTS

Joint Communiqué of the 13th Meeting of Ministers of Foreign Affairs of the Russian Federation, the Republic of India and People's Republic of China

POLITICS

V. Shabalin. Missed Chance

Ya. Leksyutina. Economic Diplomacy of China in the XXI Century

ECONOMY

M. Romanov. Vladivostok, Lianyungang and Eurasian Transcontinental Economic Axis

S. Sazonov, E. Kudryavtsev, Wu Zi. The Transport Component of the Project Pairing of the Eurasian Economic Union and Economic Zone of "Silk Road"

T. Gorchakova. Innovation Activities in China (According to Western and Chinese Expert Assessments for 2014)

D. Shcherbakov. The Energy Sector in China: Structure and Issues

ENVIRONMENT

N. Prokhorova. The Strategy of River' Development in China

STATE AND SOCIETY

A. Korolev. PRC's Political Regime Responsiveness to the Population's Basic Needs

HISTORY

V. Datsyshen. The Great Patriotic War and the Soviet Sinology

O. Dyakova. The History of Formation of the Corps of Written Sources about the State of Bohai

VIEW POINT

A.A. Krushinsky. The Problem of Ancient Chinese Logic: a Historical Breakthrough and Retrospective

Religion

S. Gorbunova. Present and Future Religions of China in Recent Scientific Writing in English

CULTURE

E. Ikonnikova. Soviet Sakhalin in Russian Literature of the Late 1920s – 1930s

SCIENTIFIC EVENTS

I. Timonina. The Japanese Studies in Russia: Research Works of Young Scientists (Review of Dissertations for 20 Years)

Contents of the Journal "Dongbei ya Longtan" (Forum of North-East Asia) (PRC) for the Second Half of 2014.

BOOK REVIEW

A. Lukyanov, V. Mayorov. The Revival of the Shrine. Assumption Church on the Territory of the Russian Embassy in Beijing

A. Pantsov. A. Yurkevich. Moscow — Canton, 1920's: The USSR Aid to Kuomintang and Two Strategies for Unification of China

Ya. Leksyutina. The Complexity of the Internal and External Development of China through the Prism of European Perception

A. Voloshina. East Asian Strategic Review for 2014

HERO OF THE DAY

Anniversary of Galina Veniaminovna Kulikova

Nikolay Sergeevich Tikhonov – 80 years

Pavel Borisovich Kamennov – 80 years

Contents

Summary

Summary

V. Shabalin. Missed Chance

The article describes some little-known events aimed at finding a settlement of the Sino-Soviet conflict in the difficult conditions of deteriorating relations between the USSR and the PRC. The work had been performed on the basis of the author's personal archive.

Key words: Sino-Soviet relations; the visit of the delegation of Soviet scientists; International department of the CPSU Central Committee.

Ya. Leksyutina. Economic Diplomacy of China in the XXI Century.

The article analyzes one of the most important areas of foreign policy of China in the XXI century — its economic diplomacy, including measures of economic incentives and coercion. The efforts made by Beijing in order to create a strong economic dependence of the countries of the world from China have been described. The role of aid provision by China in achieving its foreign policy goals is disclosed.

Key words: China, economic diplomacy, foreign aid, economic dependence, economic sanctions, China's foreign policy, "core interests".

M. Romanov. Vladivostok, Lianyungang and Eurasian Transcontinental Economic Axis

The article discusses the formation of the Eurasian high-speed transcontinental transport corridors between China, Russia and the European Union and subsequent formation of economic axis along it, as areas of advanced development. Under conditions of globalization, universal competition and strengthening of geopolitical tensions in the world they represent an actual mechanism for strategic unification of the Eurasian continental space in order to create conditions for sustainable economic development.

Key words: territories of advanced development, economic axis, the Eurasian economic space, the Trans-Siberian railway, the new "silk road".

S. Sazonov, E. Kudryavtsev, Wu Zi. The Transport Component of the Project Pairing of the Eurasian Economic Union and Economic Zone of "Silk Road"

The article reveals the main advantages of overland transit through the territory of Russia, analyzes the internal and external factors hindering the integration of the Russian transport network into the system of international transit corridors. The possible ways of integration of Russia into the international transport system with the aim of increasing its share in international transportation between Asia Pacific region and Europe have been considered.

Key words: North-Eastern China, international transit corridor, supply chain, transit capacity, transport infrastructure.

T. Gorchakova. Innovation Activities in China (According to Western and Chinese Expert Assessments for 2014)

The article considered the questions of innovation activities of China, as reflected in the Western and Chinese media for 2014, gave an assessment of the innovative development of the PRC in comparison with European countries and the USA. The bulk of publications, with some exceptions, speaks highly of the Chinese innovation and predicts great prospects for these activities.

Key words: China, innovation, innovative companies, Chinese entrepreneurs, government support, assessment of Western experts.

D. Shcherbakov. The Energy Sector in China: Structure and Issues

The article represented to the study of the energy market of China. It covers the structure, pricing and recent trends on this market, especially inter-fuel competition between coal and gas. The structure of energy consumption by sectors and regions of China and production capacities of different types of energy have been considered.

Key words: energy markets, gas, coal, pricing, inter-fuel competition.

N. Prokhorova. The Strategy of River' Development in China

The article deals with overexploitation of the Chinese rivers' water resources. The ways to solve the problem and water management concepts to hold the situation under control are described.

Key words: water resources, development and utilization factor, sustainable evolution, watersheds.

A. Korolev. PRC's Political Regime Responsiveness to the Population's Basic Needs

The article attempts to explain the peculiarities of social policies in China in the early XXI century from the standpoint of systemic-functional analysis of its political system. It is maintained, that despite the limited nature of procedural mechanisms of democracy in China, the Chinese leadership displays a fairly high level of responsiveness to the population's basic needs, aggravated during the period of economic reforms.

Key words: PRC, political regime, social policy, responsiveness of political system.

V. Datsyshen. The Great Patriotic War and the Soviet Sinology

In the beginning of the Great Patriotic war the majority of Soviet scientists went to the army or were evacuated from Leningrad and Moscow deep into the Soviet Union. During the war all Soviet Orientalists continued to be engaged in scientific and research work. Training of Russian sinologists during the war continued in Moscow, in the eastern region of the Soviet Union and in China. In 1944 the activities of educational and scientific institutions in Moscow and Leningrad were fully recovered. Soviet Sinology continued its successful development.

Key words: the Great Patriotic war, the Soviet Sinology, the siege of Leningrad, Russian Orientalists in 1939–1945, tragedy and scientific feat of Russian sinologists.

O. Dyakova. The History of Formation of the Corps of Written Sources about the State of Bohai

The article discusses the process of identifying by Chinese scholars of written sources, preserved in various documents of the Tang, Song and Ming dynasties, associated with the first Tungus-Manchu State of Bohai (698–926).

Key words: Bohai, the Far East, the middle ages, historiography, Tan written sources.

A.A. Krushinsky. The Problem of Ancient Chinese Logic: a Historical Breakthrough and Retrospective

In 2010–2014 a series of international conferences on the history of Chinese logic was held. The article revealed the critical nature of these representative scientific forums, considered the concept of "Chinese logic", traced difficult controversies of national historiography regarding its most important component — logic of the Yijing.

Key words: Yijing, the Needham question, mode of thinking, the doctrine of the images and numbers, numerology, parascience.

S. Gorbunova. Present and Future Religions of China in Recent Scientific Writing in English

The article analyzed the achievements of Western scholars in the field of contemporary religious situation in China. The impetus for research interest to it was given by the revival of the religions and gradual change in policy in relation to them under condition of reforms in China. Focus was put on scientific works done by foreign sinologists in English, dedicated to present and future religions of China and published in recent years.

Key words: China, religion, politics, foreign Sinology.

E. Ikonnikova. Soviet Sakhalin in Russian Literature of the Late 1920s–1930s

The article tells about the works of Russian literature of the late 1920–1930s, devoted to Sakhalin. The books by Lev Alpatov, Boris Elinskiy, Peter Slyotov, Nikolay Dolotin, Victor Kantorovich, Sergey Mikhalkov and others had informed the readers about Far Eastern border of the country with Japan, about ethnography of the indigenous people of Sakhalin, about success of Soviet power in the island.

Key words: Soviet Russia, Japan, Sakhalin, Russian literature of the late 1920–1930's.

I. Timonina. The Japanese Studies in Russia: Research Works of Young Scientists (Review of Dissertations for 20 Years)

Research of dynamics, geography and subjects of scientific activity, conducted by the author is based on analysis of a series of theses, defended in Russia over the recent 20 years. The article also discussed the issues associated with student's scientific activity.

Key words: Oriental studies, Japanese studies, student's research, "aging" of science.

Григорьев Александр Миронович
28.04.1933 г. — 18.03.2015 г.

18 марта 2015 г. ушел из жизни крупный отечественный китаевед, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Александр Миронович Григорьев.

Александр Миронович родился в Москве в 1933 г. в семье журналиста. В 1956 г. он с отличием окончил Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова по специальности «история». В 1962 г. окончил аспирантуру при Институте китаеведения АН СССР. В системе Академии наук работал с 1957 г., в том числе более 20 лет — в Институте Дальнего Востока РАН.

Александр Миронович был одним из ведущих отечественных специалистов в области новой и новейшей истории Китая. Он опубликовал свыше 150 научных трудов, том числе 4 монографии. Ряд его работ изданы за рубежом.

С начала 1990-х гг. А.М. Григорьев руководил научной программой «Политическая история Китая в XX веке. Публикация и изучение документов». В рамках этой программы при его активном участии осуществлялась публикация серии сборников документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай», изданной позже в КНР.

С 1993 г. по 2005 г. профессор А.М. Григорьев — главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока». Возглавляя редколлегию журнала, он добился заметного повышения научно-теоретического уровня публикуемых в журнале материалов, расширения круга тем и авторов публикаций.

А.М. Григорьев активно участвовал в воспитании научных кадров высшей квалификации. Он подготовил группу кандидатов и докторов наук, в течение многих лет был членом диссертационного совета ИДВ РАН.

Разносторонние заслуги А.М. Григорьева перед Отечеством отмечены высокими государственными наградами.

Блестящие способности Александра Мироновича, его неиссякаемое трудолюбие, обширные знания истории Китая, доброжелательность в отношении коллег снискали глубокое уважение у всех, кто соприкасался с ним лично или знакомился с его трудами.

Друзья и коллеги Александра Мироновича скорбят по поводу его кончины и приносят глубокие соболезнования его семье.

Светлая память об Александре Мироновиче Григорьеве навсегда сохранится в наших сердцах.

*Дирекция, общественные организации и сотрудники ИДВ РАН,
редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”*

Сорокин Владислав Федорович
14.10.1927 — 25.01.2015

25 января 2015 г. скончался крупнейший исследователь китайской литературы, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Владислав Федорович Сорокин.

Владислав Федорович родился в Самаре (Куйбышев), в 1950 г. окончил Московский институт востоковедения (МИВ). В 1950–1957 гг. преподавал в МИВ, на историческом факультете МГУ и в МГИМО МИД СССР. Работал научным сотрудником Института Китаеведения (1957–1961), Института народов Азии (1961–1967). С 1967 года возглавил сектор культуры в ИДВ РАН. Стажировался в Центральном театральном институте (КНР, Пекин, 1964), Наньянском университете (Сингапур, 1972–73).

Перу В.Ф. Сорокина принадлежат около 300 научных работ и переводов, в том числе 4 монографии (одна из них — в соавторстве).

В 1958 г. В.Ф. Сорокин защитил кандидатскую диссертацию “Формирование мировоззрения Лу Синя. Ранняя публицистика и сборник ‘Клич’”. Экземпляр монографии, изданной на основе диссертации, сегодня занимает почетное место на выставке в музее Лу Синя в Шанхае.

Позднее В.Ф. Сорокин обратился к творчеству Мао Дуня, крупнейшего романиста, соратника Лу Синя, и опубликовал монографию «Творческий путь Мао Дуня» (1962).

Вместе с проф. Л.З. Эйдлиным В.Ф. Сорокин составил достаточно обширный очерк китайской литературы от ее древнейших канонов до современного состояния, и эта небольшая работа долгие годы была серьезным учебным подспорьем для студентов-китаистов.

В течение нескольких лет В.Ф. Сорокин изучал драматургию эпохи Юань, что в дальнейшем вылилось в докторскую диссертацию и монографию «Китайская классическая драма XIII—XIV вв.: генезис, структура, образы, сюжеты» (1979), до сих пор остающуюся самым фундаментальным исследованием этого важнейшего жанра китайской традиционной литературы.

Под руководством Владислава Федоровича сектор культуры ИДВ активно изучал процессы развития китайской культуры, участвовал в ежегодных обзорах, конференциях, подытоживая результаты деятельности в таких заметных коллективных монографиях, как “Судьбы культуры КНР” (1978), “Литература и искусство КНР. 1976–1985” (1989), “Социальная действительность КНР в отображении литературы и искусства 80-х гг.” (1990), “Китайская культура 20–40-х годов и современность” (1993). Непростые оценки событий “культурной революции” в Китае, попытка разобраться в существе произошедших после ее окончания перемен, разработка нового курса развития китайской культуры — вся динамика этого процесса достаточно объективно отражена в этих работах сектора. Перу В.Ф. Сорокина принадлежат в этих коллективных монографиях обстоятельнейшие анализы состояния китайской литературы на разных этапах ее движения.

Владислав Федорович Сорокин неоднократно избирался вице-президентом Европейской ассоциации китаеведов, постоянно руководил секцией в международных конференциях ИДВ “Китай и мир”, вел активную работу в правлении Общества российско-китайской дружбы.

Помимо научного исследования в сфере интересов В.Ф. Сорокина как китаиста входил художественный перевод, которым он активно занимался не один десяток лет. В частности, многие юаньские драмы нашли свое русскоязычное воплощение именно в переводах В.Ф. Сорокина. Он блистательно переводил таких замечательных писателей XX в., как Лу Синь, Ай У, Ба Цзинь, Ван Мэн, Е Шэнтао, Лю Синь, Фэн Цицай, Хань Шаогун, Цянь Чжуншу, Юй Дафу.

Переводческая деятельность В.Ф. Сорокина в сентябре 2007 г. была отмечена специальным призом Союза писателей КНР, врученным ему его председателем Те Нин на Международной книжной ярмарке в Москве.

В.Ф. Сорокин являлся научным редактором и одним из авторов 3-го тома энциклопедии «Духовная культура Китая» («Литература. Язык и письменность», 2008), удостоенной Государственной премии РФ. Этой поистине колоссальной работе он посвятил несколько лет. На протяжении многих лет Владислав Федорович входил в состав редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Российская синология понесла тяжелую утрату. Ученики и коллеги В.Ф. Сорокина сохранят память о нем как о замечательном наставнике, мудром, тактичном и добром человеке.

*Дирекция и сотрудники ИДВ РАН,
редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”*

Александр Николаевич Анисимов

30 декабря 2014 г. на 78-м году жизни скоропостижно скончался доктор экономических наук, главный научный сотрудник лаборатории институциональной динамики Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ РАН) А.Н. Анисимов.

Ветеран института, Александр Николаевич своими трудами в области макроэкономического и институционального анализа давно выдвинулся в первые ряды российских ученых-экономистов. Его профессиональные мастерство, эрудиция и изобретательность в разработке эмпирической базы и теоретического аппарата — яркое воплощение традиций и морального духа отечественной экономической науки. Его исследования тектонических сдвигов в мировой экономике были сфокусированы, особенно в последние годы, на осмысление вызовов, с которыми столкнулась наша страна, на обоснование путей структурной, технологической и институциональной модернизации экономики России в контексте современных тенденций и коллизий мирового развития.

Имея, как всякий творческий человек, свой «конек», Александр Николаевич был крупнейшим знатоком экономики Китая и энтузиастом обсуждения в СМИ, на научных форумах и в любых аудиториях тем, касающихся этой страны. Базовое инженерное образование сказалось на его искусстве экономических измерений и расчетов, опирающихся на тщательную работу с исходными данными статистического и иного рода. В то же время Александра Николаевича всегда влекли темы концептуального и методологического характера, оригинальные подходы к которым он плодотворно применял в своих работах, посвященных, в частности, межстрановым экономическим сопоставлениям. В обсуждении любых дискуссионных проблем он всегда искал новые аргументы, подкрепляющие их новые инструменты анализа и расширяющие границы обсуждения новые понятия.

Кончина А.Н. Анисимова — огромная потеря для экономической науки, для всех специалистов по экономике Китая, для коллег и друзей, работавших бок о бок с этим замечательным человеком.

Сотрудники ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать заведующей редакцией «ПДВ» Елене Александровне Лапшиной (комн. 414). Тел.: 8 (499) 124-02-15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935-01-01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131-2812

*Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.*

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Подписано к печати 30.03.2015 г. Дата выхода в свет 20 четн. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 8,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 488 экз. Зак. 27. Цена свободная.

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2015 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, «Типография «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на CD/DVD диске или USB носителе в формате Microsoft Office Word или в формате RTF с указанием имени файла и распечатками текстов в 2 интервала на русском и английском языках.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) На русск. яз.

Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

б) На кит. яз.

Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

в) На англ. яз.

Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) Из печатных изданий

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...

б) Из Интернет

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: 8 (499) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.